

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ИНФРА ДРАКОНА

*Журнальная фантастика
50-х – 60-х годов XX века*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2020**

М. АГРЕСТ, П. ГАЛКИН, М. ЧЕРНИН

ЭПСИЛОН ЭРИДАНА – ЗЕМЛЯ

Фантастический очерк

Художник Б. Власов

Журнал «Костер», № 7, 1960 г.

ЭПСИЛОН ЭРИДАНА— ЗЕМЛЯ

Советский ученый, кандидат физико-математических наук М. АгREST предполагает, что нашу планету посетили необычайные гости.

Когда это могло случиться?

Очень давно, потому что никаких достоверных сведений об этом не сохранилось. Но вместе с тем — когда человечество уже существовало. По всей вероятности, тысячи или десятки тысяч лет назад.

На чем они прилетели?

На ракете. На гигантском космическом корабле, способном развивать окосветовую скорость.

Откуда?

Из населенного мира далекой звезды. Далекой, потому что в Солнечной системе, кроме Земли, нет, видимо, планеты, на которой обитают разумные существа.

Где приземлились?

Возможно, в районе Мертвого моря, на Ближнем Востоке. Именно там найдены остатки загадочных древних сооружений.

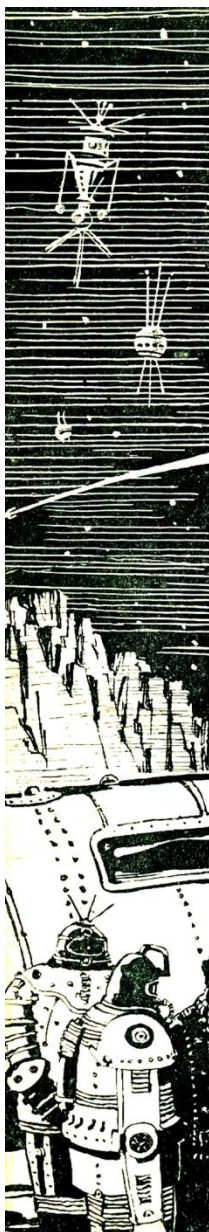
Одно такое сооружение находится в горах Антиливана, в городе Баальбеке: площадка на холме возле храмов, сложенная из каменных плит весом около двух тысяч тонн каждая. Даже сегодня на Земле не существует подъемного крана, который поднял бы такую плиту. Как же это могли сделать жители древности?

Плиты не вырублены на месте, их затащили наверх из каменоломни, с подножия холма. Одна плита до сих пор лежит внизу, будто строители внезапно бросили всё и ушли...

Может быть, гости из Космоса пожелали воздвигнуть здесь обелиск в память о себе? Может быть, они не успели построить его, а позже люди возвели на этом месте храмы?

Кстати, Баальбек когда-то назывался Гелиополисом — «Городом Солнца»... Случайно ли возникло это «космическое» название?

Есть ли еще следы их пребывания на земле?

Как будто, есть.

1. *Тектиты* — таинственные стеклообразные камни. Никто никогда не видел, чтобы они падали на Землю. А между тем радиоактивные изотопы алюминия и бериллия, обнаруженные в них, свидетельствуют, что тектиты не возникли на Земле, а попали на нее «откуда-то»: Земле несколько миллиардов лет, а тектитам — не больше нескольких миллионов.

Не могут ли тектиты быть остатками неведомых аппаратов, которыми космонавты «ощупывали» Землю, кружась над ней прежде чем опуститься? Ведь места находок тектитов опоясывают земной шар почти правильным кольцом...

2. *Памятники древнего искусства*. В пустыне Сахаре (недалеко от Антипиана!), на скалах плато Тассили французские ученые недавно обнаружили «картинную галерею». На рисунках — фигуры мужчин и женщин, зверей и птиц, охоты и танцев — и среди этих фигур — «загадочная картинка»: гигант в странной одежде, как две капли воды похожий на современный скафандр, в шлеме, напоминающем водолазный.

Возможно, это просто жрец в маске. А если нет? Где мог видеть первобытный художник такой скафандр?

3. *Древние религиозные предания*. В них говорится о сошествии на Землю «богов» или «сыновей бога», о человеке по имени Енох, который был ими взят живым на небо.

Сказки! Выдумки!

В сказках почти всегда содержится зерно истины...

4. *Древние научные трактаты*. Изучая их, иногда удивляешься: откуда в далекие-далекие времена ученые знали о некоторых вещах больше, чем было тогда возможно?

Например, около 1600 года датский астроном Тихо Браге открыл «вариацию Луны» — отклонение Луны от правильного пути, вызванное различной силой притяжения Солнца в разных точках лунной орбиты.

И вдруг оказалось, что вариация Луны описана... за полтысячелетия до Браге, в X веке, в трактате арабского астронома Абу-ль-Вефы.

У Абу-ль-Вефы не было не только точных инструментов, а даже часов со стрелками, без которых расчет движения Луны попросту немалым. И все же...

А ведь такие «несообразности» можно объяснить тем, что среди людей сохранились отголоски сведений о небе, которые передали им когда-то посланцы Космоса!..

Как узнать, действительно ли они прилетели?

Нужны поиски.

Путь первый

Одна из ближайших к Земле звезд, планеты которой, по предположению ученых, могут быть населены разумными существами, находится

в созвездии Кита и названа греческой буквой тау. Другая — в созвездии Эрида и обозначена греческой буквой эpsilon.

Американские астрономы решили попытаться поймать радиосигналы с Тау Кита и Эпсилона Эрида. Если на планетах этих звезд существует высокоразвитая наука, то ее деятели должны обратить внимание на наше Солнце точно так же, как мы обратили внимание на их звезды. И если общество разумных существ развилось там раньше, чем на Земле, то и техника у них достигла гораздо больших успехов. Может быть, канал межзвездной связи давно создан инопланетными обитателями, и они лишь ждут, когда мы «выйдем» навстречу им своими радиосигналами?

Немало пройдет времени, прежде чем будут пойманы сигналы наших братьев по разуму и — тем более — послан им ответ. Радиоволны от Тау Кита или Эпсилона Эрида идут больше одиннадцати лет...

Но когда люди Земли установят межзвездные радиосвязи, ответ на наши вопросы, несомненно, придет. Жители других миров сообщат нам по цепочке обо всех космических рейсах всех разумных существ, где бы они ни обитали...

Путь второй

Не теряя времени, искать следы гостей из Космоса у нас на Земле. Пусть историки изучат еще множество древнейших преданий — а вдруг в них сохранились гораздо более важные сведения о «посланцах неба»?

Пусть археологи займутся поисками тайников, устроенных космонавтами, — вдруг в этих тайниках и донныне хранятся ценнейшие научные сведения, оставленные нам в наследство? Может быть, эти тайники скрыты на таких глубинах под землей или под водой, до которых мы еще не сумели добраться?

Пусть физики и радиохимики исследуют загадочные памятники древности, — а их немало, начиная от колоссальных египетских пирамид и кончая таинственным столбом чистого железа в Индии, — пусть точно установят их возраст, поищут поблизости следы работы атомных двигателей...

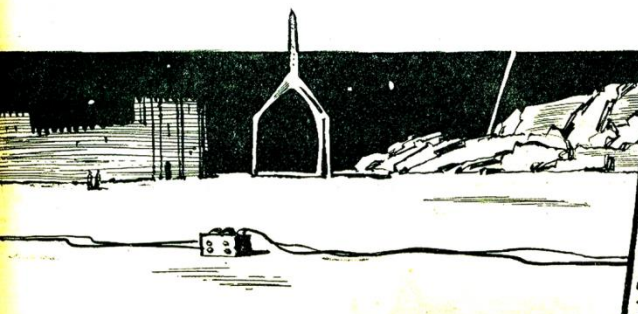
То, о чем мы рассказали, — только ничтожная крупица догадок одного человека. А если многие ученые мира сообща возьмутся за поиски?

Зачем это нужно?

Затем, чтобы еще раз доказать: нет пределов человеческому разуму!

Беседу с М. М. АгRESTOM записали П. Галкин, М. Чернин

Рисунки Б. Власова

М. РОГОВОЙ

ОДИН – ЕДИНСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Фантастический рассказ

Журнал «Простор», № 1, 1962 г.

ОДИН - ЕДИНСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Рассказ

1

В последнее мгновение Марту Фишер охватил ужас. Она хотела броситься в сторону, но автомобиль был уже рядом, и Марта поняла — это конец! Она бросилась вперед. Почти тотчас Марта почувствовала страшный удар в бок и потеряла сознание.

Она очнулась на кушетке в незнакомой комнате с темносиними обоями. На стене висела большая картина без рамы. Марта скосила глаза. На картине были изображены бескрайняя желтая пустыня и огненно-черное облако. На переднем плане нарисовано странное волосатое дерево, в глубине — красный баллон, похожий на те, в которых развозят газ. От баллона по желтой глади расходились белые ломаные линии; кое-где они пересекались. «И. Танри» — прочла Марта надпись под картиной. — «Мама, папа ранен!» — Марта решила, что у нее бред.

— Вам немного легче фрейлен? — услышала она хрипловатый голос. Марта отвела взгляд от стены и увидела склонившегося над ней немолодого мужчину в черном ко-

стюме. У мужчины были полные щеки, зеленые глаза, рыжеватые ресницы и выпуклый лоб с залысинами.

— Где я? — спросила Марта.

— У меня, — ответил мужчина и усмехнулся. От усмешки с лица его исчезло выражение обиды, которое придавали ему выпяченные губы. Под глазами собрались усталые морщины. — Я Вольфганг Бренинг, хозяин несчастного автомобиля, сбившего вас на перекрестке. Доктор только что ушел. Он сказал — ничего страшного нет. Отдохните, а когда почувствуете себя лучше, я отвезу вас домой.

Вольфганг Бренинг был рад, что у него появилось дело, которое, хотя бы на время, отвлечет его от мыслей о проклятых деньгах. Два года он готовил крах издательства «Вельтлиттератур». И вот, наконец, сегодня владельцы издательства, почти доведенные до банкротства, сами предложили ему купить у них контрольный пакет акций. Надо же случиться, что именно сейчас у него не оказалось под рукой свободных пятисот тысяч марок. Деньги нужны были как жизнь! Если пакет достанется не ему, а Гансу Зомбарту, он и года не выдержит конкуренции с «Фолькбюхер», он останется у разбитого корыта, без пфенинга в кармане. Владельцы «Вельтлиттератур» ждут ответа в пятницу. К этому времени он должен добыть нужную сумму. Но как? Бренинг не знал — и именно поэтому считал сейчас полезным немного отвлечься.

Бренинг разглядывал худенькое личико девушки с огромными, как на иконах, печальными глазами. Дорого обошлась ей его сегодняшняя рассеянность. «Сколько ей лет? Двадцать, двадцать два?»

— Доктор объяснил, что, возможно, вам придется несколько дней полежать в постели, — сказал он и, вспомнив оставленный в передней ее жакет из дешевого серого букле с разорванной при падении полкой, добавил: — Вы не беспокойтесь, все расходы на лечение и убытки я возмещу.

Марта не ответила. Она снова переживала тот ужас, когда увидела, как на нее надвигаются слепые фары малино-

вого автомобиля. Не случись чуда, она лежала бы сейчас где-то на цементной скамье в городском морге...

— Если можно, откройте окно, — попросила она.

— Пожалуйста, — Бренинг распахнул стеклянные двери на балкон.

Комнату заполнил приглушенный гул вечернего города. От легкого прикосновения ветра сдвинутые шторы бесшумно шевелились.

— Что означает эта картина? — спросила Марта и показала глазами на стену.

— Это работа знаменитого американского художника. Очень ценная. А что она означает — не знаю. Танри сюрреалист, он стремится передать на холсте душу современного человека. — Бренинг пожал плечами. — Но у нас странные души. Нам, людям второй половины двадцатого века, трудно понять друг друга.

Он протянул Марте бокал с вином.

— Выпейте несколько глотков. Подкрепитесь.

Вино было кисло-сладким и терпким. Марта охмелела.

— Спасибо, — сказала она через некоторое время. — Вы правы, люди не понимают друг друга. Каждый предоставлен самому себе. Мы одиноки, мы все страшно одиноки! Помните, у Эрнста Франка:

Измученный бредет один кочевник.

И пропасть снежная

его зовет и ждет.

Забыв об осторожности, плачевно

Над пропастью

мятущийся бредет.

— Как вас зовут?

— Марта. Марта Фишер. На картине нарисованы белые линии. Видите? Они расходятся по пустыне, как будто в разные стороны. Но нет, иногда одна из них делает неожиданный поворот и пересекает другую... Много лет назад родились вы, росли, учились. У вас была своя судьба. А потом

где-то родилась и росла я. И у меня была своя судьба. А сегодня я бросилась под ваш автомобиль.

— Значит, это был не несчастный случай?

— Нет. Но вы не захотели, чтобы я погибла.

На доме напротив включили неоновую рекламу, быстрые светло-розовые блики и темные тени понеслись по стене, по картине. В открытую дверь изредка врываются звякающие звуки далекого джаза.

«Бедная девочка», — думал Вольфганг Бренинг.

Услышав от Марты: «Все мы страшно одиноки, каждый предоставлен самому себе», — он не удивился. Он знал значительно больше — сильный пожирает слабого. Такова жизнь! Он не осуждал девушку за то, что она хотела покончить с собой. Но ему было жаль ее.

— И что дальше? — спросил Бренинг.

— Не знаю.— Она негромко процитировала:

Забывтый страх ползет под потолки.

Как чайка — ветер.

Дремлет дождь.

Ненастье.

А свечи догорают...

Мотыльки

Вокруг огня все кружатся в честь Бастер.

Проведя ладонью по лбу, Марта отбросила упавшие волосы. Левый глаз у нее чуть косил, потому что кожа на виске была стянута к глянцевитому шраму.

— Не знаю, не знаю,— снова повторила она.— Я благодарна вам за то, что осталась жить.

— Вы любите стихи Эрнста Франка?

— Да! Я сегодня не спала всею ночь. Вы, наверно, читали, что Эрнст Франк живет затворником, скрывает от всех свой адрес. Я понимаю его: он любит людей, но жизнь говорит — им нельзя верить, их нельзя любить, и он прячется, чтобы не опустошить окончательно свою душу. Но он ошибается, он ужасно ошибается! Есть люди, которые понима-

ют его. И которым он нужен. Если бы мне посчастливилось встретиться с ним, я бы припала к его ногам, я бы объяснила ему все, все, я бы рассказала ему о себе, и он бы понял, я знаю. Ночью я подумала, что смогу разыскать Эрнста Франка через фрау Бастер — вы помните, эта фамилия часто встречается в его стихах. Я едва дождалась часа, когда откроются справочные бюро. Я попросила дать мне адрес фрау или фрейлен Бастер. Мне дали четыре адреса — в городе жили четыре женщины с этой фамилией.

С замирающим сердцем я поехала к первой — она ничего не знает. Ко второй, третьей — тоже напрасно. Четвертая Бастер оказалась полусумасшедшей старухой, которая живет в одной комнате с двенадцатью кошками.

— Вот как, — с любопытством произнес Бренинг. Он снова выпятил губы. Попросил разрешения на несколько минут оставить Марту — у него дела, ему необходимо срочно позвонить.

Пройдя к себе в кабинет, Вольфганг Бренинг остановился у письменного стола. В темноте, с тумбы, на него смотрел зеленый глазок радиоприемника. Городская станция передавала репортаж с шахматного чемпионата страны. Бренинг выключил радио, его сейчас не интересовали сыгранные партии. Он сам был игрок, острокомбинационный, умеющий идти на риск, на неожиданные, ошеломляющие противника жертвы. Полем его игры была не доска, разбитая на шестьдесят четыре клетки, а сама жизнь, не признающая ничейных результатов, требующая, чтобы противнику был обязательно поставлен мат, иначе поражение запишут тебе!

Бренинг был доволен. Он знал, что найдет выход, стоит только отвлечься. Он не ошибся. Марта Фишер принесла ему счастье! Почти весь свой капитал он вложил в издание стихов Эрнста Франка. Тоненькие сборники в белых гляцевых переплетах прочно завоевали рынок, они стоят на книжных полках в каждой семье, где есть дети старше пятнадцати. Критики называют Франка выразителем дум «последованного» поколения. О нем пишут десятки статей, его

переводят на иностранные языки. Когда Вольфганг Бренинг продаст все книги Франка, он немало на них заработает. Для этого требуется время. Но Бренинг не может ждать, деньги ему нужны не позднее пятницы. Он давно уже решил, что когда интерес к Эрнсту Франку начнет падать, то, чтобы ускорить продажу остатка тиража, он раскроет инкогнито поэта. Пока нужды в этом не было, но сегодня... Бренинга удерживал риск. Конечно, раскрытие инкогнито сразу же повысит спрос на стихи Франка, и, возможно, Бренинг в несколько дней выручит необходимую сумму. Но... для этого нужно продать слишком много книг. Удастся ли? Чутье делового человека подсказывало ему, что для верного успеха не хватает еще какого-то штришка. Теперь этот штришок есть — Марта Фишер, ее романтическое преклонение перед поэтом. «Эрнст Франк без маски! Двадцатилетняя Марта Фишер считает Франка своим духовным наставником!» — как раз то, что требуется публике. Пусть Марта не сердится, Бренинг немного злоупотребит ее доверием, но она не останется в обиде, Марта будет вознаграждена сторицей.

Вольфганг Бренинг поднял телефонную трубку и набрал номер редакции «Моргеннахрихте». Потом он позвонил в «Югендблат», «Куир» и «Католише цейтунг».

Когда он возвратился в гостиную, Марта уже поднялась. Она стояла, в дверях балкона и смотрела на улицу. Бренинг подошел к девушке.

— Мне надо идти, — сказала Марта. — Я хочу извиниться перед вами за... беспокойство.— Розовые блики сейчас отражались в ее глазах. Блики, бежали по платью, высокой шее, лицу. За спиной, на полу, касаясь стены, лежала темная узкая тень.

— Нет. Подождите, — возразил Бренинг. Он замолчал, но лишь на мгновение.— Пожалуй, я смогу вас познакомить с Эрнстом Франком, фрейлен Марта. Я его издатель. Мы сможем сейчас поехать к нему, разумеется, если вы хорошо себя чувствуете.

— К Эрнсту Франку?! — Марта быстро повернула к Бренингу удивленное лицо.

За окнами автомобиля проносились яркие витрины магазинов, мигающие рекламные огни кинотеатров и ресторанов. Потом машина юркнула в туннель, проходивший под рекой. В левобережной части города огней было меньше, улицы безлюдны. На светло-синем фоне неба чернел готический шпиль церкви св. Мартина, справа темнела сорокаэтажная громада Кюльхаузе. Оставив позади пустыри, приземистые бараки форштадта, машина выбралась на автостраду Гамбург—Ганновер.

Вольфганг Бренинг вел автомобиль молча. Молчала и Марта. Со стороны никто бы не догадался, что творилось с ней. Она давно научилась скрывать свои чувства. Все, кто знали Марту, считали ее девушкой рассудительной и спокойной.

Сейчас в душе Марты совершался перелом. Впервые к ней отнеслись с живым участием. Это потрясло ее, это опровергало весь прошлый опыт. Благодарность к Вольфгангу Бренингу переполняла сердце. Сколько Марта помнила себя, она всегда была одна. Отца своего она не знала, он погиб на фронте, в Африке, когда мать ее была еще в положении. Мать тоже погибла — в страшную ночь разрушения города. Американские самолеты появились тогда с вечера, они летели, летели до рассвета. Потом писали, что их было больше тысячи. Марте в тот год едва минуло четыре, и воспоминания ее были похожи на неподвижный, моментальный фотоснимок: охваченный огнем дом, черный тротуар и лицо матери в крови и саже.

...Марта держалась прямо, не касаясь спинки сиденья. Машина мчалась по пустынной автострате; по ветровому стеклу, слева направо, ползли белые мигающие звезды. Со всем рядом прогрехотала электричка. Ее ярко освещенные окна медленно проплыли в темноте и исчезли, а гул колес еще слышен был долго.

— Через десять минут приедем, — сказал Вольфганг Бренинг.

Напоминание, что сейчас она увидит Эрнста Франка, заставило Марту подобраться еще сильнее. Кажется, счастье наконец пришло к ней. На этот раз это было настоящее счастье. Она знала! Боже, сколько ей пришлось вытерпеть. Она росла у чужих людей. Ее попрекали куском хлеба. Работа, работа, работа день за днем. И ни одного ласкового слова за все годы.

Марта познакомилась с Эрнстом Франком и Куртом Вернером в один и тот же вечер. Она восприняла это не как случайность, а как счастливое знамение; она и не предполагала, что знакомство с Куртом обернется для нее бедой. Посетителей в баре «Фрелих», в котором Марта служила официанткой, в тот вечер посетителей было особенно много, и Марта устала разносить тяжелые пивные кружки и тарелки с горячими сосисками. На угловом столике лежала позабытая кем-то тоненькая книжица в белой глянцево́й обложке. Марта без любопытства раскрыла ее. «Эрнст Франк. Новые стихи».

Ночь кажется чернее кошки этой,
Края луны расплывчатыми стали,
Неведомая радость
 рвется к свету,
О берег бьется крыльями усталыми.

Марта перевернула страницу, потом еще одну. Никогда раньше она особенно не интересовалась стихами, но эти почему-то поразили ее. Стихи были печальными и чуточку непонятными. Марта унесла книжку в гардероб и спрятала в карман пальто. «Неведомая радость рвется к свету, о берег бьется крыльями усталыми» — до чего верно! Строки стихов весь вечер приходили ей на память. Марта еле дождалась конца смены, у нее разболелась голова.

Возвращаясь домой, она зашла на Фридрихштрассе в аптеку, чтобы купить таблетки от головной боли. И здесь она встретила Курта Вернера.

Он был в белом халате и в белой шапочке. Его стройная, широкоплечая фигура, его мужественное лицо с голубыми

глазами и крепким подбородком никак не вязались с хрупкими витринами, пузырьками лекарств и таблетками в изящной упаковке.

Тем не менее, Вернер был владельцем аптеки, — Марта потом узнала. В тот вечер они обменялись всего лишь двумя фразами. Марта объяснила, что ей нужно, и Вернер ответил:

— Рекомендую вам взять пирамеин, фрейлен. Цена восемь пфенингов.

Бессонными ночами, лежа под распахнутым окном в своей крохотной комнате на шестом этаже, она потом часто вспоминала его голос — мягкий и добрый. Она читала стихи Эрнста Франка и видела голубые глаза Курта Вернера, улыбалась его привычке удивленно вскидывать светлые брови. Марта и не подозревала, что незаметно надела Курта умом и душою Франка.

Она поняла это вчера. Их бар на весь вечер арендовали солдаты бывшего 2-го полка 7-й горно-егерской дивизии — они проводили традиционную ежегодную встречу. Солдаты явились в мундирах, при орденах. Пили пиво и закусывали сосисками с капустой. Каждого вновь пришедшего встречали громкими криками.

— Курт! Жив-здоров...

Оглянувшись, Марта увидела вошедшего в зал Курта Вернера. Он был в отутюженном серо-зеленом мундире. На груди — железный крест. Курта встречали особенно громко. Он сел за один из столиков, и к нему сразу же потянулись несколько человек с кружками.

Кто-то в офицерском мундире поднялся на эстраду и произнес речь. Когда он сказал, что армии Запада располагают таким запасом атомных и водородных бомб, что в переводе на обычную взрывчатку на каждого жителя земли приходится сейчас десять тонн тротила, все зааплодировали, потом встали и торжественно запели «Хорста Весселя». Марта не могла налюбоваться Куртом. Он пел серьезно, красный от напряжения.

Когда кончили петь, она подошла к его столику с новыми кружками пива.

— За ваше здоровье, фрейлен! — крикнул Курт, принимая кружку.— Кто это вас так оцарапал? — Курт показал на висок Марты, пересеченный глянцевым шрамом. Марта потупилась.

Курт отпил глоток пива и продолжал допытываться.

— Во время бомбардировки, осколком задело, — тихо ответила Марта.— В ту ночь погибла и моя мать.

— Значит, вы жертва русской бомбы! — Курт сразу помрачнел. Пальцы его, сжимавшие кружку, побелели.— Можете быть спокойны, фрейлен. Мы им отомстим! Они еще узнают Курта Вернера,— сказал он.

— Это была американская бомба,— объяснила Марта.

— Все равно. Они все ответят нам. Мы ничего не забыли и ждем своего часа. Вы ждете часа мести?

— Я не хочу больше войны, — сказала Марта.

— Что-о? — Курт удивленно вскинул светлые брови.— Какая же вы после этого немка! — Курт встал и подозрительно уставился на Марту.— Я сразу понял — здесь что-то не то. Ее, видите ли, ранила не русская, а американская бомба! Да ты, наверно, красная шпионка. Господа, она красная шпионка. Хозяин! — заорал Курт.— Хозяин! — Курт со злостью швырнул кружку на пол. Глухо стукнув, кружка отлетела под соседний столик. В темной пенистой луже остались стеклянные осколки.

Подбежал перепуганный хозяин, вытирая толстые руки о белый фартук:

— Хозяин, до каких пор вы будете держать у себя красную шпионку? — орал Курт.

— Вы ошибаетесь, господин ефрейтор, Марта Фишер не шпионка, Она наша лучшая официантка.

— Значит, я вру?! А почему эта ваша Фишер запустила в меня пивной кружкой, когда я сказал, что мы еще отомстим русским? Вот, она видела! — Курт показал пальцем на белолицую Луизу, вторую официантку.

Хозяин загнанно посмотрел на девушек и Курта:

— Подтверди! — крикнул Курт, повернув багровое лицо к Луизе. — Ну?!

— Да, это правда, — пролепетала насмерть перепуганная официантка.

— Ну, если так... Прошу прощения, господин ефрейтор. Если так, тогда другое дело, — извиняющимся голосом сказал хозяин.

Марта не спала всю ночь. Только под утро она отложила книгу Франка. Ей наконец открылся сокровенный смысл его стихов. Как он понимал людей, их жестокость, их равнодушные. Как он был одинок. Марта, наверно, еще ночью покончила бы с собой, если бы не внезапная догадка насчет Бастера, не надежда разыскать Эрнста Франка...

— Вот мы и прибыли, — сообщил Вольфганг.

Зашуршав шинами, автомобиль проехал ворота, обогнул клумбу и остановился возле подъезда с белыми колоннами. Неподалеку уже стояли два «Оппеля», «Форд» и «Фольксваген». «Оперативные люди в редакциях», — подумал Бренинг. И еще он подумал: сразу ли вести Марту к Эрнсту Франку, или лучше сначала самому поговорить с корреспондентами? Он решил сначала поговорить.

3

Вольфганг Бренинг оставил Марту в маленькой комнате, он сказал, что сейчас возвратится.

Марта сидела на стуле, положив руки на колени. Окно было открыто, в саду громко щелкала какая-то пичуга. Марта выросла в городе, она не умела узнавать птиц по их пению. Она многого еще в жизни не умела и не знала!

Марта думала об Эрнсте Франке. Какой он? По стихам его трудно было представить. Порой он казался ей похожим на отца — седым и мудрым. К его груди хотелось прижаться и замереть, чувствовать себя совсем маленькой. Но чаще она представляла Франка своим ровесником — может быть, чуточку на год, на два, старше ее — потому что иначе как мог он так хорошо понять ее душу и рассказать о ней!

Она уверяла себя, что ей все равно — молодой он или старый, но втайне Марта желала, чтобы Франк оказался мо-

лодым и красивым. Она готова была не только выслушивать его мудрые советы, как ей жить дальше. Марте хотелось краснеть, глядя в его печальные глаза, ей хотелось испытывать ужас от того, что занимает дыхание и перестает биться сердце.

Марта расскажет ему все. И о том, как в детстве, ютясь на кухне, у чужих людей, она плакала ночами, звала свою мать, и о том, как уже взрослой девушкой она мечтала о любви, просто об участливом слове. Как необходимо ей было знать: кто-то понял ее, чувствовать — она кому-то нужна, хотя бы одному-единственному человеку на земле. Она расскажет Франку и о той страшной минуте, когда совсем рядом увидела слепые фары малинового автомобиля, и как до последней клеточки вдруг ощутила — ей хочется жить!

— Фрейлен Марта, вы готовы? — в комнату вошел Вольфганг Бренинг. — Мы можем пройти к Франку.

Марта поднялась и, сдерживая дыхание, чтобы как-то скрыть волнение, направилась к двери.

Они миновали коридор и вошли в просторный, светлый зал. Марта удивилась — в зале были люди, человек десять. У ближней стены высилось непонятное серое сооружение, похожее на огромный шкаф. Неподалеку от него стоял щит, тоже серый, с множеством лампочек и разноцветных проводов. Между «шкафом» и щитом видна была черная штора, за нею, наверно, скрывалась дверь. «Кто же из них Эрнст Франк?» — подумала Марта, всматриваясь в собравшихся мужчин. По напряженно-нетерпеливым лицам, блокнотам и фотоаппаратам она почти сразу догадалась, что Франка среди них нет, и кинула взгляд в сторону черной шторы, ожидая, что он сейчас войдет. Марта совсем не предполагала, что ее знакомство с Франком будет на людях.

— Господа,— громко объявил Вольфганг Бренинг, выходя на середину зала.— Долгое время знаменитый поэт Эрнст Франк держался инкогнито. Теперь вы знаете его. Сейчас я познакомлю с Эрнстом Франком одну из его многочисленных читательниц. Для нее Франк давно уже стал

духовным наставником. Прошу вас, фрейлен Марта, знакомьтесь.

Вольфганг Бренинг сделал широкий жест рукой. Марта быстро повернула голову, уверенная, что Бренинг показывает на дверь, задернутую шторой. Но Бренинг показывал на «шкаф».

— Знакомьтесь. Кибернетическая машина «ИВН-7», пишущая стихи. Известная широкой публике под именем «поэт Эрнст Франк».

— Что вы сказали? — негромко переспросила Марта.

— Я сказал — кибернетическая машина «ИВН-7», пишущая стихи.

— Она написала «Балладу о Бастер»¹⁾

— Она.

— И стихотворение «Кочевник» тоже она написала?

— И стихотворение «Кочевник» написала. И «Ночь», и «Огни города» она написала, — довольно улыбаясь, ответил Бренинг. — Куда же вы, фрейлен Марта? Не уходите, эти господа хотят поговорить с вами.

Седой Фриц Гаммер, корреспондент «Моргеннахрихте», стоявший возле двери, быстро нагнулся к своему коллеге, фотокорреспонденту Генриху Зиберу, и зашептал на ухо, показывая глазами на приближающуюся Марту.

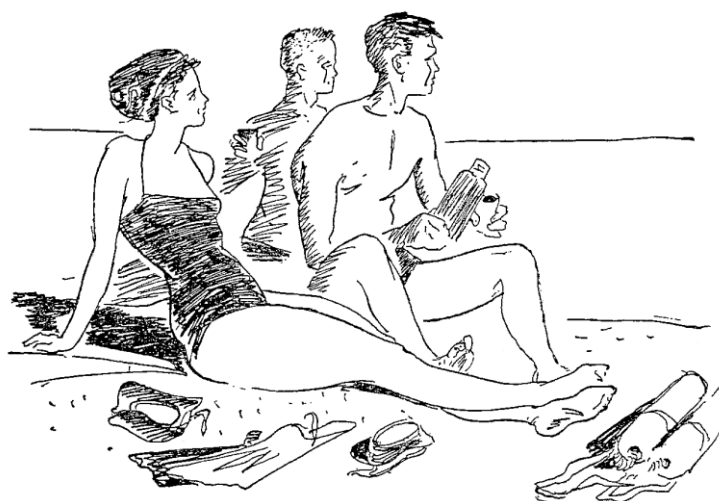
— Отправляйся за ней, не упускай из виду. Если все это не ловкая комедия, разыгранная специально для нас рыжим Бренингом, тебе сегодня удастся сделать редкий снимок, девчонка непременно бросится в реку.

— Фрейлен Марта? Куда же вы, куда?! — кричал Бренинг.

Утренние газеты вышли с сенсационными заголовками: «Эрнст Франк без маски! Двадцатилетняя Марта Фишер считает Франка своим духовным наставником! Марта Фишер покончила жизнь самоубийством!..»

Вольфганг Бренинг получил свои пятьсот тысяч марок.

1) Стихи, приведенные в рассказе, действительно, написаны электронной вычислительной машиной.

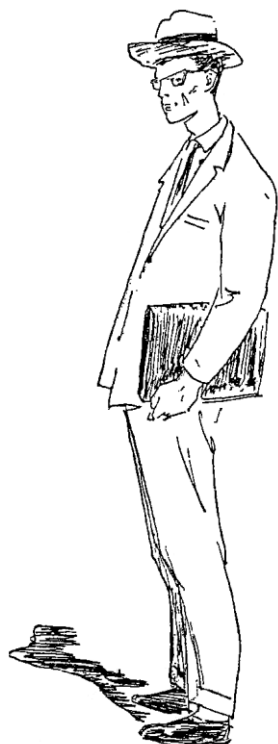

Э. ПОТАСКУЕВ

КРАСНАЯ БАРРАКУДА

Фантастический рассказ

Художник С. Киприн

КРАСНАЯ БАРРАКУДА

Э. ПОТАСКУЕВ

Рисунки С. Киприна

Он пришел к нам во время тренировки. Мы только что вылезли на берег и пили горячий чай из термоса. Он с уважением посмотрел на акваланги, потрогал пальцем мокрые ласты и задал вопрос, который обычно задают все:

— Здесь глубоко?

Узнав, что глубина не превышает пяти метров, как все, разочаровался.

— А скажите, это очень трудно — нырять с аквалангом?

Володя Горелов приготовился прочесть коротенькую лекцию об основах подводного спорта и только открыл рот, как в разговор вмешалась Наташа. Сегодня Наташа была не в духе. Получить удовольствие от разговора с Наткой, когда она сердита, может только глухой. Неприятные вещи она говорит, мило улыбаясь, и смотрит на вас, как на самого дорогого человека.

— Очень легко, — любезно ответила Натка незнакомцу, — если сразу же не утонете. Но люди вашей комплекции тонут при первом погружении. Иногда, впрочем, их успевают спасти.

— Любопытно.

Посетитель поправил очки. Он был еще далеко не старый, но сутулился. Серая шляпа сидела на голове как-то боком, в руках он держал толстую папку. Взгляд был застенчивый и усталый.

— И все же, нельзя ли мне у вас немного потренироваться?

— Видите ли, вода сегодня холодная. Искать в ней утопленников — удовольствие маленькое.

— Перестань, — перебил я Натку. — Вы не обращайте внимания.

— Нет, ничего. Право, все это очень интересно. И все-таки, я хотел бы немного потренироваться. Плавать я умею.

Володя Горелов объяснил, что для вступления в секцию подводного спорта одного умения плавать мало. Нужно пройти медицинскую комиссию и ряд испытаний.

Узнав это, незнакомец очень огорчился. Он, оказывается, не мог ждать.

Мне стало жалко его. Застенчивые и робкие люди почему-то всегда вызывают во мне симпатию. Я отозвал его и негромко сказал, что могу помочь.

У незнакомца сразу запотели очки.

— Вы серьезно? Большое спасибо! Меня зовут Николай Петухов.

Я назвал себя.

Мы не стали откладывать дело в долгий ящик и договорились встретиться сегодня же.

— Часов в девять вечера вы свободны? — озабоченно спросил Петухов. — Раньше никак не могу. И скажите, друзья, пожалуйста, где купить маску и эти... как там называется?

Я объяснил. Петухов посмотрел на часы, пожал мне руку, вежливо улыбнулся Наташе, поклонился остальным и торопливо зашагал от причала.

Вечером мы встретились возле водной станции. Под мышкой Петухов держал большой пакет с ластами и маской. Маска то и дело норовила вывалиться, и Петухов нервничал.

— Я боялся, что вы не придете, — признался он. — Давайте приступим.

Несмотря на застенчивость, Петухов был очень деятельным человеком. Он ни минуты не мог просидеть просто так.

Я спросил, где он работает.

— На заводе пластмасс. Я химик. А вы металлург? Напрасно. Пластмассы скоро вытеснят металлы, — уверенно заявил Петухов. — Совершенно вытеснят. Металлургия, знаете, уже устарела. Ей тысячи лет, и она вся в прошлом. Будущее принадлежит химикам.

Мы поспорили. Я сказал, что металлургия только начинается. Когда нам удастся довести прочность металлов до теоретической, о пластмассах все забудут. Громадные нескрушимые башни будут ткать из железной паутины. Самолеты и спутники станут изготавливать из листов алюминия не толще газетной бумаги. Можно будет выпускать ботинки с металлической подошвой, легкой, как пробка.

Может быть, я переборщил, но металлургию в обиду не дал. Петухов тоже не сдавался. Заводской гудок напомнил нам о времени.

— Уже десять, — спохватился Петухов. — Давайте приступим.

Я объяснил ему, как обращаться с ластами и маской, и продемонстрировал это сперва на суше, потом в воде. Петухов робко заметил:

— В теории мне все ясно. Я кое-что читал о подводном спорте. Мне бы практически... хоть самую малость.

Мое предложение поплавать сперва с одними ластами он отверг категорически. Ему необходимо было научиться плавать в полном снаряжении. С первого раза.

Проплыв метра два, он захлебнулся: в трубку попала вода. Петухов мигом сорвал маску, закашлялся и выразил намерение пойти ко дну. Ласты, вместо того чтобы помогать ему плыть, тянули вниз.

— Я думал, все это легче, — виновато улыбнулся химик, когда я вытащил его на плот. — Вы не возражаете, если я еще раз попробую?

Такая настойчивость мне понравилась. Он захлебывался еще два раза, но упрямо лез в

воду. Наконец сказал, что на сегодня хватит. Мы стали одеваться...

— Понимаете, — очень серьезно сказал Петухов, — мне бы немного техникой овладеть. Как можно быстрее. Через неделю у вас соревнования? Хотелось бы выступить...

Я вытаращил глаза.

На следующий день, когда рассказал эту историю ребятам, меня подняли на смех.

— Новая школа подводного плавания! — веселилась Натка. — Принимаются топоры, утюги и валенки! Милый мой, утопишь ты его, — отвечать придется. Он запаха воды боится.

Мне стало обидно за Петухова. Что за манера у Натки! Совершенно не знает человека, а наговорит, что угодно. Видимо, я вспылil, или просто эта мысль все время вертелась у меня в уме, но только я ляпнул:

— Погодите, на соревнованиях он еще покажет себя!

В ответ раздался такой громкий хохот, что будь окна в раздевалке закрытыми, пришлось бы вставлять новые стекла. Я раскипятился еще больше и, чувствуя, что говорю несусветную ерунду, все-таки заявил:

— Если он не обставит вас, как новорожденных утят, можете выгнать меня из секции в шею!

После этого мне оставалось только идти домой и наедине поразмыслить, до чего доводит человека горячность.

По логике вещей, конечно, полагалось рассердиться на Петухова. Ведь это из-за него я влип в такую глупую историю. Но когда он вечером явился на водную станцию усталый, с темными кругами у глаз, и я увидел его добрую, застенчивую улыбку, злость моя сразу прошла.

В этот раз Петухов выглядел вялым, и плавал без особой охоты.

— Устал, — объяснил химик. — Пускаем новый цех ионообменных смол. Да и, кроме этого, дел по горло.

Я спросил, на самом ли деле он собирается выступать на соревнованиях или пошутил. Петухов оживился.

— Обязательно! Я уже договорился в городском комитете физкультуры и в совете ДОСААФ. Из совнархоза должна приехать экспертная комиссия.

Он устало потянулся и хрустнул суставами.

— Эх, закончим все, — и в отпуск поеду. К Черному морю. Займусь подводной охотой.

Я смотрел на его щуплое тело; и мне очень хотелось, чтобы совершилось чудо. Тогда бы я мог спокойно глядеть в глаза ребятам и этой язве Натке. Но чудес на свете не бывает.

— Завтра, наверное, не смогу прийти, — сказал Петухов. — Если будет время, позвоню...

Он не позвонил. Я увидел химика только в день соревнований.

Над водной станцией морского клуба весело трепыхались флаги расцвечивания. Из трех мощных динамиков на весь пруд гремели то голос главного судьи соревнований, то музыка. На трибунах, на лестницах и даже на плотках толкались болельщики. Между ними сновали участники соревнований. Их легко было узнать по резиновым шапочкам и взволнованным лицам.

К нам подлетела Натка. Глаза ее сияли ужасом и восторгом.

— Ну, братцы, держитесь! Лучше гибель, но со славой. Операторы кино прибыли. Будут снимать для хроники. И с ними куча толстых дяденек, все в шляпах, в галстуках, лысины платками вытирают и спрашивают, скоро ли начнется!

Она обернулась ко мне.

— А твой чемпион вокруг них крутится. Тощий-претощий, глаза горят, смотреть страшно. Иди, он тебя ищет.

Сердце у меня упало. Я-то надеялся, что Петухов не придет, и вся история сама собой забудется.

Но Петухов стоял на плоту. Его обступили плотным кольцом. Протолкавшись поближе, я понял, в чем дело. Петухов был облачен в резиновый плавательный костюм ярко-красного цвета. Гидрокостюма такой жизнерадостной рас-

цветки и такой странной конструкции я еще ни разу не видел. Капюшон опускался на плечи широким колоколом, и со стороны казалось, что голова у Петухова имеет форму треугольника. Держался Николай с большим достоинством. Болельщики и подводники смотрели на него, открыв рты от изумления. В задних рядах переговаривались, что прибыл не то сам капитан Кусто, не то чемпион мира по подводной охоте.

Петухов шагнул мне навстречу, и толпа перед ним почтительно расступилась. Петухов радостно заулыбался и пожал мне руку.

— Знаете, совершенно не было времени, — пожаловался он. — Придется выступать почти без тренировки.

— Где вы взяли этот костюм? — мрачно спросил я.

Петухов оживился.

— Самодельный. Нравится?

— Лучше снимите, а то похоже на балаган.

Петухов обиделся.

— Если б вы знали, каких трудов он стоил, вы бы так не говорили. И притом, вода сегодня холодная. Лучше посоветуйте, как держаться на дистанции в пятьсот метров. Так далеко в ластах мне еще не приходилось плавать.

Я увидел ехидную физиономию Натки.

Меня охватило равнодушие ко всему на свете.

— Придется плыть без очков, и я боюсь заблудиться, поплыть не в ту сторону, — тревожился Петухов.

Я пожал плечами и предложил ему держаться за ластами переднего. Мне совсем не хотелось смотреть на финал этой трагикомедии, и я ушел в раздевалку.

Но когда объявили второй заплыв, не выдержал и вылез на трибуну.

Внимание зрителей было устремлено на Петухова.

— Сейчас он покажет класс, — уверенно заявил какой-то теоретик подводного спорта. — У него итальянский плавательный костюм типа «Красная барракуда». Смотрите, смотрите, его для кино снимают!

По рядам пронесся восторженный ропот.

Хлопнул стартовый пистолет. За пловцами потянулись пенистые дорожки. Дыхательные трубки резали воду, как маленькие перископы.

А Петухов? Петухов неловко прыгнул в воду и зашлепал ластами. Я отвернулся.

— Давай! Ура! — весело кричали болельщики. — Барракуда! Охотник за лягушками, жми!

Мальчишки презрительно свистели.

За Петуховым у внешнего края бассейна шла лодка с кинооператором. Второй оператор целился камерой в Петухова с вышки для прыжков. То ли они все еще принимали его за бывшего чемпиона, то ли его красный костюм был очень фотогеничен.

Трибуны замолчали. Я посмотрел на воду. Безобразно шлепая ластами и неуклюже загребая руками, Петухов, однако, догонял вырвавшихся вперед пловцов. Расстояние сокращалось быстро. Петухов одного за другим обошел своих противников. Оставался только чемпион прошлого года Володи Горелов. Он вырвался далеко вперед. Видимо, Горелов очень удивился, когда увидел рядом что-то напоминающее красного тюленя. Он сделал рывок, но оторваться от Петухова оказалось невозможно. «Красная барракуда» упрямо плыла рядом, то чуть отставая, то чуть уходя вперед. Горелов развил такой темп, что спортсмены, ожидавшие своей очереди, тревожно зашумели.

— Надолго его не хватит, — пророчески изрек теоретик подводного спорта. — Это не стометровка.

Действительно, чем ближе подходили пловцы к финишу, тем медленнее взлетали над водой руки. Петухов, тот вообще уже еле работал руками. Но от Горелова не отставал. К финишу он пришел даже на две сотых раньше чемпионки.

Когда Петухов выбрался на плот, его мотало из стороны в сторону. Сразу же пловца окружили солидные люди неспортивного вида — в галстуках и шляпах. Среди них я узнал главного инженера завода пластмасс. Меня тоже окружили и засыпали вопросами.

— Ты знаешь этого парня? Он мастер спорта?

Что я мог ответить? Подошла Натка. Она была потрясена.

— Это что-то невероятное! При полном отсутствии техники!..

Петухов встретил меня широкой счастливой улыбкой.

— Ну как?

Я пожал плечами. Загадочность этой истории уже начала раздражать.

— То-то, — хитро подмигнул Петухов. — А вы думали, что я сумасшедший? У меня к вам просьба. Понимаете, нужно пронырнуть сорок метров и пройти по компасу с ак-валангом пятьсот. На это уже я никак не способен. Вы не выполните за меня эти упражнения?

— То есть как за вас?!

Все-таки к чудачествам Петухова трудно привыкнуть. Я хотел сказать ему о спортивной этике, но просьбу Петухова поддержали солидные товарищи в шляпах и даже... судейская коллегия. И я пронырнул вместо Петухова сорок метров под водой и показал время, которому мог позавидовать

чемпион мира. Пятьсот метров с аквалангом я прошел со скоростью пятнадцать километров в час.

Красный костюм я снял с сожалением. В нем я согласился бы выступать за кого угодно, и в первую очередь, за самого себя. Я прошёл в нем две дистанции, но секрета костюма так и не понял. Моторчика с гребным винтом у него, конечно, не было. Был костюм тяжел и неудобен на суше. Но стоило очутиться в воде, как тело приобретало изумительную легкость. Слабое движение ластой посылало пловца далеко вперед.

«Красную барракуду» бережно свернули и уложили в специальный чемодан. Главный инженер завода пластмасс спросил, какого я мнения о костюме. Я ответил, что это очень здорово, но совершенно непонятно. Кинооператоры ухмыльнулись и сняли мое растерянное лицо крупным планом. Не думаю, что в этот момент я выглядел очень умным. А к Петухову пробиться было невозможно. Его поздравляли, хлопали по плечу, жали руки.

Вечером, когда мы с Наткой собирались в кино, неожиданно появился Петухов. Под мышкой он держал сверток с ластами и маской.

— Вам они нравятся, а мне пока не нужны. До отпуска далеко еще. Вот когда сдадим все, поеду на Черное море и займусь подводной охотой.

Он вздохнул.

Я поблагодарил за подарок и потребовал объяснить в конце концов всю историю с костюмом. Петухов спохватился.

— Ах да, я ведь ничего не рассказывал.

— Вот именно, — не удержался я.

— Видите ли, ученые мужи давно заметили, что рыбы и морские млекопитающие, дельфины например, самым наглым образом нарушают незыблемые законы механики. Они плавают гораздо быстрее, чем им полагается. Вода оказывает им меньше сопротивления, чем любому другому телу, даже идеально обтекаемой формы. Дело в том, что все тела в воде, воздухе, короче говоря, в плотной среде, когда

движутся, вызывают вокруг себя завихрения. Эти самые завихрения очень снижают скорость. А у рыб и дельфинов таких завихрений не возникает. Удалось выяснить, почему гасятся завихрения у дельфинов. Все дело оказалось в особом устройстве шкуры и в подкожном жире. Нам удалось создать пластмассу с такими свойствами.

— Это же замечательно! — воскликнула Натка.

Я вполне разделял ее восторг. Но меня интересовал и другой вопрос: зачем Петухову понадобилось нас разыгрывать?

Он смутился, стал протирать очки и, наконец, объяснил:

— Еще ничего не было известно. Пластмасса прошла только лабораторные испытания. Многие в нее не верили. Моря у нас нет, кораблей тоже, вот мы и решили, что помочь нам может подводный спорт. Но вы так меня встретили... — он покосился на Натку. Та покраснела и опустила глаза. — Вы так встретили, что мне захотелось чуточку пошутить. Но это так, между делом. Главное, я сам хотел удостовериться в свойствах новой пластмассы. И когда я обошел Горелова, понял, наконец, что мы победили.

— Это было поразительно! — сказал я.

— А какой переворот в морской технике произведет петуховская пластмасса!

— Не моя, а наша, — поправил Петухов. — Я не один работал. Переворота она, может быть, и не произведет, но польза будет. Можно уменьшить и вес, и мощность судовых двигателей, а скорость кораблей возрастет. Глубинные батискафы будут сверлить воду, как торпеды. Космическим ракетам, самолетам будет легче пробивать слои атмосферы. Да разве сейчас можно все предвидеть!

Испугавшись, что увлекся, Петухов поспешно добавил:

— Но все это в ближайшем будущем, друзья. Работы еще много.

Он посмотрел на часы и заторопился. Времени ему, как всегда, не хватало.

* * * * *

А. КОЛПАКОВ

ЦЕНА МИЛЛИСЕКУНДЫ

Научно-фантастическая повесть

Художник М. Сапожников

(НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ)

А. КОЛПАКОВ

Рис. М. САПОЖНИКОВА

«Если звездоплаватели на момент потеряют из виду Солнце, то разыскание пути назад станет неразрешимой навигационной задачей».

Т. Агсъян, «Звездная Вселенная»

Кэмпбелл оставил недопитый стакан виски и медленно обвел глазами просторный зал бара «Грезы астронавта». В облаках табачного дыма проступали разгоряченные лица людей, занимавших столики в дальнем углу. Оттуда неслись выкрики и топот множества ног; под звуки электронного джаза астролетчики отплясывали популярный фокстрот «Крошка Мэри в космосе».

— Люди Джексона празднуют свое благополучное возвращение, — сказал Джек Хоу в ответ на вопросительный взгляд Кэмпбелла. — Они едва нашли обратную дорогу к Солнцу из-за неполадок в следящей системе корабля. Далеко нам до Советов. Их ребята летают по маршрутам, которые нам и не снятся. И всегда возвращаются. А у нас... Никто заранее не знает, как обернется дело на этом проклятом маршруте.

Хоу сделал паузу, потом тихо произнес:

— Насколько помнится, Джексон в свое время просил правление поставить астролет на ремонт, но босс только обругал его. Жизнь астронавта для них дешевле спички. Пора положить этому конец.

— Чему положить конец? — спросил Кэмпбелл и оглянулся: нет ли поблизости одного из бесчисленных осведомителей концерна.

— Диктатуре монополий, — пояснил Джек. — Если ты следить за жизнью, то должен знать, что мы живем в музее древностей.

— Эх, Джек. Пусть с монополиями дерется кто-нибудь другой, а не я. Самое верное дело — зарабатывать доллары. Их нужно иметь как можно больше, и мы будем их иметь после этого рейса.

Хоу мрачно усмехнулся. «Парень еще совсем сырой», — заключил он и с ожесточением бросил в пепельницу потухшую сигару.

Только вчера они с Кэмпбеллом прибыли сюда, на Центральный космодром Аляски, со второго спутника Юпитера-Ио, где находилась станция межзвездных ракет компании «Космик бизнес». На спутнике готовился к своему первому рейсу по загадочному маршруту «МРЗ-17» один из двадцати трех астролетов компании. Командовал астролетом Джек Хоу. Кэмпбелл являлся штатным инженером-кибернетиком корабля. На его совести лежало сложное электронное хозяйство ракеты.

— Я бы отложил полет, — сказал Хоу. — При последней проверке мне показалось, что одна из электронных цепей, обслуживающих следящий телескоп, просчитывает свою функцию недостаточно быстро. Но какая именно — сказать трудно...

Последние слова Хоу встревожили Кэмпбелла.

— Может быть, тебе просто показалось? — заметил он.

— Не думаю. Цезиевые часы не ошибаются. Они ясно отметили замедление скорости отсчета на одну миллисекунду. Как ты думаешь, это опасно?

— Еще не знаю, — неуверенно ответил Кэмпбелл. — Все зависит от того, насколько корабль удалится от Солнца. Чем дальше мы уйдем, тем безупречнее должна работать система, определяющая местонахождение корабля да вселенной. А сколько парсеков до конечной остановки?

— Протяженность проклятого маршрута? — переспросил Хоу. — Один дьявол знает. Ребята с «МРЗ-9», которые летали туда, понятия не имеют о маршруте. Они рассказывали, что перед стартом из правления прибыл доверенный босса и привез программу траектории. Одни голые цифры... Кибернетик закладывает программу в электронный мозг, а штурману остается лишь тщательно соблюдать режим полета.

Кэмпбелл молча допил виски.

— На твоём месте я проверил бы электронную машину и вообще следящую систему, — озабоченно закончил Джек.

— Хорошо, я проверю, — согласился кибернетик.

Джек Хоу некоторое время размышлял. Потом внимательно посмотрел в глубоко ушедшие под брови темные глаза Кэмпбелла и добавил:

— Пойду, поговорю с боссом. Попробую убедить его в необходимости проверки системы.

Провожая взглядом высокую грузную фигуру Джека, Кэмпбелл не заметил, как к нему подсел незнакомый человек, он был безукоризненно одет, в зубах дымилась дорогая сигара, а глаза настороженно ощупывали кибернетика.

— Ты, кажется, недавно поступил на службу в «Космик бизнес»? — вполголоса обратился человек к Кэмпбеллу.

Кэмпбелл с удивлением посмотрел на незнакомца, пытаясь поймать его ускользающий взгляд:

— Ты меня знаешь?

Человек уклонился от ответа и крикнул бармену:

— Эй, Моран! Рому!

Кэмпбелл пить отказался. Человек не обиделся, отхлебнул глоток и сказал:

— Будем говорить начистоту. Я работаю физиком у Сэндиджа. Слышал о нем?

Сэндидж — глава второго по могуществу после «Космик бизнес» концерна, который обслуживал трассы внутри солнечной системы. Это было известно всем. Но Кэмпбелл знал также и то, что концерны вели многолетнюю ожесточенную войну за монополию в космосе. «Что ему от меня надо?» — подумал кибернетик и насторожился.

— Так вот... — продолжал человек. — Признайся, что тебе, как и многим другим, не улыбается ради куска хлеба рисковать жизнью. Каждый полет вне системы — это игра с огнем. Пятьдесят шансов на пятьдесят вернуться на Землю или попасть в рай. И все равно столько желающих! Работу сейчас трудно найти даже в космосе...

— Ты о чем все-таки? — в упор спросил его Кэмпбелл.

Слова человека вызвали в памяти кибернетика безрадостные картины недавнего прошлого: восемнадцать месяцев без работы, полуголодное существование, бесконечные отказы везде... Перед воротами космопортов стояли толпы астронавтов. Он получил работу совершенно случайно, встретив Джека Хоу, который оказался его земляком из Арканзаса.

— Сэндидж умеет хорошо платить за услуги. Миллион долларов наличными и пакет акций концерна за тайну нейтрино-маршрута, — неожиданно предложил «физик».

Изумленный Кэмпбелл машинально выпил полный стакан рому. А человек настойчиво продолжал:

— Ты думаешь, игра не стоит свеч?...

— За что Сэндидж собирается платить мне? — перебил его Кэмпбелл. — Что за нейтрино-маршрут? Мне он неизвестен.

Человек подсел ближе, перешел на доверительный тон:

— Разве ты не слышал о нейтрино-материи? Я скажу... но это должно остаться между нами.

Кэмпбелл невольно поежился под холодным взглядом

только что улыбавшегося «физика». «Встать и уйти, пока не поздно?» — мелькнула у него мысль. Но пробудившееся любопытство удержало кибернетика на месте.

— Буду молчать, — сказал Кэмпбелл, — говори...

Тогда человек придвинулся к нему вплотную.

— Нейтрино-маршрут — это дорога, по которой пойдет через неделю ваш МРЗ... Сэндидж дорого дал бы, чтобы узнать, куда вы летите и где находится та планета, с которой «Космик бизнес» привез первую партию нейтрино-материи. Это удивительное вещество совершит величайшую революцию в энергетике. Нейтрино-материя является гигантским аккумулятором энергии. При распаде в определенных условиях один килограмм этой материи выделяет столько же энергии, сколько ее вырабатывают все электростанции Штатов в течение полугода! Нейтриновые генераторы позволяют передавать энергию не только во все уголки земного шара, но и на любую планету системы. Кто накопит достаточно запасов нейтрино-материи, тот станет властелином мира! Вот почему «Космик бизнес» гонит один астролет за другим в дебри космоса.

...Сэндидж хочет лишь восстановить справедливость: в свое время «Космик бизнес» вырвала нейтрино-материю у него из рук. Шестьдесят два года тому назад астролет Сэндиджа-старшего, посланный в обычную межзвездную разведку, нашел в космосе залежи этой материи. Все было бы хорошо, но экипажу не хватило энергии на обратный путь...

Подлетев к системе, они не смогли даже дотянуть до базы Сэндиджа-сына (старик к этому времени успел умереть) и еле-еле доползли до Тритона, где находилась межзвездная станция «Космик бизнес»... Об остальном можно лишь догадываться. Сэндидж успел получить краткое сообщение Питера Таунсенда, командира астролета: «Возвращаюсь к Земле. Нашел нейтрино-материю... Кончились запасы энергии. Сел на базу «Космик бизнес». О местонахождении залежей нейтрино-материи сообщу лично».

...И все! — человек Сэндиджа стукнул по столу. — На этом передача прервалась! Больше никогда никто не слы-

шал об астролете Таунсенда! Нам-то ясно, что это дело рук боссов из «Космик бизнес». Питками или подкупом они вывели у ребят местонахождение нейтрино-материи, а потом прикончили их.

— Но ведь это уголовное дело! — воскликнул Кэмпбелл.

— Сэндидж возбуждал судебное дело против «Космик бизнес», — медленно произнес «физик», — но ничего не добился. Никаких улик!.. Космическая полиция не обнаружила на Тритоне ни одного гвоздя от астролета Таунсенда, не говоря уже о самих астролетчиках. Вероятно, убитых вместе с астролетом пустили в бесконечное путешествие. Попробуй, найди их теперь в космосе...

Перед глазами Кэмпбелла почти зримо возникло видение мертвого астролета, вечно блуждающего в мировом пространстве.

— Неважно, что ты не знаешь нейтрино-маршрут, — продолжал «физик». — Его мало кто знает. Может быть, три-четыре человека... Зато ты получишь от «Космик бизнес» электронную программу маршрута. По нашей инструкции, которую мы разрабатывали свыше двадцати лет, можно расшифровать программу в ходе полета. Если шаг за шагом в течение всего путешествия изучать работу электронных схем следящего телескопа, то маршрут будет неизбежно разгадан. А по возвращении оттуда ты станешь миллионером. Ну, договорились?

Буря противоречивых чувств поднялась в душе Кэмпбелла. Соблазн был велик... Собственно говоря, он ничего плохого не сделает, особенно если вспомнить, что боссы «Космик бизнес» убили ни в чем не повинных ребят Таунсенда. А он никого не хочет убивать. Что же касается судебного долга перед компанией, то...

— Я согласен, — сказал Кэмпбелл.

— Подробнее поговорим завтра, — добавил на прощание «физик» и исчез так же незаметно, как появился.

Возвращаясь в космопорт, Кэмпбелл встретил мрачного Хоу.

— Ну, что сказал босс? — спросил он астронавта.

— Дело дрянь, — ответил Джек. — Босс не стал даже слушать меня, когда узнал, что для проверки электронных цепей потребуется полгода. «Хоть я и знаю тебя давно, ты все же болван, Джек, — сказал он мне. — Плетешь чушь о какой-то миллисекунде. Мы не имеем права срывать железный график перевозок на этом маршруте. Простой даже одного астролета обойдется компании слишком дорого». Вот что ответил Дэвис...

* * *

Экипаж «МРЗ-17» прибыл на Ио за два дня до отлета. Все это время было потрачено на последние приготовления. Джек Хоу еще и еще раз скрупулезно проверял работу главных узлов, приборов и систем. Особенно долго задержался он возле следящего телескопа, так что Анабелла даже пошутила:

— Если ты хочешь стать астрономом, то немного опоздал. Я не собираюсь уступать своего места.

Джеку Хоу давно нравилась эта девушка с задорными серыми глазами — с тех пор, как он впервые увидел ее на заседании забастовочного комитета рабочих и служащих Ракетного комбината, обслуживавшего Аляскинский космопорт. Джеку запомнилось выразительное лицо Анабеллы, характерное резкое движение маленькой смуглой руки, время от времени поправлявшей сползающую на глаза каштановую прядь.

После собрания Джек вместе с Анабеллой тихими переулками пробирался в космопорт, избегая встреч с полицейскими постами. С волнением он ощущал в своей ладони пальцы девушки, когда приходилось изображать влюбленную пару, чтобы усыпить бдительность стражей порта. С тех пор они работали вместе.

— Хорошо, я полагаюсь на тебя, — пробормотал он и вышел из отсека.

Забравшись в чашу электронных цепей, Кэмпбелл ревниво прислушивался к разговору. Ему тоже нравилась Анабелла. Он был почти уверен в том, что она отвечает ему взаимностью, потому что иногда перехватывал на себя внимательный взгляд девушки. Кибернетик не подозревал, что Анабелла просто изучала его, чтобы начать свою работу среди экипажа. Кэмпбеллу казалось, что не будь Джека Хоу, который подозрительно часто торчит возле Анабеллы, он давно бы сблизился с нею.

Кэмпбелл с раздражением защелкал переключателями электронного автомата. Воровато пробегая глазами строчки инструкции, переданной агентом Сэндиджа, он кропотливо подбирал комбинации наивыгоднейшего включения транзисторов, которые облегчили бы задачу расшифровки. Кэмпбелл нервничал, и незаметно для себя разрегулировал следящую систему. Случайно обратив внимание на стрелки цезиевых часов, он оцепенел: часы показывали, что скорость вычислений машины замедлилась еще на одну миллисекунду!

Кэмпбелл нервно забегал по отсеку. Что делать? Сказать Джеку?... Но как объяснить новое снижение скорости отсчета? Под страхом смерти на кораблях запрещалось настраивать электронные системы в пути или перед самым вылетом. Постепенно он успокоился. Может быть, конечный пункт маршрута не так уж далек от Солнца? Десять-пятнадцать парсеков, не больше? «Пожалуй, автомат справится со своевременной наводкой телескопа», — решил он.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цезиевые часы — сверхточные атомные часы. Их действие основано на том, что атомы цезия (металл) с исключительным постоянством излучают электромагнитные колебания, которые усиливаются специальными электронными контурами и преобразуются в показания часов. За две тысячи лет цезиевые часы отклоняются от истинного времени не более чем на полсекунды.

² Парсек — единица расстояний в астрономии, равная 3,26 световых лет, то есть 308 триллионам километров, что в 2 миллиона раз больше расстояния от Земли до Солнца.

³ Нейтрино — элементарная ядерная частица, образующаяся при распаде нейтрона на протон и электрон. Нейтрино-частица в 2 тыс. раз меньше по массе самой маленькой атомной частицы — электрона. Не имеет ни электрического заряда, ни массы покоя, а существует только в движении со скоростью, близкой к скорости света. Свойства нейтрино-частицы почти не изучены.

⁴ Аннигиляция — ядерная реакция, при которой в результате слияния частиц вещества (протонов, нейтронов, электронов) и частиц антивещества (антипротонов, антинейтронов, позитронов) происходит максимально возможное в природе выделение энергии в виде мезонного и частично фотонного (светового) излучения.

* * *

...Когда «МРЗ-17» был выведен на стартовую эстакаду, циклопической дугой выгибавшуюся к небу, весь экипаж собрался на выдвижной площадке, чтобы перед отлетом в межзвездную даль послать слова приветия на родину. На площадке был установлен микрофон мощной ультракоротковолновой станции спутника.

Через несколько минут традиционная процедура была закончена. Доверенный босса передал Джеку программу маршрута, молча пожал всем руки и умчался на гусеничном атомоходе к броневному куполу диспетчерской, блестящему на горизонте. Завыли автоматы, убирая трапы и наглухо задраивая входные шлюзы. Люди заняли свои места. Джек Хоу быстро прошел в централь управления и включил обзорный экран.

— Все готово, — доложил ему штурман Гаррис. — Подали второй сигнал!

Хоу молча занял свое место у пульта и вызвал в централь Кэмпбелла. В это время засветился экран связи: на нем появилась широкая физиономия Джефриса, доверенного босса.

— Алло, Джек! Только что с Земли получена радиogramма. Шеф передает свои пожелания и надеется, что ты оправдаешь доверие компании. Всего наилучшего ребята!

— Да, сэр, — безразличным тоном ответил Хоу и одновременно с третьей вспышкой красного сигнала включил стартовые параболоиды мезонного прожектора.

Гигантский корпус астролета вздрогнул. Громоподобный звук проник во все отсеки корабля: это заработал фокус аннигиляции — там, в бешеном столкновении протонов и антипротонов, рождалось мезонное излучение огромной интенсивности. Мерцающие вихри почти невидимого излучения окутали чашу прожектора. Звездолет, убыстряя движение, пополз вверх по эстакаде. Мезонные потоки буравили и без того истерзанную поверхность юпитеровой луны, рассыпая в прах ближайшие скалы. Все служащие станции кораблей укрылись глубоко «под землю».

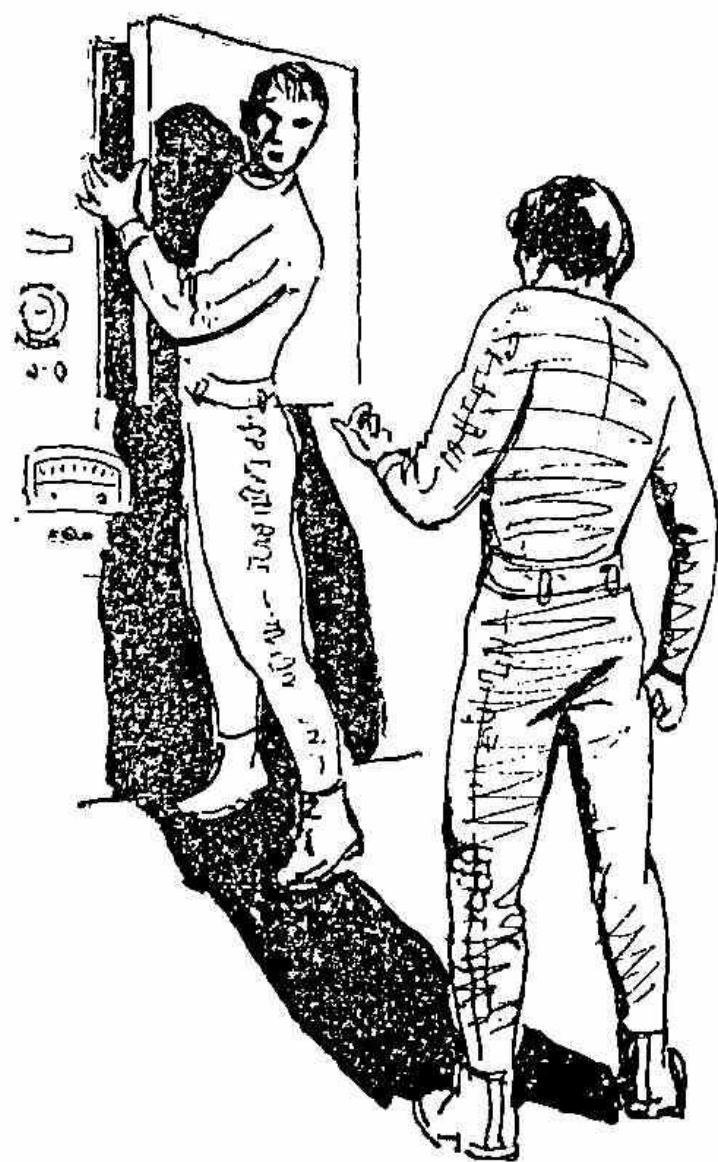
Словно колоссальная стрела, корабль круто вонзился в черное небо, усыпанное светлячками звезд.

Кэмпбелл с затаенной тоской наблюдал, как стремительно уменьшается огромный диск Юпитера. «Вернемся ли?» — впервые ощутив страх, спросил себя кибернетик.

Громкий голос Хоу вывел его из задумчивости:

— Ты оглох?!. Держи программу для следящего автомата. Через пять часов, когда пройдем Плутон, заложишь данные в электронные машины.

Вернувшись в свой отсек, Кэмпбелл включил перфоратор и превратил десятичные цифры, скрывавшие тайну первого этапа маршрута, в комбинацию отверстий на перфоленте. Затем по его знаку оператор Билл, рыжий парень лет двадцати пяти, нажал кнопку, и электронная машина проглотила перфоленту. И тотчас мягко загудел автомат, наводя контрольный телескоп на Солнце. Теперь все зависело от автоматики. Малейшая неточность в работе электронных цепей навсегда закроет путь назад. Долгие годы, пока астролет будет лететь к неведомой звезде Таунсенда, электронная машина должна с безупречной точностью и фантастической быстротой вычислять координаты Солнца.

На зеленоватом экране осциллографа побежали цифры и кривые, указывающие расстояние корабля от Солнца и полярный угол, образуемый его лучом в данный момент и в начале пути. На перекрестии нитей в окуляре следящего телескопа дрожала небольшая желтая звездочка — Солнце. Его нельзя было упускать из поля зрения ни на одно мгновение.

Кэмпбелл с беспокойством прислушивался к равномерному пощелкиванию автоматов, думая о том, что где-то в недрах электронной машины уже накапливается ошибка в отсчете координат, а следовательно, происходит замедление поворота телескопа на нужный угол.

Но нужно было действовать, и когда Билл вышел из отсека, Кэмпбелл снова принялся за расшифровку маршрута. Он вскрыл часть электронной схемы и стал измерять импульсы тока и напряжения.

Корабль продолжал разгон. Его скорость достигала 299,5 тысячи километров в секунду. Звездолет в бешеном темпе пожирал пространство, сокращая «собственное время» в пятьдесят раз по сравнению с земным.

Внезапно за спиной Кэмпбелла раздался удивленный возглас Билла:

— Эй, ты что там делаешь?! У машины работаю я! Ты же знаешь, что по инструкции категорически запрещается вскрывать электронные схемы во время работы! Я обязан сообщить мистеру Хоу!..

Кэмпбелл быстро захлопнул приоткрытую панель, за которой отвечивали транзисторные регистры.

— Не понимаю, чего ты раскипятился? — спокойно ответил он. — Пора знать, что я главный кибернетик ракеты.

Однако явно встревоженный Билл не собирался уступать своих прав и хмуро повторил:

— Я все равно сообщу об этом случае мистеру Хоу.

— Послушай, Билл, — сдерживая волнение, произнес Кэмпбелл. — Мне нужно сказать тебе кое-что. Присядем здесь.

Он взял Билла под локоть, нажатием кнопки выдвинул

из стены небольшой столик и два сиденья, а затем извлек из универсального чемодана бутылку.

Мозг его напряженно работал. Открыться Биллу? Рискованно... Но ведь ничего другого не остается. Его взгляд упал на смягчившееся при виде рома лицо Билла. Он вспомнил, что Хоу не раз извлекал Билла из ночных баров, где тот просаживал заработанные за очередной рейс доллары. «Хорошо, что мне удалось пронести на корабль эти проклятые бутылки», — подумал он.

Выпив стакан, Билл окончательно успокоился.

— Ну, что ты хотел сказать?

— Хочешь навсегда осесть на Земле в собственной вилле с роскошным садом и симпатичным винным погребок?

— Это было бы неплохо, — глубокомысленно заявил Билл.

— Сэндидж предложил мне миллион долларов в обмен на расшифровку нашего маршрута. Если ты будешь молчать и поможешь мне, я поделюсь с тобой. Двести тысяч долларов помогут тебе осуществить мечту о вилле с садиком.

Билл задумался.

— А если узнают ребята и Хоу?

Кэмпбелл понял, что Билл готов сдаться. Он повторил ему доводы, которыми «физик» Сэндиджа убедил его самого.

— Триста тысяч, Билл! Я думаю, это будет справедливо.

— По рукам! — согласился тот.

* * *

Тихонько мурлыча песенку, Кэмпбелл разглядывал звездную карту. Астролет прошел восемь парсеков от Солнца. Желтая звездочка, ставшая совсем крохотной и тусклой, продолжала висеть на контрольном кресте нитей. После разговора с Биллом Кэмпбеллу стало много легче следить за работой электронных автоматов и одновременно разгадывать маршрут.

Джек Хоу, поглощенный делами, ничего не подозревал. Лишь однажды он заглянул в отсек Кэмпбелла и озабоченно спросил:

— Как дела? Я все время думаю об этой миллисекунде...

— Все в порядке, — с напускной беззаботностью поспешил успокоить его Кэмпбелл. — Кажется, мы тогда преувеличили опасность.

— Если бы это было так! — проговорил Хоу. — У меня беспокойно на душе. Может быть, сдают нервы? Проклятый босс! Он не дал нам проверить цепи!

Билл внимательно прислушивался к разговору между Хоу и кибернетиком. В его душе шевельнулась тревога: «Джек прав: мы можем потерять Солнце! Не напутал ли чего-нибудь Кэмпбелл, копаясь в системе?» Он подождал, пока Кэмпбелл и Хоу вышли из отсека, и бросился к цезиевым часам: «Скорость отсчета равна одной миллионной доле секунды, — лихорадочно соображал он. — Автомат считает в сто раз медленнее, чем требуется по инструкции! Мы потеряем Солнце!!!»

Едва войдя в отсек, Кэмпбелл сразу обратил внимание на Билла, уставившегося на циферблат.

— Ты как будто никогда не видел эти часы? — неприужденно бросил он.

Билл резко повернулся.

— Не заговаривай зубы, Кэмпбелл! Ты знал о неисправности, но молчал!..

— О чем ты? — пробормотал Кэмпбелл.

— Не притворяйся! Ты разрегулировал автомат! Он считает в сто раз медленнее, чем нужно!.. С меня довольно! Иду к Хоу. Пусть он убьет меня, но все должны знать, какой опасности мы подвергаемся.

Билл ринулся к двери, но Кэмпбелл преградил ему дорогу.

— Тише... тише, Билл! — зашипел он. — Ты просто пьян. Что ты мелешь?... Все в порядке! Солнце на месте! Через несколько дней мы достигнем звезды Таунсенда, заберем груз и... домой! Ты будешь богат, как Крез!..

Билл устало опустился на сиденье, закрыл глаза. Казалось, что взрыв гнева обессилил его. Кэмпбелл дрожащей рукой подносил ему ром.

— Выпей и успокойся. Я же говорю, что все в порядке! Солнце будет на месте, верь мне.

Билл послушно выпил и уже спокойно подумал: «Действительно, мы почти у цели, автомат справляется с наводкой телескопа. По возвращении в Штаты я не буду ни от кого зависеть. Не придется больше обивать пороги космопортов».

— Ладно... — устало махнул рукой оператор.

Кэмпбелл облегченно перевел дух и отер со лба крупные капли пота.

* * *

Несколько успокоившись и отогнав от себя мрачные мысли, Кэмпбелл решил заглянуть к Анабелле. Он застал ее приткнувшейся к окуляру телескопа.

— Привет! Как идут дела? Что нового? Ты не скучаешь?

— Скучать не приходится, — сухо ответила девушка. Она на миг оторвалась от телескопа и холодно посмотрела на кибернетика.

Растерянно потоптавшись на месте, Кэмпбелл заложил руки в карманы и разочарованно засвистел: «Мы полетим с тобой к Сатурну, крошка Мери...»

Не оборачиваясь Анабелла проговорила:

— Мне что-то не нравится поведение Солнца... Оно на миг сползло с перекрестия. У вас там все в порядке?

Она испытующе взглянула на кибернетика. Кэмпбелл перестал свистеть.

— Пойду проверю, — бросил он с деланным спокойствием.

В это время Джек Хоу совершал очередной обход и осторожно заглянул в отсек следящего телескопа. Не решаясь выдать своего присутствия, он долго смотрел на работавшую Анабеллу. В его потеплевшем взгляде можно было прочесть давно скрываемое чувство...

Джек собрался уходить, так и не поговорив с Анабеллой, как вдруг она резко отшатнулась от телескопа, протерла глаза, снова посмотрела в окуляр и вскрикнула: «О боже! Что это?!» Хоу бросился к ней:

— Что случилось?

Повернув к нему белое как мел лицо, девушка указала на телескоп:

— Он потерял Солнце!..

Потрясенный Хоу устремился в отсек Кэмпбелла. По встревоженному лицу командира Кэмпбелл тотчас понял, что случилось то, чего он так боялся все это время.

— Тревога! — задыхаясь, бросил Джек. — Произошло большое несчастье!.. Телескоп потерял Солнце!.. В порядке ли следящая система?!

Дикий крик заставил вздрогнуть их обоих. Это кричал Билл. С выкатившимися из орбит глазами он показывал на Кэмпбелла:

— Убейте меня, мистер Хоу!.. Я позволил ему вскрывать электронные цепи! Он разрегулировал систему!.. Убейте!.. — И Билл истерически зарыдал.

* * *

Пронзительно гудели сирены. По их зову встревоженные астронавты бежали со всех уголков корабля в кают-компанию.

— Что случилось?...

— Почему дан сигнал чрезвычайной опасности?...

— Зачем Джек собирает нас?

Штурман Гаррис вихрем промчался по коридору, стуча во все двери.

— Эй, Гаррис! — окликнул его биолог Джон Линдблад. — Не знаешь, что стряслось?

Гаррис пожал плечами.

— Толком не знаю. Я видел, нам Джек тащил за шиворот Кэмпбелла. У обоих были ужасные лица. Сейчас они в кают-компании.

...Тяжело опершись подбородком на руки, Джек Хоу отсутствующим взглядом смотрел в пространство. Его мозг неустанно сверлила мысль: «Солнце потеряно!» Джек отчетливо сознавал весь ужас создавшегося положения. Чем больше он думал, тем понятнее становилась для него азбучная истина, которую упорно вбивали в головы мезолетчиков в стенах астронавигационных колледжей, та простая истина, что Солнце — всего лишь рядовая звезда в нашей Галактике и ничем не выделяется среди остальных звезд такого же типа. Самая обыкновенная одиночная звезда! Или, как выражаются астрономы, ничем не примечательная желтая звезда спектрального класса Ж-2. Хоу знал, что в Галактике насчитывается 150 миллиардов звезд; гигантов и карликов, двойных и кратных светил, переменных и пульсирующих, цветных и темных, потухающих и только что разгорающихся. И среди них — сотни миллионов таких же, как Солнце, сотни миллионов его двойников. Джек на минуту закрыл глаза: перед ним словно в калейдоскопе закружились десятки белых, желтых и желто-белых светил; все они были неотличимо похожи на земное Солнце. Как найти среди них настоящее, свое?...

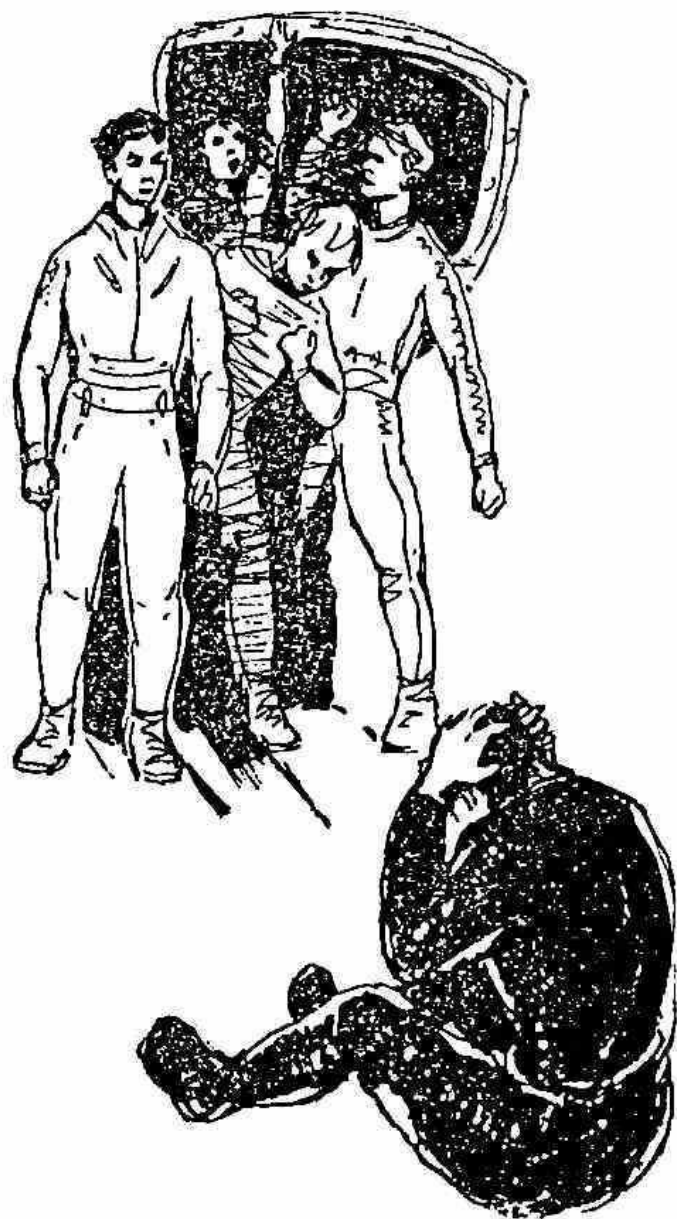
По теории вероятностей, Солнце можно теперь искать тысячи веков и все же не найти.

Когда собрались все мезолетки, Джек Хоу отрывистыми фразами рассказал о случившемся.

В Централи воцарилось молчание. Люди словно окаменели... Потом тишина взорвалась, пронесся слитный крик отчаяния, разбившись на отдельные возгласы, в которых слышались ужас, горе, безнадежность...

В общем гуле звенел взволнованный голос Анабеллы, которая старалась успокоить товарищей. В то же время взгляд ее больших встревоженных глаз как бы вопрошал Джека: «Неужели конец?...»

Молчаливый ирландец О'Доннор бросился открывать люк, чтобы выброситься в космос. В последний момент Джон Линдبلاد успел схватить его за пояс. Подоспевший Гаррис захлопнул люк.

Атмосфера обреченности сгущалась. В толпе возникло какое-то тревожное движение. У многих женщин в руках появились флаконы с препаратом «А3», в малых дозах применявшимся для безболезненного перехода к анабиозному сну. В больших дозах этот стимулятор приносил легкую смерть.

...Несчастье, обрушившееся на этих людей, было безмерным. В беспредельных ледяных просторах космоса их мезолет был подобен крохотной пылинке, внутри которой едва теплился огонек жизни. А кругом раскинулось Великое Космическое Безмолвие, враждебное всему живому. Оно скоро погасит этот слабый огонек. Где-то в глубочайшей пучине пространства осталась родная Земля, ее ласковое тепло, изумительное небо, величественные горы, синие океаны, запахи трав и цветов, журчание вод и пение птиц, дожди и ветры, смех детей и шум гигантских городов — весь тот круг предметов и явлений, который тысячами нитей привязывает человека к родной планете, создает неповторимое ощущение радости бытия.

Джек Хоу стряхнул с себя тяжелое оцепенение и выпрямился. Его бледное, как-то сразу осунувшееся лицо выражало решимость.

— Что нам делать с ним? — спросил он, указывая на Кэмпбелла.

— Смерть!!! — закричали со всех сторон.

Этот единодушный приговор заставил кибернетика поднять голову. Во взглядах, устремленных на него, он тщетно искал участия. Лицо Кэмпбелла исказилось, и он заплакал:

— Пощадите... я не хотел этого...

— Выбросить его в космос! — повторило множество голосов.

Тогда Кэмпбелл повернулся к командиру мезолета.

— Джек... Вспомни наш Арканзас. Я не хотел, чтобы мы потеряли Солнце...

Джек Хоу нахмурился. Он колебался. В Централи было так тихо, что слышался еле уловимый звон Счетчика Времени.

В последней надежде Кэмпбелл обратился к Анабелле.

«Хоть одно слово... — казалось, молил его взгляд. — Они послушаются тебя».

— Может быть, мы сохраним ему жизнь?... — неуверенно проговорила девушка.

Слова Анабеллы повисли в воздухе.

— Не тяни, Джек! — сказал Гаррис. — Смерть предателю!

Хоу молчал.

Внезапно Гаррис и Линдблад подхватили Кэмпбелла и потащили его к камере катапульты, с помощью которой выбрасывались в космос разведывательные телероботы.

— Остановитесь! — перекрывая поднявшийся шум, во весь голос крикнул Джек. — Что даст нам его казнь?! Теперь дорог каждый лишний член экипажа! Пусть Кэмпбелл останется с нами!

— Джек, — с угрозой сказали мезолетчики, подступая к командиру, — не мешай! Кэмпбелл должен понести справедливое наказание!

— Он обрек нас на медленную смерть в пустынях вселенной! — выкрикнул Гаррис.

— Кто сказал, что мы должны погибнуть? — загремел Джек Хоу. — Не надо поддаваться панике! Слишком рано мы хороним себя!

— Но, Джек... — возразил Гаррис. — Мы потеряли Солнце!.. На что ты надеешься?

— На силу разума! — ответил Джек Хоу. — На всех вас! Верно, что мы потеряли Солнце и нам не вернуться на родину. Но Земля не единственный остров, где существует жизнь. Мы полетим к какой-нибудь цефеиде, самому надежному ориентиру во вселенной. И пусть у нас только один шанс из тысячи найти обитаемый мир — мы должны использовать его!..

Слова Хоу, исполненные непоколебимой веры, вдохнули мужество в отчаявшихся, приободрили колеблющихся, зажгли в сердцах слабых трепетный огонек первой надежды.

— Джек говорит правильно! — воскликнула Анабелла. — Мы должны найти пригодную для жизни планету!

— И поселиться на ней! — поддержал ее Линдблад.

— Да! — сказал Джек. — Вот почему я прошу сохранить Кэмпбеллу жизнь. Там, где мы начнем создавать новое общество, будет дорог каждый человек!

После ожесточенных споров астронавты согласились с Джеком Хоу, но потребовали заточения Кэмпбелла в изолятор до конца пути. Теперь все с надеждой смотрели на командира.

— По местам! — скомандовал Хоу. — Начинаем торможение!

— Зачем?! — удивился Гаррис. — Наоборот, мы должны идти на субсветовой скорости!

— Надо завершить маршрут, — сказал Хоу, — и достичь звезды Таунсенда. Разве нам не пригодится нейтриноматерия в борьбе с силами космоса?

— Тем более что до звезды осталось всего две недели пути, — добавила Анабелла. — Ее диск уже показался на экранах.

* * *

И вот уже позади мучительная посадка на планету, обращающуюся вокруг звезды Таунсенда, тяжелый труд в адской жаре, пронизанной опасными излучениями. Две недели перевозила нейтрино-материю с планеты на мезолет вспомогательная атомно-водородная ракета. Мощный транспортер подавал в ракету небольшие, со спичечную коробку, контейнеры. Каждый из них весил восемь тонн.

Наконец последние контейнеры были погружены, и мезолет снова устремился в черноту астральной ночи.

— Теперь я лучше представляю себе возможную картину образования нейтрино-материи, — в раздумье проговорил астрофизик Ричардсон, обращаясь к Линдбладу. — На заре времен звезда Таунсенда представляла собой саморазрушающийся голубой гигант, настоящий космический вулкан. В неистовстве ядерных реакций, при немыслимых тем-

пературах и давлениях рождалась нейтрино-материя, которую звезда непрерывно выбрасывала в пространство. Часть нейтрино-материи достигала планеты и в течение миллионов лет накапливалась в складках ее коры.

— Вполне вероятная гипотеза, — согласился Линдبلاد. — Тем более что в настоящее время звезда Таунсенда является сверхплотным белым карликом. Путь развития от саморазрушающейся звезды Вольфа-Райе до карлика наиболее распространен во вселенной. Бесспорно и то, что нейтрино-материя — это продукт гигантской концентрации энергии тяготения светила в исчезающе-малом объеме вещества...

— Эй, Ричардсон! — прервал их академическую беседу штурман Гаррис. — Помоги-ка определить расстояние до цефеиды! — Он указал на экран, где приветливо сияла белая звездочка.

— Двести девяносто световых лет... — задумчиво произнес он через некоторое время. — Это самая близкая к нам цефеида.

Хоу долго смотрел на звезду.

— Да... выбирать особенно не приходится, — тихо проронил он.

— Будем надеяться, что там найдется хоть одна планета с пригодными для жизни условиями.

— А если не найдется? — угрюмо спросил штурман.

— Тогда полетим к другой звезде! Будем искать пристанище до тех пор, пока есть энергия, бьется сердце и работает мозг! — Хоу решительно положил руки на пульт управления.

— Летим к этой цефеиде!

...Истекал восьмой год полета в «собственном времени» мезолета. Звезда постепенно увеличивалась. Вскоре была выключена следящая система телескопа, так как пылающее светило занимало теперь весь экран обзора. То ослабевая, то усиливаясь, голубоватые лучи цефеиды искрами надежды проникали в сердце Анабеллы. Девушка не отходила от телескопа, упорно изучая окрестности нового солнца.

Этап торможения мезолета подходил к концу, когда отсеки корабля облетела радостная весть: «Анабелла открыла у цефеиды планетную систему!»

— Семнадцать планет! — взволнованно сообщила девушка Ричардсону, едва не столкнувшись с ним в переходном коридоре. Она спешила в Централь управления, чтобы поделиться своим открытием с Джеком Хоу.

— Преждевременная радость, — несколько охладил ее восторг астрофизик. — Очень возможно, что на этих планетах нельзя жить...

Но судьба оказалась милостивой к мезолетчикам.

— Невероятное везение! — сказал на другой день Ричардсон, закончив длительный и кропотливый труд по определению физических условий на планетах звезды. — Хотя мощное световое излучение цефеиды и превратило шестнадцать планет в раскаленные пустыни, но на самой крайней — семнадцатой планете средняя температура равна тридцати градусам тепла. Это значит, что здесь возможна жизнь.

— Мы не напрасно стремились сюда, — облегченно вздохнула Анабелла.

— Да... Но тридцать градусов вечной жары, — покачал головой Гаррис. — Нельзя сказать, что нам будет прохладно.

— Ничего страшного, дружище, — успокоил Линдблад. — По крайней мере, не будем нуждаться в шубах. Начнем жизнь так же, как начинали ее Адам с Евой.

— С той лишь разницей, что цефеида будет периодически поджаривать нас, — не сдавался Гаррис.

— Совершенно верно, — подтвердил астрофизик. — Поскольку цефеида — это переменная звезда, она, естественно, то ослабляет, то усиливает свою яркость. Каждый девятый день на этой планете будет вдвое жарче, чем обычно. Но не надо сгущать краски. Переменности «солнца» даст себя знать лишь в тропиках и субтропиках. В полярных и приполярных областях планеты температурные условия в основном будут зависеть от смены времен года. Почти как на Земле. Я думаю, что наш календарь придется построить так: годом будет являться промежуток времени обращения планеты вокруг цефеиды, а неделя будет состоять из восьми дней соответственно периоду изменения блеска цефеиды; тогда девятый день — день максимума яркости звезды — нам придется назвать «пламенным воскресеньем» — ведь температура в этот день подскочит до пятидесятишестидесяти градусов тепла!..

— И воскресный отдых придется проводить в леднике, — проворчал Гаррис. — Приятное разнообразие!

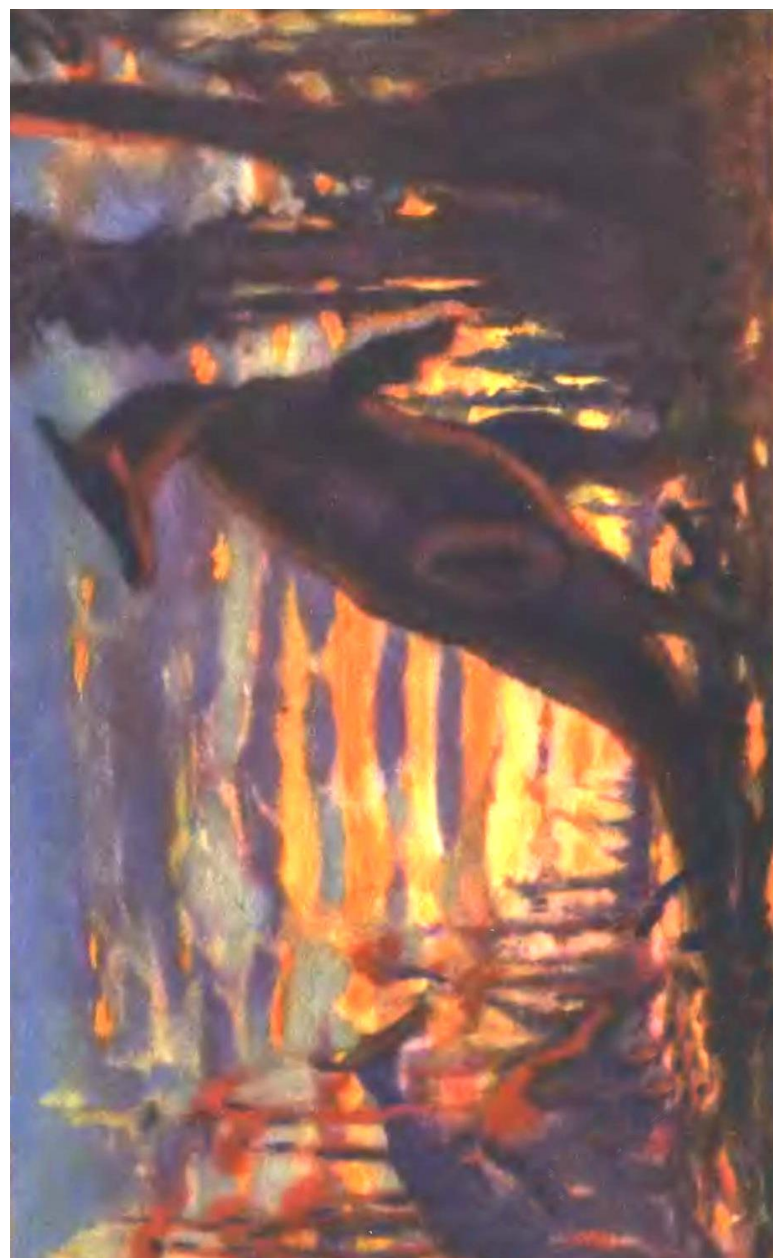
Вскоре Ричардсон сообщил еще одну новость: атмосфера планеты по своему составу мало отличается от земной. Двадцать два процента кислорода, семьдесят семь процентов азота и пять сотых процента углекислого газа. «Жизнь вполне возможна!» — уверенно заключил Линдبلاد.

Первый разведывательный полет на поверхность планеты совершили Джек Хоу, Линдبلاد, Ричардсон и врач. Когда вспомогательная ракета мягко опустилась на посадочные клешни, астронавты с волнением открыли иллюминаторы.

Буйный восторг охватил измученных долгим путешествием людей.

— Живая картина третичного периода Земли! — воскликнул Ричардсон. — Настоящий палеонтологический заповедник!

Пышная тропическая растительность желто-красными волнами подступала к кораблю. Вдалеке мерцал голубова-

то-оранжевый океан; в него с тихим плеском катила свои воды широкая полноводная река. Небосвод цвета бледной меди с оттенком лазури был чист и неправдоподобно глубок. Казалось, природа вокруг них пела могучий гимн всевластию жизни и света.

Соблюдая все меры биологической защиты, астронавты ступили на почву этого светлого мира, который должен был стать их второй родиной. Смешно переваливаясь в биоскафандре, Линдблад тотчас устремился в густой кустарник, росший неподалеку. Вскоре из чащи донесся его голос:

— Что за удивительные формы у этих цветов! Да здесь есть и четвероногие!

Внезапно Линдблад выскочил из чащи. Почти вслед за ним из кустов высунулась морда диковинного зверя. Огромные выпуклые глаза равнодушно посмотрели на странных двуногих существ в блестящей одежде. Потом морда скрылась, меж деревьев замелькало желтовато-зеленое гибкое тело неведомого животного.

* * *

В течение ряда дней радиоуправляемые телеаппараты вдоль и поперек обследовали всю планету, но не обнаружили следов разумной жизни.

— До эпохи мыслящих существ природа здесь еще не дошла, — задумчиво сказал Хоу. — Мы будем первыми...

Переселение с «МРЗ-17» на планету было закончено. Все тридцать три человека — мужчины и женщины — собрались вместе, осматриваясь в непривычной, чуждой их земным представлениям обстановке. Тридцать четвертый — Кэмпбелл стоял чуть поодаль. Он знал, что мезолетчики еще не простили его. Ему предстояло завоевать доверие и дружбу товарищей самоотверженной борьбой с природой планеты. И он чувствовал в себе силы, необходимые для этого.

Командир мезолета посмотрел на каждого из тех, с кем придется теперь делить горести и радости предстоящих де-

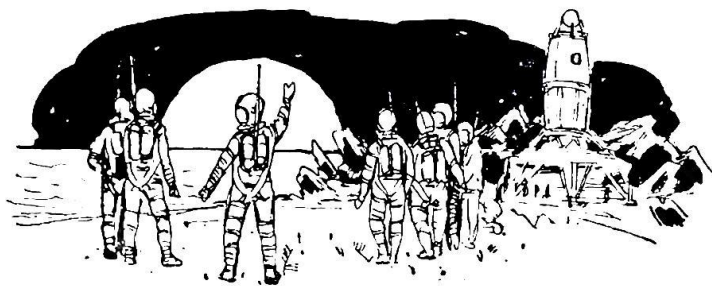
сятилетий труда и борьбы. Затем дал знак Кэмпбеллу присоединиться к остальным астронавтам.

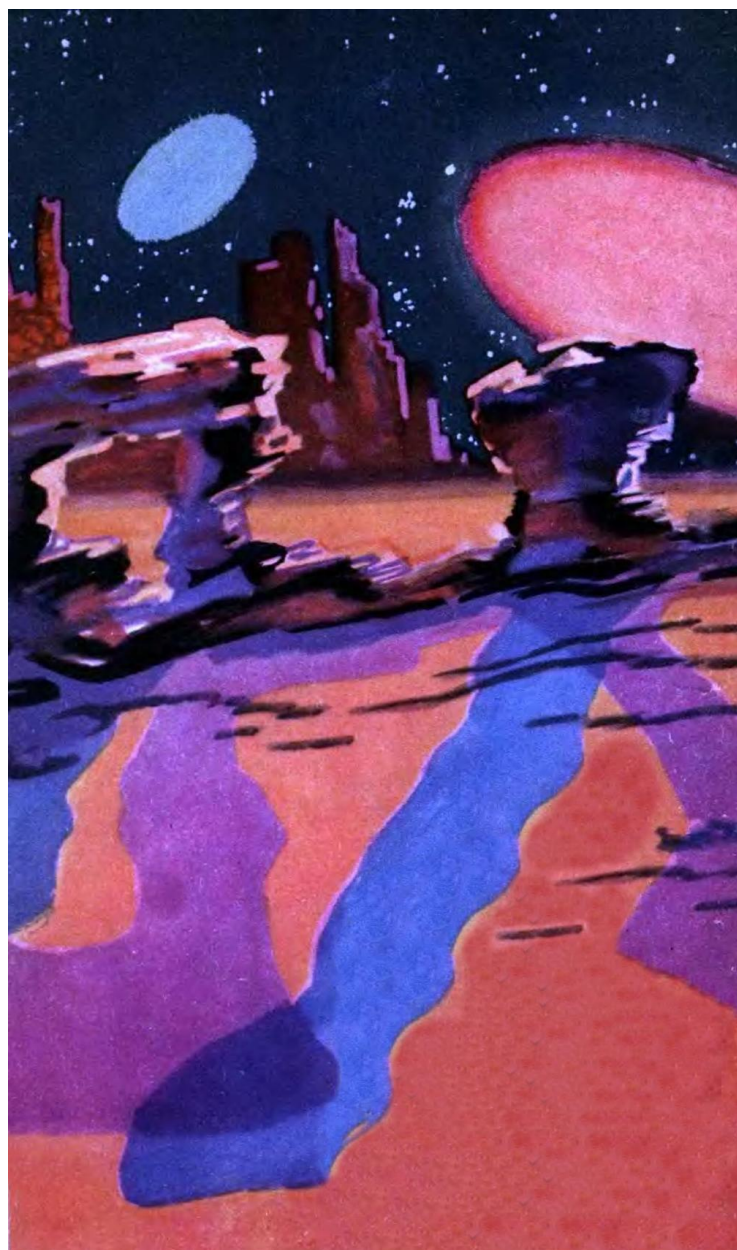
— Братья и сестры! Друзья!.. — медленно заговорил Джек в свой внутришлемный микрофон. — Нам выпала удивительная судьба: жить вдали от Земли. Мы создадим здесь свое сообщество свободных тружеников — в нем не будет места алчности, эгоизму, корыстолюбию, жертвой которых оказался Кэмпбелл. Это нужно сделать ради наших детей, которые — я твердо верю — когда-нибудь вернутся на Землю!

Одобрительные возгласы покрыли последние слова Джека Хоу. Мезолетчики обступили командира, пожимали ему руки, хлопали по плечу. А он улыбался какой-то особенной, задумчивой улыбкой: казалось, что Хоу уже видит грядущие поколения счастливых людей, расселившихся по планете.

Анабелла, не отрываясь, смотрела на Хоу. Он казался ей самым лучшим из всех людей, которых она когда-либо знала. Почувствовав взгляд, Джек Хоу медленно повернулся и подошел к ней. Девушка доверчиво вложила свои пальцы в сильную руку Хоу.

— Мы будем жить и бороться! — зазвенел голос Анабеллы, птицей взлетев над общим гулом пробужденной надежды. — И наши дети обязательно вернутся на родину отцов!

Я. ШНЕЙДЕР

ЧУДЕСНЫЙ ГОРОД

Фантастический очерк

ЧУДЕСНЫЙ ГОРОД

Стремительная «Ракета» замедлила бег, слегка задрожала, вздымая на изумрудно-прозрачной поверхности воды белую пузырчатую пену, и медленно, точно горделивый лебедь, поплыла навстречу причалу. Срезанные кораблем волны торопливо одна за одной побежали к берегу, жадно облизывали его шершавый гранит и обиженно отскакивали обратно, чтобы через минуту снова повторить свой лихой набег.

Откуда-то из морских глубин, как сказочная русалка, выкатился огненный шар восходящего солнца — выше, выше, пока не взобрался на деревья дальнего леса.

С левого борта приближался Тавричesk. Весь из красного и силикатного кирпича с цветной керамической облицовкой, похожей на украинские вышитые рушники. Он приподнялся над густой зеленой завесой садов и парков и пристально вглядывался всеми своими окнами в безбрежную даль. Город как бы сбегал к воде, доверчиво подставляя морским ветрам свое лицо.

Картина была настолько великолепной, что, может быть, впервые в жизни я обиделся на природу, которая не наградила меня умением рисовать. Впрочем, времени на это все равно не оставалось: мы причалили, и мне пришлось поторопиться к сходням, где меня ожидал давний знакомый, архитектор Евгений Леонидович Иванов. Он вызвался сопровождать меня по городу, знакомому мне только по его собственным восторженным рассказам, и с ходу принялся исполнять свои добровольные обязанности гида.

...В гербы многих городов мира внесены изображения их основателей. В одних случаях это мифические боги и богини, в других — сказочные животные, в третьих — вполне реальные князья и цари. Что же касается Таврическа, то эмблемой для него, если когда-нибудь учредят герб, должен стать самолет. Потому что первыми заложили его... летчи-

ки. Пролетая над иссушенными таврическими степями, там, где весело плещется сейчас Каховское море, они заметили, что стрелки авиационных магнитных приборов здесь начинают «нервничать», лихорадочно метаться по шкале и терять свою обычную точность.

Пилоты подали сигнал геологам: а не копнуть ли здесь поглубже, не прощупать ли внимательнее пульс матушки земли?

Догадки подтвердились. Не зря капризничала самолетная аппаратура: она безошибочно навела исследователей на бесценные дары природы. Тут затаились в ожидании хозяина богатейшие залежи руды с 65-процентным содержанием железа. Ее можно без дополнительной обработки отправлять прямо в мартены.

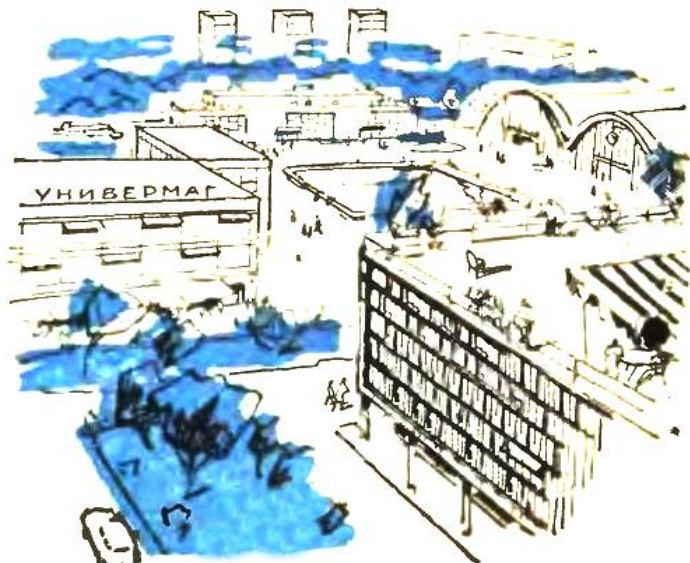
Так на руде вырос Тавричеськ — город солнца, воздуха и зелени. Перед этим тройственным союзом, скрепленным волей и трудом человека, отступили даже властители степей — песчаные бури и северо-восточные ветры. Его построили так, что злые суховеи обтекают город, словно встречные вихри — стреловидные самолеты.

Тавричеськ стоит на высоком плато, напоминающем постамент, у подножия которого тихо плещутся волны. К ласковому голосу морского прибоя присоединяется воркующий шепот деревьев Приморского парка — любимого места отдыха местных жителей. В удобных креслах-качалках можно почитать, на открытой эстраде — посмотреть веселое представление, в плавательном бассейне — выкупаться в хвойной воде, в кафе — «заморить червячка».

С набережной в город ведет широкий бульвар, тоже окаймленный зеленью. Ничего, что до него высокогато: тому, кто не осилит сотни гранитных ступенек, поможет эскалатор.

Вот мы и добрались до центра. Тут расположились все основные городские сооружения: административные, культурные, торговые, бытовые. Несколько многоэтажных зданий башенного типа поражают удивительным сочетанием спокойной деловитости с праздничностью. Вместе с окру-

жающими их четырех- и пятиэтажными домами они составляют звонкую и радостную архитектурную симфонию.

Все сконцентрировано в одном месте: если у тавричанина есть какое-либо дело в нескольких организациях и учреждениях, ему незачем бегать по всему городу; если ему нужно сделать покупки, то он может, не выходя из Дома торговли, приобрести все: от костюма до домашней снеди; если его привлекла афиша фильма или спектакля, он найдет рядом кинозал или театр. Кстати, приблизительно так застроены и микрорайоны, где есть «свои» школы, больницы, ателье, дворцы культуры, стадионы, различные учреждения.

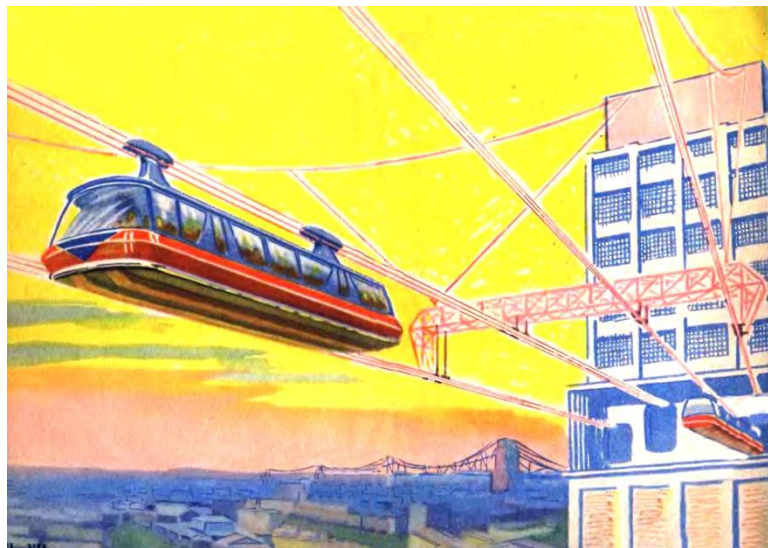
И вот что странно: бродим мы с Евгением Леонидовичем уже добрых пять часов, а я что-то не слышу извечного и даже привычного «шума городского». В чем дело?

— Очень просто, — объясняет мне архитектор, — вседвигающееся, урчащее, громыхающее выдворено за черту города. Магистрали для машин, поездов, электричек, авто-

бусов и троллейбусов только опоясывают его, держась, однако, на приличном и удобном для людей расстоянии. Ну и, кроме того, тут нет ни одного промышленного предприятия. Рудники, комбинаты шерстяных, шелковых и хлопчатобумажных тканей, рыбозавод, мясокомбинат и даже местная промышленность расположились за много километров отсюда. Монорельсовая дорога довозит туда за 15—20 минут.

Когда мы устали, Евгений Леонидович повел меня к себе в дом. Рядом стояли еще три здания, но несколько иного архитектурного плана. Двор в виде незамкнутого четырехугольника украшен небольшим сквером, тут же спортивные и детские сооружения

А вот и квартира. Стены покрыты моющимися обоями, каждая стена — разного цвета, но обязательно веселого, нежного, радующего глаз. Пол будто покрыт цветным пушистым ковром. Но нет, это специальный капрон, который тоже нетрудно помыть обыкновенной теплой водой. Комнаты, просторные и светлые, снабжены современной мебелью, встроенными шкафами и полками, легкими звукопроницаемыми ширмами-перегородками. Благодаря им столовая в мгновение ока превращается в две небольшие комнатки —

это на случай приезда гостей. Общая площадь вполне достаточна: на каждого жителя 15 квадратных метров

Напрасно я искал радиаторы парового отопления. Как выяснилось, в этом городе они стали «архитектурными излишествами». Дома отапливаются электрическими панелями, вмонтированными в стены. Электричество же помогает хозяйке на кухне. Оно пришло на смену газовым плиткам, которые все-таки не очень полезны для здоровья. Электроэнергию Тавричеськ получает от двух ГЭС — Каховской и Днепровской имени В. И. Ленина.

Пришлось пожалеть, что не застали дома хозяйку. Ужинали мы с Евгением Леонидовичем в кафе, расположенном на крыше соседнего дома. Но нам не понадобилось для этого выходить на улицу. Бытовые службы отдельных групп зданий сконструированы так компактно, что в некоторые из них можно попасть по внутренним переходам.

— Это же город коммунистического общества! — от души воскликнул я.

— Да, — отозвался Иванов, — с таким расчетом и строили...

Пусть читатель пока не ищет Тавричеськ на карте. Путешествие, в которое мы его пригласили, было совершено не по реальным улицам, а по чертежам. Но Евгений Леонидович Иванов действительно был нашим гидом: он один из ведущих авторов проекта города большой мечты. Все же остальное — чистая правда. Именно таким возводят сейчас Тавричеськ строители, именно так будут жить в нем люди

Деловито гудят в степи экскаваторы, снуют груженные самосвалы. Но уже выданы чертежи города будущего, уже стоят у его колыбели зодчие. И настанет день, когда мы сможем приехать туда по-настоящему, когда Тавричеськ предстанет перед нами еще более красивым, чем он видится сейчас — в рабочих проектах.

В. АГРАНОВСКИЙ, Б. ЛЯПУНОВ

В ПОИСКАХ НОВОГО ГЕРОЯ

(Фантастика наших дней)

Рисунки Ю. Зальцмана

В ПОИСКАХ НОВОГО ГЕРОЯ

(Фантастика наших дней)

В. Аграновский, Б. Ляпунов

Рис. Ю. Зальцмана

УДИВИТЕЛЬНОЕ СОБЫТИЕ, ПОТЯСШЕЕ ЖИТЕЛЕЙ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Невероятное событие случилось в тот день, когда Новый год был уже на носу. До него оставались считанные часы. Уже не так много оставалось ждать до того момента, когда Звонкие часы Высокой Башни пробьют двенадцать... И вдруг на улицах появились жаровни с пылающим углем, старомодные камины и камельки, в которых весело горел огонь. Просто так появились. Внезапно. Сами.

Вот удивились жители Большого Города! Не сон, не сказка, даже не фантастический роман — реальная действительность. Вдруг на ваших глазах на улицах появилось отопление. Зачем? К чему?

Только один человек во всем Городе знал, что произошло. Он был немножко виновником, а больше участником таких удивительных событий, по сравнению с которыми

появление каминов было ничтожным и случайным эпизодом.

Этот человек — известный Писатель, дом которого стоит в центре Большого Города, недалеко от Высокой Башни со Звонкими часами.

Он и рассказал нам всю эту историю.

Рисунки М. УЛУПОВА

РАССКАЗ ПИСАТЕЛЯ

В тот вечер я сидел в своем кабинете у камина. Совершенно один, если не считать Рекса. В комнате — полумрак, в зубах — потухшая трубка, в голове — мысли. Поверьте, я даже забыл, что Новый год должен вот-вот родиться... Я думал. Мечтал. Контуры нового фантастического романа отчетливо рисовались моим воображением. Сюжет был вчерне готов. Я не знал пока одного: кто будет моим героем.

Увы, я поздно родился! Мой взгляд бродил по книжным полкам кабинета, и я с досадой отмечал про себя: человек-амфибия — был, летающий — был, творящий чудеса — был... Всё было!

Звонкие часы Высокой Башни, не нарушая хода моих мыслей, били уже много раз. Вдруг дверь кабинета открылась. Я отчетливо слышал скрип открываемой двери. Кто посмел из домашних войти ко мне в такие часы?!

Оглянулся... Дверь распахнута... Никого нет...

И вдруг мне стало холодно! Нет, не от страха. Я понял: между мной и камином кто-то стоит, загораживая тепло. Волосы на моей голове зашевелились. Я совершенно ясно ощущал присутствие человека! Проснулся Рекс, насторожил уши, поводит носом и жалобно взвизгнул. А потом, словно побитый, отполз в угол, волоча за собой хвост. И в этот момент... Поймите: я — фантаст. За свою жизнь я описал много страшных и таинственных историй. Но я никогда не пе-

реживал их сам!.. Я вдруг увидел, как одно из пустых кресел придвинулось ко мне. Само! И в воздухе вспыхнула сигара. И кто-то рядом со мной тяжело вздохнул...

— Кто здесь? — шепотом спросил я, холодея от ужаса.

— Не волнуйтесь, — ответила пустота, — я всего лишь Невидимка.

О боже! Трясущимися пальцами я пытался зажечь трубку, но спички ломались, крошились.

— Прошу, — сказал Невидимка, и крохотное пламя запрыгало в воздухе.

— Благодарю вас, — выдавил я. — Очень любезно... с вашей стороны. Но... откуда вы пришли?

— Из человеческой мечты. Из вашей мечты.

...Видимо, в наш век люди научились ничему не удивляться и привыкать к любым чудесам так же быстро, как привыкли к телефону, беспроводному телеграфу и стиральной машине. Предавшись размышлениям на эту тему, я слегка успокоился. Затем пустил клубы табачного дыма, положил ногу на ногу и, помолчав еще минут пять, сказал:

— Собственно говоря, что привело вас ко мне?

— Желание помочь, — ответил Невидимка. — Помочь вам найти героя вашего нового произведения.

Ответ показался мне забавным. Я улыбнулся и иронически посмотрел в середину пустого кресла. И подумал: «Любопытно, как это он будет искать нового героя?»

— Я не один, — словно поймав мои мысли, сказал Невидимка. — Сейчас сюда явятся мои друзья по старым романам.

И что вы думаете? Явились!

Мой рабочий кабинет напоминал теперь один из залов городского Клуба «Четырех ракет», в котором часто проводятся дискуссии на тему о полете на Луну. Здесь был и маленький рыжий клерк из романа Уэллса, способный творить чудеса, и красавец Ихтиандр, герой известного произведения Беляева «Человек-амфибия», и высокий стройный юноша по имени Ариэль, умеющий летать по воздуху так же естественно, как мы умеем ходить по земле, и даже ба-

рон Мюнхгаузен, рассказы которого могут перещеголять самую смелую фантастику самого необузданного мечтателя.

«Бом-брим-бом-боммм!» — пробили часы Высокой Башни, напомнив присутствующим, что до двенадцати остались считанные часы.

И тогда Мюнхгаузен, уже успевший надоесть нам своими историями, предложил не терять зря времени и немедленно пуститься на поиски нового героя.

— В такой день?! — воскликнул я в полном отчаянии. — В снег, холод, непогоду?!

— Хотя я и невидим, — поддержал меня Невидимка, — но я, простите, в таком виде... Я просто боюсь расстаться с камином!

И тут вперед вышел маленький рыжий клерк, творящий чудеса. Он на мгновение задумался. Он концентрировал в голове мысли и напрягал волю. Жилы на шее вздулись, нижняя челюсть подалась далеко вперед. Сигара, сгоревшая до конца, уже жгла ему пальцы. Стояла напряженная тишина. Минуту, всего минуту мы не дышали...

— Взгляните! — закричал вдруг клерк и, обессилев, свалился в кресло.

Мы кинулись к окну. На улицах дымили печки. На длинный нос Мюнхгаузена упала капля плачущей сосульки. Он первым пришел в себя и лихо подкрутил ус.

— Друзья мои! — начал Мюнхгаузен торжественным голосом. — Совсем недавно со мной произошла история, которая может...

К счастью, его перебил Невидимка.

— Вперед! — воскликнул он. — За новым героем! К новым приключениям!

Мы вышли из дому. Добрая половина жителей оказалась на улице. Мне было как-то неловко в таком окружении попадаться на глаза знакомым. Представляете, сколько вопросов они бы задавали мне потом? Но жители Города смотрели, к счастью, в небо. Они были так увлечены своим занятием, что совершенно не обращали на нас внимания. «Ага, — понял я, — наверное, запустили очередной спутник Земли!»

Так и есть! В руках детей и взрослых — бинокли, длинные очереди к телескопам, установленным прямо на улицах, киоски бойко торгуют свежими газетами, а по радио звучит взволнованный голос диктора, прерываемый иногда таинственными сигналами.

— Это спутник, — сказал я друзьям как можно более небрежным тоном, ощущая в душе гордость за человека.

— Спутник? — встрепнулся Ариэль. — А что это такое?

Я стал популярно объяснять. Человек, творящий чудеса, поднялся на цыпочки, чтобы лучше меня слышать. Ихтиандр широко раскрыл глаза. Дыхание Невидимки стало прерывистым. А Мюнхгаузен, бродивший где-то в стороне в поисках небольших приключений, подошел ближе и стал прислушиваться. Я назвал спутник ласковым именем «маленькая Луна» и сказал, что он летает вокруг Земли на огромной высоте, что сделан он из алюминия и что скорость

его — восемь километров в секунду. При этих словах Мюнхгаузен разразился громким хохотом:

— Что вы рассказываете нам о чудесах в решете? Даже я не рискнул бы на такое, простите, преувеличение. Однажды мне пришлось побывать на Луне...

— Не верите? — обозлился я. — Тогда поднимитесь к спутнику и убеждайтесь сами!

Мои слова произвели на присутствующих впечатление грома средь ясного дня. Они задумались. Ихтиандр безнадежно махнул руками, на конце которых были ласты, и грустно сказал, что небе не его стихия. Невидимка заметил, что у него пока что есть одна возможность попасть поближе к спутнику: во сне. Человек, творящий чудеса, наотрез отказался применить свою силу воли.

— Я могу, — сказал он, — творить земные чудеса. Но с космосом дел не имею. Хватит с меня того, что однажды я попытался остановить вращение Земли. Вы помните, что из этого получилось?

Пылкий Ариэль сначала предложил было свои услуги, но потом, подумав, отказался. Действительно, на такой громадной высоте совершенно нет воздуха, — юноша может задохнуться! И лишь один Мюнхгаузен не терял надежд добраться до спутника. На всякий случай он попрощался с нами, взял себя за волосы и, рассказывая на ходу историю о том, как однажды он таким же способом вытащил себя из болота, стал поднимать свою персону в воздух. Мы с напряжением следили за его полетом. Прошло несколько минут, и Мюнхгаузен, успевший поднять себя только до крыши Высокой Башни города, вернулся на землю. У него был усталый вид.

— Годы не те, — сказал он с виноватой улыбкой. — Одышка мучает. А на какой, вы сказали, высоте этот ваш спутник? Девятьсот километров?!

— Эх, жаль, что нет «хрустального яйца», в которое можно видеть за тридевять земель! — вздохнул Ихтиандр.

Мне в голову пришла великолепная идея.

— Хрустальное яйцо? — воскликнул я. — Есть!

И мы стали в очередь к телескопу.

Через десять минут, разглядывая маленький спутник, Мюнхгаузен говорил:

— Все ясно: это дело рук артиллеристов. Они взяли ядро, выстрелили из пушки, и вот теперь... Вы помните, как я летал на ядре? Я, старый артиллерист, утверждаю...

— При чем тут пушка? — вмешался я. — И при чем тут ядро? Ваше ядро было, не в пример вам, совершенно бессловесным, а спутник посылает на Землю сигналы. Он начинен приборами, и забросила его в небо совсем не пушка, а баллистическая ракета.

Мюнхгаузен впервые в жизни промолчал в ответ, так как не нашел в своей биографии ни одного примера, связанного с баллистической ракетой. Но спустя мгновение он вдруг закричал на всю площадь:

— Ба, кого я вижу!..

Действительно, среди нас появился еще один герой старого романа Уэллса, но мы, увлеченные спутником, просто не замечали его раньше. Это был человек, путешествующий во времени.

— Вы сейчас из прошлого или из будущего? — поинтересовался Невидимка.

— Друзья, — последовал ответ, и по торжественному тону мы поняли, что будет сказано что-то значительное. — Друзья, у меня нет слов рассказывать вам о том, что я сегодня видел... Я был там!

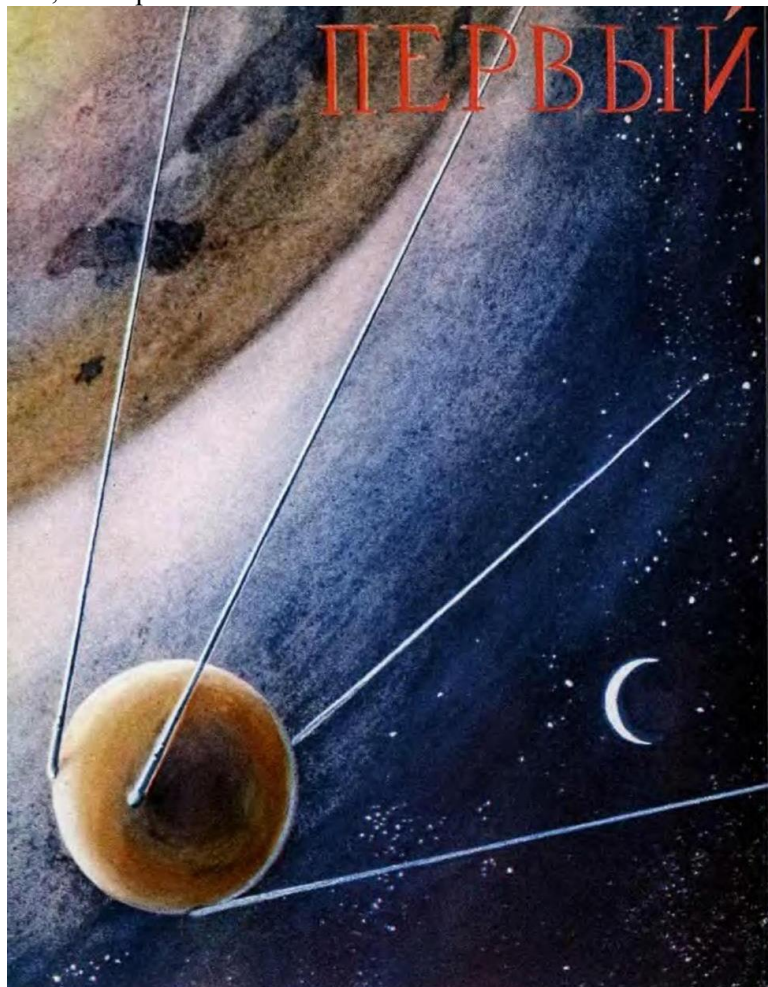
Он показал рукой в небо. Мы проследили за его жестом и увидели маленькую звездочку спутника, бегущую в этот момент над нашими головами.

— Свою Машину времени я направил всего лишь на пятьдесят лет вперед, — сказал путешествующий во времени. — И что же? Уже по дороге я видел массу искусственных спутников. Одни из них были с пассажирами — собачками. Другие, имеющие колоссальные размеры, населены живыми людьми. На эти спутники совершали посадки огромные космические ракеты, летающие к Марсу и Венере. Третьи спутники имели так много зеркал, что даже но-

чью, отражая солнечные лучи, заливали земные города потоком света!..

— Я помню фонарики, — перебил Мюнхгаузен, — с которыми мне пришлось столкнуться...

— Ах, оставьте в покое ваши детские забавы! — прервал его человек, путешествующий во времени. — Ведь то, что я видел, действительно чудо из чудес! Простите, это, наверное, ваша работа?

И мы вслед за путешествующим во времени взглянули на человека, творящего чудеса. Он молчал. Он даже как-то неестественно сжался в комочек, а потом, выпитив вперед нижнюю челюсть, невесело сказал:

— Не шутите надо мной, друзья. Какой я творец чудес, если вот это чудо создано не мною?

— А кем же?! — воскликнули чуть ли не хором все присутствующие.

И я понял, что наступила пора произнести речь.

Я начал со вступления. Я сказал:

— Дорогие друзья! Приглашаю всех вас ко мне домой. Давайте сядем за стол, немного подкрепимся, и тогда я попытаюсь ответить на ваш вопрос.

— А как же поиски нового героя? — наивно спросил Ариэль.

Наверное, мой взгляд, обращенный на него, был столь выразительным, что ни сам Ариэль, ни все остальные не посмели возразить против моего предложения.

Мы вернулись домой. И когда Звонкие часы башни пробили без четверти двенадцать, я поднял бокал и предложил такой тост:

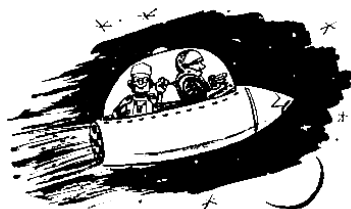
— Вам кажется, мои почтенные гости, что мы с вами напрасно потратили время, так и не найдя нового героя? Вы ошибаетесь! Новый герой фантастического произведения найден! Это простой человек, реальный сегодняшний человек, способный сотворить чудо, которое, простите, даже вы не в силах сделать. За человека, за истинного героя сегодняшней фантастики, я предлагаю вам поднять бокалы!

Звон наших бокалов, дружно ударившихся, слился с боем часов Высокой Башни...

Нам кажется, что Писатель, рассказывавший эту историю, кое-где не удержался от преувеличения. Так, например, вызывает сомнение то обстоятельство, что человек,

путешествующий во времени, появился в компании героев старых романов без своей испытанной Машины времени, а только о ней рассказывает. Спрашивается, как же тогда он смог появиться?

Во всем остальном история кажется нам правдоподобной.

В. ВЛАДКО

**ТАЙНА ЕГО
СПУТНИКОВ**

Фантастический рассказ

Перевод Я. Грекова

*Журнал «Наука і суспільство», № 3, 1966 г.
Твір відшукав Вячеслав НАСТЕЦЬКИЙ, 2016.*

Таємниця його супутників

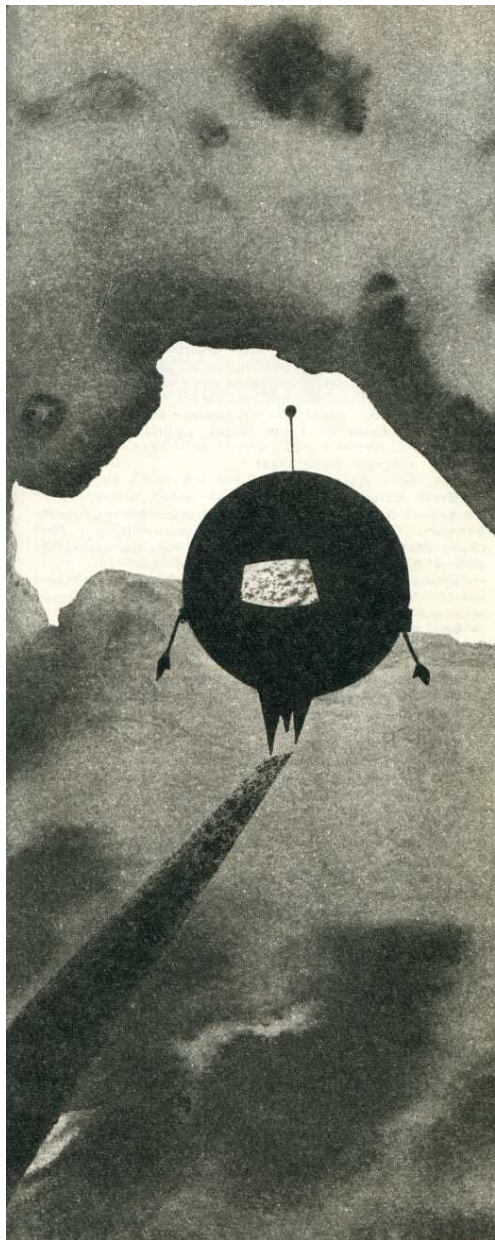
Володимир Владко

Оповідання

1

Собственно, в этом не было ничего странного. И все же таки, когда анализаторы «Зенита-1», неторопливо и ритмически щелкая металлическими клавишами, впервые выстукали ровные строки цифр, никто не смог сдержать разочарованного вздоха. Даже Командир, не говоря уже о Штурмане, Враче и Физике. Штурман вслух перевел эти цифры на обычный человеческий язык:

— Давление воздуха — вдвое ниже, чем на наивысших вершинах Гималаев... Верно? — переспросил он, взглянув

на Физика. Тот утвердительно кивнул головой. — Кислорода — в тысячу раз меньше, чем на Земле. Углекислоты — вдвое больше... Водяного пара — в сто раз меньше, чем у нас. Значит...

— Значит, выходить можно только в скафандрах, — подытожил Врач.

Он еще раз взглянул сквозь толстое прозрачное стекло иллюминатора. Пространство, покрытое желтым крупнозернистым песком, застывшие волны которого тянулись от самого корабля к далекому горизонту, походило на среднеазиатскую пустыню: такие же ровные барханы, без намека на растительность, сплошное песчаное море.

По правую сторону, почти на самом горизонте, из песков возникали невыразительные пригорки, похожие на полузанесенные руины. Но что это было на самом деле, догадаться не мог никто, и даже мощные бинокли здесь не помогали. Воздух, чем дальше к горизонту, все больше колебался и мерцал подвижными волнами; они шли от нагретого грунта и искривляли очертания пригорков. «Руины?» — подумал Врач. Кто знает, что может быть в этом неизвестном, загадочном мире, где все пока что так малопонятно, кроме строк четких цифр, которые неумоимо выстукивали анализаторы корабля.

И еще казалось, будто ясно ощущались отвесные потоки горячих лучей, которые беспощадно лились с выгоревшего бледно-голубого неба. Врач нервно передернул плечами, представив, какая там жара, и вслух прочитала еще одну строку, отстуканную анализатором:

— Температура воздуха — 20 градусов по Цельсию.

— Ясно, — подтвердил Физик, не оборачиваясь. — Освещенная сторона, лето... Наверное, может быть и еще больше...

Командир, который до сих пор молчал, что-то обдумывая, сухо сказал:

— Кажется, никаких неожиданностей нет, товарищи? Вы же не собирались встретить на Марсе крымские пляжи или Кавказскую Ривьеру? Данные анализаторов, в сущно-

сти, совпадают с теми сведениями, которые мы уже получили от автоматических космических станций. Или, может, Врач, вы недовольны из-за того, что нужно носить скафандры? Хорошо, хорошо, — улыбнулся он, увидев резкий жест возражения. — Так вот, нового здесь ничего нет. А все, что нужно для работы, у нас как раз есть. Так вот: начнем, прежде всего, с тех пригорков, которые, кажутся мне наиболее интересными. Руины это или естественные повышения грунта? Это мы и выясним в первую очередь. Приказываю...

2

Межпланетный космический корабль «Зенит-1» твердо стоял на своих трех выдвинутых лапах на грунте Марса. Его сигарообразный корпус вначале четко вырисовывался в чистом прозрачном воздухе. Но чем дальше юркий вездеход отдалялся от корабля, направляясь вглубь песчаной пустыни, тем менее выразительными становились его очертания в нагретой беспокойной атмосфере чужой планеты. Воздух вокруг него все больше дрожал и переливался горячими волнами.

На вездеходе ехали двое — Штурман и Физик. Только двое пассажиров, если не учитывать двух роботов, похожих на блестящие металлические шары с небольшими цилиндрическими выступами, будто головами, увенчанными прямоугольными антеннами. Вел машину Штурман, который пристально вглядывался в то, что с корабля виделось бесформенными песчаными пригорками — цель их поездки. Не менее внимательно вглядывался в эти пригорки и Физик, который все время докладывал по радио Командиру, следившему за ними с корабля, о своих наблюдениях.

— Кажется, Командир, это все ж таки руины, — возбуждено проговорил Физик. — Теперь, когда мы уже значительно приблизились к ним и меньше мешает тепловое мерцание воздуха, я различаю словно бы остатки домов, правда, очень разрушенных...

— Подождите с вашими руинами, — прозвучал в его прозрачном шлеме голос Командира. — Сначала сообщите еще раз, которая температура в скафандре.

— Двадцать два градуса, — ответил Физик. — Климатическое устройство работает безупречно. Так вот, эти руины...

— Обождите! Как чувствуете себя, Штурман? — оборвал его голос Командира.

— Так же, Командир.

— Хорошо. Как ультрафиолетовые лучи? Не ощущаете?

— Ничуть, — ответил Физик. — Скафандр чудесно защищает от них, даже здесь, где атмосфера имеет такую незначительную плотность и пропускает лучи значительно больше, чем атмосфера Земли.

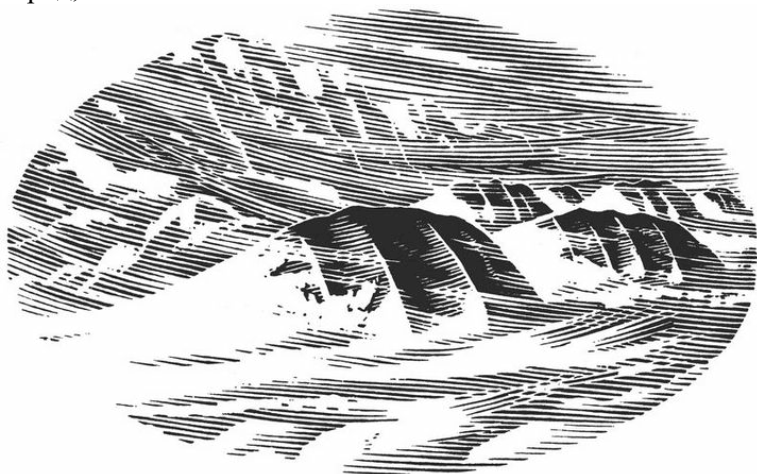
— Штурман, как у вас?

— Все без перемен, Командир.

— Хорошо. Теперь можете докладывать дальше, Физик, — позволил Командир.

Голос Физика оживился:

— Руины уже довольно близко. До них не больше чем полтора километра. Хорошо вижу их! Это, безусловно, остатки каких-то больших строений. Похоже на огромный город, засыпанный...

— Штурман, уменьшить скорость вездехода! — снова оборвал его голос Командира. — Какие у вас впечатления?

— Считаю, что Физик прав. В тех руинах можно заметить что-то даже похожее на улицы, — доложил Штурман.

— Хорошо. Остановите вездеход! Пошлите сначала роботов. Когда они проверят, безопасно ли там, тогда уже отправитесь и вы.

Штурман и Физик переглянулись. Впрочем, приказ есть приказ.

Штурман выключил мотор вездехода.

3

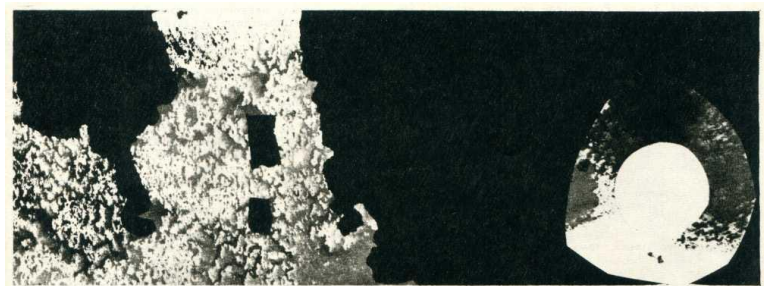
Роботы будто бы только и ждали сигнал Физика. Когда он наклонился к небольшой платформе вездехода, где они лежали, и нажал контрольные кнопки управления, металлические шары будто прыгнули с платформы и побежали один за другим к руинам, до которых было еще далеко. Программу для роботов приготовили заранее. Казалось, блестящие шары просто катятся по песку: их маленькие лапы были почти незаметны в быстром движении. Гибкие, словно щупальца, руки роботов будто что-то непрерывно нащупывали, беспрерывно двигаясь в воздухе. Физик и Штурман, не отводя взгляда, смотрели на два телеэкрана: скрытые внутри роботов камеры пересылали им изображение того, что происходило перед Робом и Ботом. Такие же экраны были и на межпланетном корабле, где Командир с Врачом напряженно следили за происходящим.

Изображение руин на экранах увеличивалось по мере того, как роботы приближались к ним. Теперь появились очертания отдельных домов. Они становились все более крупными. Басовитый механический голос Роба доложил:

— Большой дом. Самый большой. На площади. Могу войти. Выполнять?

— Заходи, Роб, заходи! — возбужденно ответил Физик.

Почти вместе с тем прозвучал другой, более высокий, чем у Роба голос.

— Иду по следам Роба. Выполнять?

— Да, Бот! Выполняй!

— Есть! Есть!

На экране появилось широкое отверстие в стене большого каменного дома. Осторожно, словно опасаясь ловушки, Роб переступал лапами. Вслед за ним так же осторожно двигался Бот. Первый докладывал:

— Похоже на коридор. Стены составлены из каменных глыб. Возможно, бетон. Коридор расширяется. Перехожу в другие помещения.

— Бот, проверь счетчик Гейгера! Что он показывает? — громко спросил Физик.

Высокий голос Бота ответил:

— Радиоизлучение в норме. Угрозы нет.

Физик нажал переключатель связи с Командиром.

— Командир, может, пора двигаться и нам? Ведь нет никакой опасности.

— Подождите. Пусть роботы продолжают проверку, — прозвучал уверенный ответ Командира. — Спокойствие и выдержка, Физик!

— Есть! — покорно ответил тот и снова переглянулся с молчаливым Штурманом.

4

Телекамеры роботов уже показывали высокое просторное помещение. Свет прожекторов выхватывал фрагменты стен, каменный свод потолка. Физик аж дрожал от волне-

ния: ведь он видел перед собой остатки культуры марсиан, которые выстроили этот, теперь мертвый город. А равнодушный механический голос Роба продолжал:

— Вижу стены. Идут в направлении нового коридора. Пол покрыт пылью. Мешает двигаться.

— Бот, сообщи данные анализаторов! Что нового? — спросил еще раз Физик.

Высокий голос доложил:

— Радиоизлучения нет. Состав воздуха без перемен.

Физик уже хотел нажать переключатель связи с Командиром, как вдруг один из двух телеэкранов погас. Вместо четкого изображения на нем осталось серое пятно. Это был экран Бота.

— Кинескоп потерял эмиссию, или что? — обеспокоенно прошептал Физик. И громко позвал: — Бот, что случилось? Почему нет изображения?

Транслятор Бота молчал. Ни звука. И мрачная тьма на экране.

— Бот! Отвечай! Что произошло? Бот!

Ответы не было.

— Роб! Взгляни вокруг. Проверь, что произошло с Ботом. — Голос Физика едва ли не прерывался от волнения. — Отвечай, Роб!

Басовитый механический голос Роба ответил без малейших эмоций:

— Бота не вижу. Он исчез.

На телеэкране Роба передвигались глубокие тени, контуры большого помещения, какие-то углубления. И все. Бота не было.

...Вездеход приближался к руинам города. Штурман вел его точно по пути роботов, прошедших здесь недавно. Он все время проверял направление, сверяясь с экраном Бота: предыдущее изображение на нем, записанное на видеомagnetofонную ленту, было снова запущено для контроля. Впрочем, даже и без этого Штурман и Физик хорошо видели выразительные следы, которые оставили на песчаном грунте лапы роботов.

А впереди — разрушенные полужасыпанные песком мертвые дома. Могучие стены странной невиданной архитектуры. Наглухо замурованные стены поднимались по правую и левую стороны, будто сказочные крепости. Но ни Штурман, ни Физик не делились впечатлениями по поводу этого: их беспокоило загадочное исчезновение Бота, который все продолжал молчать и не отвечал на радиосигналы.

5

Роб, которому приказали не сходить с места, тоже молчал, лишь изредка подавая регулярные короткие сигналы: они свидетельствовали, что с ним все хорошо. Физик знал, как тревожно следит за их путем Командир, который остался с Врачом в космическом корабле. Что с Ботом? На этот вопрос пока не было ответа.

Вездеход оказался перед зияющим провалом в стене огромного дома, стоящего на широкой площади в стороне от других. Да, это было то самое отверстие, изображение которого высвечивалось на экране Бота.

— Словно большой портал, Командир, — громко произнес Физик в микрофон. — Темный, но широкий.

— Вездеход здесь пройдет свободно, Командир, — добавил Штурман, держа руки на руле.

— Вперед! — коротко приказал Командир. И после небольшой паузы, когда вездеход очень осторожно, на малой скорости начал продвигаться вперед, бросая в отверстие снопы яркого света включенных прожекторов, добавил: — И проверяйте каждый шаг, товарищи!

Штурман и без напоминания вел вездеход осторожно, пристально вглядываясь в освещенное пространство, открывавшееся перед ним. Физик вцепился руками в борт машины и подался вперед, будто готовый выпрыгнуть из нее, хотя в этом и не было нужды, — по крайней мере, сейчас. Он напряженно размышлял.

Не было сомнений, что на Марсе когда-то бурлила жизнь.

Полузасыпанный песком, разрушенный город являлся наглядным доказательством этого. Разумные существа некогда создали этот город, построили эти огромные дома. Что произошло с жителями потом? Почему и когда исчезли эти существа? Вероятно, они были похожи на людей... и очень развиты... Иначе разве выстроили бы они такие исполинские дома, как это центральное сооружение на площади, в коридорах которого свободно проходит вездеход? Из какого материала сделано это? Похоже на бетон, потому что нет и следов кирпичной кладки. Но, однако — кто его знает?.. Впрочем, главное сейчас — узнать, что произошло с разумными существами, марсианами, которые жили здесь?..

6

Вездеход выехал из коридора и попал в большое полутемное помещение, огромный зал без окон. Штурман на минуту остановил машину и нажал на рычаг освещения. Яркий луч прожектора медленными движениями ощупал стены помещения. В самом деле, очень удивительно! Здесь тоже не было ничего, кроме больших каменных или бетонных глыб. Пустота. Никакого намека на внутреннее оборудование: ни какой-либо обстановки, которая свидетельствовала бы о жизни обитавших здесь разумных существ, ни простейшей мебели...

Штурман направил луч прожектора в противоположном направлении. Вдали мелькнуло что-то и блеском отразило луч. И вдруг зазвучал басовитый механический голос Роба:

— Вижу свет прожектора. Жду приказов.

Но странным был не этот лишенный страсти, равнодушный ко всему в мире голос Роба. Удивительным было то, что оба — и Штурман, и Физик — слышали высокий слабый, и как будто печальный голос Бота, который едва донесся до них:

— Я также... вижу свет прожектора...

— Где ты, Бот? — позвал пораженный Физик. — Почему ты все время молчал? Что произошло?..

Штурман предостерегающе положил руку на плечо Физика, и тот опомнился. В самом деле, нельзя же так засыпать Бота вопросами. Робот, какой бы он не был совершенный, не успеет ответить: это же не человек. И в самом деле, Бот механически повторял:

— Прошу повторить приказ. Прошу повторить приказ.

Физик четко, выразительно произнес:

— Почему ты молчал, Бот? — И прислушался, потому что голос робота был очень слабый, как будто доносился из какого-то подземелья.

Не менее внимательно вслушался и Штурман. Рука его на плече Физика немного дрожала.

— Я не молчал, — ответил робот. — Все время докладывал. Ваших приказов не слышал. Думал: оборвана радиосвязь. Теперь слышу. Вижу свет сверху.

— Как сверху? Подожди. Рассказывай все, что произошло, Бот. Подробно, Бот!

— Я внезапно переместился вниз. Неизвестно, куда. Послал запрос. Радиосвязи не было. Куда идти дальше, не знал. Решил ждать приказа. Вернуться не смог. Стены. Приказа не было.

Этот рассказ был неясный, путанный, хотя Бот и старался сказать все то, что зафиксировала его механическая память. Физик понял так, что робот неожиданно провалился в какое-то нижнее помещение. Там, очевидно, были стены, полностью экранировавшие радиосигналы, которые он все время передавал. Поэтому космонавты его и не слышали, поэтому не работали и телеэкраны. И только теперь, когда к месту, куда он провалился, подошел вездеход, радиосигналы, отражавшиеся от свода большого зала, стали немного слышными. Одновременно Бот увидел и свет прожектора, тоже отражавшийся от потолка.

Физик тихо спросил Штурмана:

— Не понимаю только, почему Бот провалился? Ведь он шел вслед за Робом, а тот спокойно прошел весь зал...

Штурман пожал плечами:

— Один прошел, а второго пол не выдержал.

— В самом деле, разве ж мы знаем, сколько стоят эти руины? Точно так же могли провалиться и мы с нашим вездеходом.

Штурман снова пожал плечами и спросил:

— Что будем делать?

— Посоветуюсь с Командиром, — ответил Физик. — Ведь он не слышал того, что сообщил Бот.

За минуту все было выяснено. Физик взял с собой моток капронового троса, крепко закрепил один его конец за крюк вездехода и, постепенно разматывая трос, тронулся вперед. Штурман, который остался на вездеходе, освещал ему путь мощными прожекторами.

7

Яркий электрический свет обеих прожекторов придавал погруженному в полумрак огромному залу причудливый, фантастический вид. Углы, которых не достигал свет, погрузились во тьму, казавшуюся особенно густой и загадочной. Но Физик не имел возможности оглядываться вокруг. Он пристально вглядывался в четкие следы, которые оставили на припорошенном пылью полу лапы роботов, и, то и дело проверял прочность покрытия. Позади его был вездеход, заливавший светом путь, а где-то в конце зала, который казался необъятным, слабо мелькал далекий прожектор Роба. А где-то между этими двумя точками должна была находиться пропасть, в которой исчез Бот. Но где именно?..

Ага, вот она!

По краям широкого провала в полу торчали обломки то ли камня, то ли бетона, — точно этого Физик не знал. А внизу, где-то на глубине четырех-пяти метров, светился прожектор Бота. Насколько можно было рассмотреть при тусклом неровном освещении, на нижнем этаже также было пусто; только сухая серая пыль толстым слоем покрывала все пространство.

«Да неужели же марсиане не оставили после себя ни одной вещи?» — с изумлением подумал Физик.

Он уже собирался бросить Боту моток троса, которым тот должен был привязаться, чтобы вездеход вытянул его вверх, как вдруг заметил в пыли около лап робота какие-то блестящие предметы. Они тускло отливали в свете прожектора, падавшего немного выше их. Казалось, что это были пластинки из светлого металла, полузасыпанные серой пылью. Физик недоверчиво прищурился: может, это были куски отшлифованного металла, которые отломились от корпуса робота, когда тот падал? Он громко спросил:

— Бот, у тебя ничего не сломалось?

После паузы, во время которой робот, наверное, осматривал себя, тот четко и громко ответил:

— Все хорошо. Повреждений нет. Упал ногами. Ощутил лишь сотрясение.

— А что там, на полу возле тебя, Бот? — Голос Физика дрожал.

Снова повисла небольшая пауза. Робот наклонился, луч его прожектора скользнул по полу, по пыли.

— Вон там, возле твоих ног, Бот?..

— Лежит белый металл. Куски. Посмотреть?

— Немедленно, Бот!

Робот длинными суставчатыми руками взял одну металлическую пластинку и поднял ее к своим фотоэлементам. Потом так же безразлично ответил:

— На пластинке рисунки. Возможно буквы или цифры. Прочитать не могу. Недостаток нужной информации.

Физик ощутил, как стынут от волнения его руки. Отрывисто, напрягая все силы, чтобы его слова прозвучали как приказ, он велел:

— Бот, собери все эти пластинки. Все до одной. Понял?

— Да.

— И положи их в свою сумку! Осторожно, Бот, осторожно! И - все, обязательно все!

— Да, — невозмутимо ответил Бот и снова наклонился.

Робот, подсвечивая себе прожектором, собирал металлические пластинки одну за другой и складывал их в сумку, висевшую у него на боку. А Физик следил за его движения-

ми и сам невольно повторял их. Он знал, что робот действует точно и правильно, но не мог преодолеть волнения, которое все больше охватывало его. «Марсианские находки!», — стучало у него в голове. И он то и дело повторял пересохшими губами:

— Осторожно, Бот! Осторожно! Не сломай ничего! Осторожно!

8

Три головы одновременно повернулись к люку, который вел в машинное отделение корабля. В глазах застыл немой вопрос. Командир прошел через люк в каюту и встал перед ними — Штурманом, Врачом и Физиком. Лицо его будто бы улыбалось, но глаза при этом были почему-то печальные, и это придавало Командиру какой-то непривычный вид. Командир на мгновение остановился, вглядываясь в присутствующих. Он вынул из кармана несколько листочков бумаги, на которых виднелись строчки, показал их товарищам и, наконец, произнес:

— Рад сообщить вам, что «Аргос» полностью справился со сложной задачей. Текст расшифрован!

— Ура! — бурно закричал Физик, но ему тут же сразу стало неловко за свою ребячливость.

Командир едва улыбнулся:

— Ничего, дорогой Физик, вначале я и сам готов был кричать «ура». Кроме того, именно вам принадлежит честь находки этих записей на металле. Еще раз поздравляю вас, друг.

Штурман и Врач заметили сдержанность Командира и отметили слово «вначале», которое он употребил. Это их удивило. Только Физик, красный от стыда, не заметил ничего. А Командир взглянул в иллюминатор, протянул руку и тронул выключатель. В каюте «Зенита-1» погас свет. Перед глазами экипажа открылась волшебная картина ночного марсианского неба с сияющими, удивительно большими звездами. Одна из них медленно плыла с запада на восток

— яркая звездочка серебристо-голубого цвета. Это был один из двух спутников Марса — Фобос.

Командир снова включил свет. Он сел за стол и немного торжественно обратился к присутствующим:

— Вас, наверное, удивило, что я погасил свет в каюте. Мне просто хотелось еще раз обратить ваше внимание на Фобос, который сейчас проходит по небосклону... Почему я сделал это? Сейчас вы обо всем узнаете.

— Неужели обо всем?.. — заинтересованно спросил Врач, будто вспомнив что-то, но так и не закончил фразы.

Командир снова едва заметно улыбнулся.

— Да. Наша электронно-вычислительная машина «Аргос» на самом деле расшифровала записи, найденные Физиком. Правда, не все, далеко не все. Бот принес нам двадцать восемь таких металлических пластинок с загадочными значками. Но большую часть их съела коррозия. Мы с вами не можем восстановить значки, которые вследствие этого исчезли... Думаю, когда мы вернемся, специалисты обработают остатки пластинок и проявят на них все значки. Но это уже дело будущего. А пока что мы обработали фактически лишь пять пластинок, где буквы сохранились. Я говорю — буквы, потому что так оно и есть. «Аргос» прочитал их. Вот расшифрованные им записи.

Командир еще раз показал покрытые строками бумажные листки.

— Я попробовал разложить их по смыслу, хотя это и очень условно. Тем более, что записи эти сделаны, как мне думается, десятки тысяч лет тому назад. Теперь понятно, почему в домах марсиан не осталось никаких вещей: время уничтожило их целиком. Время — и еще кое-что... Вот первый отрывок.

9

Он взял лист бумаги и стал громко читать:

— «...когда Синие выстроили свой Спутник и запустили его на орбиту, они считали, что уже победили. Синие утверждали, что теперь, когда Спутник ежедневно будет

плыть по своей орбите вокруг планеты, каждый сможет убедиться в их полнейшем могуществе. И Зеленые подчинятся им. Но произошло не так, как они рассчитывали. Зеленые на своей половине планеты начали строить еще более мощные ракеты, уже с атомными двигателями...»

Командир поднял глаза:

— Далее эту пластинку прочесть нельзя, остальные значки съела коррозия.

— Атомные двигатели?.. Значит, марсиане уже тогда делали их, были знакомы с технологиями? — почти растерянно спросил Врач.

Командир утвердительно кивнул:

— Слушайте дальше:

«...они назвали его Сияние. Зеленые заявили, что их искусственное Сияние точно такое же, как и Спутник Синих, его диаметр также достигает десяти километров. Но, заявили они, мы имеем более мощные двигатели, и потому Сияние движется быстрее. Синие должны понять, что половина планеты, населенная Зелеными, более сильна, потому что Сияние оборачивается вокруг Марса трижды в сутки. И это они, Синие, должны им подчиниться. Так заявили Зеленые. Но и это не было концом. Потому что тогда...»

Врач нарушил молчание, которое воцарилось после прочтения этого отрывка. Он сказал:

— Итак, Спутник и Сияние — а по-земному, Деймос и Фобос — искусственные сооружения... И с того времени, как их запустили, они до сих пор обращаются по орбитам вокруг Марса?..

— Значит, что так, — ответил Командир. — Синие и Зеленые, очевидно, были большими враждующими группировками марсиан. И те, и другие владели своей половиной планеты, хотя мы и не знаем, почему и как это произошло... Впрочем, послушайте дальше. Третья пластинка рассказывает вот что:

«...атомные пушки, бомбы и ракеты. Это постепенно стало самым страшным бедствием на обеих половинах планеты. Кто-то понимал это, а кто-то — нет. Каждая половина

считала, что может уничтожить другую. Но при этом Зеленые боялись Синих, а Синие — Зеленых, и никто не отваживался первым начать это уничтожение...»

Он взял четвертый листок бумаги. Пальцы его заметно дрожали, когда он поднес его к глазам.

— Слушайте, друзья, что было потом:

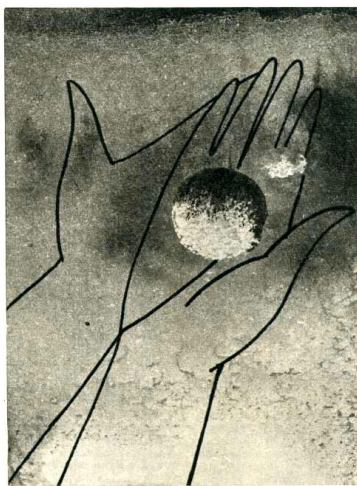
«..но кнопка была нажата, и атомные бомбы Зеленых начали взрываться на половине Синих, не оставляя в живых никого. Однако Синие тоже успели нажать кнопку на своей половине. И, хоть они и погибли, автоматические ракеты уже после их смерти начали уничтожать половину Зеленых. Кто-то погиб сразу, а кто-то позднее, но атомная смерть настигла всех. А те, кто случайно выжил, не могли ничего есть, потому что взрывы атомных бомб отравили всю пищу и всю воду, и после этого уже никто не мог спастись...»

Исследователи ошеломлены молчали. В руках Командира был еще один, последний листок бумаги. Последняя запись...

— Читайте, Командир! — хрипло выговорил Штурман.

— Прочитаю, все прочитаю, — ответил Командир. — Вот что написано на последнем листке, на последней пластинке из тех, где буквы сохранились:

«Я здесь, в подвале главного управления. Я знаю, что в скором времени погибну. Атомная смерть никого не обойдет. Наверное, я последний из всех. И я надеюсь, что кто-нибудь — возможно, даже пришельцы с других планет — когда-нибудь узнают из моих записей о том, что случилось на нашей планете, с нашей большой цивилизацией. Пусть хотя бы они будут более разумны, и не уничтожают самих себя атомными взрывами,

потому что, однажды начав это уничтожение, никто уже не сможет его остановить...»

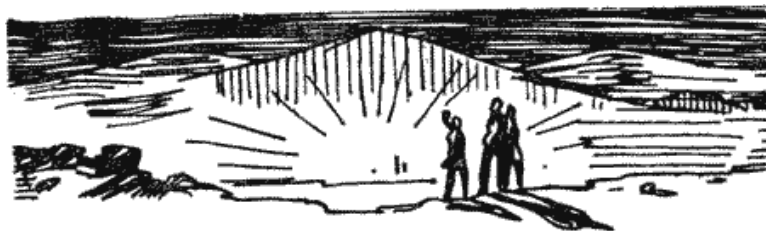
10

Командир замолчал. Молчали, пораженные, и его товарищи.

Потом Командир снова выключил свет.

И в темном иллюминаторе межпланетного корабля снова возникло прекрасное глубокое марсианское небо с его яркими звездами.

Фобос уже исчез на востоке, зато на небосклон неторопливо поднимался второй спутник Марса — Деймос, такой же равнодушный ко всему, что и первый. Он степенно плыл над мертвыми желтыми песками планеты, где уже не осталось ничего живого... Опустошенной планеты, которую люди называют Марсом...

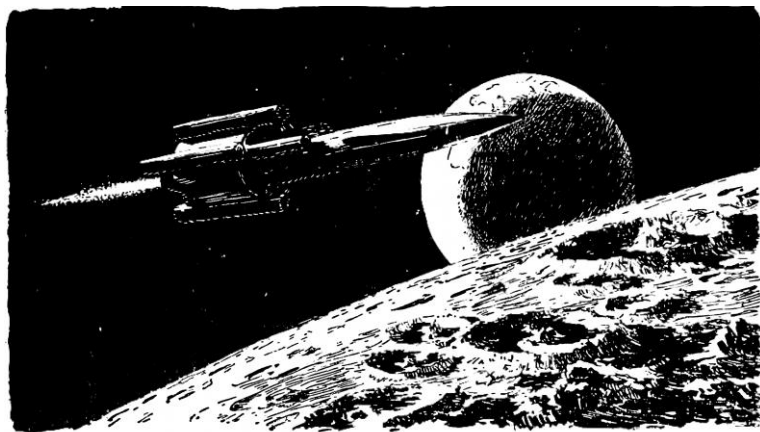
ГЕОРГИЙ ОСТРОУМОВ

ЛУННЫЙ РЕЙС

Научно-фантастический рассказ

Рисунки Н. Кольчицкого.

ЛУННЫЙ РЕЙС

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ

Г. Остроумов

Рисунки Н. Кольчицкого.

Нужна ли вторая луна?

Мы очень сопротивлялись намерению врачей отправить нас в санаторий. Ещё бы! Всё готово к путешествию, о котором мечтали самые смелые умы, всё готово к полёту на Луну, а нам, экипажу первого космического корабля, предлагают ехать куда-то в подмосковный санаторий, пить там парное молоко, собирать малину и ловить ершей!

Но врачи победили. Они наотрез отказались дать разрешение на полёт, если мы не отдохнем. Сказать по правде, мы порядком устали.

Нас, первых путешественников за пределы Земли, всего четверо. Профессор Петров — известный физик, инженер Михайлов — специалист по реактивной технике, один из конструкторов межпланетного корабля и его пилот, астроном Карцев — наш штурман, человек, который будет прокладывать маршрут полёта от Земли к Луне, и, наконец, я —

радиоинженер. На моей обязанности — поддерживать связь с Землёй в полёте и во время пребывания на Луне.

Наш полёт интересует многих. Биологам очень важно знать, как будут чувствовать себя растения в лучах Солнца, не ослабленных атмосферой, и как влияют космические лучи на различные организмы; геологам необходимо обследовать лунные горы, собрать коллекцию тамошних минералов; химики, металловеды, электрики — все наперебой требовали, чтобы на Луну был отправлен в первую очередь их представитель. Но ракета не может взять больше четырёх пассажиров, а чтобы интересы учёных, остающихся на Земле, не пострадали, нам пришлось изучать и зоологию, и химию, и ботанику, и многие другие науки.

Инженер Михайлов взял на себя поручение геофизиков. Он должен был на Луне пробурить пробные скважины, а потом взорвать в них заряды. Колебания лунной коры позволят судить о внутреннем строении спутницы Земли. Карцев засел за геологию, ему предстояло собрать первую коллекцию лунных минералов. На мою долю выпали биологические исследования. У профессора Петрова была обширная программа исследований по физике. Мы освободили его от всех других дел, и нам троим пришлось разделить между собой обязанности кинооператора, заведующего хозяйством межпланетного корабля и повара.

Много сил отняла у всех нас подготовка к полёту.

С утра мы отправлялись в институт, где проектировался и строился межпланетный корабль. Изучали чертежи, участвовали в сборке ракеты, а когда корабль был готов, мы стали тренироваться в управлении его многочисленными механизмами. Каждый из нас учился искусству пилотирования. Кто знает, какие неожиданности могут произойти в полёте!

После обеда мы спешили на какой-либо из заводов, выполнявший заказ экспедиции. Для нас строились десятки различных приборов. Оттуда мы отправлялись в библиотеки и научно-исследовательские лаборатории и там готовились к тем опытам, которые нам предстояло провести на Луне.

Горячие споры разгорелись по поводу того, каким способом мы полетим.

Учёные и инженеры, которым поручено было составить проект корабля и продумать весь перелёт, разбились на две группы.

Одни утверждали: лететь на Луну надо прямо с Земли. Мы, экипаж ракеты, оказались в другой группе специалистов, которые считали, что нужно сперва запустить на высоту в триста-четыре тысячи километров от Земли маленькую искусственную Луну, построенную из металла, и воспользоваться ею как пересадочной станцией. До искусственной Луны можно долететь на ракетоплане, то есть в ракете с крыльями, приспособленной для полётов в атмосфере. А уж оттуда на космической ракете мы отправимся на настоящую Луну.

Сторонники беспересадочного перелёта главное достоинство своего проекта видели в его простоте. «Сел и полетел», — говорили они.

«Но, — возражали мы противникам, — построить ракету, способную прямо с Земли долететь до Луны, гораздо труднее, чем сделать искусственную Луну и заставить её кружиться вокруг Земли. Какой запас самого лучшего топлива должна иметь ракета, летящая без пересадки? В пятнадцать раз больший, чем вес самой ракеты с пассажирами, приборами и запасом воды и пищи! Нет ещё такого металла, из которого можно было бы соорудить прочную и в то же время лёгкую и ёмкую ракету».

Добавляю от себя в пояснение, что, например, вес скорлупы яйца только в девять-десять раз меньше, чем вес белка и желтка. А чтобы вес скорлупы относился к весу содержимого яйца, как один к пятнадцати, скорлупа должна быть такой тонкой, что, если её сделать даже из металла, прочность у неё будет ничтожная.

А как же добиться такого соотношения в большой ракете? На это «беспересадочники» отвечали: «Потерпите немного, и мы создадим новый, сверхпрочный сплав. Мы на полпути к его получению».

И это было верно: в металлургической лаборатории одного из институтов уже получили, обработав застывающую сталь ультразвуками, удивительно прочный металл. У нового металла ещё были недостатки, которые не позволяли применить его для постройки ракеты, но победить их, по-видимому, было не так уж трудно. Но когда эта победа будет одержана?

Даже «беспересадочники» наконец согласились с тем, что ждать не следует, и выдвинули новый проект: отправиться в полёт на составной ракете. С Земли поднимется целый поезд из трёх или четырёх прочно соединённых друг с другом ракет. Пассажиры будут находиться в головной ракете. Вначале должен запускаться двигатель задней ракеты, он будет толкать весь поезд. Когда баки задней ракеты опустошатся, её надо отцепить, и она упадёт вниз. Тотчас же должна включиться ракета, которая окажется задней. Затем её тоже нужно будет отбросить, и следующие за ней ракеты, по очереди, будут придавать нужную скорость пассажирской ракете. У неё тоже должен быть свой запас топлива для торможения при посадке на Луну и взлёта с неё. Для этого нужно во много раз меньше топлива, чем для подъёма с Земли.

Все эти проекты, вокруг которых разгорелся спор, были выдвинуты уже давно. Их автором был замечательный учёный К. Э. Циолковский.

Достоинства и недостатки проектов уже не раз были взвешены, но теперь, когда о межпланетном полёте заговорили не как о мечте, а как о событии сегодняшнего дня, их внимательно пересмотрели вновь. И в самом деле, ведь во времена Циолковского не было ни замечательно прочных металлов, ни удивительно энергичного топлива, которыми мы располагаем теперь.

Построить составную ракету можно было, не дожидаясь, когда будут получены сверхпрочные сплавы. Этот проект был вполне осуществим.

Но победу одержали всё-таки мы, сторонники искусственной Луны.

На первый взгляд лететь на Луну с пересадкой кажется труднее. На самом же деле у этого способа есть неоспоримые преимущества.

Во-первых, чтобы долететь с искусственной Луны до настоящей, нужно топлива всего в полтора раза больше, чем весит сама ракета.

Во-вторых, на искусственной Луне можно устроить постоянную пересадочную станцию.

В-третьих, её можно превратить в летающую лабораторию для изучения межпланетного пространства: ведь она будет вращаться вокруг Земли далеко за её атмосферой.

«Беспересадочники» потерпели поражение в споре, но как только было окончательно решено лететь с пересадкой, бывшие «противники» с жаром принялись за работу. Для постройки «Луны» был создан специальный институт; для постройки ракеты — другой.

К нашему сожалению, мы, поглощённые строительством ракеты, не могли как следует познакомиться с металлической «Луной». Не довелось нам увидеть и отправку «Луны» в межпланетное пространство. Отдельные её части, превращенные на время в ракеты, были по очереди запущены на высоту четырёхсот километров. Там они переменили направление полёта и стали вращаться вокруг Земли.

Об их дальнейшей судьбе мы узнавали из радиосообщений, приходявших из заоблачных высот.

Много дней пилоты ракет, подобно плотовщикам, сбивающим плот на быстром течении, собирали части «Луны» в одно место, потом они соединили их и сообщили, что спутник готов. В этот же день на новую Луну отправились первые ракетопланы. Они отвезли туда учёных, запасы продовольствия, воды и кислорода, приборы и инструменты для летающей лаборатории. Обратным рейсом вернулось большинство пилотов — строителей летающего острова.

Как раз в это время началась проверочная сборка нашей космической ракеты, и с новой «Луны» мы получали советы по поводу улучшения конструкции ракеты и приборов и уточнения планов наших научных работ в космосе.

Особенно оживилась связь с искусственным спутником, когда настало время переправлять туда нашу космическую ракету. Она не была приспособлена к полётам в атмосфере, и её пришлось доставлять на летающую станцию по частям в ракетопланах. Два раза в сутки строго по расписанию отправлялись с одного из подмосковных ракетодромов крылатые ракеты, перевозившие наш межпланетный корабль. Ежедневно получали мы радиосообщения со второй Луны — так называли теперь искусственный спутник — о том, как подвигается сборка нашего корабля. Наконец пришла радиограмма: «Сборка закончена. Приступаем к приёму экспедиционных грузов».

Отправка научного оборудования и продовольствия нас уже не так беспокоила — всё было заранее просмотрено и упаковано, — и у нас неожиданно появилось свободное время. Этим-то и пользовались врачи, чтобы запрягать нас подальше — в дремучие леса на северо-западе от Москвы.

Таковы были события, предшествовавшие нашему появлению на даче, расположенной на берегу одного из больших водохранилищ. За несколько дней отдыха все мы отоспались, посвежели и, самое главное, приобрели спокойствие и уравновешенность, необходимые в полёте.

В день отлёта

До ракетодрома надо было проехать более трёхсот километров, и, чтобы поспеть вовремя, мы встали очень рано.

Нас уже ждал длинный серый автомобиль с прозрачным, словно колпак настольных часов, верхом. Двигатель у автомобиля помещался сзади, и поэтому передняя часть машины была округлённая, а моторная часть — узкая. Автомобиль, если смотреть на него в профиль, походил на какую-то рыбу. Это сходство усиливалось хвостовым оперением машины; оно придавало машине устойчивость во время езды с большой скоростью.

Когда все мы и прикомандированный к нам доктор вошли в машину, дверцы её автоматически захлопнулись за нами. Мы оказались в небольшом купе с круглым столом посредине и пятью креслами вокруг него.

Водитель — он сидел впереди, перед ветровым окном — включил двигатель, и мы тронулись.

Уже через несколько минут стрелка на спидометре показывала, что автомобиль мчится со скоростью сто пятьдесят километров в час. Подстриженные кусты акации по обе стороны шоссе сливались в сплошную светло-зелёную ленту. Движение на шоссе шло в одну сторону, встречные машины мчались по параллельной дороге, отделённой полосой кустарников и яблонь. Опасность столкновения не грозила нам, и водитель включил «автошофёр» — прибор, который повёл машину без участия человека.

Шоссе делало поворот, и автомат поворачивал машину. На подъёмах он увеличивал мощность двигателя, на спусках тормозил. Команду автомат получал от самой дороги: посредине её в бетоне была проложена толстая металлическая полоса. Она посылала электрические сигналы, а автомобиль своими антеннами улавливал их. На прямом участке дороги полоса посылала одни сигналы, на повороте другие, и руль автоматически менял свое положение. На подъёме третий вид сигналов заставлял автомат увеличивать подачу горючего и воздуха в двигатель.

Наш автомобиль мчится со скоростью сто пятьдесят километров в час.

Наша машина мчалась посредине шоссе, обгоняя автомобили обычного типа, которые ехали по краям. Число наших попутчиков с каждым километром росло и росло; все они, по-видимому, торопились туда же, куда и мы, — на ракетодром.

Скоро на шоссе стало так тесно, что нам пришлось сбавить скорость.

Впереди на несколько километров растянулся ноток машин. Они заняли даже среднюю часть шоссе. Мы стали волноваться, как теперь расчистить дорогу, чтобы не опоздать на ракетодром. Но нас выручил водитель машины. Он нажал на приборной доске какие-то кнопки и громко произнёс: «Всем едущим по Западному шоссе! Прошу освободить середину дороги для машины экипажа ракеты». Оказываясь, наш предусмотрительный водитель установил на автомобиле радиостанцию.

Шоссе впереди нас сразу преобразилось: все машины вытянулись в две узкие колонны по краям. Путь был открыт!

Все вздохнули с облегчением.

Скоро в автомобиле наступила тишина. Каждый мысленно проверял себя, всё ли он подготовил к полёту. Малейшая оплошность, пустячная здесь, на Земле, может привести к трагедии там, в космическом пространстве, в сотнях тысяч километров от родной планеты.

Лица моих спутников стали ещё сосредоточеннее и серьёзнее, когда машина, преодолев подъём, въехала на высокий холм. На огромной равнине, расстилавшейся у подножия холма, виднелись здания: командный пункт ракетодрома, ангары, мастерские, склады. Отсюда, с возвышенности, они казались совсем крошечными. Гигантской бетонированной площади ракетодрома и взлётных эстакад ещё не было видно. Их скрывала дымка, застилавшая горизонт.

Мы все смотрели туда, где, по нашим расчётам, должен был стоять ракетоплан.

Неожиданно яркая вспышка голубоватого света пробила марево, скрывавшее от нас воздушный корабль.

Это луч солнца указал, где находится крылатый ракетоплан, отразившись от его сверкающей поверхности, покрытой для уменьшения трения о воздух и защиты от нагревания тонким слоем хрома и отполированной до зеркального блеска.

Поток машин, идущих за нами, направился к гряде холмов, окаймлявших равнину с запада. На склонах холмов разместились тысячи людей. Наша машина в одиночестве прошла последние километры пути.

Ещё минута, и автомобиль застыл перед входом на командный пункт.

Времени до отлёта осталось совсем мало. Мы быстро переоделись в лётные костюмы и вместе с членами комиссии по перелёту поспешили к открытому аэродромному автобусу. От командного пункта до стартовой эстакады, где поджидала нас зеркальная птица, было больше километра. Ближе установить ракетоплан опасно: потоки раскалённых газов, вырывающихся из него при взлёте, могут обжечь провожающих.

По пути академик Брагин — председатель комиссии — даёт нам свои последние советы на тот случай, если защита экипажа от действий космических лучей и метеоритов окажется недостаточно надёжной.

Задолго до нашего отлёта были запущены небольшие ракеты с приборами для изучения мощного потока обломков атомов — космических лучей, пронизывающих космическое пространство. На этих ракетах не было людей, но приборы помогли выяснить, что космические лучи опасны для человека. Учёные стали думать, как защитить людей от космических лучей.

Самое простое решение — сделать защиту из толстых плит свинца — было непригодно. Ракета, закованная в такие свинцовые доспехи, не смогла бы взлететь.

Профессор Петров нашёл другое замечательное средство защиты. Оно было совсем невесомо. Чтобы заставить космические частички свернуть с пути ракеты, он предложил окружить ракету мощным магнитным полем.

Но не все нашли проект Петрова удачным. Некоторые учёные возражали: «Для создания мощного магнитного поля нужно много электрической энергии! Где возьмёт её ракета?» Петров предусмотрел и это. Энергию даст Солнце, тепло солнечных лучей будет преобразовано в электрическую энергию.

Долгое время шли споры и о том, как уберечь ракету от столкновения с метеоритами, которые летят с огромной скоростью — от 10 до 70 километров в секунду. Встреча с ними не сулила ничего хорошего. Большой метеорит пробьёт ракету насквозь, а маленький при столкновении со стенкой корабля взорвётся, как бомба, и пробьёт в корпусе большую брешь.

При внимательном изучении дело оказалось не таким безнадежным, как представлялось с первого взгляда. Метеоритов в мировом пространстве очень мало. Астрономы довольно точно подсчитали, что можно тысячу раз слетать на Луну и обратно, прежде чем встретишь хоть один более или менее крупный метеорит.

Значительно больше в космическом пространстве совсем мелких метеоритов. Но и эти «крупинки» встречаются редко: один метеорит отстоит от другого больше чем на тысячу километров! И всё-таки инженерам нужно было предусмотреть возможную встречу ракеты с метеоритами.

Лучшую броню для ракеты изобрёл наш спутник инженер Карцев. Он предложил сделать стенки ракеты тонкими, но двойными. Маленький метеорит, пробив первую из них, взорвётся в промежутке, и внутренняя стенка останется невредимой.

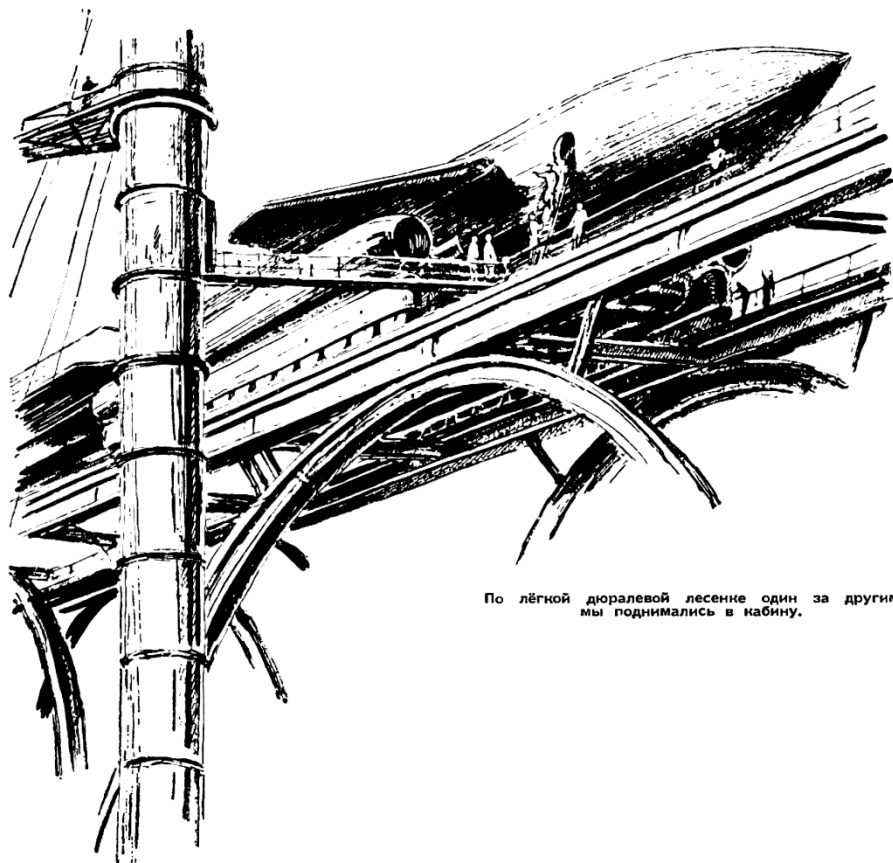
Как ни медленно по сравнению со скоростным автомобилем двигался автобус, всё же мы довольно скоро добрались до подножия металлической эстакады — громадного ажурного моста, на котором распластался наш ракетоплан.

Последние рукопожатия, приветствия, и маленький лифт унёс нас вверх — на эстакаду.

По узкой лесенке, держась за поручни, мы поднимаемся к ракетоплану. Его огромное сверкающее тело, похожее на

удлинённый снаряд, лежит на длинной многоосной тележке. Мощные ракетные двигатели, установленные на тележке, помогут нам сразу же после взлёта набрать большую скорость. Короткие, круто отогнутые назад крылья будут поддерживать наш ракетоплан во время полёта в атмосфере Земли.

Вокруг ракетоплана уже суетятся члены стартовой команды. Входной люк открыт. По лёгкой дюралевой лесенке один за другим мы поднимаемся в кабину.

По лёгкой дюралевой лесенке один за другим мы поднимались в кабину.

Полёт зеркальной птицы

Мы очутились в небольшой кабине в носовой части ракетоплана. Стены кабины обиты пенопластмассой — мягким материалом, похожим на губку, с тончайшими каналами и порами, — плохо проводящей тепло и звук. По сравнению с огромным воздушным кораблём кабина казалась совсем маленькой. В ней были расставлены шесть кресел для пассажиров, впереди одиноко стояло седьмое кресло — для пилота. Перед ним полукругом развернулась панель с приборами и с большим телевизионным экраном посередине.

Всё остальное пространство в ракетоплане занимали два огромных бака с запасом топлива и двигатель. Запас горючего был так велик, что инженеры, шутя, называли ракетоплан летающей бочкой.

Один из баков только что наполнили жидким кислородом, а другой — особой жидкостью, сгорающей при очень высокой температуре.

Пилот жестом радушного хозяина пригласил нас занять места. Кресла в ракетоплане были особенные: они скорее походили на удобные кушетки с подлокотниками и подножками, укреплёнными на подвижных металлических рычагах. На мягких кожаных подушках было очень удобно и сидеть, и лежать.

Когда мы уселись, члены стартовой команды плотно пристегнули всех нас широкими мягкими ремнями к сиденьям, и мы стали так же беспомощны, как спелёнатые младенцы. Правда, на подлокотниках кресел были кнопки. Нажав на кнопку, можно было немедленно освободиться от ремней: замки у них были электрические.

На нас надели шлемы с радионаушниками и повесили на шеи крохотные микрофоны. Теперь мы могли переговариваться друг с другом, невзирая на шум.

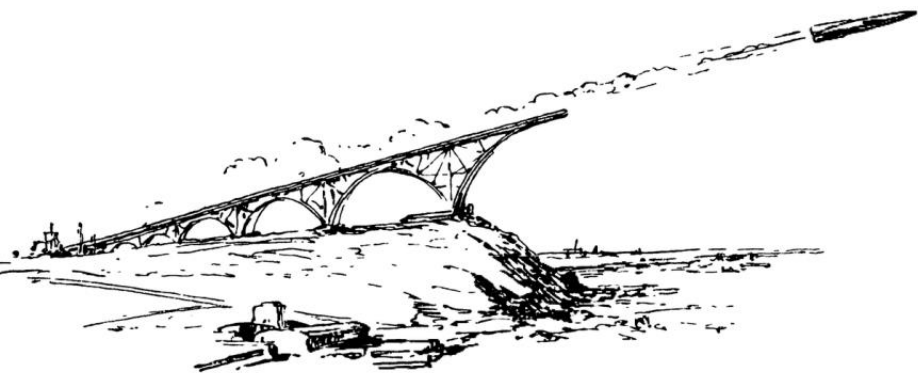
Вслед за нами прибыли два инженера — радист и электрик. Они тоже летели на вторую Луну. Немногочисленной команде искусственного спутника было трудно своими силами подготовить космический полёт — в помощь ей ко-

мандировали этих инженеров. Так же, как и нас, их быстро «запеленали». Последним занял своё место пилот. Его тоже прикрепили к креслу.

Начальник стартовой команды в десятый раз напомнил нам, как должен вести себя пассажир при взлёте, помахал приветственно рукой и скрылся в светлом отверстии люка. Дверца медленно, но с силой захлопнулась и наглухо отделила нас от внешнего мира. Ни одна струйка воздуха не ускользнёт теперь из кабины наружу. Иначе там, на громадной высоте, в безвоздушном пространстве, куда направляет свой полёт ракетоплан, воздух утечёт из кабины, и мы задохнёмся.

Истекли последние минуты нашего пребывания на Земле. Засветились циферблаты и стрелки многочисленных приборов, выстроившихся перед пилотом. На пульте зажглась красная лампочка. Это сигнал с командного пункта. Двигатели ракетоплана и тележки-ускорителя будут запущены автоматически ровно через минуту. Кресла, в которых мы лежали, подались вперёд, и спустя несколько секунд, мы уже не лежали, а стояли, вернее, висели, на ремнях, плотно притянутые ими к подушкам.

Известно, что отдыхать и спать лучше всего лёжа. При разгоне ракетоплана на нас будет действовать сила ускорения. Вот кресла и повернули так, чтобы по отношению к этой силе мы оказались «лежащими».

Мощные реактивные двигатели, установленные на тележке-ускорителе, помогли ракетоплану набрать большую скорость.

Где-то позади послышался приглушённый шум.

Это начали работать насосы, подающие топливо в камеру сгорания. Ещё мгновение, и раздался мощный нарастающий гул. Огромная сила вдавила нас в подушки. Ощущение было такое, будто ракетоплан стремительно встал на дыбы и на нас кто-то положил невидимый, но невероятно тяжёлый груз.

Гул двигателя быстро превратился в ровный могучий рёв. Десятки тысяч килограммов топлива сгорали каждую минуту, превращаясь в раскалённый газ. С бешеной силой вырывались струи газа из сопла, сообщая ракетоплану всё нарастающую скорость.

Мы мчались со скоростью нескольких километров в секунду. Остались позади самые плотные слои атмосферы. Электрический термометр на приборной доске, показывал, что хромированная поверхность корабля нагрелась от трения о воздух на несколько сот градусов. Только благодаря замечательным свойствам голубоватого металла, из которого она была сделана, поверхность ракетоплана не потеряла своей исключительной гладкости, и корабль с прежней лёгкостью рассекал воздух.

Никто не произнёс ещё ни слова. Непривычная тяжесть разлилась по всему телу. Она не позволяла не только шевелиться, но и говорить.

Тяжесть сковала и движения пилота. Каждая его рука весила сейчас около двух пудов, и даже шевельнуть ею стоило громадного труда. Если бы пилоту пришлось передвигать руками рычаги и штурвалы, как на обычном самолёте, корабль давно бы, наверное, потерял управление. Но вместо пилота сейчас работали автоматические приборы.

Это они включили на старте топливные насосы и зажгли горючую смесь. Когда корабль получил нужный разбег, автоматы отъединили его от тележки и включили руль высоты. В полёте они без участия человека вели корабль вперёд.

Автоматическое управление ракетопланом нужно было не только потому, что пилоту трудно двигать руками. Главное здесь — необыкновенная, недоступная человеку точ-

ность, с какой на ракетоплане нужно включать и выключать механизмы и приборы.

Если бы, к примеру, наш ракетоплан отделился от тележки на одну десятую секунды позже, она вместо ускорителя стала бы тормозом, так как её двигатель в этот момент остановился бы; если бы подача топлива в наш двигатель прекратилась на секунду раньше, чем нужно, мы не достигли бы второй Луны.

Секунды и десятые доли секунд! Человек не может работать с такой точностью, она доступна только автоматам, управляемым электронными лампами. Недаром добрая половина инженеров, проектировавших ракетоплан и космическую ракету, были и специалистами в области автоматики и электроники.

И всё же слепо доверяться автоматам нельзя. У пилота перед глазами были десятки циферблатов и указателей, которые подробно докладывали о работе всех механизмов ракетоплана. А под пальцами пилота была целая клавиатура кнопок. Если бы какой-нибудь из автоматов стал работать неправильно, пилот нажал бы на кнопку и вмешался в управление кораблём.

Перед пилотом мягким светом мерцал небольшой экран. По нему медленно двигалась яркая точка. Это автоматический прибор указывал нам путь в атмосфере. Рядом по круглому циферблату медленно ползла стрелка указателя скорости. Каждое пройденное ею деление — это прирост скорости на сотню метров в секунду.

Вот стрелка скоростемера поравнялась с красной чертой, и в то же мгновение рёв двигателей стал затихать, а вместе с ним постепенно сползала с нас и тяжесть. Двигатель не работал. Мы летели по инерции, без ускорения, с постоянной скоростью — около восьми километров в секунду, как камень, запущенный рукой гиганта.

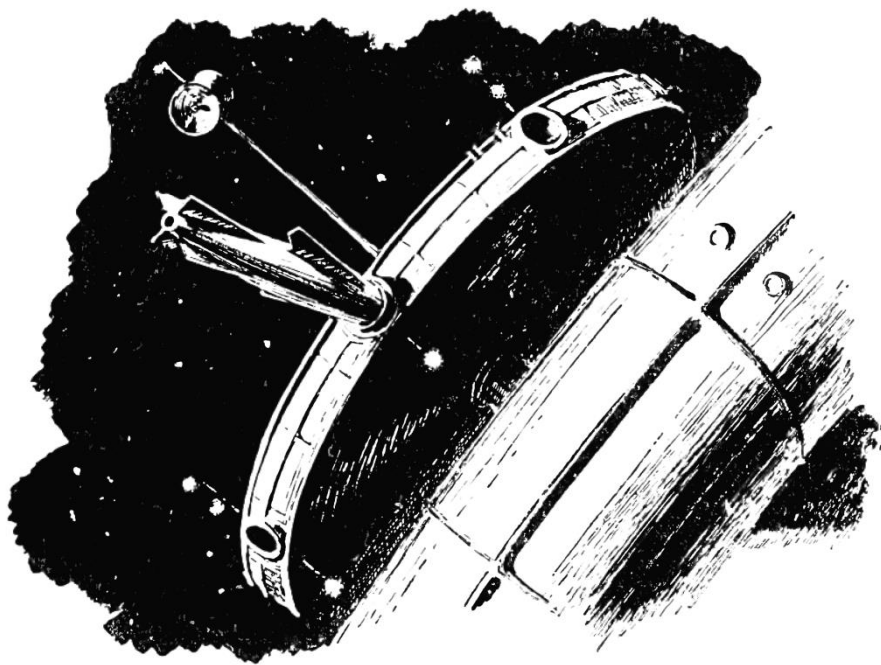
Первым нарушил тишину пилот, спросив нас о том, как мы себя чувствуем.

Самочувствие у всех было хорошее. Видно, нам очень помогла специальная тренировка на ускорительном стенде,

где мы испытывали примерно такую же перегрузку, как и при взлёте.

Вскоре заговорило радио: со второй Луны передавали её местоположение. Пилот с помощью приборов определил, где находимся мы, и оказалось, что искусственный спутник был совсем недалеко, его можно было нащупать радиолокатором и даже увидеть в телевизор.

Пилот включил экран над головой, и все мы увидели на фоне звёздного неба яркий светящийся круг. Это сияла отражённым светом вторая Луна. Мы быстро сближались с летающей станцией. Об этом можно было судить по тому, как она увеличивалась на экране телевизора.

Носовая часть ракетоплана с кабиной была уже в ангаре.

Вот уже видно, что вторая Луна — огромное колесо. «Спицы» колеса движутся. Это значит, что вторая Луна вращается.

Изображение летающей станции на экране быстроросло. «Обод» уже ушёл за рамки экрана, и перед нами вертелась «ступица», от которой, словно лучи, расходились «спицы». Мы знали, что в «ступице» помещается ангар для ракетопланов. Вот «ступица» перестала вращаться, и сбоку в ней появилось и стало расти круглое пятно — это открылась дверь ангара.

Наш ракетоплан совсем близко подошёл ко второй Луне, и теперь на экране виден только чёрный зев ангара.

Неожиданно всех бросило с сидений вперёд, и только ремни удержали нас от падения; включены двигатели, и ракетоплан начал тормозить. Пилот должен сравнить скорость нашего корабля со скоростью искусственного спутника. Иначе при посадке ракетоплан может получить опасный удар. В центре чёрного пятна появилась светящаяся точка: это в глубине ангара загорелась сигнальная лампа.

Пользуясь экраном телевизора, пилот нацелил нос нашего корабля на эту лампу. Теперь мы двигаемся точно в дверь ангара.

На мгновение экран потемнел и снова вспыхнул: на нём видны электрические лампочки, освещающие внутренность ангара. В тот же момент ракетоплан содрогнулся от лёгкого толчка. Его носовая часть с кабиной уже в ангаре. Дверь ангара плотно стиснула кольцо корпус корабля и отделила нас от безвоздушного пространства, окружающего вторую Луну. Если можно так выразиться, мы «прилунились». Слышно было, как в ангар со свистом ворвался воздух.

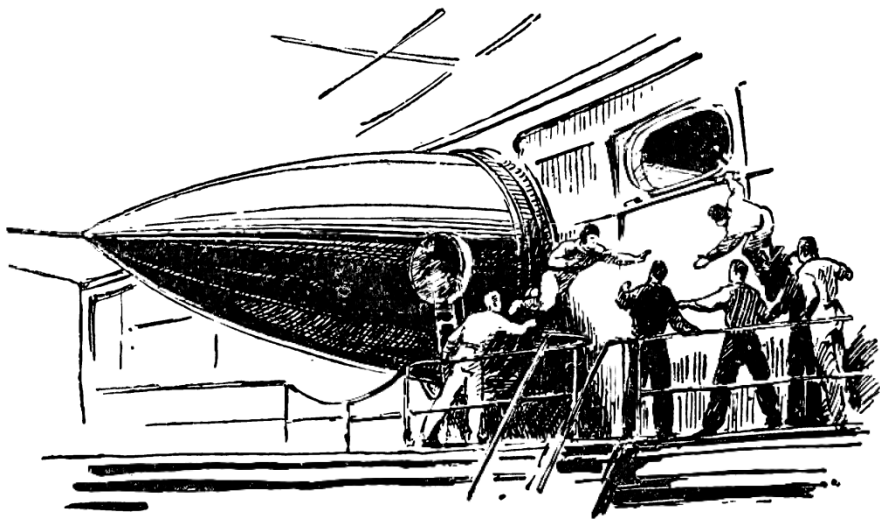
На приборе, показывающем давление снаружи, стрелка поровнялась с цифрой «1». Это значит, что отсек ангара, в котором находится кабина ракетоплана, уже наполнен воздухом и можно открывать выходной люк.

Мы быстро освободились от ремней. Каждому хотелось скорее вступить на этот удивительный металлический остров, стремительно мчащийся вокруг Земли.

Петров, Карцев и я сидели ещё в креслах, когда Михайлов стремительно, одним прыжком, подскочил к раскрытому люку. Мы удивились такой порывистости инженера, а он, не рассчитав своих сил, не смог замедлить шаг перед люком и вылетел из него наружу. Мы встревожились: не разбился ли Михайлов в ангаре? Но вместо стонов до нас долетел взрыв смеха. Это смеялись встречавшие нас жители второй Луны. Они с трудом поймали инженера и поставили его на ноги.

— Вот к чему приводит забывчивость, — наставительно проговорил Петров. — Нас ведь предупреждали, что при высадке надо вести себя осторожно. Здесь человек весит раз в тридцать меньше, чем на Земле.

С этими словами профессор встал с кресла и с серьёзным видом направился к люку. Но тут же он против воли смешно подпрыгнул и крепко уцепился за поручни, — видимо, он надеялся на руки больше, чем на ноги.

Жизнь на второй Луне

Несмотря на предосторожности, мы слишком резво выскакивали из люка, и встречающим приходилось ловить нас. Счастливые, радостные и смущённые своей неловкостью, мы, наконец, оказались в их кругу.

Командир второй Луны — высокий худощавый инженер — предложил перейти в помещение, где сила тяжести была создана искусственно.

— Там, в привычной обстановке, — сказал он, — беседовать будет удобнее.

Каждого из нас, новичков, сопровождал житель острова, показывавший, как надо ходить по ангару, цепляясь ногами за скобы, торчащие в полу.

С трудом добрались мы до лифта. Его кабинка на четыре человека — вся из металла, с глухими стенками — лежала на боку, и нам пришлось в неё лечь. Впрочем, так как здесь не было притягивающей нас к себе Земли, то не было ни «низа», ни «верха», и сказать, когда мы лежали, а когда стояли, было невозможно.

Лифт тронулся. Двигаясь в нём, мы всё явственнее чувствовали возвращение веса: ноги все сильнее прижимались к полу кабины. Когда лифт остановился, каждый мог совершенно уверенно сказать, что «низ» под нами. Мы чувствовали себя так же, как и на Земле.

На летающем острове тяготение было создано искусственно. Остров, похожий на гигантский полый «бублик» или шину, заставили для этого вращаться, подобно колесу. При этом возникла центробежная сила — та сила, которая при вращении натягивает верёвку с привязанным к ней камнем. Чем больше мы удалялись от центра острова, тем сильнее была эта сила. Она-то и заменяла земное тяготение.

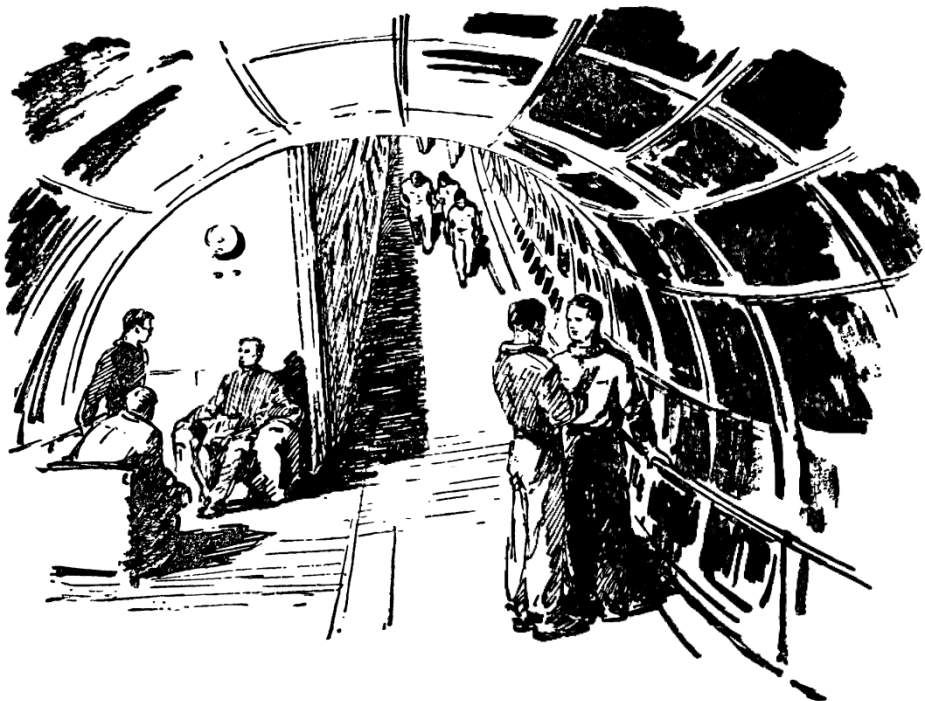
Выйдя из лифта, мы оказались в большом, залитом солнечным светом помещении. Стены и потолок его были сделаны из толстого стекла.

Самым, пожалуй, необычным было то, что этот длинный и довольно узкий зал был слегка изогнут и дальний конец его был выше того места, где стояли мы. Но идти было легко, и мы не замечали, что взбираемся в гору.

Сквозь потолок зала была видна противоположная часть летающего острова — находящийся на оси «бублика» ангар и большой застеклённый цилиндр — оранжерея, как нам пояснили.

Ослепительно белое Солнце, непохожее на то желтовато-золотистое, которое мы видим с Земли, светило с чёрного, как сажа, неба. Здесь не было воздуха, благодаря которому небо окрашивается в голубой цвет. На глубоком, бархатном фоне звёзды блистали необыкновенно ярко, не мерцая.

И Солнце, и другие бесчисленные светила мчались в весёлом и дружном хороводе. Так казалось нам, обитателям гигантского колеса. На самом же деле это вращалось коле-

Мы пошли по кольцевому коридору, мимо кают.

со, и мы — вместе с ним. В таком же заблуждении находятся и жители Земли, которым тоже кажется, что Солнце и звёзды путешествуют по небосклону.

До отлёта ракеты у нас было достаточно времени, и мы могли познакомиться с жизнью острова.

Нас повели по кольцевому коридору, вдоль которого расположились каюты, совсем как на большом пароходе или в пассажирском вагоне. Мы не утерпели и заглянули в одну из кают. Как и в большом зале, наружная стена и потолок её были стеклянными. Сначала комната показалась нам неудобной: в ней было очень мало мебели — посредине стоял стол и стулья, у стены книжный шкаф. Вот и всё.

В отсутствие хозяина было неудобно входить в каюту, и мы остановились на пороге.

— Прошу вас, не стесняйтесь, заходите! — сказал один из наших провожатых, высокий молодой человек. — Это моя комната.

Он прошёл вперёд и, остановившись у небольшой панели с кнопками, нажал одну из них. Моментально из стены выдвинулась складная кровать. Хозяин каюты нажал другую кнопку, и в стене распахнулся шкаф для одежды, нажал на третью — стол и стулья быстро исчезли в специальных нишах; он прикоснулся ещё к одной кнопке, и в комнате стало почти темно. Солнечный свет, проникавший в комнату, был таким слабым, будто он прошёл через толстое закопчённое стекло.

— Так мы устраиваем себе ночь, — сказал молодой человек. — Вы ведь знаете, наш остров за полтора часа успевает облететь земной шар, день и ночь у нас длятся сорок шесть минут. Едва наступит ночь — Земля заслонит от нас Солнце, — как снова приходит день. Без затемнения спать невозможно.

Он нажал другую кнопку, и постепенно в каюте становилось всё светлее и светлее, словно тёмное стекло делалось всё тоньше и тоньше, и наконец, исчезло совсем.

Все эти «чудеса» наш провожатый совершал совсем лег-

ко, изменяя прозрачность стекла, из которого были сделаны стены и потолок каюты.

Стены каюты были двойными, и стекло — не обычное, какое мы вставляем в окна у себя на Земле, а поляроидное. Листы этого стекла складываются так, что легко пропускают свет, но если сдвинуть одно из стёкол, свет не сможет проникнуть сквозь них.

Мы вышли из каюты и пошли дальше. Наш провожатый открыл дверь в конце коридора, и мы очутились... на огороде. Продолжением коридора служила ровная аллея, справа и слева от которой тянулись густые заросли удивительных двухметровых растений с крупными ярко-красными плодами.

— Здесь мы выращиваем овощи, — сказал начальник острова. — Сегодня за обедом вы их отведаете. Кстати, вы узнаете, что это? — спросил он, указывая с улыбкой на диковинные плоды.

Мы недоумевали: таких овощей нам не приходилось видеть на подмосковных огородах.

Сопровождавшие нас обитатели второй Луны засмеялись.

— Да ведь это обыкновенные томаты! Только здесь они выросли гигантами. Обилие тепла и света сделало своё дело. Большую роль тут сыграла и подкормка растений углекислым газом. Загрязнённый углекислотой воздух из жилых и рабочих помещений перекачивается сюда, а отсюда забирается чистый, обогащенный кислородом. От такого обмена выгадывают и люди и растения. Наши огороды, их два у нас, — это своего рода «легкие» летающего острова.

Мы шли по аллее мимо громадных огурцов, редиски и других великанов овощного царства.

— У нас есть ещё оранжерея, — объяснил один из учёных. — Там нет силы тяжести, и мы наблюдаем, как развиваются наши земные растения в этих необычных для них условиях. В детстве вы, наверно, читали сказку про горох, который до неба вырос. Такой горох вы увидите в этой оранжерее. Он там растёт не по дням, а по часам.

Пока мы осматривали диковинные растения, окна оранжереи порозовели, и Солнце сделалось таким же красным, каким оно бывает во время заката на Земле. Наше кольцо летело сейчас мимо не освещенной Солнцем части земного шара. Там сейчас была ночь.

Закат длился недолго. Прошло две — три минуты, и нас окружила непроглядная мгла. Но когда глаза немного освоились с темнотой, во всём своём великолепии развернулся бескрайний звёздный ковёр. Звёзд не было только там, где чернела Земля. Но вот и в стороне Земли что-то засветилось. Появилось одно расплывчатое светящееся пятно, невдалеке — другое. Это были огни больших городов.

После оранжереи мы отправились в физическую лабораторию. Здесь всюду: на столах, на полках и в особых штативах — стояли баллоны из тонкого небьющегося стекла. Работник лаборатории пояснил нам, что здесь исследуется пустота межпланетного пространства.

— Современная техника, — пояснил нам учёный, — использует различные устройства и электронные лампы, работающие только в вакууме, то есть в пустоте. У нас на Земле мощные насосы выкачивают воздух из баллонов ламп, но за свою многолетнюю историю техника не создала ещё насоса, способного удалить из баллона лампы все до одной молекулы воздуха. Даже лучший из насосов оставляет в каждом кубическом сантиметре объема лампы несколько миллионов молекул. А в межпланетном пространстве на каждый кубический сантиметр приходится всего одна — две молекулы, то есть в здешнем вакууме их в миллионы раз меньше, чем в лучшей электронной лампе.

Физик подробно рассказал нам о своих исследованиях, а под конец добавил:

— Со временем мы наладим доставку вакуума отсюда на Землю, и используем его для производства лучших приборов и ламп.

В соседней комнате учёные работали над использованием солнечной энергии на летающем острове. Они показали

нам небольшое вогнутое зеркало, которое собирало солнечные лучи.

— На Земле в этой точке температура едва достигает трёх тысяч градусов, — сказал один из них. — Здесь же температура в фокусе зеркала почти в полтора раза выше, потому что солнечные лучи не ослабляет атмосфера. С помощью таких зеркал ремонтные рабочие нашего острова ведут сварочные работы, плавят металл, нагревают его для закалки.

В одном из помещений за лабораторией мы остановились. Здесь, как в заводской раздевалке, стояли ряды шкафов. Кто-то из местных жителей распахнул один из них, и мы увидели скафандр — костюм, в котором можно выйти в космическое пространство.

— Если хотите побывать в астрономической обсерватории, — сказал командир острова, — вам придётся переодеться. Для удобства работы астрономов мы её устроили за пределами острова.

Быстро облачились мы в лёгкие костюмы из стеклянной ткани, пропитанной гибкой пластмассой. За плечами у нас — ранцы с кислородными баллонами и небольшая ракета для передвижения в пространстве. Над застеклённым колпаком у каждого качался тоненький стебелёк радиоприёмной антенны.

В знакомом нам лифте мы перебрались к центру острова. Хлопнула дверь переходной камеры. Послышался шум насоса. Это перекачивали воздух из камеры, чтобы он не улетел, когда мы откроем люк, ведущий в безвоздушное пространство.

Через минуту наш экскурсовод распахнул люк. Металлическая лестница с поручнями вывела нас на небольшую огороженную площадку, в центре которой был закреплён туго натянутый стальной трос. Его продолжение терялось в темноте.

В наушниках, укреплённых на внутренней стороне шлема, слышался голос:

— Этот трос — дорога в обсерваторию. Прикрепите се-

бя цепочкой к подвижным рычагам, скользящим вдоль троса. Цепочки есть у каждого на поясе.

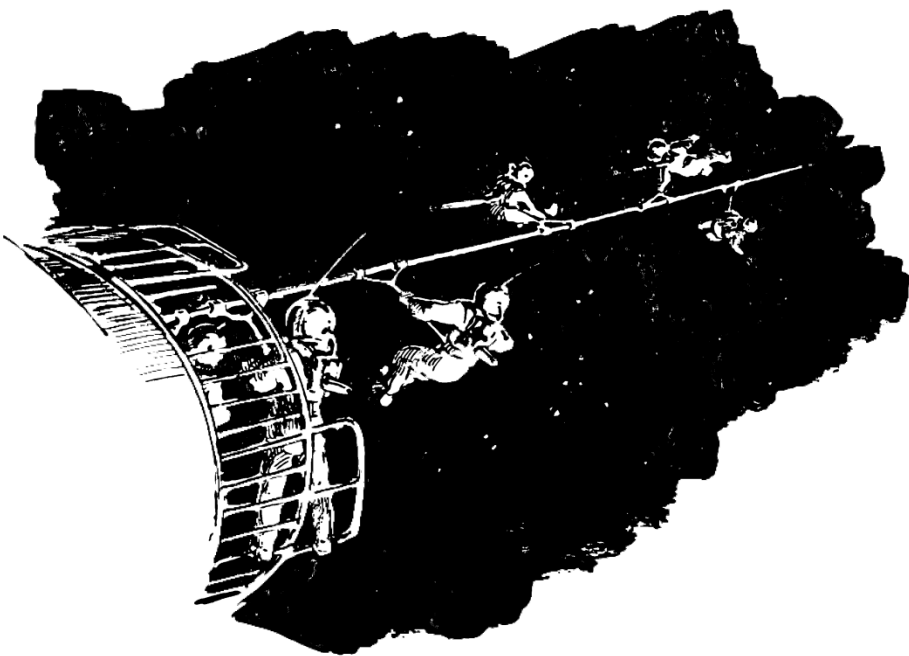
По сигналу руководителя экскурсии один за другим включили мы свои ракеты, и они помчали нас прочь от второй Луны.

— Смотрите, смотрите! — услышал я в наушниках взволнованный голос Михайлова. — Что это там?

Я взглянул вперёд. Вдали перед нами полыхало пламя, оно удивительно красиво играло красными, оранжевыми, жёлтыми, зелёными языками.

Расстояние между нами и таинственным морем огня быстро сокращалось. Не грозит ли нам опасность погибнуть в этом огромном небесном пожаре?

Но спокойный и чуть насмешливый голос профессора Петрова развеял наши опасения.

Мы включили свои ракеты, и они помчали нас прочь от второй Луны.

— Вы, наверно, забыли о полярных сияниях?

В самом деле, как это не пришло в голову сразу? Ведь сейчас вторая Луна как раз приближалась к Южному полюсу!

Вскоре нам показалось, будто мы окунулись в гигантскую радугу или попали в светящийся всеми цветами дождь.

Не успели мы как следует налюбоваться этим сказочным видением, как оно осталось далеко позади: остров миновал полярную область. Только что под нами расстилались бескрайние льды Антарктики, а теперь мы уже мчались над Тихим океаном.

Наш путеводный трос привёл к входному люку обсерватории. Здесь, как и в ангаре, нет тяготения. Обсерваторию нельзя заставить вращаться, чтобы создать искусственную силу, тяжести: это помешает астрономическим наблюдениям.

Мы передвигались, хватаясь руками и ногами за многочисленные скобы, укрепленные всюду: на полу, на стенах и даже на потолке.

Нелегко привыкнуть к такому способу хождения! Но особенно мешало нам ощущение необыкновенной лёгкости, с которым земные жители знакомы только по коротким мгновениям падений. Нам всё время казалось, что мы куда-то проваливаемся, и поэтому каждый из нас то и дело судорожно хватался за ближайшую скобу. Здешние жители уверяли, что это ощущение со временем проходит.

С увлечением работали здешние астрономы. На Земле никогда не бывает такого ясного, чистого неба. Правда, на летающей обсерватории есть свои трудности. Из-за быстрого её движения картина неба здесь поминутно меняется. Чтобы вести длительные наблюдения какой-либо звезды, пришлось применить специальные механизмы, которые всё время направляли телескопы на эту звезду.

Усталые, возвращались мы «домой» — на остров: пребывание в мире без тяжести с непривычки очень утомительно. От непрерывной борьбы с непослушными руками и

ногами всё тело болело, словно весь день нам пришлось таскать мешки.

После обеда мы отдохнули в приготовленной для нас каюте. Вечером смотрели по телевизору концерт из Москвы, а в полночь по московскому времени легли спать, хотя на второй Луне в это время был день. Мы сразу же затемнили свою каюту: ведь нам нужно хорошо выспаться. Завтра мы летим дальше!

В пути

Голос диктора, приглашавшего заняться утренней гимнастикой, звучал здесь, далеко за пределами Земли, так же, как и в Москве.

— Уже утро, но почему же темно? — удивился я, проснувшись. — Да, ведь я сам затемнил каюту!

Палец нажал на кнопку, но светлее не стало, только в окне выступили яркие звёзды.

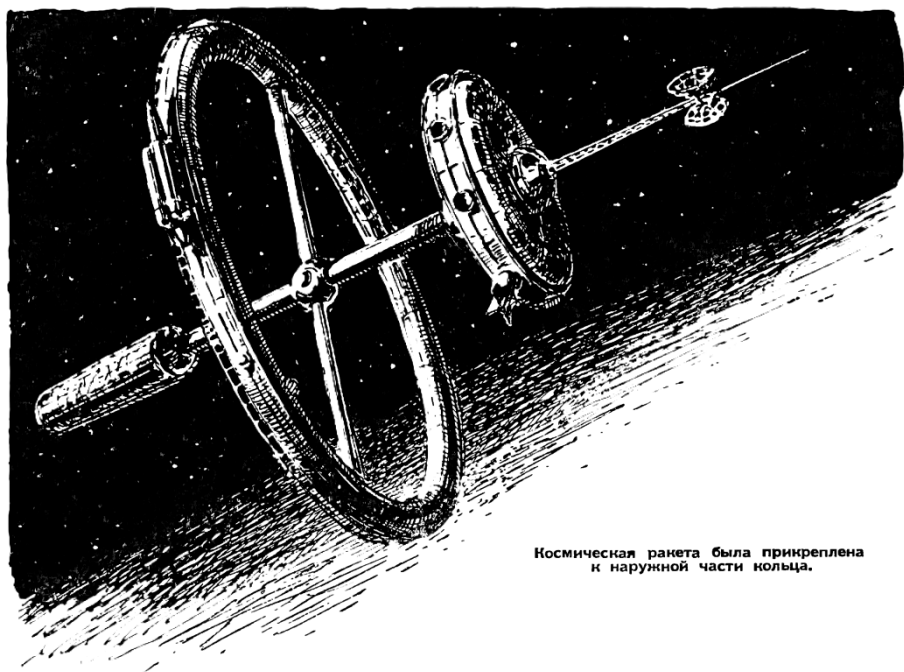
— Значит, сейчас и в самом деле ночь. Ведь она здесь бывает пятнадцать раз в сутки!

Скоро весь наш экипаж собрался к завтраку. В столовой было много народу: только что кончилась «ночная» вахта.

— Мы живём, — объяснил нам сосед по столу, — по московскому времени. Сейчас в столице утро, значит, и у нас утро.

Час отлёта ракеты точно вычислен заранее. Она должна взлететь с острова так, чтобы использовать скорость вращения его вокруг Земли. Суть этого манёвра можно пояснить на таком примере: представьте, что вы едете в трамвае и хотите из окна забросить подальше камень. В какую сторону надо бросить камень: вперёд или назад? Конечно, — вперёд, — по движению трамвая: тогда к скорости, которую сообщила камню рука, прибавится скорость движения трамвая.

После завтрака у нас осталось ещё достаточно времени, чтобы вместе с инженером, руководившим здесь сборкой ракеты, осмотреть наш космический корабль.

Космическая ракета была прикреплена к наружной части кольца.

Когда мы вышли из переходной камеры, внизу под нами чернела окутанная плотными облаками ночная Земля. И вдруг всё переменилось. Густо-красное Солнце, каким мы его никогда не видим на Земле, вынырнуло из-за земного шара. Край облачного покрыва Земли стал багровым. Словно громадный рубиновый шар, Солнце повисло над нашей родной планетой.

Летающий остров стремительно неся навстречу светилу. Как железо, раскалённое в горне, оно из вишнёво-красного стало алым, потом оранжевым, жёлтым... и, наконец, ослепительно белый его диск заблистал на тёмном небе. Чудесная перемена произошла и на Земле. Не осталось и следа от мрачного кровавого зарева. В прямых лучах Солнца облака сверкали, как арктический снег. Сквозь разрывы в облаках зеленели земные леса и поля.

Космическая ракета была прикреплена к наружной части кольца.

Осмотр начался с двигателя. Отверстие, из которого будут выбрасываться раскалённые газовые струи — сопло, — зияло чёрным провалом.

За двигателем тянулись четыре длинных цилиндрических бака с топливом. Они были уложены, как карандаши в пачке, и скреплены ажурными металлическими обоймами. Сделанные из серебристой стали, они, подобно ракетоплану, были отполированы до блеска. Но здесь это было сделано для другой надобности: чтобы их не нагревали солнечные лучи.

Длинная, вытянутая, как торпеда, пассажирская кабина помещалась в головной части. У неё было оперение, ракетный двигатель и запас топлива. Словом, это была небольшая ракета, способная совершать самостоятельные полёты. Кормовая часть кабины скрывалась в промежутке между топливными баками. Впереди корабля выступала та часть ракеты, где находилась наша каюта.

Странно выглядел наш космический корабль со стороны. Не было в его форме ничего, что говорило бы об огромной, умопомрачительной скорости, с которой он может летать. По сравнению с изящными обтекаемыми земными самолётами или ракетопланами он выглядел неуклюжим.

И это понятно. Ведь самолёту и ракетоплану приходится преодолевать сопротивление воздуха. А в межпланетном пространстве полёт нашего диковинного корабля ничто не могло затормозить. Строители ракеты думали, прежде всего, о вместительности баков, о прочности и лёгкости конструкции корабля, об удобстве управления этой громадиной.

После осмотра мы вернулись на остров. Через час наш космический корабль должен был оторваться от второй Луны.

Этот час пролетел незаметно. И вот мы уже в кабине ракеты. Группа провожающих окружает нас. Все волнуются, но стараются не показывать этого.

Начальник острова произнёс короткое напутственное слово, пожелал счастливого пути и пожал наши руки, уже

привязанные к подлокотникам. Все провожающие покинули ракету. Люк кабины герметически закрылся.

Красная лампа, вспыхнувшая перед Михайловым, про-сигналила: через минуту автоматические захваты, удерживающие нас у острова, разомкнутся, и космический корабль окажется на свободе. Загорелась вторая лампа, и тотчас мы почувствовали, что ракета проваливается в бездну: мы ощутили ту необычайную лёгкость, которая хорошо знакома тем, кто спускался на скоростном лифте. Ракета отцепилась от острова с выключенным двигателем и была отброшена, как камень из пращи. Так мы уберегли остров от ударов мощных газовых струй, выбрасываемых нашим двигателем.

Вот пройден километр, полтора, два... Томительно тянулись секунды. Что, если автоматы ошибутся хоть на секунду, и не вовремя включат двигатель? Тогда мы можем проскочить мимо Луны и умчаться невесть куда. У нас, конечно, есть возможность исправить их ошибку, но для этого придётся тратить резервное топливо, а оно еще может понадобиться при посадке на Луну.

Наконец успокоительно засветился зелёный сигнал: начала работать топливная помпа. Уже знакомая сила, рождённая ускорением, навалилась на нас. Несмотря на разлившуюся по телу сковывающую тяжесть, вздох облегчения вылетел из моей груди: всё в порядке!

Указатель курса показывал, что мы летим по верному направлению.

Пребывание в мире, где все предметы и мы сами были в четыре раза тяжелее, чем на Земле, длилось недолго. За полторы минуты наш корабль набрал нужную скорость — три тысячи метров в секунду.

Мы с благодарностью вспоминали строителей искусственного спутника Земли. Если бы не было этого гигантского летающего сооружения, наш корабль не смог бы так легко улететь в мировое пространство.

Теперь мы снова были невесомы. Но жизнь на острове пошла нам на пользу: у нас появилась уверенность в движениях и даже ловкость.

Жизнь на корабле была строго подчинена расписанию, продуманному до мелочей ещё на Земле. Все мы занялись своим делом.

Мне надо было наладить радиосвязь с островом и Землёй. Уже близок был условленный час для переговоров со спутником.

Наша антенна служила и для связи и для радиолокации. Она «нащупала» в пространстве летающий остров и держала его в своём луче. Можно начинать.

Весь экипаж сгрудился у радиостанции. Я начал передачу:

— Говорит ракета, говорит ракета! Взлёт совершён хорошо...

Тотчас ответил летающий спутник:

— Слышу вас прекрасно...

Потом заговорила Земля. У микрофона был академик Брагин. Голос учёного дрожал от волнения. Всю свою жизнь посвятил он проблеме космического полёта и вот теперь говорит с межпланетным кораблём, который мчится к далёкой и неведомой Луне...

Короткая радиоперекличка окончена. Все разошлись по своим местам. Я остался у станции: надо передать в штаб перелёта сведения о работе механизмов и приборов.

Прошёл час, другой. Негромкий, но настойчивый гудок заставил нас прервать свои занятия. Это прибор, следящий за чистотой воздуха, предупреждал, что в каюте скопилось много углекислого газа. Пора было проветрить помещение.

Все собрались в передней части каюты. Михайлов включил вспомогательный мотор, и из стен выдвинулись тонкие металлические перегородки. Они образовали непроницаемую для воздуха стенку, разделившую каюту пополам. Нажав кнопку, пилот открыл в отгороженном от нас помещении «форточку» — маленький люк, и воздух со свистом улетел в мировое пространство. Когда люк был закрыт, мы перешли в другую половину каюты, куда из баллона впустили струю чистого воздуха. Так же очистили воздух в первой половине каюты и после этого убрали перегородку.

Чистый и прохладный воздух освежил нас, и, словно после хорошей прогулки, захотелось есть. Мы перешли в нашу столовую у задней стены каюты. В стене были вделаны ящички с надписями: «хлеб», «сахар», «консервы мясные», «кофе», «чай».

Посредине стены в небольшой нише была наклонная панель со множеством кнопок, похожая на пишущую машинку. Под каждой кнопкой были такие же названия, как и на крышках ящичков.

Карцев — наш главный повар — уселся перед этой панелью и весело спросил Петрова:

— Что вам угодно?

Профессор заказал бутерброд с ветчиной и стакан кофе. Карцев нажал кнопки на панели. В стене откинулись дверцы двух ящичков и превратились в полочки. На одной полочке лежали ломтики ветчины, завёрнутые в консервирующую плёнку, на другой — куски хлеба. Почти одновременно над одним из кранов внизу замигала красная лампочка: это значило, что кофе согрет, можно наливать.

Профессор распахнул шкафчик над кранами и достал из него бутылочку, сделанную из мягкой и упругой, как резина, пластмассы. Такие бутылочки заменяли нам стаканы. Струя кофе, ударившись в дно стакана такой формы, какая принята на Земле, выплеснулась бы прочь: ведь здесь нет тяжести, которая заставляет жидкость опускаться на дно. Сжав бутылочку в руке, профессор приставил её горлышко к крану и открыл его. Под давлением сжатого воздуха порция горячего напитка наполнила сосуд. Сжатый воздух заставил жидкость течь из крана.

Профессор взял горлышко бутылочки, как соску, в рот и, сдавливая постепенно упругий сосуд, стал пить кофе. В мире, где нет тяжести, особенно сильно проявляется смачивающая способность жидкости. Воду, молоко или кофе ни за что нельзя было бы удержать в обычном стакане; они растеклись бы по наружным и внутренним стенкам стакана и обволокли бы его, как оболочкой. А если бы профессор стал пить кофе так, как он это привык делать на Земле, жидкость

расплылась бы по его лицу и костюму. Завтрак был бы не из приятных!

Михайлов захотел бульона. Повар нажал кнопку, и лампочка у другого крана пригласила инженера получить горячий бульон. Я получил порцию масла, хлеба и чай.

Кухня работала со сказочной быстротой и чёткостью, как настоящая скатерть-самобранка.

Завтрак нам подавали автоматы. Они выталкивали из отделений заранее приготовленные порции продуктов, отмеривали напитки и включали электрические спирали для того, чтобы подогреть их.

После завтрака решено было немного отдохнуть, и мы стали играть в шахматы.

Об управлении кораблём можно было не заботиться. С того момента, как умолк наш двигатель, ракета летела по законам небесной механики, как комета или астероид. Без нашего вмешательства она должна была на пятый день оказаться по соседству с Луной. Нам нужно было только время от времени проверять, не отклоняемся ли мы от намеченного маршрута.

В контрольных расчётах нам приходилось иметь дело с громоздкими вычислениями. Но наш штурман включал вмонтированную в панель пилота электронную вычислительную машину, давал ей задание, и за две минуты ответ был готов. При первом же подсчёте выяснилось, что ракета летела с нужной скоростью, надо было только немного изменить направление её полёта.

Все уселись в кресла, «запеленали» себя, и Михайлов, повернув корпус ракеты на нужный угол, запустил двигатель. Едва мы ощутили лёгкий толчок, как Михайлов снова выключил двигатель.

Теперь можно было спокойно заняться своими делами и ждать приближения Луны.

Не обошлось, конечно, и без происшествий. Как-то окончив передачу, я откинул для проверки стенку радиостанции. И вдруг — трах! — какой-то металлический стержень с силой ударился о радиолампу.

Это у Петрова, налаживавшего свой прибор, вырвалась из рук деталька. Как и полагается в мире невесомости, она не упала к его ногам, а полетела прямо, как пуля, и угодила в мою лампу. В баллоне образовалась трещина.

Хотя у нас и были еще лампы в запасе, профессор чувствовал себя очень неловко. Смущённый, он молча принял-ся снова за свой прибор.

— А я, всё-таки, заставлю работать испорченную лампу! Дайте-ка мне провод! — неожиданно сказал он.

Он привязал провода к ножкам лампы, присоединил их к нашей радиостанции и выставил через особый люк лампу за борт ракеты.

— Проверяйте станцию, — сказал он мне уверенно.

Я уже понял, в чём дело, и быстро настроил станцию на приём Москвы. Бодрым и радостным маршем приветствовало радио столицы изобретательность Петрова! Станция работала, значит, работала и злополучная лампа!

Ларчик открывался просто: в безвоздушном пространстве воздух, попавший в баллон лампы, сразу же вылетел через трещину, и в ней образовался полный вакуум.

Прошло несколько часов. Готовясь к очередному разговору со штабом, я включил станцию и вдруг обнаружил, что она не работает.

«Что же случилось?» — подумал я с тревогой. Я переменил «петровскую» лампу, и станция заработала. Мы стали подшучивать над Петровым, но он тут же отпарировал наше нападение:

— Вы, наверно, забыли, как ведут себя металлы при очень низких температурах!

Наш изобретатель был прав. Сильно охлаждённые металлы не оказывают никакого сопротивления прохождению электрического тока. Пока лампа не охладилась, она работала, но при низкой температуре межпланетного пространства металлические волоски стали сверхпроводимыми. Они не могли нагреться, потому что совершенно не оказывали сопротивления движению тока...

В подтверждение своей правоты профессор втащил лам-

пу в каюту и, когда она нагрелась, снова выставил её в люк. Лампа прекрасно работала!

В свободные минуты мы разглядывали через иллюминатор Луну. Она была уже близко. Даже невооружённым глазом были видны зазубренные, похожие на короны кольцевые горы, которые астрономы называют цирками и кратерами. Необыкновенно густыми и резкими, словно нарисованные тушью, были тени этих высоких гор: на Луне нет воздуха, и солнечные лучи обрисовывают возвышенности с исключительной чёткостью.

Наверное, не один моряк, всматривавшийся в берега долгожданной земли, не волновался так, как мы. Перед нами развёртывалась та часть лунной поверхности, которую никто из людей доселе не видал: Луна всегда обращена к нашей планете одной и той же стороной.

Признаться, я был разочарован представившимся нам зрелищем: те же кратеры, цирки и тёмные пятна безводных морей. Когда я высказал вслух своё разочарование, наш астронавтом был искренне возмущён. Он установил у иллюминатора небольшой телескоп и глядел на приближающуюся Луну, не отрываясь. Михайлов включил киноаппарат, чтобы заснять вид лунной поверхности, а мы с Петровым подготовили телевизионную станцию: надо было показать астрономам Земли неведомую науке часть Луны. Как ликовали, наверное, в этот день они!

Между тем Луна всё приближалась, Глядя в иллюминатор, уже нельзя было охватить весь сверкающий диск ночного светила.

Михайлов готовился к новому манёвру — торможению ракеты — и развернул её для этого двигателем вперёд. Нам необходимо было уменьшить скорость ракеты, чтобы она могла стать спутником Луны.

Электронная машина проделала нужные вычисления. Пилот настроил автоматы, управляющие двигателем, и мы забрались в наши кресла.

Разведка нового мира

Мы летим по круговой орбите на расстоянии трёхсот километров от Луны. Скорость нашего корабля совсем не-большая — полтора километра в секунду, и всё же нам нужно немногим больше двух часов, чтобы обойти вокруг нее.

Перед нами — граница дня и ночи. Позади — часть Луны, освещенная Солнцем, впереди — непроглядная темнота. Сумерек на Луне не бывает. Здесь нет воздуха, который у нас на Земле рассеивает свет ушедшего за горизонт Солнца.

— Мы летим сейчас над знакомой людям половиной Луны, — сказал астроном. — Видите близ границы дня яркие точки? Это светятся в лучах Солнца вершины гор. И наша ракета сейчас хорошо видна в телескоп с Земли. На чёрном фоне она кажется сверкающей звёздочкой.

Нам нужно было выбрать удобное место для посадки: ровную площадку с подходящим климатом. Лунный климат непривычен для жителей Земли. Днём, который длится тринадцать земных суток, поверхность Луны на экваторе, например, нагревается до ста тридцати градусов. Зато во время такой же продолжительной ночи здесь свирепствует страшный мороз — минус сто шестьдесят градусов. И всё это потому, что на Луне нет атмосферы, которая, словно одеяло, укутывает нашу Землю.

Чтобы спастись от жары, нам надо было посадить нашу ракету поближе к какому-нибудь из лунных полюсов: там день намного прохладнее. Земные астрономы давно установили, что в районе цирка Джона Гершеля температура в полдень никогда не поднимается выше сорока градусов.

Перед посадкой нам предстояло на определённой высоте отцепить от пассажирской кабины баки, наполненные топливом. Баки превратятся в искусственный спутник Луны, а мы в своей кабине-ракете сядем на Луну. Это гораздо выгоднее, чем спускаться с баками. Ведь на их торможение надо тратить топливо. Меньше израсходуем мы его и при взлёте.

Михайлов быстро и уверенно совершил этот манёвр, и ракета помчалась на север Луны — к цирку Джона Гершеля.

Мы не вылезаем из наших кресел: предстоит торможение и посадка. Михайлов поворачивает ракету соплом вперёд и включает двигатель. Он отвечает мощным рёвом. Впечатление такое, будто ракета разгоняется, но на самом деле мы гасим скорость, и ракета начинает падать вниз.

Из кресел, в которых лежат Петров, Карцев и я, видна напряжённая фигура Михайлова. Наступил самый ответственный момент — посадка. Малейшая неточность, и корма ракеты разобьётся о поверхность Луны. Не помогут и пружинящие стальные ноги, которые уже выпущены из корпуса ракеты.

Пилот неотрывно следит за приборами. Внезапно в кабине стемнело: яркий солнечный свет, лившийся через иллюминатор, померк. Казалось, что ракета погружается в воду.

Встревоженные, мы решили задержать спуск. Двигатель взревел на полную мощность. Тяжесть, вдавившая нас в кресла, удвоилась. Но мрак за стеклом не рассеивался, а высотомер показывал, что до поверхности Луны пятьдесят метров. Мы терялись в догадках.

— Но ведь на Луне воды нет! — решительно воскликнул Петров. — Это доказано. Смелее!

Последние секунды спуска, казалось, длились вечность.

Медленно ползла вниз стрелка высотомера: двадцать, пятнадцать, десять метров...

Мягкий, почти неощутимый толчок... И сразу мёртвая тишина. Это автомат выключил двигатель, как только мы коснулись Луны. Но в иллюминаторе по-прежнему было темно.

— Ура, придумал! Сейчас мы всё узнаем, — обрадованно воскликнул я. — Нам всё объяснит Земля! Посадку ракеты наблюдают в телескопы десятки обсерваторий.

Я бросился к радиостанции. Мне ответил взволнованный голос дежурного радиста штаба перелёта:

— Мы собирались вас вызывать. Обсерватория сообщает: в последние секунды перед посадкой ракета скрылась в огромном сером облаке. Что с вами произошло?

Как раз этого-то мы и не могли объяснить.

Вдруг раздался радостный крик нашего астронома:

— Посмотрите в иллюминатор — темнота рассеивается. Скоро станет светло!

И в самом деле, с каждой секундой в каюте становилось всё светлее. Вот уже первый солнечный луч проскользнул в каюту.

— Всё объясняется совсем просто, — радостно заговорил Карцев. — Астрономы предполагали, что поверхность Луны покрыта толстым слоем пыли, в которую превратились горные породы от резких перемен жары и холода. Вот мы и убедились в правильности этого предположения. Струи газов, вырвавшись из двигателя, подняли пыль на сотни метров вверх, и мы погрузились в созданное нами самими облако. Свет с трудом пробивался сквозь пыльную завесу.

Все бросились к иллюминатору. Ракета стояла в большой, глубокой впадине. Вокруг расстилалась ровная, как стол, серо-жёлтая пустыня, залитая ярким солнечным светом. Справа на фоне чёрного неба вырисовывалась цепочка островных гор.

Обрадованные, мы стали готовиться к выходу на Луну.

Прежде, чем облачиться в скафандр, я послал короткую радиограмму на Землю: «Спуск завершён благополучно. Облако пыли, поднятой ракетой, осело. Выходим на Луну».

Я замер на ступеньках лестницы, поражённый увиденной мною картиной. Солидные учёные — профессор Петров и астроном Карцев, — вышедшие на поверхность раньше меня, гонялись друг за другом, прыгая, как молодые зайцы.

Стоило мне спрыгнуть с последней ступеньки и сделать первый шаг, как я понял причину резвости моих товарищей. У меня как будто выросли за плечами крылья. Сделав один шаг, я сразу переносился на несколько метров вперед, а когда я прыгнул, то пролетел больше двадцати метров.

Карцев раскопал слой пыли и стал бить по обнажённой породе геологическим молотком.

На Луне все тела весят вшестеро меньше, чем на Земле. Поэтому мы и приобрели такую чудесную прыгучесть. Надо сказать, что это чувство гораздо приятнее полной невесомости, которая делает человека беспомощнее грудного младенца. Здесь же мы чувствовали себя удивительными силачами.

Климат места посадки оказался вполне подходящим — наши скафандры нагревались на Солнце всего лишь на двадцать-двадцать пять градусов, так что от жары мы не страдали.

Мы решили добраться до небольшой конусообразной горы, одиноко торчавшей среди ровной, как стол, местности.

Гуськом, прыгая, как кенгуру, помчались мы со скоростью автомобиля к нашей цели. Ноги наши глубоко утопали в мягкой пыли. Издали она казалась плотной породой, но стоило ступить на нее ногой, как она рассыпалась тончайшим порошком.

Гора была очень крутой, ведь на Луне нет воды, которая сглаживает на Земле склоны гор. Но нам крутизна была ни-почём. В несколько минут вскарабкались мы на самую вершину, такую острую, что едва на ней уместились вчетвером.

Кругом, куда ни помотришь, возвышалась стена высоких зазубренных гор. Они кольцом окружали равнину, на которую села ракета. Гора, на которой мы находились, была почти в центре цирка.

Пока мы осматривали горизонт, Карцев раскопал слой пыли и стал бить по обнажённой породе геологическим молотком. Брызги осколков полетели далеко во все стороны. Мы все с любопытством рассматривали первые образцы лунных минералов.

— Это вулканическая порода, — произнёс наконец Карцев. — По всем признакам, в ней должна быть медь. А ну-ка копнём поглубже! — сказал он и достал патрон взрывчатки.

Мы спрятались за отрогом. Минута-другая, и по лёгкому вздрагиванию горы мы поняли, что взрыв произошёл. Здесь, в безвоздушном пространстве, всё совершается беззвучно.

Надежды Карцева оправдались. В глубине порода была ещё богаче металлом. Но мы не могли долго задерживаться: надо было возвращаться к ракете и устраиваться на новом месте.

Прихватив с собой образцы добытых Карцевым минералов, мы поспешили к ракете.

На следующий день Петров и я остались около ракеты, чтобы вести исследовательские работы. Из склада в носовой части ракеты извлечены были различные физические приборы, многочисленные пробирки с микробами и банки с растениями.

Карцев и Михайлов отправились в дальнюю экспедицию — к кольцевым горам. На них возлагалась геологическая разведка и изучение внутреннего строения Луны. Кроме того им предстояло выбрать подходящее место для лунной станции, сотрудники которой будут постоянно вести исследовательские работы. Здесь, под вечно ясным небом, разместятся астрономические и астрофизические обсерватории. Будет выстроен и порт для приёма и отправки ракет.

Карцеву и Михайлову надо было найти глубокое и узкое ущелье, в котором здание станции будет защищено от прямых солнечных лучей и от метеоритов. Часть помещений придётся строить в недрах гор. Тогда не надо будет заботиться об охлаждении здания днём и об усиленном отоплении его ночью. Станция будет обогреваться внутренним теплом Луны.

Петров и я долго смотрели вслед быстро удаляющимся Карцеву и Михайлову. Они тащили за собой большие сани, на которых были уложены аккумуляторы и различные приборы, баллоны с кислородом и питанием. Широкие полозья саней легко скользили по пыли.

Наши товарищи должны были торопиться, чтобы вернуться к нам до наступления лунной ночи, которая должна была начаться через семь земных суток. Оставаться ночью вдали от ракеты было опасно. Аккумуляторы, в которых была запасена электрическая энергия для обогрева костюмов, рассчитаны на непродолжительные посещения зате-

нённых мест, где и днём царит страшный холод. А с ночным холодом в скафандрах невозможно бороться. К тому же, возвращаясь в крошечной тьме, легко заблудиться.

Несколько земных суток, заполненных напряжённой работой, промелькнули удивительно быстро. Следить за временем было трудно: без конца длился лунный день.

По радио мы часто говорили с Землёй и с нашими ушедшими товарищами. Им не сразу удалось найти подходящее ущелье, но зато в кольцевых горах были открыты минералы, содержащие свинец, медь, золото и редкие металлы.

По словам Карцева, лунные горы таили в себе сказочные богатства... Он уверял, что недалеко то время, когда здесь, на Луне, возникнут металлургические заводы.

Наконец ущелье было найдено, и Карцев с товарищем двинулись «домой». Мы ахнули, когда увидели, какой огромный груз притащили они на санях. Здесь были тысячи образцов горных пород, а ведь прошли они несколько сот километров.

Усталые, они прежде всего попросили накормить их чем-либо твёрдым, чтобы «поработать челюстями». В пути они не могли снять скафандры, и всё время питались только жидкой пищей, налитой в специальные баллоны. Они пили её, повернув баллон к трубке, введенной под скафандр.

Первая разведка была проведена, работы были закончены. Пора отправляться в обратный путь, на Землю, тем более что близилась лунная ночь. Хотя Солнце стояло совсем низко, но было по-прежнему ослепительно белым. Нижний край его коснулся горизонта. К нашей ракете подползли длинные тени кольцевых гор.

Мы рассаживаемся в кабину. Люк захлопывается. Наша ракета готова к отлёту.

Старт прошёл хорошо. Радиолокатор помог нам быстро отыскать вращающиеся вокруг Луны баки. Прицепив к ним нашу ракету, мы перелили из них топливо... Теперь с полным запасом топлива мы могли спокойно отправиться на Землю. Баки сослужили свою службу, и мы оставили их

кружиться над Луной: оставшееся в них топливо — неизрасходованный резервный запас — ещё пригодится строителям лунного порта.

Обратный путь к Земле мы совершили, миновав искусственный спутник. При приближении к атмосфере ракета наша выпустила крылья. Планируя, она описала вокруг Земли несколько кругов, и от трения о воздух скорость ее уменьшилась. Можно было приземляться.

Радиомаяки помогли нам найти ракетодром, где всё было подготовлено к встрече нашей ракеты. Вот уже мелькают в иллюминаторе зелёные поля Подмосковья. Ещё минута, и наш корабль касается выпущенными колёсами бетонной поверхности ракетодрома.

Открывается люк, и мы в объятиях друзей!

Рассказ о необыкновенном путешествии окончен. Но вам, ребята, наверно, не ясно, как далеко увела нас фантазия. Когда же настоящий, а не выдуманный ракетный корабль устремится к Луне?

О полёте на Луну и другие планеты солнечной системы люди мечтали много веков, но только полстолетия назад наука смогла дать ответ на вопрос о том, как это сделать.

К. Э. Циолковский первый предложил воспользоваться для полёта в мировое пространство ракетой. Но, чтобы построить космическую ракету, нужно было решить много трудных научных и технических задач: разработать конструкцию ракеты и её двигателя, найти наилучшее топливо.

В наше время учёные достигли больших успехов в этом направлении. Уже поднимаются с земли ракеты с приборами для изучения атмосферы и с киноаппаратами для съёмки земной поверхности с высоты. Такие ракеты побывали уже на высоте 480 километров. Конечно, совсем покинуть нашу планету они ещё не могут. Но той высоты, где воздуха уже нет и где может вращаться искусственный спутник, они достигли. Можно смело сказать, что мы находимся на полпути к межпланетному полёту.

Академик А. Н. Несмеянов сказал недавно: «Наука достигла такого состояния, когда реально посылка стратоплана на Луну, создание искусственного спутника Земли».

БОРИС ЛЯПУНОВ

МЫ – НА МАРСЕ

Научно-фантастический очерк

Рисунки Ю. Реброва

МЫ-НА МАРСЕ

Научно-фантастический очерк

Борис ЛЯПУНОВ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

1995 год... Давно прошло то время, когда человек был пленником Земли, когда лишь со дна воздушного океана открывался ему окружающий мир. В летописи межпланетных сообщений появились первые страницы: вслед за искусственным спутником нашей планеты начался штурм неба, совершен лунный перелет, положивший начало пассажирским космическим рейсам. Постепенно стерлись белые пятна на картах Луны. И люди стали задумываться над тем, чтобы продолжить небесные трассы. Родился новый, еще более дерзкий проект.

Цель путешествия — Марс. Он едва ли не самая интересная загадка в планетной солнечной семье. Уже не сотнями тысяч, а десятками миллионов километров измеряется теперь маршрут. И полет будет длиться гораздо дольше.

Увеличиваются трудности, растет опасность, хотя бы опасность встречи с космическим снарядом, метеоритом, множество которых странствует в межпланетном пространстве. Однако нет предела «безумству храбрых». Возросла опасность, но вырос и опыт у космонавтов, а техника еще дальше шагнула вперед. Не вслепую полетит корабль к красноватой звездочке, какой кажется Марс с Земли.

Корабль «Марс-один» — техническое чудо последней четверти нашего века. Двигатель, оборудование, условия жизни — все приспособлено к длительному путешествию с высадкой на планете. Уже побывали в окрестностях Марса ракеты-автоматы — разведчики без людей — да радиоволны, посланные локаторами. Пора и людям своими глазами увидеть то, что оставалось во многом областью догадок. Предположения, гипотезы должны уступить место точному знанию.

«...Алло, Земля! Говорит «Марс-один», «Марс-один»... Цель близка. Мы хорошо видим поверхность Марса, сравниваем с картами и снимками, намечаем место посадки. Сейчас лето, сильно уменьшилась снеговая шапка полюса, а сеть каналов (тех самых каналов, которые давно служили яблоком раздора среди астрономов) набухла, словно вены на перетянутой руке. Подробности, однако, все еще трудно рассмотреть. У полюса сквозь белый слой просвечивает что-то красноватое. Над ним плавают облака. На суше — она также красноватого цвета — заметны отдельные голубоватые места. По временам вся картина словно заволакивается мутной дымкой, видимо, это туманы или легкая облачность. Заметили несколько снежных островков среди красноватой пустыни полярных областей. Впрочем, они скоро исчезли. Продолжаем наблюдать. Пилот и штурман готовятся к спуску. Начинаем торможение. Предполагаем сесть в северном полушарии, в местности, по-видимому, представляющей ровную площадку... Алло, Земля! Только что закончили расчет на посадку. Наносим на карту вновь замеченные голубоватые пятна. Вблизи экватора они особенно отчетливо видны. Непрерывно ведем фото — и киносъемку. Все бла-

гополучно. Кончаю, подтвердите радиogramму, перехожу на прием...»

В это время на Земле радиотехники дежурили у приемников, миллионы слушателей напряженно ловили каждое слово о событиях на корабле, приближающемся к Марсу.

Не случаен интерес к этой загадочной планете. Уже давно ученые знали, что на ней есть атмосфера, правда, гораздо более разреженная, чем наша. Облака, туманы, полярные снеговые шапки, тающие весной, затуманенные края у диска, чего никогда не замечали на лишенной воздуха Луне, — все это говорило об одном: атмосфера существует. Знали и то, что хоть Марс беден влагой, но она все же там есть, а значит, есть и условия для жизни. Но какой?

Наверное, пятна, по временам меняющие окраску, — это растения. Они приспособились к суровому марсианскому климату и запасают воду, подобно верблюду в пустыне. Их голубой, а не зеленый, как у нас, цвет — это защитная окраска, потому что ультрафиолетовые солнечные лучи свободно проникают сквозь неплотную воздушную оболочку. На Земле нет таких высоких гор, которые могли бы «потягаться» с марсианскими равнинами, где воздух сильно разрежен. Днем довольно тепло, ночью же очень холодно. Марс получает от Солнца гораздо меньше света и тепла, чем наша Земля. Он дальше отстоит от дневного светила и обходит вокруг него за 687 суток; год там примерно вдвое длиннее земного. Нелегко жить на этой холодной, бедной водой и воздухом планете! Вдобавок марсианская атмосфера, вероятно, бедна и кислородом.

И все же растительность должна быть на Марсе. Многое говорит за это. И главное — многообразие форм жизни, приспособляемость к самым различным, крайне тяжелым условиям, какие бывают в природе. За долгие века растения научились переносить холод в морозные марсианские ночи, экономить драгоценную влагу, приспосабливаться к ультрафиолетовому излучению и обходиться тем малым количеством света и тепла, которое доносят туда скупые солнечные лучи. Астроботаники смогли даже сказать, как, по их

мнению, могут выглядеть такие удивительные растения: низкорослые, голубоватого цвета, несколько напоминающие мхи или лишайники, обитающие на склонах наших гор.

Растения не единственная загадка красноватой планеты. Очень давно итальянский астроном Скиапарелли сделал поразительное открытие. Он увидел в телескоп на поверхности Марса сетку правильных тонких линий, названных им каналами. Воображение сразу нарисовало картину грандиозной системы водоснабжения, как паутина, опутавшей планету: каналы, моря, озера, быть может, в них и марсианские города... Всего до сих пор удалось обнаружить свыше тысячи каналов. При этом они не остаются всегда одинаковыми во все времена года. Весна. Тают полярные льды, и сеть темнеет, линии ее становятся более заметными, а потом снова почти исчезают. Весенние воды утоляют жажду пустынь.

Что же такое каналы? Дело рук разумных существ или просто игра природы? Не все наблюдатели видели каналы такими, какими их изобразил Скиапарелли. Вместо прямых линий замечали цепочку пятен, вроде множества мелких капелек. Не помогла и фотография: слишком удален объект съемки, да и атмосфера мешает получить отчетливые, ясные снимки. Каков же ответ на вопрос? Одни отрицают каналы, другие их признают, но никто не может сказать, откуда они взялись. И вот теперь...

«...Алло, Земля! Говорит «Марс-один», говорит «Марс-один»... Начинаем спуск. Продолжая облетать планету, мы опускаемся на песчаное плато. В южном полушарии сейчас бушует пыльная буря, большое желтоватое облако быстро движется по поверхности, направляясь на юго-запад. Атмосфера вблизи южной полярной шапки помутнела».

Марсианское небо не такое, как на Земле. Оно не голубое, а темно-синее, почти фиолетовое, и Солнце с Марса кажется более тусклым.

Для жителей Марса, если бы они существовали, открылась поразительная картина: вдруг на небе появляется новое, необычное небесное тело. Быстро движется среди звезд

что-то похожее на комету, с таким же длинным шлейфом-хвостом... и исчезает за горизонтом. Звуки плохо разносятся в разреженной атмосфере. Но столь мощный гул слышен и здесь. На песчаную площадку, поднимая вихри пыли, опускается крылатый снаряд, борется с притяжением планеты, постепенно теряя скорость. Последние секунды полета... Остроноса сигра стоит на выдвинутых из корпуса стальных ногах.

Успокаивается песчаная буря, вызванная прибытием корабля. Снова Солнце сияет в безоблачном небе. Тот же однообразный пейзаж — уходящие вдаль красноватые пески. Но появилось новое, невиданное раньше. Издалека виден гигантский корабль, отливающий металлическим блеском. Он кажется безжизненным: закрыты иллюминаторы, задраены люки, ничто не выдает присутствия живого. Идет время. Уже высоко в небе поднялось Солнце. Наконец корабль прозревает, открывает иллюминаторы-глаза. Открывается и дверца. Существо, похожее на водолаза с прозрачным шлемом на голове, спускается вниз и ступает на почву Марса...

«...Алло, Земля! Говорит «Марс-один», говорит «Марс-один»... Мы на Марсе. Иллюминаторы открыты, и через них во все стороны видна слегка холмистая песчаная пустыня — до самого конца, куда достигает глаз. Наша первая задача — ориентироваться и исследовать состав атмосферы. Командир корабля решает выйти наружу. Буду радировать каждый час».

И вот первые впечатления путешественников:

...Давление у поверхности Марса соответствует восемнадцати километрам земной высоты. Одной кислородной маской, как мы думали, не обойдемся. Приходится надевать скафандры. Вслед за командиром все побывали на месте нашей посадки. На Марсе легче, чем на Земле, в буквальном смысле слова, ибо притяжение меньше в два с половиной раза. На Марсе погода несравненно ровнее, чем на Земле: почти всегда ясно, хотя изредка, правда, бывают и песчаные бури, и дожди, и облака. Когда заходит Солнце, наступают сильные холода. Ночью, на рассвете, термометр отметил

минус пятьдесят градусов. Звездное небо очень красиво, и особенно замечательна одна яркая двойная звезда, на которую мы с волнением смотрим,— это Земля с Луной.

...Черное небо усеяно миллионами ярких звезд. Таким мы никогда не видим его на Земле, окутанной плотной вуалью своей воздушной оболочки. Здесь же, словно на вершине высокой-высокой горы, какой тоже нет на Земле, сухой, разреженный — скажем все-таки по-земному — «воздух» почти не мешает видеть Вселенную такой, какая она есть, а не со дна воздушного океана.

Ровная песчаная пустыня тянется до самого горизонта. Кое-где прижались к невысоким барханам низкорослые кустики растений. Они непривычны для нашего глаза. Зеленъ, зеленый ковер, покрывает сушу нашей планеты. Этот цвет преобладает всюду, где есть растения. А здесь, при солнечном свете, растения голубые. Похожую картину у нас можно встретить лишь высоко в горах, на юге страны.

Но сейчас ночь, и на черном бархатном занавесе неба восходят маленькие луны. Их две — два спутника у этой планеты, которую за ее красноватый цвет называли в честь бога войны Марсом. Марсианские луны получили имена Фобос и Деймос, что значит «страх» и «ужас». Но страшно-го и ужасного в них нет ничего. Однако странности есть.

Вот показался ближайший к Марсу спутник — Фобос. Он поднимается над горизонтом... Но не так, как все остальные светила. Казалось бы, надо ждать его с востока. А Фобос появляется с запада и направляется к востоку!

Фобос и Деймос очень невелики: всего несколько километров в диаметре. Луны-крошки! Фобос движется так быстро, что за одни марсианские сутки дважды восходит и дважды заходит, обгоняя Марс в его движении вокруг оси. Потому и кажется, что он движется не с востока на запад, а наоборот! Мы долго не могли привыкнуть к необычному зрелищу Фобоса, меняющего фазы, как наша Луна, но восходящего на западе и заходящего на востоке.

Необычен здесь солнечный восход. Рано утром туман покрывает все вокруг. Из-за этого восходящее Солнце ста-

новится красным, как это иногда бывает и на Земле. Появляется первый луч, и туман редет, наступает прохладный ясный день. Почва успевает нагреться, а за ночь снова отдает тепло. Климат, как в нашей тундре... если вообразить ее среди песков.

...Мы продолжаем изучать Марс. Определили свое положение и наметили маршрут для исследований. Произвели анализ атмосферы: кислород, углекислый газ, водяные пары. Кислорода примерно одна шестая того, что есть на Земле. Низкое давление, мало кислорода — без скафандра не обойтись. Время наших путешествий поэтому ограничено. После первых пешеходных прогулок близ места посадки ракеты отправимся в далекий рейс на вездеходе. Ровный рельеф позволит, по-видимому, двигаться быстро. Пока же обследуем местность неподалеку.

Первую вылазку решили произвести на северо-восток, к темному пятну, виднеющемуся у горизонта. И вот мы шагаем по песчаным барханам. Идти нетрудно, хотя ноги слегка вязнут в оранжево-красном песке. Взяты пробы пород, сделаны сотни снимков. Наши пустыни по сравнению с марсианскими — настоящие оазисы жизни. Здесь все еще никаких признаков живого. Переговариваясь между собою, мы шли километр за километром, пока не приблизились к цели — темному пятну. Вблизи оно распалось на множество мелких. Ускоряем шаг. Заросли низкорослого кустарника открываются перед нами.

Растения! Низкорослые, стелющиеся — чуть было не сказал: по земле, — с листьями, словно подернутыми голубым налетом... Это и ожидали увидеть, но все же, когда я нагнулся и сорвал ветку, все смотрели на нее, словно на чудо. В самом деле, не чудо ли найти за десятки миллионов километров то, что предсказала наука? Эту ветку решили сохранить для музея межпланетных сообщений. Впоследствии мы находили и других представителей марсианской флоры, но ни один из них не вызвал такого волнения, как первая найденная веточка, словно перенесенная сюда с высокогорных среднеазиатских долин.

У нашего ботаника теперь много работы. Его гербарий непрерывно пополняется новыми образцами. Среди них есть подобные нашим лиственным, теряющим осенью листву, и нашим вечнозеленым, сохраняющим свой наряд и зимой и летом. Во время другой экскурсии мы нашли в пустыне совсем иные растения — розового цвета, похожие отчасти на маки. Вот чем объясняется то, что с Земли видны были какие-то красноватые пятна. Цветы на время покрывали пески. Нам удалось увидеть «цветение» марсианской пустыни. Значит, все-таки она не так уж безжизненна, как показалось на первый взгляд!

...Вездеход готов к продолжительному путешествию. Мы должны добраться до каналов. Берем достаточный запас продовольствия, кислорода, воды. Рубка из прочной прозрачной пластмассы позволяет вести круговой обзор.

Атомный двигатель обеспечивает экспрессное продвижение туда и обратно. По радио будем держать связь с кораблем. Проходимость машины дает возможность преодолеть все преграды, которые готовит нам природа Марса. Итак, в дорогу.

...Час за часом, а сквозь стекло — все те же песчаные гребни, изредка — заросли и больше ничего. Наш биолог мечтает встретить марсианских зайцев или хотя бы черепах. Один раз он даже закричал: «Стойте! Стойте!» Ему показалось что-то похожее на животное, но... поймать его — а мы не убедились в справедливости наблюдений — не удалось. Двигались к северу, постоянно справляясь с радиомаяком: он лучше всякого компаса указывает путь. Наше возбуждение нарастает. Вскоре, как говорит карта, канал. В кабине тихо, никто не хочет нарушить молчание. Обмениваемся односложными репликами. Видимо, цель уже близка. Мы закрываем наглухо шлемы скафандров. А вот и темная полоска. Это канал!

Взволнованные, мы вышли из машины и направились к полосе. Штурман опередил всех. Издалека видно было, как он шел, вернее, бежал... и вдруг остановился. Все бросились к нему. Среди кустарников и голубоватой травы мы увидели пересохшее русло реки... но реки, несомненно, созданной не природой! Когда-то, видимо, поток буйных вод заключен был в трубу. От большой артерии отходило множество мелких. Сейчас лишь развалины напоминают о былом величии технического гения марсианских инженеров, сумевших оросить безводные пустыни умирающей планеты.

И теперь по проложенным ими дорогам каждую весну устремляются талые воды полярных шапок. Каналы — линии жизни, по берегам расцветают растения, и это торжество весны видят земные астрономы. Давно уже нет тех, кто воздвиг изумляющие своим грандиозным размахом оросительные сооружения. Вода же сама идет по древним путям, и там, где уцелели отводы, возникают оазисы, голубеют растения, узенькая ниточка канала превращается в широкую, усеянную пятнами зелени дорогу жизни.

Трудно представить, как мы были потрясены увиденным. Правда, вряд ли мы встретим потомков строителей каналов. И все же Марс был обителью жизни. Значит, впереди новые, интереснейшие открытия... Именно такое чувство владело нами, когда мы возвращались на корабль.

Потом мы направились к южному полюсу. Переход оказался трудным и длительным: нас застигла пыльная буря...

Горы — вообще редкость на гладком, ровном, покрытом слоем пыли Марсе. Ни морей, ни озер... Многочисленные «моря» на картах — низменности. Мы побывали у истоков каналов, удивляясь искусству марсиан, сумевших долгое время вести упорную борьбу с природой. Нам очень хочется найти и другие следы марсианской культуры, однако пока обнаружить их не удалось. Продолжаем изучение Марса...

«...Алло, Земля! Говорит «Марс-один», говорит «Марс-один»... Погода ухудшается. Все чаще свирепствуют бури. Но программу исследований выполним до конца. В последнем рейсе мы нашли... мы нашли...»

Прервалась связь. Земные станции продолжали посылать сигналы, техники дежурили у приемников. Видимо, что-то случилось на корабле. Оставалось одно — ждать. И ожидание не оказалось напрасным. В назначенный срок ракета появилась у Земли. Вот раскрывается люк, и, как когда-то первые лунные путешественники, пошатываясь, сходили по трапу, так сейчас вышли «марсиане», привезшие с собой разгадки многих секретов планеты, соседнего с нами мира, где также есть жизнь.

...Познание человека беспредельно. Одна за другой раскрываются тайны мироздания. Нет сомнения, что будут до конца решены и все загадки Марса, планеты, которая так давно дает благодарную пищу горячему воображению.

Б. ЦЫВЬЯН

ПРЕМЬЕРА

Научно-фантастический рассказ

Рисунки Н. Мооса

Б. ЦЫВЬЯН

Рисунки Н. Мооса

1

— Вас к телефону, — сказала сестра, приоткрыв дверь.

Я встал с постели и вышел из палаты. Зеркало в коридоре отразило высокую? закутанную в больничный халат фигуру с забинтованной головой.

В кабинете врача было тихо.

— Свердловск? Да, я. Здравствуйте, Иван Петрович!

— Дорогой мой, как вы там?.. Слышал, слышал про ваши дела. Как редактору мне нужно ругать вас, но отложу. Не буду, не буду... Рассказывайте, каким ветром занесло в Красногорск. Как здоровье?

— Через несколько дней, наверное, снимут повязку и выпишут. Готовьте место для репортажа.

В трубке забулькал смех.

— Ну и театральные критики пошли. Едут за статьей о самодеятельности, а пишут производственный репортаж... Вы были на самом энергополигоне?

— Я усмехнулся.

— Конечно!

— Не торопитесь, поправляйтесь. На премьеру вы теперь не успеете, но основное — здоровье. И если сумеете, то постарайтесь поймать главного конструктора системы. Он, конечно, занят, однако надо хоть небольшое интервью из него выжать.

— Интервью взял. Мы лежим в одной палате.

— Еще не легче! Что-нибудь серьезное?

— Нет. Досталось поровну...

Я попрощался, опустил трубку и задумался.

2

В Красногорск я попал случайно. У меня была командировка в район, объединявший южную группу рудников. Там проходил смотр художественной самодеятельности горняков.

В последний день кто-то из членов жюри сказал мне между прочим:

— Жаль, не приехала Марина Васильевна Смирнова. Она работает врачом в Красногорске, но голос у нее, если бы знали...

— Марина Васильевна?.. Марина? Она не за Юрием Александровичем замужем?

— Да. Вы знакомы?..

С Мариной и Юрой мы учились в одних классах. Честно говоря, когда-то я даже чувствовал себя влюбленным в бойкую девчонку с зеленоватыми глазами. Но потом... Марине понравился он, вечно погруженный в какие-то чертежи и схемы, прокопченный канифольным дымом паяльников, иногда молчаливый до угрюмости. Наши девчонки пожимали плечами и сочувственно вздыхали, глядя на меня. Но я, несмотря на терзания, признал справедливость ее выбора.

Мы, ребята, очень уважали Юрку. За «целеустремление», как говорили мы.

И вот оказалось, что семья Смирновых сравнительно недавно вернулась на Урал с Алтая, где Юрий работал в научно-исследовательском институте.

— Красногорск-то от нас недалеко, — заметил член жюри во время разговора.

Я знал, что во вторник состоится в Свердловске премьера давно ожидаемого спектакля «Навстречу солнцу», что мне необходимо быть на премьере и писать рецензию, а до этого еще сдать отчет о смотре.

Я думал. Я прикидывал. В конце концов решил, что успею. Иное решение все равно ничего бы не изменило: автобус уже вез меня в Красногорск.

3

...Воскресенье пролетело незаметно. То и дело перебивая друг друга, мы задавали один и тот же вопрос: «А ты помнишь?...» К вечеру, наконец, Юрий устало изрек:

— Хватит, братцы. Человек должен жить не прошлым, а будущим. Верно, Мариночка?

— Философ, — вздохнула Марина. — Верно-то верно, только, по-моему, все будущее ты видишь в пределах своего энергополигона.

— Старая острота! — сказал Юра. — Кроме того, наш полигон...

— Что за полигон? — спросил я скорее из вежливости, чем из любопытства.

— Сейчас расскажу... Десять лет назад на Алтае мне с группой ученых удалось получить от Земли первый «урожай». Земля стала давать ток промышленного напряжения. В то время на шахтах и рудниках боролись с «блуждающими токами», в том числе с естественными токами Земли... Есть такие токи в Земле — естественные. Слабые они, но создавали в работе горняков серьезную опасность. Нередко взрывник еще только вводит в скважину заряд с электриче-

ским капсюлем-детонатором, а естественный земной ток тут как тут. Если изоляция проводников электродетонатора чуть подвела, — трах! —преждевременный взрыв! В общем, были дела. А сегодня положение изменилось. Мы научились отбирать от матушки-планеты ее электрический потенциал. Вся южная группа рудников, где ты, кстати, был, питается земным электричеством от нашего энергополигона.

— Интересно,— сказал я.— Это электростанция абсолютно нового типа? Так я понял?

— Совершенно верно. Ну, а сейчас спать. Если хочешь, завтра с утра повезу тебя на полигон.

— Завтра уже понедельник,— осторожно заметил я, — а во вторник надо быть в Свердловске. Премьера «Навстречу солнцу», и я...

— Завтра, — перебил Юрий, — у меня тоже премьера. Да еще какая! Пуск блока «В» с форсированным съемом тока. В конце концов ты журналист или нет? Тебе же чертовски везет: побывать на нашей премьере... А в Свердловск успеешь.

4

Понедельник выдался пасмурным, сумрачным. Тучи спустились чуть не к самым окнам четвертого этажа. Но даже начавшийся дождь не мог испортить моего хорошего настроения. У меня было предчувствие, знакомое каждому журналисту: я понимал, что наклеивается интереснейший материал.

За завтраком Юрий был сосредоточен и молчалив. Видимо, обдумывал предстоящее испытание. Потом, посмотрев на меня, внезапно оживился.

— Я тебя сейчас немного введу в курс дела.

Держа в одной руке стакан с кофе, он быстро набросал на бумажной салфетке простенькую схему.

— Как известно, мы чаще всего встречаемся в природе с двумя процессами: окислением и восстановлением. В толще Земли при окислении некоторых руд возникает слабый электрический ток. Химическая энергия преобразуется в

электрическую. Получается своего рода природный гальванический элемент.

— Это вроде карманной батарейки?

Он мельком взглянул на меня.

— Есть хочешь, то «вроде». В принципе. Только масштабы не те... Было установлено, что более высокое напряжение тока при окислении дают руды, содержащие сернистые соединения меди, железа, свинца, мышьяка. А под Красногорском есть большое медное месторождение. Конечно, медь нужна, но вначале мы используем месторождение для энергетических целей. И только через двадцать лет нас сменят горняки.

Юрий передал мне через стол бумажную салфетку со схемой. На разрезе были изображены далеко простирающаяся рудная залежь и многочисленные вертикальные линии, пронизывающие ее.

— А где у вас шахта? — спросил я.

— Шахту строить дорого. Да и зачем она? Мы бурим скважины. В них монтируем контактные установки. Там же находятся электропроводные добавки... Это один полюс нашей энергетической системы. Вторым полюсом служит капитальное стационарное заземление. Мы его уложили на контакте коренных пород с наносами. Уяснил?

Я неопределенно помычал, дожевывая бутерброд.

— В остальном ты разберешься на месте. Одевайся, поехали. Соловья, говорят, баснями не кормят.

5

Энергополигон оказался большим полем, обнесенным ажурной железобетонной оградой. От распределительной подстанции уходили за горизонт три линии высоковольтных передач.

Наша машина остановилась у светлого здания лабораторного корпуса. Несколько человек окружили нас.

— Знакомьтесь, — представил меня Юрий собравшимся инженерам и техникам.

Мы молча зашагали по асфальтовой дорожке, огороженной с двух сторон поручнями. Справа и слева через равные промежутки, словно садовые домики, стояли, выстроившись в ряды, небольшие приземистые кубы, покрашенные алюминиевой краской.

— Это наши автоматизированные отсасывающие станции. Они устанавливаются над каждой энергетической скважиной,— сказал, перехватив мой внимательный взгляд, один из новых знакомых.

Мы подошли к площадке, где намечалось испытание.

Четыре автомашины с крытыми кузовами, два передвижных компрессора располагались рядом со скважиной, к которой протянулись, затейливо переплетаясь, многочисленные разноцветные шланги, бронированные кабели, провода. Считанные минуты оставались до начала испытания.

Видя, что Юрий занят, я попросил своего собеседника кратко рассказать о работах на блоке «В». Инженер не заставил себя уговаривать.

— В руде блока «В» содержание меди и серы точно такое же, как и на других участках месторождения, — объяснил он.— Но для увеличения съема тока мы искусственно усилили процесс окисления.

В скважине, кроме обычной контактной установки, помещена весьма пористая пластмасса — суперпоропласт, пропитанная активизатором. Активизатор — новое сложное окисляющее вещество...

Он говорил подчёркнуто коротко, суховато, видимо, стараясь в нескольких словах передать суть дела. Терпеливо ждал, когда я запишу очередную фразу.

— Но это только первые шаги. Программа сегодняшних испытаний такая: мы стараемся усилить давление в контактной зоне и повысить скорость подачи активизатора. Это должно резко увеличить съём тока.

6

...Прошло три часа. Юрий, пригнувшись, сидел у пульта. Я стоял рядом, хотя, кажется, этого не полагалось. Принесли ленту, только что снятую с самописцев. Пики и впадины или спокойные, плавные линии точно отражали весь ход испытаний.

— Аркадий Николаевич, — обратился Юрий к инженеру, — посмотрите на кривые. Разве мы достигли оптимального режима?

Аркадий Николаевич, тучный мужчина в синем берете, снял очки и медленно начал протирать их носовым платком.

— Я все уже видел. Съём тока увеличился всего на двадцать процентов. К сожалению, мы никак не можем повысить расход активизатора. Скважина его больше не принимает.

— Ну, увеличьте давление.

— До каких же пор? Нет, Юрий Александрович, мне кажется, единственный путь — это скважина-спутник. Но ведь вы знаете...

Что такое «скважина-спутник», я не знал. Очевидно, ее использование не входило в план испытаний. Юрий побарабанил пальцами по щиту пульта. Встал и широкими шагами направился к испытываемой скважине.

Закованные в броню шланги слегка вибрировали. Компрессоры издавали ровный монотонный гул, прерываемый иногда шипением предохранительных клапанов. Юрий остановился, чуть-чуть наклонив набок голову, точно врач, прислушивающийся к дыханию больного.

Двое монтажников закрепляли под невысоким копром с помощью хомутов и канатов сигарообразную телекамеру. Капли воды на ее стальном корпусе еще не успели высохнуть.

— Конечно, риск есть. Но от него ни куда не уйдешь. Иначе наши испытания ни к чему, — послышалось рядом.

— Приготовьтесь к торпедированию, — спокойно сказал Юрий. — А телекамеру демонтируйте.

..На площадке стало безлюдно. В скважине-спутнике исчез овальной формы контейнер с зарядом взрывчатого вещества. Медленно на канате его спускали вниз. Аркадий Николаевич шепотом объяснил мне, что там, в глубине, взрыв нарушит многовековую монолитность рудного тела. Трещины распространятся до основной скважины, площадь соприкосновения активизатора с рудой возрастет. Значит, повысится съем тока.

7

Все шло, казалось, нормально. И вдруг стрелка указателя глубины остановилась.

— Почему остановили спуск контейнера? — спросил в микрофон Юрий.

— Где-то заело канат или, возможно, заклинило контейнер, — немедленно ответил динамик. — Разрешите определить причину неисправности?

— Не ходите, — поспешно сказал он. — Я сам выясню.

Юрий быстро зашагал к площадке. На полпути он заметил, что я иду следом за ним.

— Немедленно убирайся. Здесь не шутят.

Если бы он спокойно объяснил, почему мне надо уйти, я бы, очевидно, послушался. Но Юрий нервничал и торопился. Я почувствовал, что момент напряженный.

— Не груби,— сказал я, как когда-то в классе. — Подумаешь, командир! Я журналист и должен все знать. Сам за-
тащил меня на эту «премьеру».

До скважины оставалось метров десять. Теперь было ясно видно, что канат, на котором спускался контейнер со взрывчаткой, слегка провисал.

— Да, контейнер зажало. Сейчас попробуем тихонько выбрать канат и ликвидировать эту неприятность, — уже значительно спокойнее сказал Юрий.

Но мы не успели сделать еще и двух шагов, как что-то сильно грохнуло. Падая, я заметил черное облако, которое стремительно разрасталось над устьем развороченной скважины.

...Марина склонилась надо мною и поправила бинты, сползающие на лоб. Все тело и особенно голову сильно ломило.

— Ну, как? Доигрались, мои мальчики?

— Что с Юрой?

— Можешь полюбоваться. Он от тебя не отстал.

Юрий с соседней койки помахал забинтованной ладонью.

— Неудачники мы с тобой, дружище. Видимо, когда контейнер застрял в скважине, то нарушилась изоляция кабеля. Ну, а дальше ты, я думаю, догадался. Электрический ток рудной залежи вызвал самопроизвольный взрыв, и...

— Юрочка, можно без лекций? — поморщился я. — Как прошли испытания?

— В целом — отлично. Мне звонили по телефону: съем тока увеличен почти в два раза. Ты уж извини меня, что так получилось. Глупо мы сунулись... Опоздал ты на свою премьеру.

— Ладно,— сказал я. — Твоя была не хуже. Поздравляю тебя, «неудачник».

ИГОРЬ СЕРГЕЕВ

НА ГРАНИ

Фантастический рассказ

Художник Н. Моос

*Журнал «Уральский следопыт», № 12, 1963 г.
По предположению — псевдоним Д. Биленкина.
Авторство Д. Биленкина не подтверждено.*

— Нет, нет! Я с тобой совершенно не согласен! Со-вер-шен-но! — Стремительно повернувшись на каблуках, Сергей круто остановился против кресла, в котором сидел высокий худощавый мужчина в белом костюме. Большой орлиный нос на узком лице, хитрый прищур умных серых глаз, невероятно длинные и худые ноги и руки, которые ему постоянно мешают,— это Петти Крикк, нейропсихолог, прославившийся открытием психодинамического поля,

Создаваемое нейронами мозга, это поле распространяется в пространстве, не зная преград. Оно проникает сквозь экранированные стенки, сквозь толстые свинцовые плиты, пронизывает глубины океана и толщу земной коры. Физическая сущность его пока ускользает от понимания ученых. Однако в том, что оно существует, уже никто не сомневается...

Весь во власти открытия, Крикк попытался со своих позиций атаковать сложнейшие проблемы современной физики и теперь расплачивался за это. Даже не выслушав до конца, методично разбивал его положения давний друг и оппонент физик Сергей Сомов.

— Диалектика учит нас, что во Вселенной происходят принципиально близкие, но отличающиеся процессы, кото...

— Но позволь!.. — возмущенно воскликнул нейропсихолог,— я же с этим вполне согласен! Я не понимаю, в чем меня обвиняют...

— Не перебивай! Тебе дадут слово.

Заложив руки за спину и задрав гладко выбритый подбородок, Сергей нервно ходил по комнате.

— Есть и другая, не менее важная особенность, Это наличие во Вселенной так называемых узловых переходов!

— Ты хочешь сказать, что Пространство неоднородно в различных областях Вселенной и что каждая область Пространства соприкасается с соседними областями, отличными по свойствам? Я это знаю.

— Но ты, видимо, не представляешь, что в области этого соприкосновения могут существовать явления, к которым вообще неприменимы наши физико-химические законы и наши представления о материи. Что это *terra incognita*!¹⁾

«Надолго сцепились» — машинально отметил про себя Космонавт, третий человек в комнате, неподвижно сидевший у окна.

В помещении было светло и прохладно. В окно лились потоки золотистого света. За стеклом, в беспощадном зное полудня, застыли перистые листья пальм. словно бриллианты, сверкающие в лучах солнца, порхали разноцветные колибри.

Космонавт сидел молча, Он не принимал участия в спорах, вспыхивавших всегда, когда встречались эти двое.

Ровный, чуть слышный рокот моря, синей стеной встававшего за красными скалами, пробуждал воспоминания.

— Чего ты от меня хочешь? — кипятился нейропсихолог. Он утонул в глубоком кресле и сейчас безуспешно пытался подняться. — Я ведь не отрицаю наличия узловых переходов, я не отрицаю возможности каких-либо невероятных, необъяснимых свойств Пространства в этих загадочных областях. Наоборот! Я хочу... Пойми, это не утверждение, а только свободное предположение, гипотеза, так сказать! Я предполагаю, что сущность психодинамического поля мозга как раз имеет нечто общее с силовыми полями Пространства в областях узловых переходов.

1) *Неведомая область, буквально: неизвестная земля (лат.)*

— Ну да,— иронизируя, подхватил Сергей. — Ты, по-видимому, считаешь, что поскольку эти поля пока не поддаются изучению, значит, они идентичны! Это вроде доказательства от противного.

— С тобой невозможно говорить!.. Я, конечно, не физик, Но я представляю эти узлы Пространства.

Он огляделся, схватил со стола соломенную шляпу и быстро нахлобучил на голову.

— Вот смотри! Моя голова — наше Пространство с положительной кривизной. На голове, как видишь, шляпа, Она имеет вогнутость по форме головы, то есть как бы отрицательную кривизну. А граница их соприкосновения — это один из видов узловых переходов. А?!

— Возможно! Но ты должен представить себе узловый переход не только как поверхность. Ведь чужеродные области могут не только соприкасаться между собой но и пронизывать друг друга, существовать одновременно в одном и том же объеме Пространства, причем нисколько не мешая одно другому. Настолько различны все их физические и химические свойства.

— Я это знаю,— заметил Петти, — Простейший пример я взял для наглядности, Вообще же можно только предполагать, насколько сложны явления, имеющие место в этих переходах Вселенной. Конечно, ты прав, когда говоришь, что земному наблюдателю они покажутся необъяснимыми и даже сверхъестественными.

— Интересно, как ты это представляешь?

— Я не физик, а всего лишь...

— Короче!.. Это я уже слышал...

— Ну, например, небо со звездами наоборот. Там поле тяготения вывернуто наизнанку...

— Как это наизнанку? — изумился Сергей.

— Ну... я не физик, я всего лишь... — замялся Петти.
— Возможно, там тела не притягиваются, а отталкиваются...

— Так-так.. Ты уже близок к абсурду, Петти. Но... продолжай.

— Почему близок к абсурду? Ты представь, что там все наизуворот... Ну, понимаешь, я не физик и не могу объяснить, но я все это отлично представляю.

— Твоя фантазия поистине безгранична...

— Я видел этот мир! — глухо проговорил Космонавт.

Сергей вздрогнул.

Космонавт подошел к спорящим. Они знали его как очень уравновешенного, выдержанного человека, не терпящего самообладания в самых критических положениях...

— Я видел, — повторил Космонавт.

В комнате на короткое время воцарилась тяжелая тишина.

— Ты, верно, шутишь? — вымолвил, наконец, подозрительный Петти.

— О, нет!

— Рассказывай! — коротко бросил. Сергей, пододвигая кресло Космонавту и усаживаясь сам.

— Это было девять лет назад. С экипажем в пять человек я шел на «Кристалле» к Эпсилон Эридана с грузом продовольствия и оборудования для колонистов, шел по хорошо изученной — заметьте: хорошо — изученной! — трассе, к четвертой планете Эпсилон Эридана, к Лоре.

— Я слышал об этой планете! — воскликнул Петти. — О ее чудовищах, полуптицах-полуящерах. Их называют...

— Не все ли равно, как их называют! — перебил Сергей.

— Да, эти сине-желтые дьяволы, Их свирепость равняется их живучести. — Космонавт вздрогнул и раздраженно поморщился, — Представьте их невероятное чутье, их мстительность, скорость, с которой они носятся в непроходимых джунглях Лоры, представьте зловонные испарения болот, отравляющие воздух, и вы поймете, в каких условиях находились наши колонисты. Драконы напали на них. Люди оказались запертыми в подземной сейсмологической станции. Было уничтожено и отравлено все и, главное, склады с продовольствием и водой. Все погибло.

— А как же вы узнали об этом?

— Они успели передать сообщение о нападении. Потом Лора замолчала... И молчание было красноречивее любого «SOS». «Кристалл» пошел на Эпсилон Эридана.

Космонавт внимательно посмотрел на притихших друзей.

— Маршрут был хорошо известен, и я не видел в рейсе ничего такого, что потребовало бы от экипажа особых усилий. Однако на пятнадцатой неделе по независимому времени звездолета произошли события, которые я считал бы сном или бредом, если бы не исчез астробиолог Белов.

— Постой! Это не тот Белов — Аркадий Белов, автор гипотезы о псевдорезонансных явлениях в нейронах? — осведомился Петти. — Я его знал...

— Да! Тот самый... На пятнадцатой неделе полета Эпсилон Эридана, дрожащая на перекрестье курсового локатора, совершенно неожиданно, сначала тихо, затем все быстрее поплыла вправо. Я видел это собственными глазами. И штурман видел! Это было невероятно, я несколько раз ударил себя кулаком по лбу... Ведь при скорости в ноль восемьдесят пять C^1 резкое отклонение от курса хотя бы на полградуса приводит к мгновенной гибели всего живого на звездолете. Да и сам звездолет превращается в облачко электронов.

А тут в течение полуминуты Эпсилон Эридана на моих глазах перешла с центрального экрана на бортовой! Иными словами, звездолет резко изменил направление полета!..

— Невероятно! — вскричал Сомов.

— Да! Невероятно! Но, тем не менее, я видел это так же ясно, как вижу сейчас вас. — Космонавт остановился перед физиком и нейропсихологом и посмотрел на них спокойным взглядом. — Странно. Верно? С одной стороны, приборы фиксируют поворот, с другой — физическая невозможность поворота. Впрочем, на наших организмах это сказалось. Я почувствовал дурноту, в глазах поплыли радужные круги. Не помню, сколько это длилось. Как я потом узнал, вся команда чувствовала то же. А когда пришел в себя, то увидел...

1) Буква C обозначает скорость света, равную 300 000 км/сек.

— Ну и что же ты увидел? — воскликнул Петти.

— Представьте себе небо Ленинграда в период белых ночей. Белесое, слабо и равномерно освещенное изнутри, но покрытое... — Космонавт остановился посреди комнаты и снова посмотрел на собеседников, — Покрытое черными точками звезд! Черные звезды! Казалось, все небо было затянута светящейся тканью, в которой иглой в беспорядке накололи дырок, и сквозь них просвечивало Черное Ничто.

— Н-небо навыворот! — заикаясь от волнения, произнес Петти. — Я же говорил...

— Помолчи, Петти! — с досадой сказал Сергей.

— С удовольствием, но ты должен признать, что я удивительно точно...

— Я еще не кончил, — сказал Космонавт, — «Небо навыворот»! Этого мало! Созвездия были совершенно незнакомы, и, только увидев их отраженными в оправе прибора, я понял, что небо не только «навыворот», оно — зеркальное отображение нашего, из которого мы прибыли. После этого мы смогли определиться и поняли, что находимся в той же точке Пространства, только Эпсилон Эридана не светится, а чернеет. Мы перестали удивляться, попытались выбраться из зоны Белого Неба. Однако звездолет вышел из повиновения, Скорость равномерно возрастала и скоро достигла нуля целых девяноста восьми сотых С. Мы убеждались, что все более и более отклоняемся от цели.

Космонавт подошел к окну.

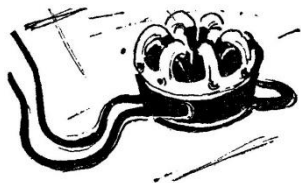
— Да! Мы были совершенно уверены, что «Кристалл» уходит от курса по прямой, к нему перпендикулярной. И не могли что-либо предпринять. Ни одному прибору нельзя было верить. Показания менялись быстро и беспорядочно. Мы шли вслепую. И в это время исчез Белов...

Космонавт повернулся и озабоченно потер пальцами виски.

— Я хорошо помню день, когда это произошло. Белов, впервые за весь рейс, пришел в центральный пост. Петти, ты ведь помнишь Белова? Невысокого роста, полный, с густыми черными кудрями на круглой голове. Всегда жизне-

радостный, общительный... А тут вдруг серьезный, даже торжественный... Он пришел на центральный пост в тропическом шлеме, снял его, и мы увидели, что голова Белова начисто обрита. В левой руке он держал большую тетрадь, а под мышкой какое-то странное приспособление — корону с зубцами, загнутыми внутрь. На каждом зубе чернела мягкая присоска. От блестящего, по-видимому, полого кольца тянулся длинный экранизированный кабель. Белов подключил

его к клеммам наружной антенны дальней связи и плотно надел корону на голову. Мы молча следили за этими манипуляциями, Я спросил Белова, что это значит. Он посмотрел на меня и сказал:

— Если со мной что-нибудь

случится, капитан, передай это в Институт Физики Пространства. — Он потряс тетрадь, которую так и не выпустил из рук, посмотрел на всех нас по очереди и щелкнул тумблером на маленькой черной коробочке, подвешенной к карману.

Я глянул ему в лицо и почувствовал, что не могу оторваться от его взгляда... Мне стало жутко, но я был бессилен сделать хотя бы малейшее движение. Зрочки Белова, увеличившись, словно проглотили меня, я вошел в их тьму и вдруг увидел, как на аспидно-черном фоне, стремительно увеличиваясь, протянулись жемчужно-серые нити. Они, плавно колеблясь и перемещаясь, плавали в пространстве. В точках пересечения бесшумно взрывались и завивались в бешеном вращении оранжевые, алые, бело-фиолетовые, голубые спирали. Они были равномерно разбросаны по всему видимому полю: одни ближе, другие дальше — я отчетливо чувствовал перспективу, — и все они вращались в одну сторону. Временами то одна, то другая спираль сжималась в шар, который, быстро уменьшаясь в размерах, выпускал жемчужную нить. Она лучом пролетала по черному полю и порождала новые спирали.

Я не чувствовал своего тела, не ощущал ни тепла, ни холода, ни времени, не замечал окружающего. Прошла, кажется, вечность, когда сквозь ослепительно-черный фон постепенно начали проступать смутные пятна. Они проявились, и я, наконец, понял, что вижу приборы, укрепленные на противоположной стене, пульт защиты, лицо Белова. Оно было все так же напряженно и сосредоточенно. Я не мог поймать его взгляда, хотя по-прежнему смотрел в глаза. Неожиданно лицо и вся его фигура поплыли, исказились, как будто прозрачная волокнистая дымка прошла между нами. Тело Белова плавно скользнуло к стене, Лицо его стало смутным. А потом сквозь его тело стали проступать предметы, которые были сзади.. Белов словно таял, делаясь все более прозрачным!..

Последнее, что я увидел, было темное пятно тетради, которую он забыл отдать нам. Потом исчезло и это... Я

вздрогнул, услышав, как упала, загремев на полу, корона. Я видел все своими глазами. И другие видели, но они не могут подтвердить, они погибли на Лоре. А Белов так и не вернулся... Я слышал ваш спор. Вы говорили об узловых переходах. Может быть, мы оказались в одном из них? Но куда делся Белов? Он словно растворился... Мы тогда записали в журнале: «Погиб при проведении опыта». А потом... Это, может быть, смешно, но мне стало казаться, что все было сном, было не так. Но корона... Ну, скажите, куда он исчез?

— Понимаете, — взволнованно ответил нейропсихолог, — как бы вам это объяснить? Я уже говорил... Представьте себе: наше Пространство — это вроде бы моя голова, а шляпа... — он потянулся за шляпой, но Сергей отодвинул ее подальше.

— Послушай, Крикк! — сказал он странным голосом и замолчал, борясь с волнением. — Но ведь это же открытие! Теперь совершенно ясно, что взаимопроникающие пространства — уже не досужий вымысел. Они действительно существуют! Понимаешь, су-ще-ству-ют!

— И граничный переход между ними имеет прямую связь с психодинамическим полем мозга! — Петти смотрел на Сомова восторженными глазами. — Самую прямую! Эксперимент Белова произведет переворот в нейропсихологии. Эффект Белова! Это...

— Подождите, — сказал Космонавт. — Мне грустно. Вы говорите: эффект Белова, переворот в науке, а я бы хотел, чтобы все это мне пригрезилось. Но это было! Было!.. На обратном пути я шел с новым экипажем тем же курсом, и в душе надеялся, что Белов вернется. Но «эффект Белова» не повторился.

Космонавт надолго замолчал, потом вздрогнул и спросил:

— А, может быть, он... жив?

Сомов покачал головой.

— Я думаю, что переход в сопутствующее пространство ведет к полной внутримолекулярной перестройке вещества,

а может быть, и внутриатомной. Никто не знает, как переносит этот процесс живое существо, но... скорее всего...— Сергей развел руками, — он был уже мертв, когда начал исчезать, делаться прозрачным. А может быть, и еще раньше, когда ты перестал видеть этот чужой мир.— Слово «чужой» Сергей странно выделил.

— Чужой мир? — воскликнул Космонавт.— Значит, ты думаешь, что эти спирали, это и есть?..

— Да, думаю. Белов видел его, и непонятным образом его зрительные ощущения индуцировались в твоём мозгу. А может быть, и не только в твоём? Ты, помнится, говорил, что при эксперименте присутствовали и другие. Они тоже... видели?

— Я не спрашивал... Ты же знаешь. Я говорил, что мы... боялись признаться друг другу в безумии... Глупо, конечно. А потом было поздно.

— Да... Вы, видимо, попали в пояс, где свойства загадочных полей сопутствующего пространства сказывались особенно сильно и Белов воспользовался этим для проверки своей гипотезы. Это поле было настолько мощным, что смогло вызвать резонанс с психодинамическим полем мозга Белова. Резонанс оказался достаточным, чтобы вызвать излучение мозга и действовать на нервные системы окружающих...

— Да, да! По-видимому, так и было!

— Резонанс — страшная штука, — заметил Петти и добавил: — Значит, корона, которую надел Белов, была...

— Да, корона была чем-то вроде связующего звена между двумя мирами... Поэтому-то она и не исчезла вместе с Беловым. Я покажу вам ее,— тихо сказал Космонавт.

— Белов знал, мог предполагать, что не вернется. Но кто на его месте не поступил бы также? Он первый подошел вплотную к грандиозной разгадке... Взаимопроникающие пространства,— задумчиво проговорил физик.— Заманчивая, головокружительная проблема!..

Петти Крикк первым нарушил наступившую тишину:

— Что же было дальше?

— На девятнадцатой неделе, — ответил Космонавт, — мы опять перенесли ощущение дурноты, словно на птерокаре, когда попадешь в воздушную яму. Потом увидели снова черное небо с нормальными звездами. Нормальные созвездия. И Эпсилон Эридана сияла в перекрестье курсового экрана, словно и не сходила оттуда, и уже были видны девять ее планет... — Космонавт помолчал и добавил: — Это было очень странное приключение.

— Вы успели?..

— Да, мы успели! Мы пришли даже раньше, за счет увеличения скорости в зоне перехода, Только не прибыл на Лору астробиолог, которого они ждали.

— Какая жалость, что записи Белова исчезли с ним! Ведь без них дорога, по которой он пошел, для нас сейчас не более чем дорога в никуда.

— Петти, перестань декламировать, — раздраженно сказал Сергей. — «В никуда»! Есть же какой-то выход.

— Какой? — спросил Петти. — Снова лететь на Лору? И надеяться, что опять появятся эти... черные звезды.

— А хотя бы! — вдруг жестко сказал Космонавт.

— Да.. Но.. — заволновался Крикк. — Это же.. нельзя так сразу. И, кроме того, врачи. Я, откровенно говоря, боюсь врачей.

— И я тоже — улыбнулся Космонавт. — Я их очень боюсь.

БЕЛЛА ДИЖУР

В ПЛЕНУ У ПРЕДКОВ

Фантастический рассказ

Рисунки Екатерины Гилёвой

Журнал "Уральский следопыт", № 2 за 1958 г.

Павел Алексеевич Дмитриев — один из тех ученых, память о которых уральцы свято чтут. Уроженец Камышлова, он с детства мечтал об изучении родного края. Окончив московский институт, Павел Алексеевич посвятил себя исследованию археологии Урала.

Сколько таежных тропок, сколько болот и гор обошел он со своими помощниками! Это был простой и добрый человек. Любил походную жизнь, хорошую песню у костра, умную книгу и честных веселых людей. Любил свою землю, ее древние безмолвные сказания, открывающиеся ему во время археологических раскопок, когда из земли удавалось добыть вещи или хотя бы остатки вещей, принадлежавших древним людям.

Но больше всего Павел Алексеевич любил свою Родину. Ради нее он оставил любимое дело, семью. Когда началась Отечественная война, он ушел добровольцем на фронт и не вернулся.

Если вам случится побывать в Свердловском краеведческом музее, вы увидите там многое из того, что открыл Павел Алексеевич Дмитриев. Одна из стоянок древнего человека, открытая Дмитриевым, называется Калмацкий брод. Три с половиной тысячи лет тому назад там жили трудолюбивые уральские поселенцы. И вот два мальчика — ученики шестого класса Генька и Толя, ознакомившись с историей Калмацкого брода, решили его посетить.

В краеведческом музее им рассказали, где находится Калмацкий брод, и даже начертили план всей дороги до него. А дальше предоставим слово Геньке. Пусть он сам все расскажет...

* * *

Мы с Толей думали так: может быть, на Калмацком броде еще не все исследовано? А вдруг не все! Вдруг мы что-нибудь там откроем. И вот пошли. Сначала было все по плану, как нам рассказывали в музее: перешли через мост на ту сторону реки, пошли вверх по течению, болотной тропинкой, по сланям, потом лесом, по зимней дороге, наконец вышли на горку. Нам говорили, что через нее по дорожке прямо выйдем к Калмацкому броду.

Было уже темно, и мы решили, что надо поспать. Далеко в лес мы не пошли, а устроились на горке под соснами и уснули. А ночью произошло вот что...

...Я проснулся, потому что мне стало холодно. Чувствую, что не могу пошевелить ногами. Как будто они у меня связанные. Что такое? Может быть, думаю, Толька надо мной подшутил? Нет, слышу, Толька рядом посапывает носом. Я еще раз попробовал шевельнуть ногами. Вверх хотел их поднять, а в это время Толька проснулся и закричал:

— Куда ты меня тянешь!

Оказалось, наши ноги связаны вместе.

Толька спросонья не соображает, а я ему шепчу: — Толька, Толька, нас кто-то связал! — Он как понял, в чем дело, сразу сел и ощупал рукой свои и мои ноги. Они были опутаны толстыми шершавыми ремнями, и один конец ремня тянулся к сосне. Толя попробовал подергать конец, но в это время сосна зашевелилась, и из-за нее вышел человек. Лица его мы не видели. Человек стоял согнувшись. Я подумал, что это какой-то дряхлый старичок, и сказал:

— Дедушка, нас кто-то связал.

А старик стоит и молчит. Или не понимает русского языка, или что. Дай, думаю, посмотрю на него. Достал электрический фонарик и включил. Толька закричал, как сумасшедший, а тот, который стоял у дерева, тоже завопил и бросился бежать.

Я не стал кричать, но сразу понял, что перед нами первобытный человек...

Ну вот Толя и говорит:

— Генька, может быть, это нам во сне снится?

А я говорю:

— А ноги перевязанные тоже во сне?

Толя достал из кармана перочинный нож, я посветил ему фонариком, и он перерезал ремни на ногах.

Я говорю:

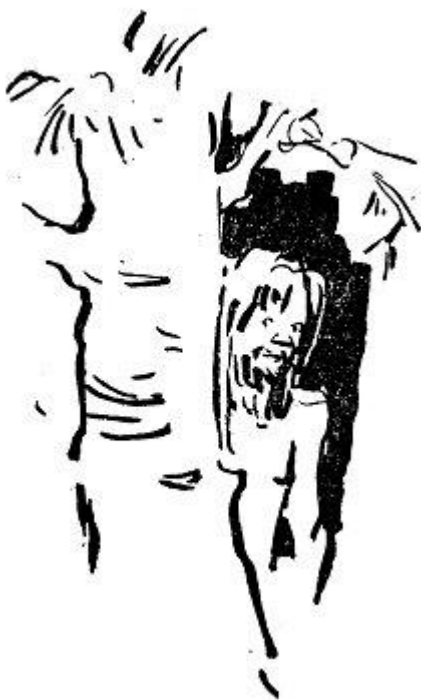
— Давай встанем!

А самому все-таки боязно...

А Толька говорит:

— Слушай! Кто-то идет...

Верно... хрустнули ветки, и кто-то совсем близко от нас

зашептался. Я снова зажег фонарик. Теперь уже несколько человек бросилось бежать и кричали непонятные слова.

Рассмотреть людей я не мог, заметил только, что они все босые.

Вы думаете, это так просто — сидеть ночью в лесу и знать, что вокруг тебя собираются какие-то дикие люди. А может быть, они людоеды! А может быть, они сейчас возьмут и нас на костре изжарят! Или, как индейцы, скальп снимут!

Я не знаю, что думал Толька... а я думал об одном, чтоб у меня не перегорела батарейка. Ведь это наше единственное спасение!.. Дикари не смели подойти к нам только потому, что боялись этого непонятного им огонька.

Так мы сидели до самого утра. А когда стало светать, мы

с Толей посмотрели кругом и ужасно удивились. Что такое? Где мы?

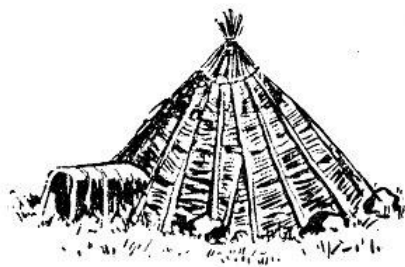
Вокруг нас такой густой лес, что сквозь него и реки-то не видно! Толя мне говорит:

— Что это случилось? Или мы заблудились, или это все во сне?

Что я мог ему ответить! Я сам плохо понимал. Но наши преследователи не дали нам долго рассуждать. Как только посветлело, они один за другим начали выходить из-за деревьев. Хоть мне было и очень страшно, но я все-таки их рассмотрел. И знаете, они, эти дикари, были как настоящие люди! Раньше я думал, что они мохнатые, вроде как обезьяны. Ничего подобного. Обыкновенные бородатые люди, только совершенно непричесанные и почти голые. На бедрах надеты шкуры. Головы взлохмаченные и бороды тоже.

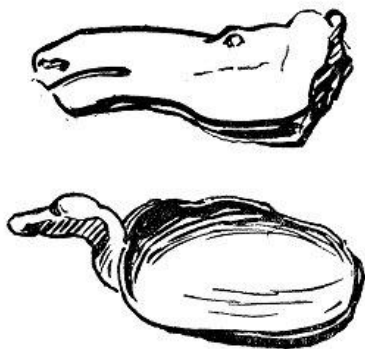
Но не все были бородатые. Один такой мальчишка был с ними, лет двенадцати, и он все показывал знаками, чтобы я зажег фонарик. Ну, я зажег. И дикари больше уже не пугались. Они с любопытством рассматривали мои руки, а один, самый злой, с рыжей мохнатой головой, выхватил у меня фонарик, вертел, вертел его, но зажечь не сумел и отдал мне обратно. Потом он начал нас толкать ногами и руками, чтобы мы шли. Ну, что ж! Пришлось идти!

Лес был такой густой, что ветки царапали лица. Мы спустились с горы. Шел дождь. Было холодно, и, конечно, мы не знали, что нас ждет впереди. Но вот мы увидели реку. Она была широкая-широкая, гораздо шире, чем теперь. А когда мы подошли поближе, то увидели на берегу несколько землянок.

Крыши их были покрыты ветками, камышом, корой и звериными шкурами. Почти у каждой землянки горел костер, пахло паленым мясом. Около костров суетились женщины, бегали голые ребяташки.

И вот нас втолкнули в одну из этих землянок. Я заметил, что над входом висела вырезанная из кости голова лося. Отвратительно пахло гнилой рыбой. Посредине землянки был врыт большой столб, и в него упирались жерди, которые поддерживали крышу. На полу мы увидели очаг из больших камней, а на камнях и около них лежала глиняная посуда, много угля, золы, раздробленных костей. Толя поднял с полу и показал мне ложку, у которой ручка была похожа на утку. По углам валялись шкуры. Мы не решались на них сесть. Уж больно все здесь было грязное.

Что же нам теперь делать? Неужели дикари нас убьют? Мы с Толей начали совещаться. Для чего дикари нас привели? Может быть, они думают, что мы разведчики какого-нибудь чужого племени, которое хочет на них напасть? Как бы это дать им понять, что мы простые туристы? Как бы обхитрить их и удрать? Неужели мы здесь погибнем? Этого не должно быть! Ведь сколько раз попадали путешественники к дикарям, и ничего! Например, Миклухо-Маклай. Когда мы вспомнили про Миклухо-Маклая, нам стало как-то спокойнее. Мы так с Толей и решили: надо ждать, что будет. Сели у входа в шалаш и давай смотреть.

Ох, если бы вы видели, что там делалось! Прямо как на какой-то фабрике. Стук, шум, грохот, дым от костров. Все движется, ребята визжат, дерутся. Не знаешь, куда раньше смотреть! Поближе, в нашей землянке, сидела женщина. У нее на спине болталось много черных косичек, наверное, не меньше десяти. Она месила глину. Потом раскатала длинный жгут из глины, размяла его пальцами и сделала маленькую чашечку. На края этой чашечки налепила еще один жгут. Опять размяла его. Он стал плоский, как лента. Так она налепляла одну ленту за другой. И у нее получился

горшок. Высокий, похожий на большое яйцо. Она встала, принесла в чашке воду, облила горшок и руками его весь загладила.

А потом начала разрисовывать свой глиняный горшок узорами. В руках у нее была

зубчатая гребенка, которой она ловко и проворно наносила какой-то орнамент.

Потом она понесла свой горшок обжигать на костер, а мы уже не стали смотреть на нее, потому что в стороне увидели группу мужчин.

— По-моему, это каменотесы, — сказал Толя.

Нам так надоело дышать запахом гнилой рыбы и так захотелось посмотреть на работу каменотесов, что мы решили выбраться из землянки. Мы вышли и огляделись. Никто на нас даже внимания не обращал. Но вдруг кто-то схватил меня за ногу. Смотрю, тот мальчишка, что был со взрослыми дикарями в лесу, когда они нас в плен брали.

Я стал спрашивать знаками, что ему нужно. А он тоже знаками объяснил нам, что бородачи приказали ему следить за нашими ногами. Нам это показалось смешно, и мы расхохотались. Мальчишка тоже. Тогда я вынул фонарик и стал его зажигать и тушить перед самым носом мальчишки. А он пугался, отскакивал и снова подбегал, чтоб заглянуть, как это я делаю огонь. Я взял его палец и нажал им кнопку фонарика. Надо было посмотреть на его лицо! Он был так удивлен и обрадован, что прыгал от радости, как козел, и визжал. Потом он приложил мою руку к своему сердцу и стал просить, чтоб я ему отдал фонарик. Я вспомнил про Робинзона Крузо и про его друга Пятницу и подумал, что

хорошо бы нам завести себе такого Пятницу, хотя бы на двоих одного. Я сказал, ему:

— Пятница, — и он сразу повторил: «Пятниса»... — и рассмеялся.

Мы с Толей посоветовались и решили разъяснить нашему Пятнице, что мы ему отдадим фонарик, если он поможет нам выбраться из их поселка. Он нас быстро понял и показал, что это возможно только ночью, когда все будут спать. Он закрывал глаза, храпел, крался на цыпочках, показывал нам на лодку, стоящую на берегу, размахивал руками, изображая греблю, потом бежал, высоко поднимая ноги.

Ну, что ж! Мы решили ждать ночи. А пока хорошо бы поесть. Хлеб у меня был в кармане, а черника росла тут же на берегу. Мы ее собрали сразу полные горсти и поели.

Потом мы показали нашему Пятнице на каменотесов, и он закивал головой и побежал впереди нас.

Там сидело несколько человек. Один, помоложе, оббивал камнем большой серый камень от неровной корки. Когда у него получилась гладкая площадка, он взял палку с костяным наконечником, присел на корточки и, держа кремль между ступнями ног, грудью и обеими руками начал нажимать на палку, а костяной наконечник упирался в край кремня. Так он отколол ровную красивую пластинку, похожую на нож. Около него уже лежало много таких пластинок. Я одну подобрал. Потом покажу вам. Другой каменотес из большого камня делал топор, а третий тут же до блеска отшлифовывал готовый топор на каменной плите. Рядом с ним лежало несколько топоров с очень острыми лезвиями.

Каменотесы были так заняты своей работой, что даже не смотрели на

нас. Мы постояли немного и ушли к лодке, на которую нам показал наш Пятница.

Лодка эта несколько не похожа на наши плоскодонки: это был толстый ствол дерева, выдолбленный внутри. В лодке лежали весла с тонкими ручками и плоскими тонкими лопастями. Можно только удивляться, что все это выточено каменными орудиями!

Вообще мы с Толей теперь поняли, как неправильно называть даже древнейших людей дикарями. Совсем они не дикари! У них была своя техника и даже свое искусство. Я уже говорил вам про голову лося и про ложку с головой утки. Ведь это мог сделать только художник!

Пока мы ходили и смотрели, наступил вечер, и Пятница показал нам, что лучше пойти в землянку, а то бородачи будут недовольны. Мы так и сделали. Но тут нам стало опять не по себе. Как ни говорите, а ведь мы пленники, и кто знает, что с нами будет?!

— Давай поспим, — сказал Толя, — все-таки быстрее время пройдет.

Но уснуть было очень трудно. Мы ворочались на шкурах, постеленных у стенок землянки, и прислушивались, не идут ли за нами. Так мы лежали долго-долго, пока не услышали страшный шум, вой и крики. Мы выглянули из землянки. Было уже совсем темно, и при свете костров мы увидели странную картину. На длинных палках несли огромного медведя. Палки сгибались под тяжестью, а голова медведя свешивалась вниз. Из пасти вывалился окровавленный язык, и незакрытые глаза смотрели прямо на нас.

Женщины и дети прыгали около охотников и кричали. Или, может быть, это они так пели? Кто их знает! Сзади на носилках из сосновых веток несли раненого. Кровь так и запеклась на его боку большим багровым пятном. А другой — рядом — прихрамывал. Тоже, наверное, от медведя досталось. Раненого занесли в одну из землянок, а остальные принялись за медвежью тушу...

Мы засмотрелись на все это и совсем забыли о том, что находимся в плену! Но вдруг кто-то тихонько свистнул око-

ло землянки. Смотрю — Пятница! Он делает нам знаки, чтобы мы шли за ним. Пылали костры, и было так светло, что казалось, нас обязательно заметят.

У костров сидели мужчины, женщины и дети. Они чинно смотрели, как старые охотники отделяют медвежью голову от туловища, а другие снимают шкуру с туши. Голову передали самому старому из сидящих у костра, а он стал резать ее на куски и раздавать: кому ухо, кому часть губы, кому кусок языка. После того, как разделили голову, и у старика остался в руках начисто ободраный пустой череп, принялись за жирную медвежью тушу. И тут началось такое веселье, что до нас, конечно, никому теперь дела не было. Они хватали куски мяса, резали его ножами, рвали зубами, одни ели мясо сырым, другие запекали в золе.

Мы с Толей прошмыгнули мимо пирующих и завернули за землянку. Здесь уже ждал нас Пятница. Он опустился на корточки и пополз прямо по-пластунски. Мы за ним. Так ползли до самой реки. А тут приподняли головы и прислушались. У костров продолжалось все то же веселье.

Пятница исчез в темноте, и вскоре мы услышали легкий плеск воды.

— Пятниса, Пятниса, — зашептал наш друг.

Мы подошли поближе к воде и, ухватившись за весло, по очереди забрались в лодку. Пятница радостно засмеялся и, взмахивая веслом, быстро повел лодку вниз по течению. «Неужели мы спасены?» — подумал я, хотя голоса охотников еще были слышны.

Пятница показал нам на оставшиеся сзади землянки и объяснил, что мы можем спокойно плыть дальше, не боясь погони, потому что теперь все будут заняты едой, а потом — уснут.

Мы плыли, наверное, целый час. Потом лодка остановилась в камышовых зарослях. Пятница показал нам, что пора выходить. Потом взял мою руку и снова, как днем, приложил, ее к своему сердцу. Я понял, что это напоминание о фонарике, и, конечно, тут же отдал его. Он несколько раз на-

жимал кнопку и, когда фонарик загорался, весело смеялся. Мы выбрались из зарослей камыша на горку, а Пятница повернул лодку обратно. Но он не греб. Долго еще мы видели

то зажигающийся, то гаснувший огонек и слышали торжествующий крик нашего друга:

— Пятниса, Пятниса!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Читатель вправе спросить: правда это или вымысел? Стоит ли отвечать на такой вопрос? Догадливый читатель и сам разберется. Он поймет, что Генька всю эту историю выдумал. И тут может возникнуть другой вопрос: как относиться к его рассказу? Одобряем ли мальчика, который дурачит нам головы, утверждая, что видел людей, живших три с половиной тысячи лет тому назад? Однако даже тех читателей, которые осудят Геньку за его выдумку, мы просим учесть, что мальчик он неплохой, любит читать, много времени проводит в краеведческом музее и хорошо изучил все, что касается Калмацкого брода. И, наверное, Павел Алексеевич Дмитриев порадовался бы встрече с таким фантазером. Он ведь и сам в юности любил помечтать...

М.ДУНТАУ, Г.ЦУРКИН

ЦЕРЕБРОВИЗОР ИНЖЕНЕРА КОВДИНА

Научно-фантастический рассказ

Художник Б. Дашков

ЦЕРЕБРОВИЗОР ИНЖЕНЕРА КОВДИНА

Научно-фантастический рассказ

М. ДУНТАУ,
Г. ЦУРКИН
г. Измаил

Рис. Б. ДАШКОВА

С языка собаки капала кровь, а глаза ее смотрели преданно и печально. Они словно спрашивали окружающих:

"Ну за что вы меня так истязаете?"

Нервное лицо инженера Ковдина мучительно искажалось, и всегда он старался ускользнуть в сторону от этого мрачного зрелища. Он становился около окна и молча негодовал, видя сухую, сутулую спину профессора. А профессор усыплял собаку, вскрывал череп и, обнажив сероватозеленый мозг, долго копался в нем своими длинными, гибкими пальцами. Не спеша он накладывал микроэлектроды на нужные центры раздражения и еще напевал что-то браваурное.

Профессор закрывал череп собаки, зашивал кожу, и оба они склонялись у осциллографа, всматриваясь в сложную путаницу зеленых кривых, извивающихся на экране. Не так—то легко найти интересующую кривую биотока зрительного нерва. Профессор садился около усилителя, закуривал и, надувая щеки, иронизировал:

— Уж очень хрупкая наука эта ваша радиотехника, Сергей Васильевич. Попробуй разберись-ка, что тут на экране. Одни наводки.

Они начинали проверять экранировку проводов и, ползая по полу, даже не замечали, как приходил длинный костлявый лаборант Миша и уносил собаку для кормления и отдыха.

Все это повторялось почти каждый день и продолжалось уже более полугода, с тех пор как инженер Ковдин начал работу в лаборатории профессора Малиновского. И почти каждый день завершался длинным спором, который иногда застигал их во время ползания по полу. Сидя на корточках, Ковдин обычно горячился:

— Наводки, говорите? А вдруг это токи соседних нервов? Вам же лучше меня известно, как реагирует мозг собаки, измученной болью и страхом. А работу центральной нервной системы, Иван Михайлович, я полагаю, надо изучать в ее нормальном, спокойном состоянии.

— Значит, возвращаться к энцефалограммам, электрокардиограммам и прочим граммам, Сергей Васильевич? — вставлял профессор и начинал ходить, шевеля за спиной длинными розовыми пальцами.

— Не возвращаться, а двигаться вперед, — стонал инженер, поднимаясь с пола. — Физиологам надо шире использовать громадные возможности современных электронных приборов и...

— Электронных приборов? Вы, радиоинженеры, еще плохо помогаете нам.

— А что сделали физиологи, чтобы расчистить нам поле деятельности? Можете ли вы сказать что-нибудь достоверное о процессах возникновения биотоков в нервной системе? А об изоляции их от окружающих тканей? Нужен тесный союз физиологии с электроникой, чтобы...

— Вот он, ваш тесный союз... На экране наводки, под ногами провода, куда ни сунешь руки — везде током бьет! — Профессор сбрасывал белый халат, марлевую маску и начинал одеваться.

Инженер выключал установку, рубильник лаборатории и тоже одевался. Они шли по дорожке сада и продолжали спорить, не замечая душистого весеннего вечера, огней города и бесконечных толп молодежи на тротуарах. Но на углу, где они обычно расставались, инженер уже совсем мирно крутил пуговицу на пальто профессора.

— Хирургическая методика хороша на определенном этапе. Дайте срок, я докажу вам это. И продолжайте обнажать мозги собак только для уточнения некоторых деталей. Согласны?

— Ага! Обнажать? — возбуждался профессор, но, пожимая руку, успокаивался и соглашался. — Ладно. А вы тем временем обдумайте свой метод. Только не замыкайтесь. Я человек опытный. Может, кое-чем и помочь сумею.

Они расставались. Дома профессор еще долго сидел в кабинете, рассматривал в лупу кривые показателей последнего дня, а инженер ложился подумать и скоро засыпал. И почему-то во сне видел одних собак: длинные вереницы их

с торжественно поднятыми белыми, черными, желтыми хвостами бежали куда-то в одном направлении.

А утром он удивлялся: почему вчерашние мысли так быстро воплощаются в сны? Видно, переполненная кладовая подсознания старается освободиться от изнуряющих ее впечатлений? "Черт знает! Кажется, постепенно и я становлюсь физиологом". Он улыбался, пил кофе и торопливо шел в лабораторию.

И постепенно лаборатория физиологии стала превращаться в экспериментальную базу электроники. За спинками кресел ученых возникал лаборант Миша и вслушивался в незнакомые слова: напряженность поля, контактор, приемо-передатчик. И профессор все больше входил во вкус идеи инженера. Именно она сделала их дружнее, спокойнее и работоспособнее. Последние бастионы свои профессор сдавал почти без боя, хотя иногда и вспыхивал и бил собеседника колкими вопросами.

— Вы говорите, что контакторы должны находиться возможно ближе, к зрительному нерву?

— Точно, — ответил инженер, наклонившись над схемой с электропаяльником в руке.

— Но ведь контакторы будут наводить биотоки и в соседних центрах.

— Контактторы будут направленного действия, — указал инженер на схему прибора. — А возле приемо-передатчика предусмотрены фильтры. Они отсекут ненужные токи, и на сетку первой лампы-усилителя попадут лишь токи зрительных нервов.

— Убедили! Только помните, что токи эти ничтожно малы.

— Знаю, Иван Михайлович.

— А на ком думаете провести ваши первые опыты?

— Думаю, на крупных животных. Например, на собаках.

— М-да!.. — только и ответил профессор и начал ходить снова.

Случайно он посмотрел в окно и увидел, как по тротуару улицы идет высокий бледный человек, палкой ощупывая

дорогу. Конечно, это один из той большой армии слепых, для которых они с инженером трудятся. Профессор проводил взглядом прохожего. Казалось, слепой напряженно всматривается в вечную тьму окружающей его ночи. Наступит ли день, когда он будет ходить по улицам, оглядываясь, поднимая голову, чтобы проследить за пролетающим самолетом?

Профессор тихо подошел к инженеру и встал у него за плечами.

— И сколько же займет времени это ваше испытание... на крупных животных? — спросил он.

— Думаю, с полгода, — спокойно ответил инженер.

— Милейший Сергей Васильевич! Вряд ли собака сможет помочь нам в корректировке и настройке прибора. Собачий лай расшифровать невозможно. Нужен человек! Ведь не убьет же его этим мизерным током!

Инженер оторвался от схемы и положил паяльник на рогульку.

— Осторожность, Иван Михайлович, не помешает. Еще неизвестно, на какой дозе тока мы остановимся. Могут быть и серьезные неудачи.

— В радиотехнике, конечно, я смыслю немного, — ответил профессор, — но думаю, что большой беды не будет, если часть токов попадет на соседние центры. Человек лишь заговорит чепуху — и только. Напрасно, голубчик, меня пугаете, — голос профессора стал мягким и ласковым. Он сел в кресло и опустил ладони ему на колени. — Вот, батенька. Посредством чувств человек составляет суждение об окружающем его мире. Прежде всего, он видит что-то, потом слышит, касается рукой, ощупывает, нюхает. И все это гамма его ощущений. Человек, лишенный чувств, похож на здание, у которого наглухо забиты окна и двери. Внутри такого здания стоит вечная тьма. Однажды после войны я попал в приют слепоглухонемых. Так вот. Туда же приехали артисты и устроили им концерт. Посреди зала стоял рояль, и великолепный пианист играл Шопена. И, понимаете, они, слепоглухонемые, слушали эту музыку. Но как! Они держа-

лись за рояль руками, прижимались к нему лбами и подбородками.

— Это страшно, Иван Михайлович!

— Нет, почему же? Трогательно, пожалуй. Но я еще не кончил. Повели этих слепоглухонемых как-то в баню, и один из них отстал и потерялся. Но вечером все-таки пришел. Вы спросите, каким образом он нашел приют? Отвечаю его же словами: по запаху. Каждый дом пахнет посвоему.

— Этого не простишь себе, Иван Михайлович! — Инженер от волнения встал и потер лоб рукой. — Наглухо запертые люди! А какого исполинского труда им стоит постигать то, что так доступно нам, зрячим!

— Так вот, милейший Сергей Васильевич. Давайте-ка начнем испытания аппарата прямо на людях. Попробуем аппарат сначала на себе. Ей-богу, не очень это опасно. Но какая радость придет к слепым, если во тьму их мозга вдруг ворвется тонкий луч солнца, влетит воробей или протянется теплая человеческая рука!

— Хорошо, — согласился инженер. — Дайте недельку, чтобы я смог грубо отрегулировать компенсаторы на собаке. А череп ей тоже придется взломать. Но клянусь, Иван Михайлович, это будет последняя.

— Да бросьте вы сантименты, батенька мой! — ответил профессор, расхаживая по лаборатории еще быстрее обычного. — У вас повышенная нервная возбудимость. Отдыхать надо, да некогда.

Вечером, когда профессор уже ушел, инженер вдруг услышал нетерпеливое дыхание за своей спиной. Он оглянулся и увидел сконфуженное лицо Миши.

— Ну, Мишель, теперь скоро. — Инженер понимал нетерпение лаборанта: с ним жили старушка мать и взрослая сестра, ослепшая в детстве после оспы. И этот тяжелый крест Миша нес смиренно и тихо, не видя никакого просвета впереди.

— Сестра интересуется, Сергей Васильевич. Только рассказать ей не горазд я. Непонятного много.

— Сейчас, — откинулся инженер на спинку кресла и, растирая кисти рук, пригласил: — Садись сюда.

Миша придвинул кресло и неторопливо уселся.

— У тебя образование семь классов?

— Семь, Сергей Васильевич.

— Маловато. Постараюсь, чтобы понятно было. Наша работа преследует цель дать зрение слепому человеку. Но как мы сделаем это? А вот как. Я, зрячий человек, надеваю на голову этот шлем с рожками. Но в рожках этих заключен приемник. Он улавливает биотоки моего зрительного нерва, усилитель усиливает их — вот этот, что стоит на столе, — и передает в эфир посредством маленькой антеннки. Ясно?

— Ясно, — задвигался в кресле Миша.

— Я радиоволнами передаю в эфир то, что вижу. А ты, слепой, идущий рядом со мной, принимаешь радиоволны на свой шлем с рожками. Но рожки твои — это уже компенсаторы, передающие биотоки твоему зрительному нерву. И ты моими глазами видишь. Понял?

— Понял, Сергей Васильевич, — вскочил Миша. — И сколько же слепых можете обслуживать вы один?

— Да, так сказать, практически неограниченно. Лишь бы они не очень разбегались.

— Здорово! — выпалил Миша. — Теперь расскажу ей. Она у меня сообразительная. — Он вскочил и уже у самой двери прибавил: — Спасибо! Если испытать что надо будет, я человек здоровый и пользу могу принести, — и выскочил в дверь.

— Ну вот еще! — улыбнулся инженер и, закурив папиросу, снова взял паяльник. Но, капнув горячей канифолью на руку, вскочил и запрыгал на одной ноге около стола.

Прибор налаживался трудно. Собака с перерезанным нервом зрения мотала головой, виляла хвостом, истекала слюной и делала много произвольных движений. Профессор шевелил пальцами у нее перед глазами, но она, унюхав руку, старалась лизнуть ее. Небритый инженер сидел около стола и жевал папиросу. С собакой происходит то, о чем, кажется, предупреждал профессор: токи плохо фильтруются

и попадают не по назначению. Миша тоже крутился около собаки. Он, казалось, готов был встать на четвереньки и жалобно залаять вместе с ней. Наконец профессор оставил собаку и, досадливо наморщив лоб, произнес:

— Думается мне, что усиление слишком велико. И токи действительно попадают на соседние нервы. Оттого собака и раздражена.

— Согласен. Но почему нервы реагируют на такую низкую частоту? Ведь она же отличается от их собственной.

— Это вы мне, батенька, не рассказывайте. Мое дело потрошить.

Профессор уселся рядом.

Они посоветовались и после короткого спора записали выводы: «1. Снизить усиление. Регулирование подачи вести на крайне малом токе. 2. Разработать компенсаторы — индукторы узконаправленного действия».

Миша, сидевший на полу около собаки, вдруг вмешался в разговор.

— Иван Михайлович, вы говорили, что в передней части мозга много нервных нитей и различных центров. Правильно?

— Так точно.

— А нельзя ли биотоки компенсатора подавать прямо в затылочный корковый центр зрения?

Оба, инженер и профессор, сразу повернулись в сторону лаборанта и как по команде вскочили с места. Профессор подошел к Мише и погладил его по голове, как маленького.

— Устами научного дитяти возглаголила сама истина. То, что мы, два грамотея, упустили, он подобрал. Молодец, Мишук!

И через минуту инженер, дымя папиросой, уже чертил новый тип компенсатора.

И в этот же вечер сообща решили проводить испытание именно на человеке.

...Месяца через два, в обстановке самой неторжественной, с мусором на полу и беспорядком на столах, был получен первый положительный результат. Инженер забинтовал

глаза Мише, надел на него шлем и посадил его в темном углу за занавеской. Сам отошел в дальний угол комнаты, надел шлем с приемопередатчиком и, включив усиление, стал тихо приближаться к Мише.

— Говори сразу, что видишь! — крикнул он.

А сам смотрел попеременно на все предметы в комнате.

И когда он направил свет настольной лампы в лицо профессору, Миша подпрыгнул на стуле и закричал:

— Вижу Ивана Михайловича! Честное слово!

— А теперь? — инженер изменил усиление и сделал отметку на лимбе.

— Очень ясно. Слишком ясно, — вяло проговорил Миша, и голова его свесилась на грудь.

Профессор подскочил к нему, снял шлем, и Миша пришел в себя. Чувствовал себя он неважно: его слегка поташнивало. Через час он успокоился, и опыты начались снова, на самом малом усилении.

Инженер ходил, переводил глаза с предмета на предмет, а Миша из-за занавески громко кричал:

— Усилитель! Чернильница! Портсигар! Паяльник! Книга!

А на другой день он привел в лабораторию свою сестру. Молодая полная девушка, робко пожав протянутые ей руки, доверчиво кивала на всякое предложение помощи. Наконец на нее надели шлем и усадили в угол, а инженер, желая уменьшить токи еще больше, перелез через подоконник и стал ходить по саду, останавливаясь около каждого деревца, освещенного солнцем. Профессор сидел у стола, на глазок прибавлял усиление. Девушка сначала растерянно ежилась и, наконец, вздрогнула, словно кто ударил ее по лбу.

— Мапочка вы моя родная! — торопливо крикнула она. — Вижу! Вижу! — И начала хлопать в ладоши, словно ребенок, получивший новую игрушку. — Птички на ветке! Дерево зеленое! Травка, цветы, и небо вон какое!

Инженер позвал Мишу и надел на него шлем.

— Бери сестру под руку, и идите в сад. Покажи ей жизнь, как она есть.

Миша с сестрой вышли в сад, а профессор с инженером прилегли на подоконник и курили, слушая счастливые восклицания девушки. Она садилась на траву, гладила цветы и говорила без конца.

Потом Ковдин и Иван Михайлович пересели к столу и стали буднично говорить о дальнейшей судьбе прибора. И радости удачи уже не присутствовало в их разговорах. Так бывает всегда, когда радость ожидаешь слишком долго. Ученые стали деловито обсуждать вопросы автоматического регулирования усиления, способы избавления от проводов к усилителю и проблему большей компактности установки. Инженер предложил переделать установку на германиевые триоды.

— О, это будет совсем другой аппарат, — проговорил профессор.

— Почему аппарат? Я придумал для него более точное название.

— Какое же? Радиоскоп?

— Нет. Мы имеем дело с мозгом и зрением. Мозг полатыни называется "церебрум", а зрение "визус". Назовем-те-ка его "церебровизор".

— Очень похоже на провизор. Даже аптекой пахнет. Но в общем идет. Церебровизор! — громко апробировал новое слово профессор.

...Наступила осень. В огромном зале кино было шумно; зрители с удивлением рассматривали многочисленную группу странных, молчаливых людей в одинаковых, словно танкистских, шлемах. Некоторые, самые любопытные, подходили к ним, занимающим три ряда боковых мест, и, возратись, удивленно сообщали:

— Слепых в кино привели.

А среди слепых сидел молчаливый головастый человек небольшого роста и думал все об одном. Поведение слепых как-то не совсем обычно. Ведешь их по улице, они стараются идти за тобой гуськом. Все они видят мир его глазами! И кино они будут видеть его глазами, поэтому он и занял лучшее кресло в центре зала. Они будут видеть экран, не

поднимая лица от груди. Они будут видеть его, даже отвернувшись от него 180 градусов.

В зале погас свет, началась демонстрация картины. На экране бушевали страсти любви и ненависти; люди стремились к своему счастью самыми различными путями. Ковдин слышал, как совсем рядом шептали, восклицали, радовались и негодовали.

Окружающие с интересом оглядывались на странных слепых, которые прозрели и переживают драму вместе с ними.

Кино кончилось. Ковдин повел всю группу на улицу. И снова вокруг него спорили, смеялись, обсуждая мир, который для многих открылся впервые. Он не заметил, как двое слепых, заговорившись, отстали и потерялись. Пошел дождь, и асфальт стал блестящим, приобрел видимую глубину, в которой отражались фонари, рекламы, витрины города. Отражения шевелились, точно длинные светящиеся водоросли. Отставшие догнали группу на углу и радостно сообщили Ковдину, что все время видели дорогу, по которой шли остальные. Ковдин нахмурился и сказал:

— Чудаки! Если бы вы из кино пошли в другую сторону, все равно видели бы только дорогу, по которой я веду всех. Вам просто повезло.

И, шагнув с тротуара на улицу, он громко, для всех, сказал:

— Переходим улицу! Не отставайте. И держитесь плотнее.

Слепые дружно зашагали за ним, а он шел и думал о том, как бы сделать к прибору приставку, чтобы никто не мог потеряться. Иначе ведущий только и будет следить за своими подопечными. А они будут видеть совсем не то, что перед ними находится. Мысли эти так захватили его, что сирену "Скорой помощи" он услышал лишь тогда, когда блестящее длинное тело ЗИМа оказалось совсем близко. Машина шла прямо на него. Слепые заметались, видя, как машина надвигается на каждого из них. Громко завизжали тормоза, и Ковдин, еще в метре от радиатора, ощутил сильный толчок в бок. Падая, он видел, как правое переднее колесо мягко наезжает ему на ноги. Он закричал от ужаса и, услышав хруст костей, сразу потерял сознание.

...Было мутно, словно перед глазами висела густая белая марля. Кто-то застонал, и от этого Ковдин пришел в сознание. И только позже, когда уже осматривал небольшую больничную палату, он догадался, что стонал сам. Около койки старенькая няня с лицом равнодушным и усталым протирала пол. Она подняла глаза и сказала:

— Ну, аника-воин! Твое счастье, что сразу к нам попал.

— А ходить-то буду или нет?

— Будешь. Сначала похуже, потом лучше.

И потянулись белые больничные часы с обходами, некрепким сном, термометрами и новыми друзьями. На второй день к вечеру пришли профессор и Миша; они принесли цветы и яблоки.

На тумбочке появились книги по радиотехнике и физиологии зрения; надо все по-новому передумать. Ведь к катастрофе его привел именно этот недостаток церебровизора: скверно, что слепые видят мир с его места. Кто-то из них в панике и толкнул его под машину.

И в одну темную бессонную ночь в голове инженера сверкнула мысль, заставившая затрепетать его. А что, если совсем избавиться от ведущего? Не лучше ли заменить глаза обычными телеглазами иконоскопа? Миниатюрными глазами, с помощью которых можно будет определить расстояния до предмета и ощутить его объемность? И шлем в этом случае будет выглядеть иначе. Он схватил карандаш, стал рисовать голову человека в шлеме и, наконец, всю принципиальную схему новой установки.

Утром няня увидела, что новый больной сидит на кровати, подложив под свою ногу подушку, сброшенную прямо на пол. А около кровати разбросаны окурки и скомканные листы бумаги. Она покачала головой и не стала мешать ему. Он смотрел сквозь нее куда-то в угол и, кажется, ничего не видел. Няня лишь проворчала про себя: "Бывает же! Вроде зрячий, о слепых хлопочет, а сам и людей-то не видит".

Она подобрала мусор, и только тогда Ковдин заметил ее.

— Вот, нянечка. Без ноги никак невозможно. Пожалуйста, отправьте это письмо профессору Малиновскому. — После этого инженер повернулся лицом к стене и заснул.

Врачебный обход застал Ковдина спящим, и, когда его разбудили, он спросонок проговорил:

— Эх, Иван Михайлович! Собачкам ведь тоже больно.

На что полный низкорослый врач с широкими черными бровями ответил смеясь:

— Как и человечкам, когда они зевают, переходя улицы...

А в январе Сергей Васильевич Ковдин пришел в лабораторию, сел на стол и снова взялся за электрический паяльник.

М. ДУНТАУ

ЖЕРТВЫ БИОЭЛЕКТРОНИКИ

Фантастическая юмореска

Рисунки Н. Кольчицкого.

(Фантастическая
юмореска)

М. ДУНТАУ, г. Изманил

Рис. Н. КОЛЬЧИЦКОГО

ЖЕРТВЫ БИОЭЛЕКТРОНИКИ

Это необыкновенное утро началось для тети Фени (так звали ее клязьменские старожилы) вполне обыкновенно. С половины восьмого она уже проворно семенила по привычному маршруту. В руке у нее позвякивал бидон с молоком.

Небольшая сухонькая фигурка ее бодро мелькала во дворах, а острый носик совался во все интимные детали быта покупателей молока.

Приближаясь к дому номер двадцать девять, она уже вспоминала, что хозяин его — Прокопий Матвеевич, и что сейчас он в отпуске, и что жена его — женщина с мужским характером, и что недавно она его... Да разве можно перечислить все, что знала тетя Феня!

Стуча в дверь, она раздумывала: "Наверное, Прокопий Матвеевич спит еще... Жена-то в отъезде..."

Вопреки ее ожиданиям дверь открылась сразу, и на пороге появилась солидная, грузная фигура хозяина. Усы его со сна топорщились, как у моржа. В руках он держал кастрюлю.

— Здравствуй, тетя Феня! — прогудел он.

— Здравствую, батюшка, здравствую, — пропела она. — Давай кастрюльку-то, налью...

Тетя Феня поставила бидон, взяла кастрюлю и... с изумленным выражением лица принялась, как заправский физкультурник, проделывать приседания с выбрасыванием рук вперед. Кастрюля со звоном покатилась по ступенькам.

Прокопий Матвеевич выпучил на нее глаза и собрался выразить свое недоумение, но не успел. Он почувствовал, что сию же минуту, немедленно должен делать то же, что и тетя Феня.

Несколько секунд он крепился, подавляя напряжение мышц, но неведомая сила победила, и он начал энергично повторять упражнения тети Фени.

Самое удивительное заключалось в том, что они выполняли одинаковые движения и в одном темпе. Казалось, что кто-то командует им: "Ра-аз, два-а, три-и, четыре".

Однако работа рук и ног не мешала языку тети Фени действовать. Диалог, происходивший между обоими партнерами, был необыкновенно сбивчив. Содержание его, надо признаться, было не совсем выдержанным.

— И чего ты?.. — вопрошала, приседая, тетя Феня. Энергично повторяя то же упражнение, Прокопий Матвеевич растерянно оправдывался:

— Да разве... я?..

— Молоко не опрокинь!.. — жалобно молила тетя Феня, выполняя "отведение прямой ноги назад".

Тут оба перешли на исполнение "подскоков на обеих ногах попеременно".

— У-па-ду... за-мо-ри-лась.. я... совсем!— выводила тетя Феня, подпрыгивая по-сорочьи.

Прокопий Матвеевич скакал молча, сосредоточенно глядя под ноги.

Ветхое крылечко тряслось и скрипело...

Все прекратилось так же внезапно, как и началось. Тетя Феня в изнеможении опустилась на ступеньку, поправила сбившийся на затылок платок. Прокопий Матвеевич солидно, гулко откашлялся и разгладил усы. Сделал вид, что ничего особенного не произошло, и пробасил. Подавляя злую одышку:

— Ну! Поза... позанимались, и ладно. Наливай... молоко, что ли...

— Молоко! Молоко!— передразнила его возмущенная тетя Феня. — Капитолина Михайловна приедет, скажу ей... Она тебе пропишет молоко-то!

Отдышавшись, она отмерила полагавшиеся полтора литра и взяла бидон. Бормоча что-то в адрес предполагаемого виновника (конечно, Прокопия Матвеевича), тетя Феня побрела усталой походкой к калитке. Предполагаемый виновник стоял на крылечке и задумчиво гладил усы. Он безуспешно пытался осмыслить: что же, в сущности, произошло? Вдруг он заметил, что тетя Феня от калитки быстро побежала назад, вскрикивая:

— Пошел! Фу! Тубо!

Повернувшись, она отчаянно замахала рукой:

— Ой! И здесь! Страсти-то какие! Пошел, говорю тебе! — И, обращаясь к Прокопию Матвеевичу, жалобно завопила: — Да убери ты своего пса ради Христа! Проходу нет!

Прокопий Матвеевич, еще не вполне оправившийся от предыдущего, с тупым удивлением глядел на... собаку! Да! Прекрасная крупная овчарка смотрела ему прямо в глаза, насторожив уши, как будто ожидая команды. Он машинально похлопал по ноге:

— Песик, песик, иди сюда! Ну иди же! Пес стоял по-прежнему неподвижно, только острые уши его слегка шевелились.

С чисто мужским самообладанием Прокопий Матвеевич попытался успокоить напуганную тетю Феню:

— А ты не бойся! Он на меня смотрит, а тобой и вовсе не интересуется.

— Да что ты, батюшка, ослеп, что ли? Он только на меня и уставился! Вот уши-то, как у волка! Ой, люди добрые, страшно!.. Пошел! — Тубо! Пиль! Куш! Апорт!

В смятении она перебрала все собачьи команды, но, видя, что помощи ожидать не приходится, начала планомерное отступление, прикрываясь бидоном, как щитом. Упершись спиной в калитку, она нащупала щеколду, открыла и неожиданно ловко вынырнула на улицу.

Тут тетя Феня почувствовала себя в безопасности и не замедлила отвести душу:

— Пропади ты пропадом с собаками твоими! Чтобы они подошли, окаянные!

С этой заключительной репликой она поспешно двинулась дальше.

Прокопий Матвеевич собрался еще раз задобрить неизвестную собаку, но ее уже не было. Растерянно почесав затылок, Прокопий Матвеевич (на всякий случай) обошел дворик, заглядывая во все углы, но нигде ничего особенного не обнаружил.

— Да-а,— коротко резюмировал он.— Приедет Капочка, расскажу ей все.

А объяснение этих необыкновенных событий было совсем близко! Стоило лишь кому-нибудь заглянуть в комнату соседнего дома, и он увидел бы, как сын Анны Семеновны Ковдиной, инженер Ковдин, сосредоточенно возится с каким-то аппаратом вроде радиоприемника, и заканчивает пайку последнего соединения в аппарате.

"Чем бы опробовать?" — думает он. Порывшись в ящике, он находит рулончик ленты с наклейкой "Запись биотоков двигательного центра. Производственная гимнастика".

Ковдин вкладывает ленту в аппарат, включает его, быстро садится в кресло и бормочет: "Посмотрим, как с мощностью излучения обстоит дело..." У него начинают подергиваться мышцы рук и ног, а через две-три секунды он невольно выполняет те же упражнения, что и наши герои.

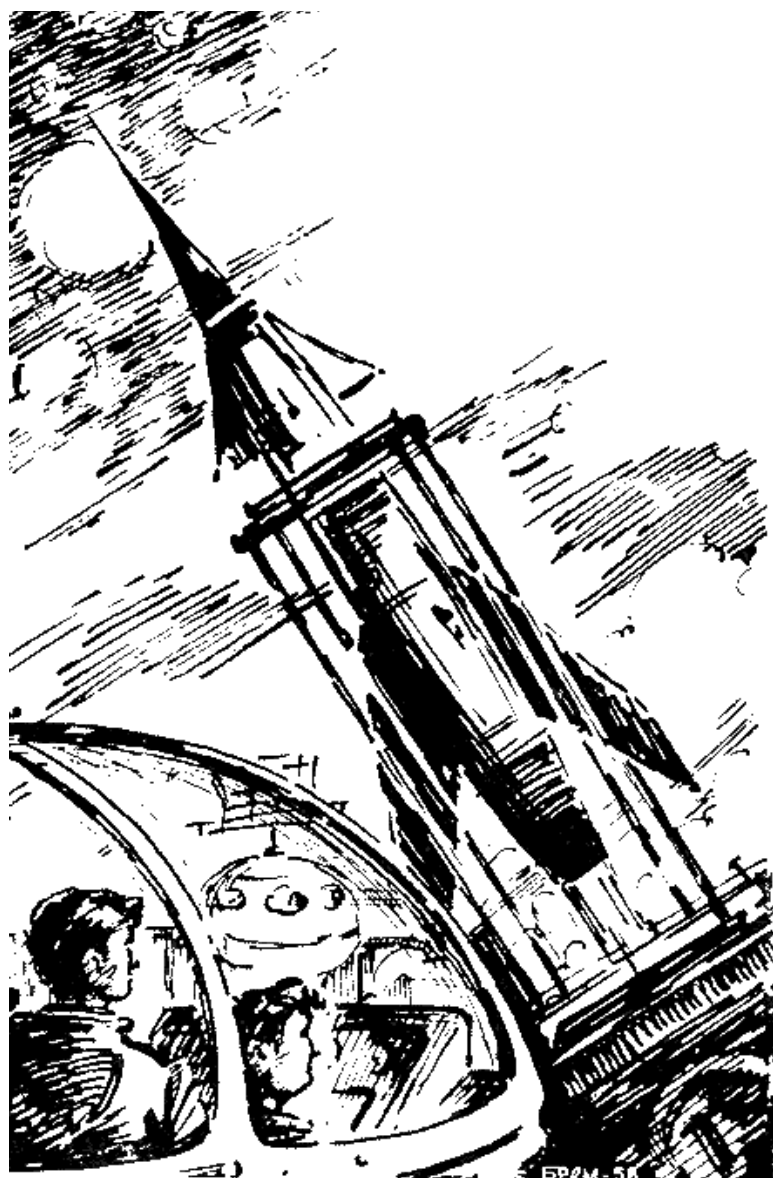
Но вот лента кончилась, Ковдин доволен.

— Отлично! Можно начинать в клинике,— замечает он.

Подумав секунду, он вкладывает в аппарат другую ленту, с наклейкой "Биотоки зрительного центра. Рекс", и включает аппарат. Сейчас его любимая овчарка находится в нескольких километрах от дома, но вот она рядом, сидит и преданно смотрит ему в глаза.

Инженер выключает аппарат и, поглядывая на часы, принимается торопливо завтракать. Он очень спешит, потому что в десять часов должен продемонстрировать в хирургической клинике свой аппарат для восстановления двигательных функций мышц после повреждений нервных стволов.

Но... инженер Ковдин еще не подозревает, что его аппарат излучает не на пять метров а, по меньшей мере, на целых двадцать!

Г. ЦУРКИН

МИЛЫЙ ПТЕНЧИК

Научно-фантастический рассказ

Рисунки Ю. Случевского

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

ЦУРКИН

Рис. Ю. СЛУЧЕВСКОГО

Стоило моему другу Паше Шульгину, маленькому, подвижному студенту, плотно пообедать, закурить, как сразу же его осеняло беспокойное, мечтательное вдохновение. Лежа где-нибудь на траве в своем вечном коричневом спортивном костюме, он начинал фантазировать с полным отрывом от земной поверхности. И для большей убедительности почти всегда ссылаясь на последние достижения современ-

ной науки. Он и сам, вероятно, давно переселился бы на облака, если бы вслед за ним не протягивалась мощная длань Славы Белугина и моментально не стягивала фантазера вниз, советуя держаться великолепной земной растительности.

И хотя по своим характерам друзья были глубоко различны, это не мешало им дополнять друг друга в полном соответствии с законом единства противоположностей.

Недаром в институте их называли непримиримыми друзьями или неразлучными соперниками.

Часто по вечерам, сойдясь вместе перед отходом ко сну, мы располагались где-нибудь на скамье. И тут Паша, осмотрев небо и заметив восходящую Луну, сразу изрекал очередную гипотезу.

— А что, если Земля со своей Луной всего-навсего обыкновенный атом водорода? Причем Земля — ядро, а Луна — электрон. И находится этот атом где-нибудь в булыжнике другого непостижимо огромного мира, размеры которого мы себе и представить не в состоянии. Ну, так же, как, например, муравей не может представить себе размеров кита. И живут в этом огромном мире какие-нибудь необыкновенные великаны. Возьмет вдруг один из них этот булыжник и бросит его куда-нибудь в нехорошее место. А мы на своем ядре будем копошиться, сдавать зачеты, спорить...

— Ну что ты будешь делать? — моргал белесыми ресницами Слава. — Что же, по-твоему, институт бросать надо, зачетов не сдавать? И госэкзамены тоже?

— Да ведь это я так... В порядке движения мысли.

— И чего только не лезет в твою очкастую башку! Как в мусорный ящик. Ведь твоими фантазиями и курицу не накормишь.

— Неправда! — горячился Паша. — Без фантазии и науки быть не может.

Подобные дуэли часто завершались употреблением обидных эпитетов, и так как Слава кончал факультет механизации, то заслуживал наименования шкворня, а зоолог Паша довольствовался званием мокрой курицы.

Споры эти могли бы продолжаться до бесконечности, если бы вскоре после госэкзаменов мы со Славой не втиснули Пашу вместе с огромным рюкзаком в вагон скорого поезда. Перед самым отходом Слава пожал ему руку и напутствовал в последний раз:

— Заповедник «Лукоморье» — учреждение определенно серьезное. Держись солидней. Не вздумай спороть что-нибудь из области лунных электронов. Моментально вылетай оттуда вместе со своим верблюдьим рюкзаком со скоростью электрона.

— Не волнуйся! Вечер по поводу присвоения мне ученой степени доктора без тебя не обойдется, — добродушно парировал Паша, сверкая очками, — я приращу тебе ноги страуса, и ты будешь...

Дальнейшее заглушил густой гудок электровоза, и Паша уехал. Вскоре и Слава завершил свою дистанцию где-то в совхозе около Кустаная, и оба они долго держали меня в неведении относительно своих успехов. Я стал подумывать о том, что наконец-то нашлась черта, общая для обоих характеров, но однажды обнаружил в почтовом ящике небольшой голубой конверт.

Письмо было недлинное, шутливое и какое-то сумбурное.

«Друже Портос!

Не сердись. Чтобы молчать, причин было немало. Живу в прикаспийских прериях, вдали от шумной цивилизации. И какая прелесть эта жизнь! Скакать на коне, махать топором, сгибаться над книгой, рассекать воду веслами и, сраженным усталостью броситься в постель и спать, видя странные сны, где мечта всегда достигает цели.

Прости лирику! Вышли мне очки — 5 диоптрий. Мои слопал страус, а без очков я, как Слава без ног. Кстати, что с ним? Так он вообще парень неплохой, но грубовато сколочен.

Очки шли по адресу: г. Птичь острова, заповедник «Лукоморье», Шульгину П. Пиши. Буду отвечать. Жду очки».

И за месяц я получил еще три письма, в которых было немало любопытных сведений, освещающих деятельность моего друга.

«...Сообщаю, что работаю в области вегетативной гибридизации. Если твои агрономические мозги еще не потеряли способности воспринимать живую жизнь, попробую объяснить современное состояние этой отрасли. Есть много способов радикального изменения привычного строения птицы. Переливать белок яйца, скажем, из гусиного в куриное яйцо. Получим крупные экземпляры гусекурицы и гусепетуха. Также изменяет особи пересаживание яйцеклетки или зародыша половых желез и хирургическое сращивание организмов.

...Хочу познакомить тебя заочно с шефом моим, доктором Золотухиным.

Во-первых, он Сергей Васильевич. Коренастый, маленький, голова круглая, бритая, и знаний в ней хватит на добрый десяток таких молодцов, как мы с тобой. Забыл. Снизу к голове подвешена пышная белая борода, от которой всегда пахнет «Красной Москвой».

Если наши изыскания придут к счастливому завершению, то мир животных будет значительно обезображен...

...Вчера шеф, ходя по комнате и держа руки в карманах, долго молчал, а потом глубокомысленно изрек:

— Старостью, между прочим, заболевают люди из-за глупой боязни не делать выходок, несвойственных возрасту. Так вот. Как же сломать зоологические барьеры и лепить из живых существ, точно из пластилина, все, что необходимо человеку в данном случае? Если бы удалось это, я непременно прилетел бы в Москву на крылатой лошади...

...Целой группой сейчас мы работаем именно над проблемой подобного скрещивания. Пока это только бессонные ночи и малоудачные эксперименты.

...Вчера из вольера вырвался страус, и мы целые сутки гонялись за ним на лошадях. Еле заарканили. Ты умеешь набрасывать лассо? И, конечно, тебе неизвестно, что такое струтиомимус? О-о! Страшная вещь!..»

Если бы в конце письма он добавил, что у турецкого бея под самым носом шишка, тогда все стало бы на свое место. Можно было бы не ждать дальнейших писем.

И я действительно до самой весны писем больше не получал.

И, наконец, почти через год появилось письмо.

«Агроному из министерства!

Если вы со Славой надумаете поздравить меня с благополучной защитой кандидатской, вы не очень ошибетесь.

Тема: «К вопросу о страусовых гибридах в условиях прикаспийских степей». Видал? А ты сидишь в столице и напрасно переводишь бумагу. Недавно наш Сергей Васильевич обронил мысль, над которой следует поразмыслить. «Животный мир, в том виде, в котором мы его застали, есть результат определенно направленной эволюции, и стоит расширить поле произвольных вегетативных скрещиваний, и мы получим живые образцы необычных, весьма причудливых существ. Дошло? Это тебе не восковая спелость исходящей за № 001. И вообще у нас в заповеднике столько новостей! Жаль, что не все ты сможешь оценить как следует. Кстати, когда у тебя будет отпуск? Отвечай сразу.

Кандидат сельскохозяйственных наук Шульгин П.».

Может быть, он и прав? Проклятые бумаги высасывают столько мыслей, которые погибают, попадая грызунам на завтрак. И страшно то, что вся жизнь может пройти в пространстве между шкафом для хранения бумаг и мусорной корзиной. А Паша скоро будет доктором. От него всего можно ожидать. Напористый, дьявол!

Написал ему, что отпуск получу с 1 августа. Проведем его вместе. Это было бы весьма кстати.

Увы! Я ничего не смог поделаться со своим строгим начальником. Он нагрузил на меня такое количество бумаг, что отпуск мой постепенно переполз на декабрь. И скрепя сердце я шмыгал на лыжах в подмосковном доме отдыха и дал себе слово в будущем году обязательно навестить моего

друга. Заявление об отпуске подал уже в апреле с учетом коэффициента сползания. А от Павла ни слуху ни духу. Только в мае он разразился небольшим посланием.

«Портфель из телячьей кожи!

Спрашивал я тебя как-то о струтиомимусе. Знаешь ли ты, мол, что это такое? Объясняю: в меловом периоде мезозойской эры существовал такой предок современного страуса. Не смущайся, от него нас отделяют каких-нибудь тридцать пять миллионов лет. Это странный длинноногий бегун с сильным хвостом. Он уже беззуб и имеет ороговелый клюв. Короткие остатки передних ног, которыми он еще умел хватать пищу. Эта крошка достигала шестиметрового роста. Питались струтиомимусы черт знает чем: травой, яйцами птиц и мелкими животными.

Путем сложной гибридизации мы получили нечто похожее. Птенец растет не по дням, а по часам. И всю нашу птицу он, мерзавец, перетоптал своими ножищами. Вспоминаю «Остров эпиорниса» Г. Уэллса. Но наш милый птенчик даст уэллсовскому выродку сто очков вперед. Если ты, наконец, соизволишь прибыть в наши края, будет на что посмотреть. Проклятый птенец страшно не любит желтого цвета.

Прошел я как-то в желтых трусах около вольера, так он готов был от ярости проволочную сетку сокрушить.

Приезжай. Жду».

Хороши шуточки! Струтиомимус! Всю литературу перерыл, но, к сожалению, о нем почти ничего не сказано. Но взрослой эта птица, вероятно, производила дикое впечатление. И бегала чуть ли не со скоростью курьерского поезда. Но летать не могла. Приручить ее будет не так легко, но зато какие перспективы! Павлу определенно повезло. Эх, почему я не зоолог?

А мой отпуск, как я и предполагал, переполз уже два раза, но август будет моим, чего бы это мне ни стоило.

В июле я заготовил категорическое заявление своему начальнику Глебу Борисовичу, старому, лысому холостяку, великолепному работнику и неисправимому педанту. Он

пришел, как всегда, минута в минуту, снял пенсне и стал протирать его. В эту минуту я и подсунул ему свою реляцию. Он водрузил пенсне, молча прочел и отодвинул заявление жестом, которым отгоняют муху. Я снова подвинул заявление ему под нос. Он вскинул голову, посмотрел строго, но я приложил руку к сердцу, а жест сей означает: хоть зарежьте — не отстану. Он вздохнул, вынул ручку и размашисто начертил: «С 20 июля считать в отпуске».

С этого дня ночи мои стали бессонными, а неделя тянулась так медленно, словно ее кто-то держал клещами с той стороны. Багаж свой я уложил в большой портфель, билет на самолет купил заблаговременно и вечером двадцатого был уже в Гурьеве. С помощью гостеприимного завхоза базы в шесть часов утра двадцать первого был посажен на попутную машину, и мы тронулись в путь. Мы — потому что в кузове полуторки ехал еще молодой казах Кизилбаев в серой войлочной шляпе. Он возвращался из отпуска на работу в заповедник. Дорога проходила в трех километрах от усадьбы заповедника, и шофер обещал сбросить нас в самом удобном месте. Мой спутник рассматривал своими узкими глазами рощи, поля, озера и гудел, точно комар, монотонную песенку. Мы дружно чихали от пыли, и, так как он плохо говорил по-русски, а я совершенно не владел казахским, беседа наша ограничивалась подмаргиваниями, улыбками и жестами, понятными всем народам.

К пяти часам вечера мы снова ощутили под собой твердую почву, угостили шофера папироской, закурили и пожелали ему счастливого пути. Кизилбаев, как старожил, отверг длинный путь по дороге, и мы тронулись напрямик, по клеверному полю, к роще с длинным белым зданием усадьбы. Пахло близким морем, было тихо и безлюдно. Вероятно, служащие после работы отдыхают.

— Море далеко? — спросил я спутника.

— Тири-пят километр, — ответил он.

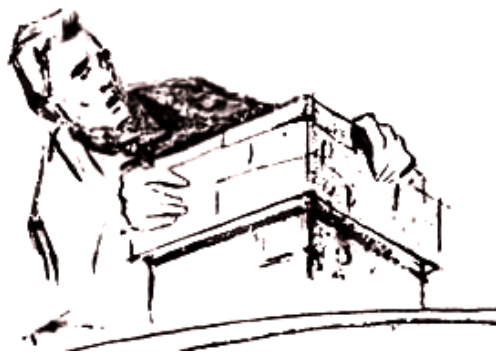
Я не стал уточнять расстояния, и мы спокойно вошли в распахнутые ворота с табличками на столбах «Заповедник «Лукоморье» и «Посторонним вход воспрещен». Во дворе

был большой круглый цветник, а далее — высокий сетчатый забор. И кругом на траве валялось какое-то тряпье. Мы тихо подошли к входу здания и обнаружили, что дверь сорвана с петель и валяется тут же, а ближние окна выбиты. И в здании тоже никого.

— Ой-бой! — покачал головой Кизилбаев и, сложив руки рупором, прокричал в степь высоким, протяжным криком: — Алексей Иванович! Э-эй, Алексей Иванович!

Произошло что-то непонятное. Послышался страшный топот, и, когда Кизилбаев оглянулся, я заметил, как лицо его побледнело. С криком бросился он в здание и в дверь направо. Я механически выскочил в окно наружу и опомнился лишь на крыше, куда вскочил по пожарной лестнице. Я стоял около массивной трубы и крепко держался за нее. В здании что-то топталось, храпело и шипело. Слышались резкие взвизги Кизилбаева и его крики. Наконец все затихло, и над крышей взвилась голова птицы величиной с футбольный мяч, сидящая на непомерно голой и длинной шее. Она стремительно рванулась ко мне, зашипела, и я мигом скрылся за трубой. Точно в кошмаре, смотрели на меня близкие круглые зеленые глаза с кроваво-красным ободком, а широкий клюв с зазубринами ритмически раскрывался и щелкал около моей физиономии. Скоро птица отвлеклась, подняла голову и пошла по двору, грозно посматривая на меня одним глазом. Мощные ноги у нее оказались трехпальными, передние конечности были короткими. Она подошла к вольеру, нырнула в один из разрывов сетки и занялась своим делом — позже я рассмотрел, что она давит улья пчельника и лакомится медом. На пчел, облепивших ее, она не реагировала.

Тихо спустился я по железу крыши и, опустив голову, позвал: «Кизилбаев!» Птица повернулась и угрожающе хрюкнула. Я снова укрылся за трубой и только тут обнаружил, что портфель мой со мной и плотно прижат рукой к левому боку. Положив его на трубу, я вынул бинокль и стал осматривать окрестности: двор оказался разгромленным основательно. Сетка вольера была прорвана, а за ней валялись раздавленные кролики. Ближе на земле я увидел три палатки, лежавшие в страшно истерзанном виде, тут же валялся разбитый чемодан с бельем, разбросанным по двору. У здания были видны раздавленный стул, чей-то портфель, две кепки, соломенная шляпа, туфля и другие мелочи гардероба. За сеткой виднелись луга, небольшие рощицы, а далее, за широкой стеной камыша, ощущалось море. Справа, метрах в четырехстах, тянулась линия трехфазного тока, толстые провода которой низко провисали над землей, а за ней дальше — тоже камыши. За ними просвечивали небольшие озера. Что же произошло с людьми заповедника? Где они? И что привело в такую ярость эту дикую птицу? Неужели кого-нибудь она догнала и растоптала?

Я вытащил из портфеля бутерброд и с удовольствием поужинал; все-таки мое положение уж не такое ужасное. Еще раз тихо спустился по другому скату крыши и негромко позвал Кизилбаева. После шороха жидкий голосок моего спутника выговорил торопливо:

— Псе паратка. Сапог портил мал-мал.

В следующую минуту я отскочил к трубе, чтобы не получить в затылок удара клюва моего врага. Его голова вознеслась надо мною, словно молот, и медленно опустилась. Скоро он опять успокоился и, войдя в ворота, стал щипать цветы, изредка сурово посматривая на меня.

Что делать? Рассеянно я читал большие транспаранты, укрепленные сверху на сетке вольера, и, как ни пыжился, ничего не мог придумать такого, чтобы оказать помощь себе и людям. Придется сидеть на самом гребешке крыши.

С моря тянуло прохладой, и в сумерках я увидел, как из камышей справа выскочила фигура в белом, помахала ру-

ками и снова скрылась. Значит, люди разбежались и укрылись в камышах? Позже, когда стемнело и небо развесило свои великолепные люстры, где-то совсем недалеко грохнул выстрел. Струтиомимус сидел в цветнике и изредка шевелился. Если бы удалось ночью спуститься к Кизилбаеву и вызвать по телефону из города хорошую пожарную команду! Но три мои попытки слезть кончались одним и тем же: непримиримый враг мой храпел, шевелился и делал попытки встать. Что же? Утро вечера, говорят, мудренее. Я залез в трубу и заснул. Спал тревожно; во сне несколько раз злая птица извлекала меня из трубы, словно мышь из мышеловки, терзала и, наконец, растаптывала.

Очень рано я услышал птичьи голоса и, не вылезая из трубы, в тоске осмотрел горизонт: вдалеке по дороге прошли четыре машины. Я вскочил на трубу, махал полотенцем, но они проехали, не заметив меня.

Что же делать? Если тихо раздеться, быстро слезть, пробраться незамеченным вдоль изгороди и бежать направо, к камышам?

Я выскочил на поляну и так бешено замолотил ступнями, что трава на три метра вокруг вся прилегла от ветра. Лишь на одно мгновение я повернул голову и увидел, что бдительный враг мой мчится за мной, тяжело топая и низко пригнув шею. Этот топот отдавался в моих ушах, словно стук могильных лопат, и это значительно прибавило мне скорости.

И в тот момент, когда ноги мои уже зашлепали по болоту, около камышей, позади послышался страшный резкий треск. Я на бегу оглянулся и успел запечатлеть, как огромная птица метрах в десяти от меня рухнула наземь, хлестнув по земле длинной шеей, словно гигантским бичом. Провод еще качался, и я сразу понял все: встреча с цивилизацией оказалась для ископаемого роковой.

Я устало вошел в камыши и, увязая в тине, стал искать людей, чтобы сообщить им радостную весть. Но только в третьем озерце я увидел, что на болотной кочке сидел и трясся от холода высокий худой человек. Он поправлял оч-

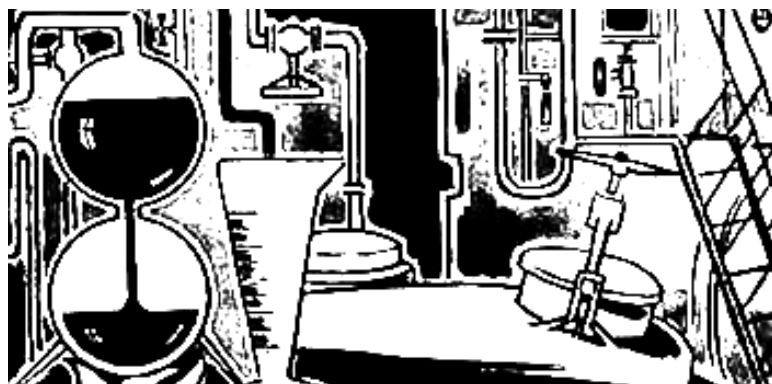
ки, сползающие у него с носа, и определенно был готов при появлении опасности сразу нырнуть в воду. Нервное напряжение разрядилось припадком смеха, и, когда я опомнился, около меня появились два полуголых человека, дрожащих подобно первому. В одном из них я узнал значительно окрепшего Павла. Мы обнялись, и он представил меня коренастому и головастому здоровяку, который выжимал и чистил от грязи свою роскошную бороду. Мокрая рубаха и брюки его были также не в лучшем виде. Это и был Сергей Васильевич Золотухин. Они видели мою скачку с самого начала и сразу стали шутить, отмечая, что если бы не крайние обстоятельства, то, несомненно, был бы зарегистрирован мировой рекорд бега на пятьсот метров.

Мы вышли из камышей на поляну. Даже мертвая, лежащая у наших ног и пахнущая паленой шерстью птица казалась монументально неправдоподобной.

Мы двинулись к усадьбе.

— Почему же никто не вызвал срочной помощи из города? — спросил я спутников уже у самого здания.

— Эх, хитрец, — ответил Павел насмешливо, — эта длинноногая зверюга в первый же час своего безумия оборвала все телефонные провода. А шоферы из гаража тоже, вон они, за нами бредут...

Г. ЦУРКИН

ШАХМАТНАЯ ДОСКА

Научно-фантастический рассказ

Рис. Ю. Случевского

(Научно-фантастический рассказ)

Г. ЦУРКИН

Рис. Ю. СЛУЧЕВСКОГО

МОЖНО ЛИ СОЗДАТЬ НЕПОБЕДИМУЮ ШАХМАТНУЮ МАШИНУ?

Вот первый вопрос, встающий перед каждым, прочитавшим рассказ Г. Цуркина. В сущности, это вопрос о том, что представляют собою шахматы: область искусства или область математики? Извечный и, собственно, до сих пор не разрешенный вопрос. Будучи искусством, они неисчерпаемы, как неисчерпаем духовный мир человека: в этом случае идеальная шахматная машина невозможна. Будучи областью математики, шахматы допускают, хотя бы в принципе, создание такого автомата, который никогда не проиграет человеку. Правда, это должен быть очень сложный автомат. Как высчитал немецкий математик Ричард Шуриг еще в 1886 году, число различных положений, которые могут занять на шахматной доске 32 фигуры, выражается 52-значным числом и составляет 7 534 окти-

льона 686 312 септильонов 361 225 свитильонов 327 тыс. квинтильонов.

Интересно, а как относятся к «извечному вопросу» в наши дни шахматисты, математики и люди, не являющиеся ни шахматистами, ни математиками, но знающие о чудесных возможностях современных электронных устройств?

Шахматный мастер был немолод и сутуловат; многочисленные сражения на черно-белом поле разграбили его лоб в крупную клетку, отдаленно напоминающую набросок шахматной доски. Но и его начинала выводить из себя хитроватая физиономия усатого дядьки, восседающего за последней, двадцать первой доской.

Молодежь, как всегда, шепчется, двигает фигурами вперед и назад, словно смычками, а дядька сидит, улыбается сквозь очки да изредка длинными усами шевелит.

Мастер спокойно путешествовал от одной доски к другой, делал ходы и, казалось, не испытывал особенных затруднений. Лишь у последней задержался минуты на три: положение хотя и не блестящее, но бороться можно. Поскорее покончить бы с другими, а тогда можно будет и наказать этого зарвавшегося волонтера-усача. Особенно за его лукавую улыбочку.

Не прошло и часа, как аллея молодых вихрастых противников была вырублена основательно; на счету мастера уже числилось шестнадцать побед, три ничьих, а длинные тараканьи усы все еще невозмутимо шевелились.

«Доберусь и до тебя, сом усатый», — подумал мастер и беспощадно расправился еще с одной доской. Теперь уже никто не помешает сосредоточиться. И он решительно приступил к выполнению своего замысла на последней доске.

Сразу же их окружило такое плотное кольцо болельщиков, что при попытке почесать затылок мастер моментально попал пальцем в чей-то открытый рот.

— Простите, — извинился он и, сделав притворно суровую гримасу, спросил: — Ничья?

— Подожду еще... Рановато, — так же сурово ответил противник, и они стали смотреть на доску молча и сосредоточенно.

Ситуация складывалась как-то неопределенно, и это мешало мастеру собраться с мыслями. «А ведь мое положение не из приятных», — прозрел он вдруг и действительно через два хода потерял коня.

— Сдаетесь? — так же притворно грубовато спросил противник.

— Нет... Подожду немного...

— Ждите, а я пойду так, — усач двинул ферзя, и мастер понял, что партия закончена.

Усач этот, видимо, не такой уж простак, и желание во что бы то ни стало отыграться охватило мастера с огромной силой.

— Сдаюсь, — сквозь зубы произнес мастер и, распустив галстук, попросил болельщиков осадить назад.

Потом предложил противнику:

— Хотите два партии подряд с результатом два — ноль не в вашу пользу?

— Два партии, извольте, а результат — посмотрим, — благодушно ответил тот и тоже подался назад, чтобы оттеснить болельщиков, головы которых нависли над плечами, словно связки воздушных шаров.

Мастер начал игру в стремительном темпе. Через несколько ходов он уже спросил противника:

— Сдаетесь?

— Мне моя специальность не позволяет, — ответил противник.

— Какая же у вас специальность? — полюбопытствовал мастер, бросая в атаку коня.

— Математик, — произнес противник спокойно и нейтрализовал грядущие неприятности движением пешки.

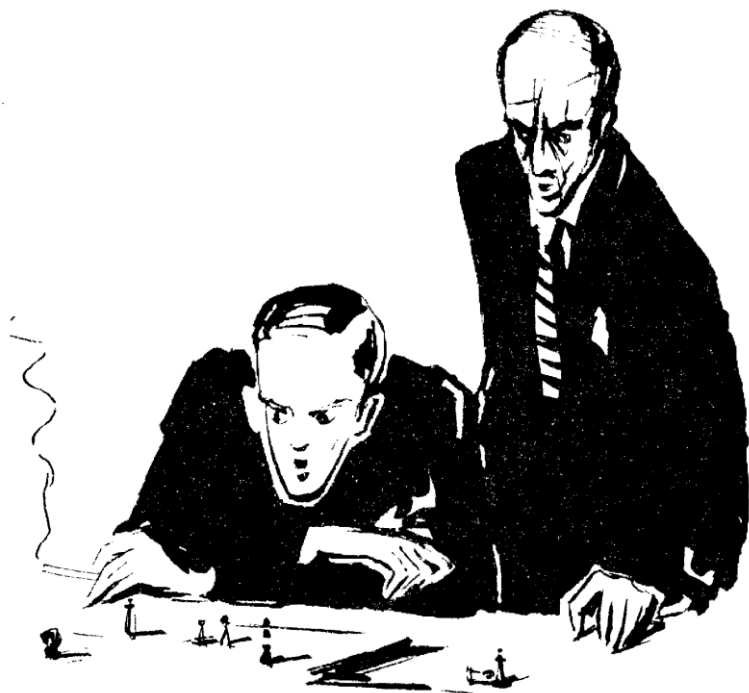
— Не думаю, чтобы эта специальность спасла вас, — продолжил мастер и снял пешку слоном.

Но не прошло и двадцати минут, как математик, разгромив пешечное заграждение короля, вторгся ферзем на последнюю горизонталь. И эта партия была проиграна мастером.

— Вы чародей, — смущенно пожал плечами мастер, торопливо расставляя фигуры. Втайне он уже пожалел, что так нескромно петушился в начале игры.

Следующую партию мастер играл осторожно, без болтовни, все время анализируя. Действительно, в манере усача ощущается лаконичная математика, но полностью отсутствует композиционная стройность. Он часто жертвует красотой комбинации ради кратчайшей атаки. Атаку начинает сразу же после развертывания основных сил.

И последнюю партию проиграл мастер. Математик раздавил его сопротивление так же уверенно, как тяжелый грузовик давит велосипед. Влажной ладонью мастер пожал ему руку, и молодежь вокруг шумно зааплодировала. Особенно веселились любители, проигравшие свои партии мастеру.

Выбравшись из толпы, противники пошли по аллее парка.

— Устал смертельно, — попробовал оправдаться мастер.

— Возможно, — согласился математик, — только скажу без лишних слов: за последние пять лет я еще никому не проиграл.

— Ну, это вы, пожалуй... того, — усомнился мастер, — таких игроков не бывает.

— Смотрите и удивляйтесь! Я первый, — шутливо вскинул голову математик.

Под ярким светом прожектора у ворот парка мастер рассмотрел его подробней. На коротковатых ножках, с большой стриженной головой, вооруженной выпуклыми очками, он походил на марсианина, придуманного писателями.

Только усы у него были чисто земные, если они, конечно, не бутафорские.

— Скажу вам откровенно, — продолжал математик, когда они вышли из ворот, — вы пятый мастер, которого я обыграл. И мечтаю таким же манером обыграть какого-нибудь гроссмейстера, если, конечно, вы меня с ним познакомите. Признаюсь, что играл в сеансе потому, что знаю вас как самого близкого друга гроссмейстера Табакова.

— Ну что же, — согласился мастер, — мы действительно друзья... Давайте адрес.

Мастер вытянул из кармана сигареты и записал на пачке все, что сказал ему математик.

— Сергей Иванович Дроздов, — представился тот, и они, пожав руки, наконец, познакомились. Рукопожатие было длинным и, конечно, перешло в прощальное.

Давно мастер так тяжело не переживал своего поражения; лежа, он докурил последнюю сигарету, и на него навалились тяжелые ночные мысли: проиграть так и кому? Математику с какими-то тараканьими усами, который изящное искусство композиции променял на холодный рационализм алгебры.

Лишь под утро его одолел мучительный сон: человек-таракан долго преследовал его и щекотал шею длинными колючими усами. А бдительная половина мозга критически оценивала фантасмагорию: какой идиотский сон, а днем будет мучить скверное состояние.

Когда он поднялся, в комнате было много солнца. Он распахнул окно, глубоко вдохнул свежий ветер, и все тяжелые ночные мысли мгновенно испарились; пришли мысли дневные, ясные, боевые. Вероятно, энергия солнца проникает и в сознание человека? Нужно отдохнуть с недельку, отыскать этого математика и разделать его под орех. И, довольный принятым решением, он запел во все горло.

В конце недели в клубе мастер повстречал гроссмейстера Табакова, черноволосого юношу-студента с черными глазами. Пожав руку, тот потянул мастера в сторонку, на диван.

— Ну, говори, как тебя обыграл обыкновенный любитель?

Мастер не стал опровергать слуха и рассказал все до мельчайших подробностей. Гроссмейстер лишь подскакивал на диване и изумлялся.

— Сверхъестественно! Феноменально! Сногшибательно!

Они наметили визит на ближайшее воскресенье, и мастер еще в субботу предупредил Дроздова об этом.

Дроздов встретил дорогих гостей приветливо.

— Каким образом вы так свирепо расправляетесь с бедными шахматистами? — спросил гроссмейстер, подойдя к тумбочке и постукивая по ее крышке.

— Играть надо точно и без просчетов, — лукаво сощурил глаза Дроздов, победоносно взбадривая усы.

— Тогда к барьеру! — скомандовал гроссмейстер, и они стали расставляли фигуры.

Мастер придвинул свой стул вплотную и пристально следил за руками Дроздова.

Гроссмейстер захватил центр и стал играть в своей обычной манере, рискованно и смело. Иногда он выпаливал свое любимое:

— Феноменально! Сногшибательно! Сверхъестественно!

Дроздов защищался скупой, но изобретательно. Наконец и он вломился в оборону противника и вскоре одержал победу.

После третьей партии гроссмейстер побледнел, закусил губу и стал терзать подбородок пальцами.

— Чертовщина какая-то, — наконец не выдержал он.

Было темно, когда они опомнились уже на ступеньках лестницы, где долго курили.

— Вероятно, это гений, сошедший с ума, — робко предположил мастер.

— Феномен, — согласился гроссмейстер, — поразительно своеобразен и дьявольски предусмотрителен.

— Что же предпримем дальше? — спросил мастер, вставая.

— Сначала надо подкрепиться, — предложил гроссмейстер.

Они нашли кафе и выпили по две чашки черного кофе.

— Поговорим с ним сейчас же, — проговорил гроссмейстер, входя в телефонную кабину.

— Еще раз здравствуйте, Сергей Иванович! Один из ваших гостей. Ну, задали вы нам задачу! Хотелось бы узнать, что, собственно, последует дальше? Вы намерены оспаривать звание чемпиона мира?

Но трубка была исключительно миролюбива.

— Можете быть спокойными. Меня это не интересует.

— А что же вас интересует? — допрашивал гроссмейстер.

— Математика, — загадочно ответил Дроздов, — с меня довольно и третьей всесоюзной категории.

— Для чего же эта комедия?

— Для проверки некоторых сомнений.

— Тогда спокойной ночи, — любезно закончил гроссмейстер и, повесив трубку, добавил: — Терпеть не могу людей, поступки которых не имеют ясно очерченной цели.

До самой зимы среди асов интеллектуальных дуэлей не прекращались оживленные разговоры о Дроздове, и разговоры эти вселяли в душу неясную тревогу. Не раз прославленные стратеги вздрагивали, заметив среди любителей сеансов одновременной игры какую-нибудь физиономию с длинными усами. Тревога, однако, оказывалась напрасной. На сеансах Дроздов больше не появлялся.

Однажды мастер побывал в Москве и совершенно случайно забрел в Политехнический музей. В углу одного из залов он увидел знакомую шахматную доску. Надпись на тумбочке скромно гласила: «Тренировочная доска для шахматной игры С. И. Дроздова».

Мастер даже присел около доски от неожиданности и быстро схватил книжку-инструкцию. Она была написана

бойким, живым языком и с полемическим задором. Прямо на первой странице значилось: «Даже мысли произведений художественной литературы могут быть выражены с помощью алгебры. К примеру, возьмем фразу: «Шахматист, как и солдат, должен иметь находчивость и сообразительность». Все это гораздо короче можно выразить формулой: $a = b + x + y$. Более сложные и тонкие мысли выражаются соответственно сложнее и тоньше».

— Аха-ха-ха-ха! — разразился громким смехом мастер. — Ну и намудрил Сергей Иванович!

Далее шла область малопонятная... «Электронная самоиграющая шахматная доска представляет автомат, разработанный для узкоспециальной цели — шахматной игры...»

«...Вся аппаратура помещается под панелью доски и питается от малогабаритных батарей».

«...Все шестьдесят четыре клетки доски имеют контуры, настроенные на одинаковую частоту, которая может быть увеличена при постановке на нее фигуры одного цвета или уменьшена при постановке фигуры другого цвета. Пешка, конь, слон, ладья, ферзь и король имеют в основании различные количества меди (белые) или магнетита (черные)».

— Черт побери! — громко удивился мастер и еще раз рассмеялся. Напряжение, накопившееся за последние месяцы, разряжалось.

— Потихе, товарищ, — предупредил его голос за спиной.

Мастер оглянулся: молодой экскурсовод поправлял очки на носу, похожем на электрический паяльник. — Вам, вероятно, неясно что-нибудь?

— Да, электроника вот не совсем ясна.

— А что именно? Попробую разъяснить.

— Я видал однажды машину для шахматной игры, но та была величиной с комнату... А эта вся спрятана под доской.

— Согласен. Такая машина работала на обычных радиодеталях. А эта вся скомпонована на базе самой миниатюрной радиотехники. Но представляет из себя ту же счетно-

решающую шахматную машину, с таким же количеством элементов...

— Ну хорошо. Допустим, это та же машина. Как можно сложную психику человека-шахматиста заменить электроникой? Когда я смотрю на доску, передо мной возникают десятки возможных вариантов. А все это зависит еще и от следующего хода противника.

— Понимаете, — улыбнулся молодой человек, — все это, даже самое сложное человеческое, можно разложить на простейшие последовательные операции. А полупроводники за короткий отрезок времени пробуют десятки, тысячи вариантов. И изберут при данной ситуации лучший.

— Как игрок, я могу снять фигуру, но могу и не снимать ее.

— То есть вы можете рискнуть или не рискнуть, — осторожно вставил фразу экскурсовод, — автомат такого риска не допускает. Он играет наверняка.

Молодой человек открыл принципиальную схему автомата и стал водить пальцем по высокому столбцу длинных уравнений. Мастер задумался, прищурил правый глаз и постарался поскорее распрощаться.

По Москве он шел, широко улыбаясь, и нахмурился лишь в поезде, когда в голову пришло: каким же образом Дроздов узнавал, какой фигурой и куда следует ходить?

Позвонил он ему на другой день утром. Сергей Иванович долго смеялся, услышав о том, что разоблачен, и, наконец, ответил на вопрос:

— Это так примитивно, что даже и говорить совестно... Все клетки доски пронумерованы, а в том месте тумбочки, где я упирался коленом, выскакивает маленький штифт — электромагнит. Толкнет он меня три раза и четыре, а после паузы — четыре и шесть раз, я знаю, что коня, который стоит на тридцать четвертой клетке, надо переставить на сорок шестую.

— И все? — удивился гроссмейстер.

— Абсолютно! — рассмеялся Дроздов. — Конечно, в последней разработке этого убожества нет. Игроку, который

тренируется, нет нужды скрывать тайну изобретения. Нужные клетки освещаются мягким светом изнутри сквозь прозрачную пластмассу шахматной доски. И все видят, какой ход правильный.

СИЯЮЩЕЕ КОЛЬЦО ПЛАНЕТЫ

ZHURNALOKO.NET

М. НЕМЧЕНКО

«НМ»

Фантастический рассказ

Рисунки Н. Кольчицкого

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

М. НЕМЧЕНКО,
г. Свердловск

Рис. Н. КОЛЬЧИЦКОГО

— То что, вы сейчас увидите, господин президент, является государственной тайной номер один, — сказал министр федерального спокойствия, когда после двухчасового полета над скалистыми гребнями гор вертолет начал снижаться. — Между нами говоря, такие вещи не показывают иностранцам. Но для вас, лидера дружественной страны, мы решили сделать исключение...

Генерал Хуан Педро Тинилья, диктатор небольшой тропической республики, известной своими бананами, яркой расцветкой почтовых марок и частыми государственными переворотами, с чувством пожал пухлую руку министра. Повернувшись к нему всей своей массивной фигурой и изобразив на лице самую сердечную улыбку, на какую только был способен, генерал заявил, что глубоко тронут оказанным ему доверием и, разумеется, никогда не забудет этих счастливых дней, проведенных им в гостях у правительства державы, преданным другом и союзником которой он, Тинилья, всегда был, есть и будет.

Геликоптер сел на широком, удивительно ровном каменном уступе, нависшем над глубокой пропастью. «Пожалуй, на эту чертову кручу иначе, чем по воздуху, и не заберешься», — вылезая из кабины, подумал генерал, с опаской поглядывая на торчавшие далеко внизу острые зубья скал. Кругом, куда ни глянь, громоздились горы. Непроницаемой тишиной веяло от выжженных солнцем голых утесов, от далеких снежных вершин, смутно вырисовывавшихся на западе.

— Нам пора, ваше превосходительство, — профессор Пфукер, флегматичного вида блондин с кулачищами боксера, тронул высокого гостя за локоть.

Обернувшись, Тинилья широко раскрыл глаза от удивления. Прямо перед ним в скале чернело отверстие пещеры. Тинилья готов был поручиться, что минуту назад на этом месте была гладкая, без единой трещинки гранитная стена. Но, вспомнив слова министра о государственной тайне, он решил, что не следует удивляться этим неожиданным превращениям.

Часовые у входа, отдав честь, почтительно расступились. Миновав обширное сводчатое подземелье, освещенное мягким матовым светом, министр и его спутники вошли в широкий, совершенно пустынный коридор. Несколько минут они шагали по нему в полном молчании. Неожиданно коридор круто повернул налево и закончился тупиком. Перед ними была монолитная стальная плита без какого-либо намека на дверь.

— Не подходите близко! — раздался рядом предостерегающий голос министра. — Эта штука кусается.

Тинилья отметил про себя, что глава федерального спокойствия держится весьма странно. Он стоял и внимательно рассматривал указательный палец своей правой руки, видимо убедившись, что палец в полной сохранности, министр тщательно вытер его платком и сунул в маленькое, похожее на замочную скважину, отверстие, которое Тинилья сначала

даже не заметил. В следующую секунду гигантская стальная заслонка бесшумно скользнула куда-то вверх, открыв широкий проход.

— Внушительно, — промолвил генерал, когда, пропустив их, броневая машина снова опустилась на свое место.

Подземный коридор был по-прежнему пустынным. За новой стальной стеной, которую министр федерального спокойствия отомкнул тем же способом, оказалась маленькая кабина. «Лифт», — догадался Тинилья.

Они спустились минуты две. Лифт остановился, и через распахнувшуюся дверь генерал и его спутники вошли в большую светлую комнату. Двое высоких парней в белых халатах, игравших на диване в карты, моментально вскочили и вытянулись перед министром по стойке «смирно». Глава федерального спокойствия сказал им что-то вполголоса, и оба сразу засуетились, доставая из белоснежного шкафа какие-то блестящие инструменты.

— Сейчас нам наденут специальные поглотители, — объяснил профессор. — Тут, знаете ли, носятся всякие летучие токи, пагубно действующие на незащищенные головы.

Генерала усадили в высокое кресло, напоминающее по виду зубоврачебное, и один из парней, встав за его спиной, принялся что-то прилаживать у него на голове. Он возился довольно долго. Наконец все было готово. Подойдя к зерка-

лу, генерал увидел, что его голова облачена в толстый белый шлем, опутанный наподобие чалмы какими-то тонкими проводами. Точно такие же сооружения красовались на министре и профессоре.

Все трое надели белые халаты. Оглядев своих спутников, глава федерального спокойствия открыл массивную пластмассовую дверь. Генерал переступил порог — и застыл от неожиданности.

Они стояли в огромном зале, конца которого не было видно. Продолговатые плафоны дневного света на высоком потолке сливались вдаль в непрерывную световую дорожку, словно гигантский залитый светом тоннель уходил куда-то в бесконечность.

Но самым поразительным были стены зала. Они состояли из бесчисленного множества разноцветных светящихся кружочков. Подойдя поближе, генерал увидел, что это маленькие лампочки, смонтированные на широких белых щитах, покрывающих всю поверхность стен от потолка почти до самого пола. На щитах виднелись и какие-то приборы — циферблаты, графики, крутящиеся диски с вспыхивающими рядами цифр, но все они как-то терялись среди мириадов мерцающих огоньков.

Зал был почти безлюден. Лишь несколько человеческих фигур в белых халатах виднелось в отдалении. Неожиданно откуда-то сбоку появился плечистый мужчина с короткими черными усами, щеголяющий военной выправкой.

— Позвольте, господин президент, представить вам полковника Ундерса, возглавляющего этот подземный бастион нашей демократии, — сказал министр.

— Удивительное совпадение! — воскликнул Тинилья, обмениваясь рукопожатием с полковником. — Вы знаете, что посол вашей страны в моей республике тоже Ундерс? Замечательный человек, должен вам сказать! Вы с ним, случайно, не родственники?

— Вероятно, просто однофамильцы, — улыбнулся полковник.

Голос у него был резкий и немного надтреснутый. «Точь-в-точь как у нашего Ундерса», — с растущим удивлением констатировал генерал. Именно таким голосом посол обычно делал ему внушения, когда бывал недоволен экспортными ценами на бананы или каким-нибудь случайно принятым без его ведома законом.

Генерал и его спутники медленно двинулись по залу.

— Вы, очевидно, уже обратили внимание на эти светящиеся кружочки, — заговорил Ундерс. — Всего их здесь

несколько десятков миллионов, а точнее — на сегодняшнее утро 83 миллиона 643 тысячи 257 штук... Впрочем, давайте лучше начнем с некоторых общих данных. Я думаю, господину президенту интересно будет узнать, что длина этого зала вместе со столовой, бильярдной, комнатой для молитв и спальнями личного состава...

— Не то, Ундерс, — перебил его министр. — Вы начинаете с середины. Давайте-ка я сам сделаю предисловие.

Все уселись в мягкие кресла возле одного из сверкающих разноцветными огоньками щитов и закурили предложенные полковником сигары.

— Я надеюсь, высокий гость извинит меня за небольшой исторический экскурс, — начал министр, пустив к потолку облачко синеватого дыма. — Мне просто хотелось бы напомнить, что с тех лор, как некая предприимчивая порода обезьян ухитрилась превратиться в людей, у нас всегда было работы по горло. Да, господин президент, полиция поистине один из древнейших человеческих институтов. Между прочим, мне на днях показывали перевод найденного под какой-то знаменитой пирамидой папируса, где рассказывается, как наши древнеегипетские коллеги искореняли подрывные настроения у подданных фараона.

Министр вкусно затынулся и, сбив пепел с кончика сигары, продолжал:

— Самое любопытное, что их методы работы, оказывается, мало чем отличались от тех, которые до самого последнего времени применяли мы, полицейские двадцатого века. Да, да, как это ни парадоксально звучит, но факт остается фактом: техника полицейского дела за минувшие три тысячелетия не претерпела существенных изменений. Еще каких-то пятнадцать лет назад людям приходилось довольствоваться такими примитивными дедовскими приемами, как вербовка осведомителей, подслушивание телефонных разговоров да случайное фотографирование подозрительных сборищ. Правда, у нас тогда уже появились некоторые новинки, вроде, скажем, установки замаскированных маг-

нитофонов в жилищах неблагонадежных лиц, но, согласитесь, господин президент, что в век атома все это выглядело жалкой кустарщиной.

Генерал, на родине которого полиция пользовалась гораздо более древними методами, тем не менее солидно кивнул головой, соглашаясь, что магнитофоны — это, конечно, кустарщина.

— Наконец несколько лет назад положение стало в полном смысле слова критическим. В силу ряда причин нам пришлось так основательно увеличить численность полиции, что она стала больше армии и флота, вместе взятых, а расходы на ее содержание начали поглощать около двух третей всего федерального бюджета. Скажу вам по секрету: мы стояли на грани государственного банкротства... Но, к счастью, электроника, кибернетика и электроэнцефалография достигли к этому времени таких успехов, что оказалось возможным начать работы в направлении полной автоматизации полицейской службы.

Глава федерального спокойствия сделал паузу и заключил:

— Ну, а все остальное расскажет Ундерс.

Полковник в этот момент отдавал какие-то приказания группе людей в белых халатах. Быстро отпустив их, он вернулся к гостям и продолжил рассказ шефа:

— Итак, господин президент, все началось с того, что было создано удивительно миниатюрное полупроводниковое устройство, получившее название «Наставник мысли», или сокращенно «НМ». Минуя скучные технические подробности, могу вам сказать, что этот крошечный прибор, будучи помещен на затылке, с поразительной точностью улавливает все нелояльные мысли, возникающие в голове данного субъекта, все основано на мгновенной расшифровке биоэлектрических импульсов мозга. Сигналы наших малюток принимаются специальной электронной аппаратурой, которой набито это подземелье. И, таким образом, здесь, на щитах, перед нами как на ладони все крамольные мысли, появляющиеся в головах граждан государства.

— Всех граждан?! — не удержавшись, воскликнул потрясенный генерал, который был так захвачен этим рассказом, что даже раскрыл рот, утратив свою обычную солидную невозмутимость. — Неужели всех?!

— О, разумеется, меня не следует понимать буквально, — полковник широко улыбнулся, показав полный комплект крепких, ослепительно белых зубов. — Прежде чем приступить к подключению, мы выявили некоторое количество абсолютно благонамеренных людей, в основном таковыми оказались лица с состоянием от десяти миллионов и выше. Вместе с обитателями сумасшедших домов и врожденными кретинами это составило в общей сложности около шестисот тысяч человек. Все остальные жители, начиная с четырнадцатилетнего возраста, подключены к нашей аппаратуре.

Подойдя к стене, Ундерс обвел широким жестом переливающиеся мириадами светящихся точек щиты.

— Как видите, огоньки часто меняют цвета. Вот, например, некоторая — к сожалению, пока небольшая — часть кружочков светится зеленым светом. Это означает, что у лиц, которых олицетворяют эти лампочки, в данный момент отсутствуют какие-либо нелояльные мысли или, что то же самое, вообще нет никаких мыслей. Желтизна означает наличие неблагонамеренных мыслей, не носящих опасного характера. Как видите, это пока преобладающий цвет на наших стенах. В частности, вот на этих щитах перед вами. Здесь у нас мелкие предприниматели и служащие. Давайте познакомимся с кем-нибудь из этих людей.

Он наугад ткнул рукой в скопление желтых огоньков, передвинув первый попавшийся рычажок.

— Поль Флавини, — отрекомендовался металлический голос. — Владелец мастерской по ремонту электрических засовов. Порт-Мери. Западное побережье. Легкое брюзжание по поводу увеличения косвенных налогов.

— Обычная история, — презрительно скривил губы полковник. — Вся эта публика только и делает, что брюзжит... Но больше всего беспокойства нам причиняют вот

эти. — Он показал на россыпи красных огоньков на левой стене. — Цвет опасной неблагонадежности. Рабочие, разумеется... А правее — видите, желтизна с алыми вкраплениями — это фермеры. За ними идут лица свободных профессий, а еще дальше — домохозяйки и школьники. Армия и флот — это уже в самом конце зала, отсюда не видно.

Генерал не мог прийти к себе от изумления и восхищения. Глаза его горели.

— Потрясающе! — выдохнул он. — Но каким же образом удалось их всех, как вы выражаетесь... подключить?

— Предоставим слово автору этой операции, — проговорил министр, знаком предлагая полковнику пока помолчать.

Профессор Пфукер самодовольно ухмыльнулся.

— Вы, наверно, слышали, ваше превосходительство, о компании «Автоматическая стрижка»? Ну да, та самая, которую прозвали «Грозой парикмахеров». В первый же год существования она смела со своего пути всех конкурентов, полностью монополизировав все парикмахерское дело в стране. Ни одна живая душа не способна стричь, брить и завивать так быстро и дешево, как это делают автоматы компании. Но вот, господин президент, могу вам по секрету сообщить, что, обрабатывая головы, эти милые машинки попутно производят еще одну операцию. В общем данная компания имеет некоторое отношение к нашему ведомству... Все делается под идеальным местным наркозом. Клиент преспокойно жует резинку или листает иллюстрированный журнал, а тем временем у него на затылке взрезается кожа и под скальп помещается наш аппаратик. Это крошечный цилиндрик размером с лимонную косточку. Затем с помощью особого состава все мгновенно заживляется, так что, поднявшись со стула, подключенный не может ничего заметить, кроме малюсенького бугорка на затылке. Его можно принять за самый обыкновенный прыщик. А через несколько часов после операции цилиндрик сам собой безболезненно внедряется в затылочную кость — и прыщик исчезает...

— Поразительно! Гениально!! — Генерал бурно выражал свой восторг. — Значит, вы теперь в любой момент безошибочно знаете, кого надо хватать!

— Мы давно уже никого не хватаем, — усмехнулся глава федерального спокойствия. — Сейчас полковник вам все объяснит. Только побыстрее, Ундерс. А то мы можем опоздать на обед, который дает сегодня в честь высокого гостя наш уважаемый премьер.

— В тех случаях, когда недовольство абонента носит характер легкого брюзжания, — заторопился полковник, — в его мозг автоматически посылается предупредительный импульс, который воспринимается нервной системой как удар здорового кулака по затылку. Иногда это повторяется несколько раз подряд. До тех пор, пока не загорится зеленый свет.

Полковник набрал воздуха и продолжал в том же темпе:

— Если же лампочка становится красной, объект подвергается электронаказанию, примерно эквивалентному по эффекту нокауту в боксе. Получив указанный удар, абонент обычно падает и лежит без сознания от десяти до пятнадцати секунд. Довольно основательно, не правда ли?

Высокий гость сердечно попрощался с полковником.

— Признаюсь, я просто потрясен всем увиденным, — растроганно заявил он. — Ваше волшебное подземелье — поистине бастион государственного спокойствия...

В «раздевалке», как мысленно окрестил Тинилья комнату у лифта, дежурные, которых они застали за прежним занятием, в одну минуту сняли с министра и его спутников дикий шлемы. Вскоре все трое уже шагали по верхнему коридору. Генерал молчал, предаваясь мечтам, будущее рисовалось ему отныне в самом радужном свете.

— Знаете, — признался он министру, — я невольно думаю сейчас о том, как было бы великолепно, если бы мое правительство имело у себя нечто подобное. Тогда бы я мог, наконец, вздохнуть спокойно...

— Полагаю, что вам стоит затронуть этот вопрос во время предстоящих переговоров с премьером, — прогово-

рил министр, уже влезая в кабину вертолета. — Я лично думаю, что мы могли бы построить вам такую установку в порядке помощи слаборазвитым странам.

«Если только опять не надуете меня, как в тот раз с гнилой пшеницей», — подумал Тинилья, грузно усаживаясь рядом с министром. В то же мгновение искры посыпались из глаз президента: кто-то изо всей силы треснул его кулаком по затылку. Побагровев от ярости, генерал вскочил на ноги и грозно обернулся. Но сзади была только стенка. Оба его спутника сосредоточенно смотрели в окно. Вертолет быстро набирал высоту.

Страшное подозрение мелькнуло в голове Тинильи. Сорвав с себя украшенную золотым шитьем генеральскую фуражку, он лихорадочно стал ощупывать голый затылок. Так и есть! На самой макушке отчетливо прощупывался крошечный твердый бугорок величиной с лимонную косточку.

Генерал издал пронзительный вопль и в ужасе схватился за голову. Министр и профессор повскакали со своих мест, спрашивая, что с ним случилось. Но Тинилья не мог выговорить ни слова. Он только с ужасом показывал пальцем на затылок, продолжая дико выть.

Ощупав указанное место, глава федерального спокойствия энергично выругался.

— Клянусь честью, это работа тех негодяев в раздевалке, — констатировал он. — Даю вам слово, господин президент: они жестоко поплатятся за свою дерзость, даже если это сделано не преднамеренно, а просто по халатности. Как только мы прибудем в столицу, я немедленно свяжусь с полковником Ундерсом и прикажу ему лично наказать виновных...

Генерал слушал его, продолжая держаться за голову. Когда министр кончил, он некоторое время молчал, ожидая, что тот еще что-то скажет. Но глава федерального спокойствия безмолвствовал, всем видом выражая искреннее сочувствие высокому гостю.

— А как же... я? — наконец нарушил молчание генерал. Министр вздохнул.

— К сожалению, извлечь аппаратик нельзя. Это грозит серьезными мозговыми осложнениями... Но стоит ли слишком расстраиваться из-за такого пустяка? Ведь совершенно очевидно, господин президент, что «НМ» вас никогда ничем не потревожит. Уж кто-кто, а генерал Тинилья, наш преданный друг и союзник, разумеется, навсегда гарантирован от каких-либо нелояльных мыслей! А присутствие аппаратика в голове, говорят, даже поднимает общий тонус...

Только сейчас генерал осознал всю бесповоротность случившегося. Слезы выступили у него на глазах. Значит, ему теперь никогда нельзя будет даже мысленно послушаться этих проклятых...

Новый удар по затылку прервал его мысли. В следующую секунду министр схватил Тинилью за плечо и изо всех сил начал трясти. Затем лицо министра вдруг исказилось и превратилось в усатую морду полковника Ундерса. «Вставай!» — потребовал полковник неожиданно тонким голосом.

Генерал попытался его оттолкнуть... и открыл глаза.

— Да вставай же наконец! — нетерпеливо повторяла жена, тряся его за плечо. — Ундерс велел тебя немедленно поднять. Говорят, что ты ему срочно нужен. Он уже больше минуты ждет у телефона...

— Полковник Ундерс?! — Генерал как ужаленный вскочил с постели. — Значит, это не сон?!!

— Что с тобой? — изумилась жена. — Какой еще там полковник? Говорю тебе, звонит Ундерс, посол...

При этих словах генерал, наконец, пришел в себя.

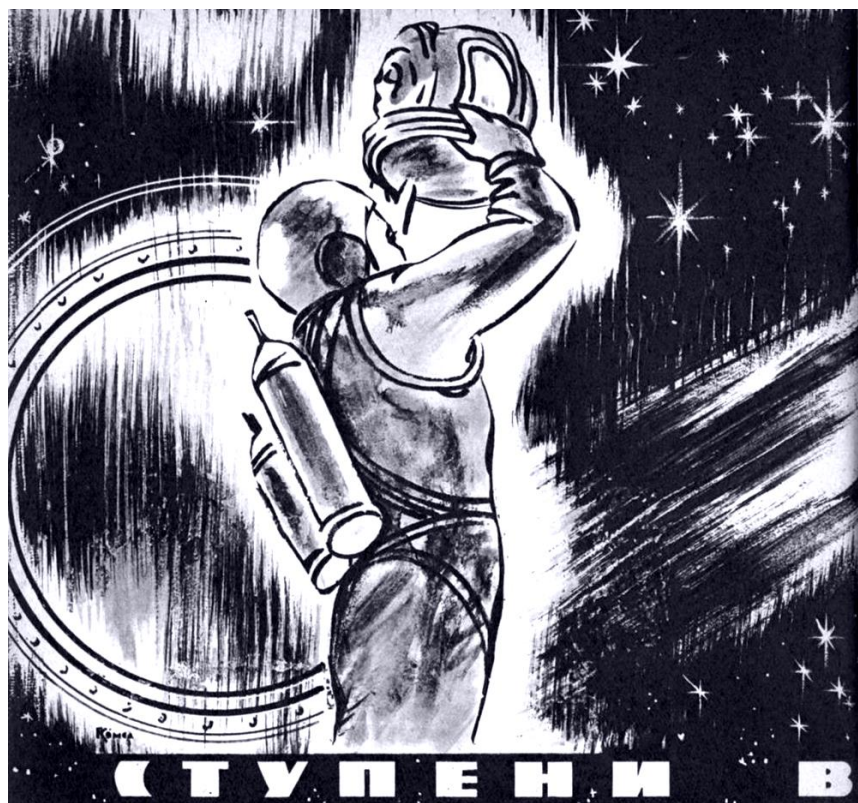
— Ах, да... — облегченно вздохнул он, торопливо ища ногами ночные туфли. — Но какое удивительное совпадение!..

— Боже мой, Хуан! — вдруг всплеснула руками жена, заметив на затылке супруга свежий синяк. — Ты что, стукнулся головой о спинку кровати?

— Мне приснилось, что они меня подключили...— про-
бормотал генерал, смахивая со лба капли холодного пота.

И, забыв накинуть пижаму, он опрометью помчался к телефону.

Г. ГУРЕВИЧ

ПРОХОЖДЕНИЕ НЕМЕЗИДЫ

Научно-фантастическая повесть

Художники Б. Дашков, Б. Кыштымков, Н. Кольчицкий

Журнал «Юный техник», №№ 5-6, 8-9, 11, 1957 г.

ПРОХОЖДЕНИЕ НЕМЕЗИДЫ

Георгий Гуревич
Рис. Б. Дашкова

Научно-фантастическая повесть

*Изменить условия,
в которых совершается движение Земли,
не по силам человеку.*
Жюль Верн «Вверх дном»

— Проснитесь, спящие! День или ночь, не разберешь. Слепящее солнце заливает светом снежную равнину. Искрятся жесткие сухие снежинки, чуть вьется пар над прозрачными лужами, застоявшимися между сугробами. От сверкающей белизны больно глазам, а над ней угольно-черное небо с пылью звезд, прозрачная кисея Млечного Пути, и на фоне его одна звезда все ярче, не блеска, не светлячок — яркая лампочка.

На нее, сверкающую, и смотрят трое в скафандрах. У них телескоп, аппараты в лакированных ящиках, — на экранах мелькают разноцветные кривые и светящиеся цифры. Трое смотрят то на небо, то на аппараты и один из них, тот, кто должен принять решение, говорит громко:

— Проснитесь, спящие, мы у цели!

Снежная равнина нема и глуха. Нет над ней воздуха: замерзнув, он превратился в прозрачные озерки. Ветер не воет над ней, снег не скрипит под шагами, обледенелые растения не шелестят листвой. Нет воздуха, и слова гаснут на поверхности скафандра. Но радио подхватывает их, и умершие звуки рождаются вновь там, где воздух есть, — в скафандрах спутников и в далеких подземельях, где спящие лежат рядами, неподвижные, как изваяния.

— Проснитесь!

Дежурные слышат приказ. Как и те наверху, они прежде всего смотрят на экраны аппаратов. Они проверяют температуру, обходят спящих одного за другим. Осторожно притрагиваются к каждому и, уверившись, что время пришло, включают репродукторы. И голос сверху, удесятерненный электрическими гортанями, грохочущими раскатами наполняет подземелья.

— Пррроснитесь, спящие!

...Я слушаю эти слова в кабинке Центральной фонотеки. Стены, одетые звукоизоляционными плитами, отделяют меня от всего мира. Я здесь один с забытыми трагедиями. На моем столе книги — все, которые нашлись в каталоге. Я взял подшивки старых газет, раскрыл картонные папки, широкие, как щиты, и на их полосах прочел тревожные заголовки. Я вставил в проигрыватель проволочку с невидимыми магнитными знаками, и человек, которого нет уже, заговорил со мной взволнованным голосом.

— Проснитесь, спящие! — повторяет он.

В тесной кабинке фонотеки нас двое — я и голос. Я переживаю вместе с ним тревогу, надежду и уверенность. Я верю голосу, я вижу то, что он описывает. Перед моими глазами снежная равнина под звездным небом и ослепительное Солнце на фоне Млечного Пути, и глубокие подземелья, где спящие лежат рядами, неподвижные, как изваяния.

— Проснитесь!!

Супруги Трегубовы работали на Памирской высокогорной обсерватории, одной из лучших в мире. Трегубов был директором, жена его — одним из научных сотрудников. Анатолию Борисовичу уже исполнилось шестьдесят. Для своих лет он был очень бодр, читал без очков, летом ходил в горы, даже поднимался на снежные вершины. Но у него уже появились стариковские привычки: излюбленная академическая шапочка, любимая палка с резным набалдашником, привычные словечки, постоянные шутки, постоянные маршруты для прогулок. Казалось, что он не хочет тратить сил на новые решения и потому придерживается проторенных путей. Во всем, кроме науки.

Жена его, Антонина Николаевна, была моложе примерно лет на двадцать. Точнее сказать затрудняюсь. Она следила за своей внешностью и очень гордилась, когда про нее говорили: «Такая молодая — и уже профессор!»

Студенты побаивались ее. Она была строга и придирчива, требовала точности в терминологии, каждую формулу спрашивала с выводом, задавала трудные задачи с громоздкими вычислениями и каверзные вопросы, требующие не соображения, а памяти. Отметки она ставила скупое, пятерки — почти никогда. Анатолий Борисович, наоборот, был снисходителен, любил студентов не запоминающих, а рассуждающих, хотя бы и рассуждающих неверно. На экзаменах подсказывал ответы и часто сам начинал объяснять, если речь шла о больших проблемах, волнующих его, — о бесконечности, времени, жизни, сознании. Он был влюблен в свою науку, говорил о ней с гордостью и нежностью... И многие десятки людей стали астрономами благодаря ему.

Антонина Николаевна сама была из их числа. Перед скромной студенткой, застенчивой, погруженной в математику, Трегубов открыл вселенную, где каждая звезда ждала своего Коперника — наблюдай, исследуй, дерзай! Своего научного руководителя девушка избрала руководителем и в жизни.

Годы шли. Великие открытия не падали в руки Антонины Николаевны, и тогда она выбрала хоть и не легкую, но четко очерченную задачу — поиски малых планет. За свою жизнь она достигла значительных успехов, найдя четырнадцать новых астероидов — Лапуту, Крыму, Пулковину и другие. Орбиты их были определены, имена внесены в каталог: Трегубова подарила науке четырнадцать фактов и была довольна собой.

— Разменяла талант на пустячки, — брюзжал муж. Был ли он прав? Вряд ли. Ведь наука обширна, для разных целей нужны и люди разного склада. Трегубов принадлежал к числу толкователей науки, Трегубова была наблюдателем. Кто полезнее — педагог или лаборант, теоретик или экспериментатор? Нужно ли ставить такие вопросы вообще?

Так или иначе, Немезиду Трегубовы заметили вдвоем.

Вот как это произошло.

4 декабря 19... года, проснувшись поутру, Трегубов первым долгом вспомнил, что для него приготовлены фотографии звезды 7327 из созвездия Девы. Эта небольшая звезда из числа красных карликов, как выяснилось недавно, находится сравнительно близко к Солнцу, на расстоянии «всего лишь» одиннадцати световых лет. Трегубов надеялся выяснить, есть ли у этой звезды планетная система.

Одеваясь и завтракая, он с удовольствием думал о предстоящих исследованиях, но от привычного уклада не отступил ни на шаг. Он трижды прошелся по своей любимой дорожке, усыпанной хрустящим гравием, выпил два стакана кофе со сливками и только после этого, сменив пиджак на синий халат, перешел в кабинет.

В то время уже отошла в прошлое классическая фигура астронома, который, ежась от холода, по ночам одним глазом смотрел в окуляр. На Памирской обсерватории вообще не было окуляров. Здесь стояли многотрубные телескопы с электронными усилителями — крупнейшее достижение астрономической техники второй половины XX века.

До появления этих телескопов возможности астрономов ограничивала стекольная промышленность. Лучшие в мире

оптические заводы годами бились, чтобы сварить подходящий кусок стекла, достаточно крупный и однородный, а затем годами шлифовали его, чтобы придать ему точную форму. Но гигантские линзы и зеркала, прогибаясь от собственной тяжести, искажали изображения. Метровая линза и пятиметровое зеркало — дальше этого техника не пошла.

Конструкторы Памирской обсерватории избрали иной путь. Они поставили телескопы скромного размера — не более полуметра в диаметре. Их можно было изготавливать сериями, без особенных усилий. Но изображение в этих телескопах направлялось не в глаз наблюдателю, а на светочувствительный экран. На экране лучи звезд превращались в электрические сигналы, а сигналы усиливались примерно так, как усиливается яркость в телевизоре. Усиленное изображение можно было фотографировать или рассматривать на экране. Простейший усилитель — несколько электронных ламп — как бы увеличивал зеркало телескопа раз в десять. Кроме того, на тот же экран поступали усиленные сигналы с других телескопов. Каждый из них был невелик, но все вместе (а было их сто сорок четыре) далеко превосходили самые грандиозные зеркальные телескопы американцев. Памирская обсерватория видела дальше других раз в шесть. Она работала всего несколько месяцев, но за это время завоевала завидное прозвище «фабрики открытий». Открытия здесь делали еженедельно, у Трегубовых появилась особая, так сказать дополнительная, задача в астрономии: они разъясняли недоумения, проверяли чужие догадки, разрешали чужие споры, «снимали» вопросы.

Конечно, ни один человек не смог бы согласованно управлять ста сорока четырьмя телескопами. Памирская обсерватория была автоматизирована. Каждый день к вечеру Анатолий Борисович передавал инженеру список очередных «объектов». Инженер составлял ночное задание и диктовал программу действий счетно-решающей машине. Затем люди отправлялись мирно спать, а неутомимая машина поворачивала и направляла трубы, следила за выдержкой, меняла пластинки, проявляла, сушила. И поутру

тот же инженер приносил Трегубову стопки пронумерованных пластинок — решения мировых загадок.

Так было и 4 декабря. Облачившись в синий халат, Трегубов прочно устроился в кресле рабочего кабинета и принялся решать загадку звезды 7327.

Увы, разочарование ожидало Анатолия Борисовича. Ни лупа, ни микроскоп, ни микрометр, с помощью которых он исследовал снимки, не говорили о существовании планет.

— А это, кажется, по твоей части, — сказал Трегубов, передавая один из снимков жене. И указал на крошечную черточку. Так выглядят на снимках сравнительно близкие небесные тела, например астероиды, которые успевают переместиться в поле зрения за время выдержки.

Они сидели рядом, в одном кабинете. Трегубова оторвалась от своих расчетов и взглянула на снимок.

— Нет, не по моей части, — вздохнула она. — След астероида длиннее раз в пять.

Но ловец астероидов, как и всякий охотник, должен быть терпеливым и цепким. Трегубова задержала в руке пластинку. Она боялась пройти мимо открытия.

— А нет ли у тебя других снимков той же области?

— Только один — апрельский. Но там нет ничего.

— Это слишком давно. Ладно, покажи на всякий случай. Черточек на апрельском снимке не было, но наметанный глаз Трегубовой обнаружил в звездном узоре лишнюю точку, совсем рядом со звездой 7327.

— Может быть, это твой пятнадцатый астероид, Тонечка?

— Едва ли. Передвигаться за восемь месяцев на полградуса?.. Мало-мало для астероида.

— А если он летит почти прямо к Земле?

— Ну, давай проверим. Толя.

И проверочная съем-

ка была задана на следующую ночь. Невод забросили в звездное небо, и безымянный астероид попался. Снова он выдал свое местонахождение коротенькой черточкой, почти крапинкой. Теперь было три следа, а по трем точкам астрономы умеют высчитывать весь путь движения небесного тела.

Трегубов составил программу решения, продиктовал условия задачи настольной электронной машине, и через несколько минут на ленте появились цифры.

— Что, Толя? — спросила Трегубова, увидев недоумение мужа.

— Ерунда какая-то! Орбита страшно вытянута, не эллипс, не парабола, а скорее даже гипербола.

— Может быть, это комета, а не астероид?

— Кометы не видны на таком расстоянии. До этого тела слишком далеко — около тридцати астрономических единиц. Оно в 30 раз дальше от Солнца, чем мы... и все же получилось на снимке!

— Тридцать единиц! Но это же на границе солнечной системы!

— Да, да, на орбите Нептуна. И одиннадцатая звездная величина. Неужели это новая планета, Тонечка?

— Не надо гадать. Лучше сделаем еще один снимок.

Но Анатолий Борисович не мог успокоиться.

— Подумай, настоящая планета! За всю историю телескопа люди открыли только три планеты...

— Ну какая же это планета! Ведь она летит по гиперболе...

— Да, верно. И скорость у нее триста километров в секунду. При такой скорости Солнце не удержит ее. Она пролетит солнечную систему насквозь. Что же это такое, Тоня? Ничья планета? Что-то небывалое в астрономии.

— Не фантазируй. Может быть, все объясняется просто. Пластинка была испорченная, на ней царапинка, а ты уже изобрел «ничью планету». Потерпи... все выяснится.

Небо, как назло, испытывало терпение. С вечера началась пасмурная погода, густой туман лег на горы, тучи шли

низко, поливали голые склоны дождем. Изредка проглядывали звезды, но не те, что нужно, и слишком ненадолго.

Контрольный снимок удалось сделать только в ночь на 12 декабря. Четвертая точка аккуратно легла на ту же гиперболу. Ошибки не было. Неведомое светило несло к Солнцу, и должно было пересечь орбиту Земли 3 июня, почти через шесть месяцев. А Земля проходила точку пересечения 4 июня, примерно через сутки. И так как за сутки Земля пролетает около трех миллионов километров, выходило, что Земля и неведомое тело пройдут довольно близко друг от друга, по астрономическим понятиям — впритирку.

Космическая катастрофа? Нет, невероятно. В небесах просторно, катастроф не бывает. А если все же столкновение?..

— Чудовищно! Непостижимо! — думал Трегубов. — Необходимо срочно провести вычисления.

В тот же вечер, передав жене расчеты для проверки, Трегубов заперся в кабинете и положил на стол пачку белых листов бумаги:

«Председателю Межпланетного комитета. Президенту Академии наук СССР.

От директора Памирской обсерватории А. Б. Трегубова...» Всю ночь он писал. Утром Антонина Николаевна настойчиво постучала в кабинет:

— Толя, ты спишь?

И она протянула мужу сложенную вчетверо иностранную газету. В глаза ему бросился заголовок: «МИНУТЫ ОТСЧИТАНЫ!»

«Наша газета раньше всех других имеет честь сообщить читателям о потрясающем открытии, которое сделал наш талантливый соотечественник профессор Э. А. У. Липп.

10 декабря, изучая небесный свод, профессор Липп обнаружил неизвестное ранее небесное светило, перемещающееся на фоне далеких звезд. По прошествии двух дней он сумел определить его орбиту. Оказалось, что это небесное тело по размерам равно Земле, даже несколько превосходит ее. Светило сейчас находится на окраинах солнечной систе-

мы, на орбите Нептуна, на расстоянии 4 с половиной миллиардов км от Солнца, в области вечного мрака, откуда наше Солнце выглядит бриллиантовой запонкой.

По традиции новое светило получило мифологическое имя. Профессор Липп назвал его Немезидой в честь мрачной богини, родной дочери Ночи. Но мы знаем, что греческая богиня Немезида не только дочь Ночи, но и богиня возмездия. Именно в этом смысле мы понимаем название, избранное профессором!

Как установил профессор Липп, Немезида не обращается вокруг Солнца. Она мчится прямо к Земле со скоростью 300 километров в секунду, 4 с половиной миллиарда километров она пройдет всего лишь за 173 дня!

Минуты отсчитаны! 173 дня дано нам, чтобы подвести итоги, взвесить и измерить наши деяния. Карающая десница занесена над Землей. Мы воображали, что нам дано понять вселенную, но появилась Немезида, порождение вечного мрака, и мы не знаем, пройдет ли мимо карающий меч, или будет, как сказано в писании: «Господь же обрушил на Содом и Гоморру серу и огонь с неба и ниспроверг города эти, и всю долину, и всех жителей городов, и растения почвы, и пар от земли восходил, как пар плавильни...» (Книга Бытия, гл. XIX, строки 24—28)».

— Тоня, — сказал Трегубов, отложив в сторону газету, — дай срочно перепечатать в трех экземплярах мой доклад... Один я pošлю в газету.

Наверное, никогда еще автоматическая машинка, привыкшая выстукивать цифровые таблицы, не печатала таких суровых и тревожных слов:

«Посмотрим мужественно в глаза опасности, — писал Трегубов. — Расчет показывает, что новое небесное тело пройдет в трех миллионах километров от нас. Мы не сомневаемся, что наши счетно-решающие машины безукоризненны. Но ведь это только машины — они перемалывают то, что в них закладывают. А мы не могли заложить безукоризненно точные исходные данные. Ибо исходные данные зависят от наблюдений, точность наблюдений — от качества

телескопов, а у телескопа, как у всякой конструкции, есть свой потолок.

Кроме того, мы не знаем точно массы этого тела, а от его массы зависят возмущения — те искривления, которые внесет в его орбиту Юпитер, мимо которого новое тело пройдет в начале мая. Только после того как Юпитер внесет свои коррективы, мы будем знать, разминутся ли новое тело и Земля благополучно. И эта неопределенность, существующая сегодня, заставляет нас взвесить самые неприятные возможности.

Возможно ли столкновение? Оно маловероятно, но все же возможно. По моим подсчетам, за столкновение — один шанс, против — 60 тысяч шансов. Опасность не слишком велика, но вместе с тем и не исчезающе мала, не меньше, чем опасность попасть под машину в большом городе. А такие несчастья все же случаются.

Но беда в том, что не только прямое столкновение опасно для нас, пассажиров планеты Земли. Не надо забывать о силах притяжения. Даже наша скромная Луна своим притяжением создает морские приливы. Гость из Космоса, по-видимому, несколько больше Земли и раз в сто массивнее Луны. Приливообразующая сила увеличивается с массой и уменьшается пропорционально квадрату расстояния. Таковы точные формулы, и на них мы опираемся.

Если новое тело пройдет на расстоянии 3 миллионов километров, ничего страшного не случится. Приливы увеличатся всего на 20 процентов. С такой неприятностью можно примириться.

Но светило может оказаться и ближе. Допустим, расстояние 1,7 миллиона километров. Приливы увеличиваются вдвое. Невиданной силы волна входит в устья рек, заливают порты, набережные, дома и деревни, выбрасывает корабли на берег.

Допустим, светило проходит в два раза дальше от нас, чем Луна. Приливы увеличатся в 13 раз. Океан вздуется горой. Стометровые валы падут на Западную Европу. Под водой скроются Голландия, Бельгия, половина Франции, по-

что вся Англия. Перехлестнув через Данию и Германию, вал ворвется в Балтийское море... Чем ближе пройдет пришелец из Космоса, тем страшнее потоп.

Но вот светило подходит еще ближе к Луне. Притяжение его сильнее земного. Впрочем, наш спутник не будет украден, если скорость светила слишком велика. Луна останется при нас, если только не будет пройден роковой предел Роша, при котором силы притяжения превосходят прочность горных пород. Тогда наш спутник лопнет, рассыплется на наших глазах, превратится в тучу сталкивающихся метеоритов. И десятки лет после этого на наши поля, города и села будут валиться обломки лунных гор, уродуя Землю взрывными кратерами...»

В экземпляре, отправляемом в газету, Анатолий Борисович дописал:

«Я еще раз повторяю, что шансы на столкновение ничтожны. Только чрезвычайная осторожность заставляет нас предупредить народ о такой возможности. Человечество проходит в эти дни серьезный экзамен. Ученые и инженеры обязаны призвать на помощь всю технику и достижения науки, чтобы предотвратить хоть и маловероятную, но все же возможную катастрофу. Я верю в человека, в его ум, его силу, в его умение преодолевать трудности. Никакой паники! Мужество и дерзание решают сегодня вопрос. Всеобщее спокойствие, люди! От вас зависит благополучие Земли...»

Сенсационное сообщение в иностранной газете об открытии Липпа произвело неприятное впечатление на Трегубова. Но, видимо, все рассуждения насчет кары, меча, Содома и Гоморры придумал падкий на сенсацию корреспондент. Сам Липп выступил с очень корректным и солидным сообщением. Он писал, что столкновение маловероятно. «Немезида пройдет на расстоянии 3 — 5 миллионов километров от Земли, точнее установить пока нельзя. Мы увидим на небе как бы вторую Луну — редкое и красивое зрелище. Перед нами удивительное явление природы, мы будем его изучать. Но беспокоиться нет оснований».

Так написал Липп. Но странное дело; его заметка, набранная мелким шрифтом, была помещена на седьмой странице, а на первой лезли в глаза мрачные буквы грохочущих заголовков:

**ОСТАЛОСЬ 170 ДНЕЙ!
ХВАТИТ ЛИ МЕСТА ПОД СОЛНЦЕМ?
ГДЕ ПРОВЕДЕТЕ ВЫ ПОСЛЕДНИЕ
ПОЛГОДА СВОЕЙ ЖИЗНИ?
ОСТРОВА АНТИПОДОВ УЦЕЛЕЮТ!
СПЕШИТЕ НА АНТИПОДЫ!!!**

13 декабря Анатолий Борисович вылетел в Москву в Межпланетный комитет...

«Немезида! Немезида! Немезида!» — не сходило с газетных полос. Ученые терялись в догадках. Что представляет собой эта бродячая планета? Откуда она пришла в солнечную систему? Кажется, не было такого астронома, философа, физика или писателя, который не высказал бы своего мнения.

Весть о Немезиде встряхнула мир. Муть всплыла на поверхность. Темные дельцы, любители легкой наживы, ринулись в погоню за добычей. Гадалышники печатали в газетах объявления: по звездам, даже по шишкам на черепе они брались предсказать каждому, уцелеет ли он при столкновении с Немезидой.

«Немезида! Немезида! Немезида!»

В церквах начались проповеди о «страшном суде». «Планета сия — булыжник в руках разгневанного бога, — заявил один знаменитый проповедник. — Господь бог замахнулся, — падите на колени с молитвой».

Какой-то ученый ядовито заметил:

— Почему же бог замахивается со скоростью трехсот километров в секунду? И если он всемогущ, к чему принимать облик планеты? Пусть явится лично и устроит суд по всем правилам!

— Пути господни неисповедимы, — отвечал находчивый проповедник. — Кто мы, чтобы угадывать его волю? Может быть, он нарочно притормаживает Немезиду, чтобы мы могли одуматься, покаяться и очистить себя от грехов.

«Материализм опровергнут окончательно, — написал Лекциус Сибелиус, доктор трансцендентальных наук. — Жалкие слепцы, именующие себя реалистами, утверждают, что в мире все возникает из материи. А Немезида? На ваших глазах из ничего родилась планета! И вы не знаете даже: перед вами небесное тело или скользящая тень потустороннего мира, сквозь которую Земля пройдет, словно сквозь привидение».

«Немезида! Немезида! Немезида!»

Панические слухи расползались по всем материкам. Статистика отметила резкий рост самоубийств и грабежей...

С большой статьей выступил известный астроном и общественный деятель Жевьер. Лишний раз он напомнил, как просторна солнечная система. «Земля и Немезида в волнах эфира — словно две ореховые скорлупки, — писал он. — Есть ли опасность, что они столкнутся? Математически она не равна нулю, но, по существу, ничтожна. Обратите внимание: те самые люди, которые громче всех кричат об опасности, сами же наживаются на ней, очевидно не веря в опасность. Не трепетать надо, не метаться по земному шару, а собрать ученых всего мира и на конференции сообща обсудить наши возможности».

Так высказался солидный Жевьер, и ученый мир подержал его. Буквально через неделю конференция состоялась. Астрономы, физики, инженеры почти всех стран мира собрались вместе, чтобы взвесить опасность, обсудить меры предосторожности. Прежде всего наблюдать, наблюдать, наблюдать. Изучать Немезиду, уточнять ее орбиту. Рассчитать все возможные варианты затопления приливами. Немедленно сооружать дамбы и готовиться к выселению людей из наиболее опасных районов. Подготовить подземные сооружения — шахты, тоннели, линии метро, снабдив их герметическими входами, способными выдержать удар приливной волны. А кто-то, кажется профессор Липп, предложил построить временные города на горных хребтах и плоскогорьях — в Тибете, на Гималаях, на Памире, в Кордильерах и Андах...

Художники состязались
в изображении потопов...

Трегубов присутствовал на конференции в качестве делегата от СССР. Выступая, он сказал, что не следует ограничиваться наблюдениями, надо искать более активные меры... «В Советском Союзе институты ищут неустанно», — сказал он.

В заключение конференция приняла обращение к правительствам всего мира: приступить к реализации предложенных мер.

Все это выглядело так буднично, так привычно. Делегаты брали слово, выходили на трибуну, произносили речи... А за стенами бурлило людское море:

«Немезида! Немезида! Немезида!...»

Толпы людей осаждали обсерватории. На бульварах возле телескопов всю ночь стояли очереди. Каждому хотелось увидеть своими глазами виновницу переполоха. Мерзли, хлопали руками, терпели и отходили разочарованные. Им показывали слабую звездочку, ничем не отличающуюся от окружающих. Люди сомневались: «Неужели это и есть Немезида? И эта блеска угрожает нам? Не может быть, — звезд на небе полно, для всех места хватит. Разойдемся как-нибудь!...»

В январе Немезида уже выглядела крошечным кружочком. По диаметру кружка вычислили ее размеры. Подтвердилось мнение, что Немезида несколько больше Земли. Ее спектр был точным повторением солнечного. Как все планеты, она светила отраженным светом. Никакой атмосферы на ней не было, иначе заметны были бы линии кислорода, метана, аммиака или углекислого газа. Все темные линии в

спектре были сдвинуты. Это означало, что Немезида продолжает двигаться. По величине сдвига определили скорость. Вышло, как у Трегубова: 300 километров в секунду. Итак, пока люди наблюдали, спорили, пугались и успокаивались, Немезида приближалась, отсчитывая 300 километров каждую секунду.

Триста километров в секунду! Можно сказать, что Немезида мчалась, можно сказать, что она ползла. В сравнении с обычными скоростями скорость у нее была бешеная, немыслимая, молниеносная. Но ведь свой собственный поперечник она проходила за целых 50 секунд! Пожалуй, с таким же правом можно было сказать, что она ползла, как улитка, еле-еле продвигаясь по темным межпланетным просторам.

В середине декабря она пересекла орбиту Нептуна. Кончился год, прошел январь, и только в феврале осталась позади орбита Урана. Еще 8 недель понадобилось, чтобы дойти до орбиты Сатурна. Немезида миновала ее уже весной — 12 апреля.

В апреле люди с хорошим зрением различали Немезиду невооруженным глазом, без всяких биноклей. В телескопы на крошечном диске уже видны были кое-какие подробности. Так, Трегубов заметил на диске Немезиды темное пятнышко. Оно перемещалось. Таким образом, удалось установить, что Немезида вращается вокруг своей оси. Тамошние сутки были несколько длиннее земных — они равнялись 33 часам.

Затем был открыт темный ободок, как бы обруч, стягивающий экватор. Один английский астроном обнаружил, что на этом ободке заметна радиоактивность. Может быть, здесь находились особенные радиоактивные вулканы?

За исключением ободка и пятнышка, все остальное было ярко-белым. Работая с цветными фильтрами, Трегубов пришел к выводу, что Немезида отражает свет примерно так же, как снежное поле.

Снег?! Если на Немезиде есть снег, значит там были водяные пары и когда-то была атмосфера?! Куда же делся

воздух? «Видимо, он замерз, — решил Трегубов, — и вся планета покрыта слоем твердого воздуха».

Вскоре пришло подтверждение. В начале мая в спектре Немезиды были обнаружены линии кислорода. Ответ получен — и тут же новая загадка! Ведь кислород на Земле — результат жизнедеятельности растений. Но какие же растения могли быть на Немезиде, вдалеке от Солнца, при морозе ниже 200 градусов?

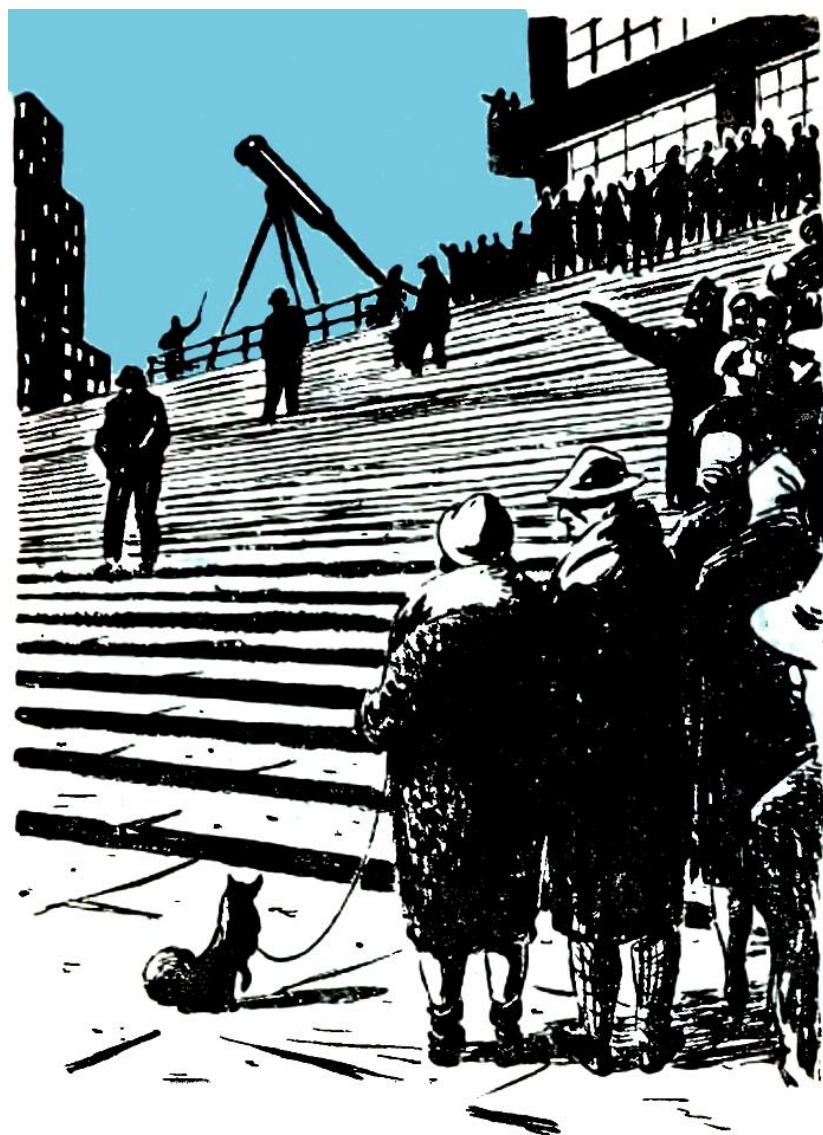
Изучала Немезиду и Антонина Николаевна Трегубова.

Ее интересовали только цифры, точные и безупречные. Она высчитала орбиту Немезиды и теперь с нетерпением ожидала прохождение мимо Юпитера. «Как изменит Юпитер орбиту Немезиды?» — вот что ее волновало.

Событие это совершилось 9 мая. Немезида опередила Юпитер, проскочив перед гигантом, как юркий миноносец перед носом у линкора. Расстояние между ними было более 40 миллионов километров, но могучий Юпитер все же искривил орбиту Немезиды и даже больше, чем ожидалось. Теперь с достаточной точностью можно было вычислить весь дальнейший путь Немезиды. И это было сделано Трегубовой через три дня.

По подсчетам Антонины Николаевны, Немезида должна была миновать Землю на безопасном расстоянии — около 2 миллионов километров. Международная расчетная комиссия опубликовала сообщение Трегубовой, и мир вздохнул с облегчением. Но прошло еще несколько дней, и Немезида преподнесла новый сюрприз.

Произошло это в поясе малых планет. Ученые до сих пор спорят, откуда взялись эти многочисленные тела: остатки ли это развалившейся планеты, разорванной притяжением Юпитера, или небольшая часть той метеорной тучи, из которой образовались все остальные планеты, так сказать, строительный мусор солнечной системы. Так или иначе, в этом поясе открыто уже более тысячи крупных астероидов. Проходя здесь, Немезида неминуемо должна была получить несколько увесистых ударов.

Как известно, Антонина Николаевна «не хватала звезд с неба, а только астероиды», как говорил шутя Трегубов, и посвятила свою жизнь изучению этой беспокойной области. Именно она установила, что Немезида должна встретиться с астероидом № 2073 — малой планетой по имени Лапута.

Трегубова открыла Лапуту много лет назад, будучи еще молодым наблюдателем, и дала ей название в честь летающего острова, описанного в «Путешествиях Гулливера». Позже было установлено, что трегубовская Лапута — глыба неправильной формы, похожая на букву «Т», и длина ее около 40 километров. Вот этот «камешек», на котором мог бы разместиться большой город, и должен был грохнуться на Немезиду в ночь на 18 мая в 4 часа 47 минут по московскому времени.

Итак, столкновение должно было состояться. Правда, не Земля, а мертвая Лапута принимала удар. Астрономы готовились к наблюдению. Спорили, что произойдет при встрече: чудовищный взрыв или просто удар? Будет Лапута распылена или только расколота?

В ночь на 18 мая астрономы не смыкали глаз, следя за сближением Немезиды и Лапуты. Светящееся зернышко и крошечная блеска сходились. Около часа ночи самые внимательные наблюдатели заметили какое-то сияние на экваторе Немезиды. Впрочем, об этом вспомнили позднее. В ту ночь о посторонних вспышках думали очень мало. Астрономы волновались, ожидая столкновения. В 4 часа 28 минут началось прохождение. Оказавшись на ярком фоне Немезиды, Лапута исчезла из виду. Только в самые большие телескопы можно было заметить темное пятнышко — ее тень. Тень скользила справа налево. Минуты шли, напряжение возрастало. 4 часа 45 минут... 4 часа 46 минут... И вдруг слева от диска засветилась яркая точка! Лапута проскочила перед Немезидой, удар не состоялся!

Трегубова сделала новые снимки, получила новую спектрограмму. И вдруг очередная неожиданность: скорость Немезиды оказалась не 300, а 294 километра в секунду! Причем именно это изменение скорости спасло Лапуту от

столкновения. Антонина Николаевна не сомневалась в правильности своих прежних расчетов. Но ответить на вопрос, почему Немезида изменила скорость, она не могла. Может, это загадочное небесное тело не подчиняется законам физики? Вместо того чтобы увеличить скорость при сближении с Солнцем, Немезида вдруг уменьшила ее?!

В полном смятении Трегубова позвонила в Москву, в Межпланетный комитет. Анатолия Борисовича там не оказалось. Он уже вылетел на вторую Международную конференцию.

— Ваши расчеты, Антонина Николаевна, — ответили в комитете, — мы срочно пошлем Анатолию Борисовичу. Да, это осложняет обстановку: изменив скорость, Немезида пройдет теперь гораздо ближе к Земле... Продолжайте наблюдения, Антонина Николаевна.

* * *

В древнюю европейскую столицу вновь съезжались ученые со всех концов света. За несколько часов до открытия конференции верный своим старым привычкам, Анатолий Борисович отправился бродить по городу. Он ходил пешком, без определенного плана и очень скоро с пышных центральных улиц попал в переулки, которые обычно туристам не показывают.

Переулки были похожи на каменные ущелья, дворики — на клетки. Сушилось белье, школьники, сложив наземь сумки, с увлечением играли в футбол. На углах с лотков торговали вином, овощами и леденцами. Девушки предла-

гали горячие каштаны, мальчишки — газеты. Продавались орехи, углы в комнатах, акции, билеты в оперу. Жизнь катилась своим чередом...

Трегубов достаточно хорошо понимал язык. Ему нравилось, толкаясь в толпе, ловить отрывочные замечания прохожих. Вот жизнерадостные студенты.

— Бальзак — великий человек, хотя он и не умел строить интригу, — утверждает один из них, рыхлый увалень с большим бантом вместо галстука.

— Пять — ноль, я же знал, что они просадят!

— Мадам, купите цветы...

О Немезиде говорили повсюду, изредка с мрачным отчаянием, чаще со страхом, еще чаще с сомнением. Трегубов слышал такой диалог:

— Она ударит по Луне, и Луна упадет на нас.

— Враки!

— Но я сама слышала по радио. Ученые подсчитали...

— Выдумали твои ученые. Им тоже нужно хлеб зарабатывать!

В сквере, где грелись на солнце старички, а молодые матери катали младенцев в колясках, к Трегубову подошел юноша в коротком голубом пиджачке.

— Папаша, вам повезло, — шепнул он доверительно. — Исключительная удача, редкая возможность! У меня остался один-единственный билет на острова Антиподов и совсем недорого, за свою цену. Пожалейте себя, папаша, вы в цветущем возрасте. Жизнь дороже нескольких тысяч. Не отказывайтесь от Антиподов. Прекрасный, здоровый климат, благоустроенные отели, пляж, яхты, прогулки по морю, музыкальные вечера, карты, ресторан... Я сам бы поехал, но больная мать-старушка...

— К чему мне Антиподы? — удивился Трегубов. — Уж если бы я вздумал отдыхать, Ницца гораздо ближе.

Голубой пиджак удивился, в свою очередь:

— Откуда вы свалились, папаша? С Немезиды? Всему миру известно, что уцелеют только острова Антиподов... — И он сунул в руки Трегубову рекламную афишку:

**Акционерное общество
«ОБЕТОВАННЫЕ АНТИПОДЫ»**
СПАСЕТ ВАШУ ЖИЗНЬ
ЗА УМЕРЕННУЮ ПЛАТУ.
Агентства на всех континентах.

...Вторая конференция открылась во Дворце науки — гигантском кубическом здании из поляризованного стекла. Стекло это пропускало свет только в одну сторону, так что изнутри улица была видна, а снаружи стены казались матовыми. Сидя в кресле, Трегубов видел за полупрозрачной стеной монастырь. Из решетчатой калитки выходили монашки в белых платках, надвинутых на брови. Не поднимая глаз, они кивком подзывали такси, чтобы ехать по своим делам — на молитву, в банк или в ремонтную контору.

А через наушники Анатолий Борисович в это время слушал речи ораторов, переведенные машинно-переводчиком на двадцать языков одновременно. Монашки, такси, машины-переводчики — XX век!

...Открыл заседание Жевьер. Это был высокий представительный старик с орлиным носом и выдающимся вперед подбородком. Он был изысканно одет, скорее как артист, не как ученый, и голос у него был артистический, с бархатными переливами. Казалось, Жевьер увлекает слушателей звуками, а не словами.

На конференцию были представлены несколько расчетов орбиты Немезиды, наиболее точным признали расчет Антонины Трегубовой. Ее цифры и приняли за основу, когда выпускали коммюнике. «Немезида, — сообщала всему миру конференция, — пересечет земную орбиту 3 июня в 23 часа 12 минут по гринвичскому времени и пройдет на расстоянии 900 тысяч километров от Земли и 500 тысяч километров от Луны».

Такое близкое прохождение не угрожало гибелью Земле, но катастрофически опустошительные приливы были неизбежны. Поэтому конференция приняла решение заново рассчитать затопляемую зону и срочно вывозить оттуда людей. Кроме того, были проверены меры, принятые в остальных частях земного шара.

Осталось только одно «но», и о нем напомнил Жевьер в конце своей речи:

— Дамы и господа, не поймите меня ложно, — сказал он. — Я с глубоким уважением отношусь к представленным расчетам и не сомневаюсь, что они правильны. Математики учли притяжение Юпитера, Солнца, Земли, даже Марса и Венеры. Но Немезида, как мне представляется, подчиняется не только притяжению. Иные и более грозные силы управляют ее движением. Она, как видно, относится к классу неустойчивых небесных тел, подобно новым звездам. Чудовищные взрывы сотрясают ее недра, и, возможно, именно они сталкивают планету с естественного пути. В ночь на 18 мая мы были свидетелями таких взрывов, нам они представлялись неяркими вспышками. Не лишено вероятия, что эти взрывы замедлили движение Немезиды и спасли Лапуту. Мы не знаем, кто виноват здесь: случай или Немезида. Но если ничтожно малое притяжение Лапуты могло поколебать неустойчивые недра Немезиды, какие же катаклизмы вызовет мощное притяжение Земли! С другой стороны, есть у нас и утешение: притяжение Юпитера гораздо более сильное, чем лапутское, не вызвало, однако, никаких вспышек или взрывов на Немезиде. Вполне возможно, что все обойдется без неприятностей и Немезида проследует по вычисленному пути. Но хотя вероятность столкновения ничтожно мала, все же остается у нас досадная доза неуверенности.

Что же будет, если столкновение произойдет? Я представляю себе такую картину. Исчезнет голубое небо, его заменит каменное. Чужие горы нависнут над нашими горами... Зубастые вершины их вопьются в нашу землю, в пашни и холмы. Взметнется огненный смерч, леса вспыхнут, точно солома, и огонь сметет города и села...

Возможно, я зря тревожусь, но мы рискуем слишком многим, чтобы заниматься самоуспокоением. Так мать остерегает своего ребенка от самых редких опасностей. Он слишком дорог ей. и она всегда боится потерять его. Что нам остается делать?

С моей точки зрения, единственное, что я и предлагаю вашему вниманию: в настоящее время на земном шаре имеется двадцать восемь межпланетных ракет, способных поднять сто четырнадцать человек. Я предлагаю срочно строить новые ракеты и... начать вывоз людей с Земли! Да-да! Мы не в состоянии спасти все человечество, но можем сохранить жизнь его представителей, а вместе с ними увезти в мировое пространство все достояние человечества, его мысли, достижения науки, сокровищницу его знаний. Пусть переждут наши представители грозу и вернутся потом на Землю, если она уцелеет. А если Земля погибнет, пусть высадятся на Марсе или на Венере, чтобы продолжать наш род, нашу культуру...

— Итак, задача состоит в том, — закончил Жевьер, — чтобы отобрать наших наследников — молодых, здоровых, выносливых, способных и образованных людей — и вручить им все достижения человеческой мысли. К этому святому делу я и призываю вас, делегаты!

Жевьер сел и что-то быстро написал на листке из блокнота. Через минуту Трегубов получил записку:

«Анатолий Борисович! Вам надо выступить, так как в Советском Союзе большинство межпланетных кораблей.

Ваш Жевьер».

Между тем в зале заседаний стояла подавленная тишина. Прения не начинались.

Трегубов попросил слова.

— Господа, — сказал он, — наша страна примет участие в любом коллективном мероприятии, предложенном этой конференцией. Но посылка наследников в мировое пространство, это пассивная мера, мера отчаяния. Между тем

мое правительство и Советский межпланетный комитет поручили мне сообщить вам итоги последнего совещания, которое состоялось в Москве. На этом совещании обсуждены результаты исследований по отысканию активных и действенных мер. Советский Союз обладает реальной возможностью изменить орбиту Немезиды...

— Мы имеем реальную возможность изменить орбиту Немезиды, — сказал Трегубов.

Изменить орбиту! Какой поднялся тут шум! Корреспонденты вскочили, готовясь записывать каждое слово.

— Уверены ли вы в успехе? — крикнул с места голландский делегат.

— Можно ли прекратить наращивание плотин?

Трегубов терпеливо дождался, пока улеглось волнение.

— Господа, я не хочу возбуждать необоснованных надежд. Меры предосторожности не следует отменять. Мы подготовили сложный опыт... Но нет гарантий против неожиданных осложнений. Впрочем, я уполномочен пригласить делегатов на совещание в Москву, где вопрос об этом опыте будет решен окончательно...

...Возможность изменить орбиту! Чтобы разъяснить слова Трегубова, нам нужно вернуться назад на полгода, когда впервые появилось сообщение об открытии Немезиды. Это случилось в декабре месяце, и, как читатель помнит, Трегубова срочно вызвали тогда в Межпланетный комитет.

Расстояние в то время уже не было препятствием. Три часа на вертолете до Алма-Аты, еще три часа от Алма-Аты до Москвы на сверхзвуковом самолете, и к концу рабочего дня Трегубов входил в кабинет председателя комитета Виталия Григорьевича Хоменко.

Описывать Хоменко нет необходимости. Весь мир знает его высокий лоб, мохнатые брови, раздвоенный подбородок. Это тот самый Хоменко, который руководил первым полетом на Луну и сам летал туда со второй и третьей экспедициями. «Я был первым стариком на Луне», — говорил он о себе.

Кроме Хоменко, в кабинете был еще один незнакомый Трегубову человек — коренастый, с бритой головой и пышными усами. Он сидел в сторонке, не вмешиваясь в разговор, и поглаживал усы.

— Нам хотелось посоветоваться с вами, Анатолий Борисович, сказал Хоменко, протягивая руку.

— Я изложил свое мнение в докладе, — ответил Трегубов. О столкновении незачем и думать — один шанс против шестидесяти тысяч.

— Ну, а если он выпадет все же? — спросил Хоменко. — Что можно предпринять тогда? Не сумеем ли мы... отклонить Немезиду? Взрывами, например?

Трегубов подсел к столу, набросал несколько цифр на бумаге.

— К сожалению, тут обсуждать нечего, — сказал он. — Снежную лавину не остановишь, стреляя в нее из ружья. Какие взрывы сильнее всего? Атомные. И вот расчет: одна атомная бомба может уменьшить или увеличить скорость Немезиды на одну десятиллиардную долю миллимикрона в секунду. Ударив заблаговременно, недели за две, вы накопите разницу побольше — толщину одного электрона. Сколько вы сделаете бомб? Тысячу? Десять, сто тысяч? Ну, так вы сдвинете планету на один атом. А нужно маневрировать десятками тысяч километров.

— Какую бомбу вы имеете в виду?

— Урановую. У них определенный размер. Но и водородная не облегчает дело. Вам придется забрасывать на Немезиду запасы тяжелого водорода. Вы же сами межпланетчик, вы знаете, что каждая ракета строится годами, а поднимает тонны три...

Здесь усатый человек впервые раскрыл рот.

— А есть на Немезиде лед? — спросил он.

Трегубов удивился. С недоумением взглянул на Хоменко. — Мы не так беспомощны, как вы думаете, Анатолий Борисович, — улыбнулся Хоменко, — Вот товарищ Лобанов берется, если мы захотим, отшвырнуть Немезиду с нашего пути.

Весь декабрь Трегубов провел в разъездах: Памир — Москва, заграничная конференция — опять Москва, и опять Памир, где Лобанов проводил решающие испытания.

Инженер Лобанов оказался трудным собеседником. На все вопросы он отвечал одно и то же: «Увидите, оцените». Чтобы увидеть и оценить. Трегубов пролетел четыре тысячи километров на самолете, проехал двести километров по горной дороге, где пассажиров укачивало от обилия поворотов, и несколько часов просидел в подземном убежище, лобуясь горами через перископ.

Пять снежных хребтов вздымались перед ним один выше другого. Ближайший — черно-бурый, с рыжеватыми пятнами голых рощ, выпуклый, бугристый, тяжеловесный. За ним виднелся сине-лиловый хребет, третий казался синим, четвертый — голубым, пятый, самый отдаленный, как бы парил, оторвавшись от Земли. В час восхода он был нежно-розовым, потом стал сиреневатым, дымчатым. Он был почти прозрачен, невесом. Казалось, ветер дунет, солнце взойдет повыше, и вершины его растают в синем небе, как сахар в теплой воде.

Горы вселяли в Трегубова спокойствие. Десятки миллионов лет стоят эти каменные волны, стоят и будут стоять. Все на своем месте: на небе звезды, на Земле горы — устойчиво, непоколебимо.

Наконец настал час испытания. «Смотрите!» — сказал Лобанов и нажал пластмассовую кнопку с красной буквой «С» — огонь...

И тогда над дальним хребтом встало второе Солнце, ослепительно яркое, гораздо ярче небесного. Дымчатый кряж приобрел форму и вес, он стал виден отчетливо, словно обведенный тушью. Трегубов разглядел и черные зигзаги ущелий, и тени под скалами, и два пика над пограничным перевалом, и ледник между ними. По леднику сверху вниз полз огонь, давая белые и цветные вспышки, Потом полых-

нуло красное пламя... и тогда произошло чудо: горы сошли с места. Они не взлетели, нет, это было бы несолидно для горных пиков. Они медленно поднялись и неторопливо опрокинулись, показывая раскаленную подошву. А затем, уже в воздухе, безмолвно рассыпались на обломки.

Это продолжалось около минуты. Затем с четвертого «голубого хребта» поднялась радужная мгла и скрыла летящие горы. Еще минуту спустя белая мгла с третьего хребта поглотила радужную. Взрывная волна неслась к убежищу, срывая снежные лавины со всех попутных хребтов.

И вот примчалась. Ударила с ревом, грохотом, присвистом. Стены вздрогнули, перископы ослепили... Погас свет, черная ватная тишина навалилась на людей.

Робкий огонек спички вспыхнул в углу, осветил усы.

— Вы целы. Анатолий Борисович?

— А вы, товарищ Лобанов?

— Непредвиденное осложнение. Кажется, нас завалила лавина. Впрочем, Хоменко знает, где находится убежище, нас откопают со временем. Наберитесь терпения, придется посидеть в темноте.

Трегубов потрясен. Он не думал о собственных неудобствах.

— Великолепно! Грандиозное — восхищался он. — Скажите же, наконец, что это такое?

— Лед.

— Обыкновенный лед?

— Ну да, лед, соединение водорода с кислородом. Вы же знаете, по Эйнштейну каждое вещество может быть источником атомной энергии. Уран взрывается сам собой, тяжелый водород «зажигается» урановым взрывом. Лед, оказывается, можно запалить антильдом. Реакция получается очень сложная, мы не разобрались во всех подробностях. Сначала происходит взрыв антивещества, вылетают мезоны, во множестве образуются мезонные атомы вместо обычных, в мезонных атомах легко возникает тяжелый водород, тяжелый водород взрывается, опять вылетают мезоны...

зе. В любой момент оттуда могла стартовать ракета и на Немезиду.

Следовало накопить заряд антильда. Антилед — вещество «навыворот», с отрицательными ядрами и положительной оболочкой, по виду ничем не отличается от обычного льда, но взрывается при малейшем соприкосновении со льдом, с водой, с воздухом, с любым веществом. Изготавливать его трудно и опасно, еще труднее сохранить. Лобанов держал антилед в специальных пустотных сосудах, где с помощью мощного электростатического поля антилед удерживался на весу, не прикасаясь к стенкам.

Потребовалось также подготовить обычные межпланетные расчеты, выбрать трассу ракеты, подсчитать влияние Земли, Луны, Солнца, планет, Немезиды. выбрать сроки и систему управления на все варианты прохождения. Работа эта была проделана заблаговременно, и, когда выяснилось, что Немезида пройдет на расстоянии девятисот тысяч километров, Лобанову нужно было только открыть шкаф и вынуть папку с вариантом № 93-А.

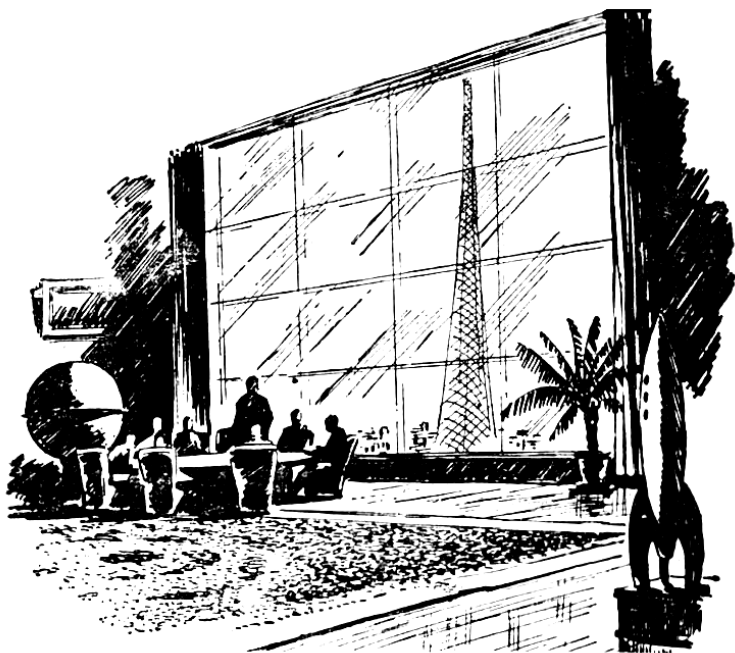
Папка эта и была представлена на историческое совещание 23 мая, где обсуждалась судьба двух планет.

Корреспонденты сохранили для нас все подробности этого совещания. Оно состоялось в кабинете Хоменко немедленно после Международной конференции. Вечер был душный, пришлось открыть окна. На одном из подоконников сидел Лобанов, поглаживая усы. Хоменко с указкой расхаживал возле схемы, где черной линией была изображена орбита Земли, красной — орбита Немезиды, пунктиром — новая орбита, после взрыва. В креслах сидели иностранные делегаты — голландец Ван-Бартельс, нигериец Нкурмба, Поль Дежан из Франции, Мухамед Али из Восточного Пакистана, Хуарес — чилиец и американец Джонс...

Начал Хоменко:

— Согласно уточненным данным, — сказал он, — вечером третьего июня Немезида пройдет на расстоянии девятисот тысяч километров от Земли и вызовет опустошительные

приливы, раз в десять больше нормальных. Я могу зачитать подробный список городов, которые будут затоплены и частично разрушены, когда волны невиданной высоты обрушатся на берега. Наша страна находится в сравнительно благоприятных условиях. У нас пострадает Архангельск, порты Дальнего Востока. Но Ленинград, порты Черного и Каспийского морей в полной безопасности. Иное дело на берегах океана. В Ла-Манше пройдет волна высотой в двадцатипятиэтажный дом. В Лондоне, Ливерпуле, Гамбурге будет чудовищное наводнение. Под водой окажется Голландия, половина Бельгии, половина Ирландии. Северная Франция... И хотя волна вскоре схлынет, разрушения будут неимоверны. Миллионы людей останутся без крова, тысячи погибнут от голода, холода, болезней... Поэтому я считаю необходимым использовать все возможности, чтобы отбросить Немезиду хотя бы на полтора миллиона километров.

— Это в наших руках, — отозвался Лобанов.

— По расчетам инженера Лобанова, — продолжал Хоменко, обращаясь к гостям, — атомный пожар во льдах Немезиды, который мы можем зажечь, придаст ей скорость около двадцати километров в секунду. Значит, чтобы отбросить Немезиду на безопасное расстояние, надо ударить заблаговременно — часов за восемь.

— И это в наших силах, — вставил Лобанов.

— Но скорость Немезиды велика. За восемь часов до прохождения она будет в девяти миллионах километров от нас. Наши межпланетные ракеты не так быстроходны. Чтобы успеть к месту встречи, надо стартовать немедленно, завтра же. Старт подготовлен. Мы хотели бы слышать ваше мнение: надо ли ударить?

— Безусловно! — сказал голландец.

— Мы надеемся только на вас, — добавил пакистанец.

— Мы не успеем достроить дамбы в дельте Ганга.

Делегаты Франции, Нигерии и США также проголосовали за огонь.

Чилиец кивнул головой.

И тогда Хоменко спросил неожиданно:

— А вы уверены, что мы имеем на это право?

Все поглядели на него с недоумением... Единогласно было решено зажечь на Немезиде атомный костер.

— Хорошо, — задумчиво сказал Хоменко, — ракету мы отправим. А там видно будет...

* * *

На следующий день ракета с грузом антильда стартовала на Кавказском межпланетном вокзале.

Иностранные гости провожали ее. Для этого им не понадобилось выезжать на Кавказ. Достаточно было подняться на лифте на пятисотметровую башню нового телевизионного центра.

У подножия башни они вошли в закрытый лифт, кабина вздрогнула, глухо загудел мотор — и за минуту электриче-

ский «джин» перенес их в заоблачный мир с белыми, тугими, словно подушки, облаками. Подернутые дымкой кубики в просветах между облаками — вот все, что осталось от Москвы.

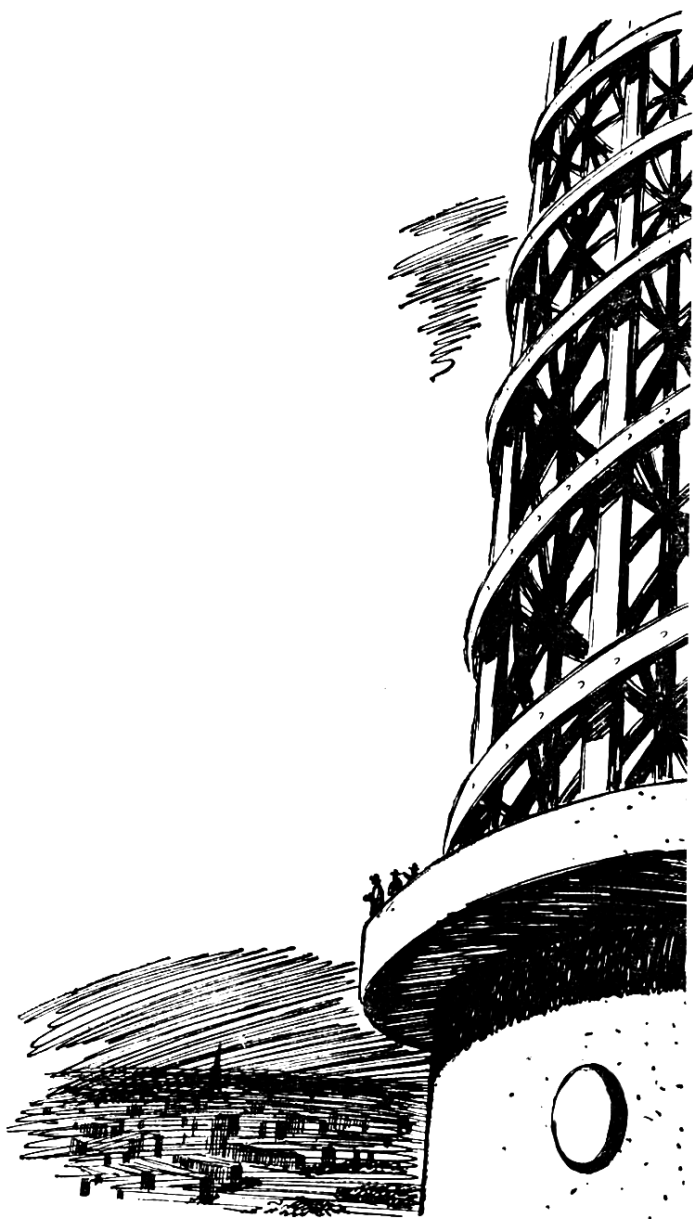
Затем Хоменко открыл дверь — и новое волшебство: гости оказались в кабине ракеты. Два круглых светящихся окна смотрели из нее: на переднем виднелось звездное небо, на заднем — морщины, усеянные белыми пятнами, — так выглядели Кавказские горы и тучи с высоты двухсот километров.

Комната на башне была специально оборудована для наблюдения ракет-автоматов. На этих ракетах не было людей — человеческие глаза заменяли телепередатчики. Один из них передавал изображение на передний экран, другой — на задний. И наблюдателям казалось, что они сидят в ракете, могут смотреть вперед, могут оглянуться назад — на Землю.

Кабина с экранами давно стала вторым кабинетом Хоменко. Не выходя из нее, он совершил немало замечательных путешествий. Он видел, как выглядит земной шар с высоты тысячи, десяти тысяч и ста тысяч километров. Видел, как лик Луны с глазами, ртом и темной щекой превращается в чужой мир с кольцеобразными горами, видел, как Луна поворачивается на экране, впервые показывая людям свой затылок. И позже, когда в подлинной ракете Хоменко летал на Луну, ему все казалось, что он уже побывал там; столько раз разглядывал он каждую гору, так примелькались ему лунные виды.

Ракеты стартовали с Кавказа на восток — на Луну и на Немезиду одинаково.

Начало пути было знакомо Хоменко, как выезд из дачи на шоссе. Указывая на бесформенные серые и белые пятна, он уверенно называл Кара-Богаз, Аральское море, Ферганскую долину, Иссык-Куль. Гости удивлялись. Они не узнавали ничего. Их сбивали облака, искажавшие географические очертания, ярко-белые, словно пятна известки на карте.

Над Западным Китаем через несколько минут после старта ракета вступила в ночь. Задний экран потух, стал глухо-черным. А на переднем все ярче блистали звезды. Среди них без труда можно было отыскать Немезиду. Она находилась все еще в поясе астероидов и выглядела не ярче, чем Марс.

Потом на заднем экране показался свет, и в круглую раму его вписался громадный серп. Но это была не Луна, а наша Земля. Серп, в отличие от лунного, был разноцветный — с розовой дымкой на грани дня и ночи, со стальными морями, голубоватыми лесами и ярко-белыми снегами на одном из рогов.

В дальнейшем зрелище стало менее интересным. На переднем экране сверкали все те же звезды, на заднем виднелись два серпа — земной и лунный, как бы две буквы «С» — заглавная и строчная. Маленькое «С» двигалось проворнее, обгоняя большое. Оба постепенно уменьшались, превращались в яркую двойную звезду. Глядеть на двойную звезду сзади и одинокую впереди было неинтересно. И гости и сам Хоменко посещали башню только раз в сутки, не чаще, чтобы удостовериться, что ракета не отклонилась от рассчитанной трассы.

Так продолжалось вплоть до решающего дня 3 июня.

* * *

Хоменко приехал на башню часа в четыре утра. В этот час обычно на московских улицах светло и пустынно. Город кажется покинутым. Но сегодня во всех окнах виднелись головы, на тротуарах и мостовых стояли группы людей и все смотрели в одну сторону, на запад, где висела непривычно яркая звезда.

Лифт вознес Хоменко над Москвой. В телевизионном кабинете было тесно. Перед каждой панелью, перед каждым экраном сидели наблюдатели: кто с блокнотом, кто с киноаппаратом. Деловитый Лобанов подошел к Хоменко, крепко встряхнул ему руку.

— Я попрошу вас распорядиться сегодня, — сказал Хоменко. — Старайтесь не отрывать меня от экрана. У меня особая задача — понять природу Немезиды. И не забывайте, что за минуту до встречи я могу отменить взрыв.

— Лучше минут за пять, — уточнил Лобанов. — Ведь наша радиограмма будет идти тридцать секунд и нам нужно еще развернуться, выйти из поля тяготения.

Хоменко занял место перед специальным третьим экраном. Он был связан с телескопом, стоящим на ракете. На этом экрана Немезида выглядела, как полная Луна. На обсерваториях Немезида получалась крупнее, но беспокойная земная атмосфера смазывала детали, превращала диск в волнующееся отражение. Ракета же летела в безвоздушном пространстве, ее передатчик давал подробности с безупречной четкостью.

На темном экваториальном поясе Хоменко разглядел черные крапинки, которые располагались рядами. Вулканы? Что же это за вулканы, возникающие в шахматном порядке?

Сероватые пятна были замечены астрономами уже месяц тому назад. По традиции, их называли морями, хотя всем понятно было, что в этих морях, как в лунных и марсианских, нет воды. Астрономы многих стран нанесли моря на карты, поторопились дать им имена. Теперь Хоменко мог бы при желании уточнить карту, обогатить ее множеством заливов и бухт. Но что это давало? Не очертания пятен, а их природа была важна.

Диск Немезиды рос почти на глазах. Хоменко осматривал его методично от полюса до полюса и каждый раз отмечал новые подробности. Вот на серых пятнах проступили белые жилки. Их можно проследить и на белых пятнах, но там они кажутся сероватыми. Что это такое? Возможно, горные хребты. На снежных равнинах заметнее голые каменные склоны. На сером фоне выделяются снежные вершины. Да, жилки похожи на горы, но на земные, не на лунные. На Луне горы кольцеобразные. Видимо, они характерны для небольших небесных тел без атмосферы. Немезида ближе к Земле по размерам, и горы там похожи на земные.

Проследим, как ложатся жилки. Нарисуем на отдельном листе. Так, так! Уже можно уловить систему. Вот широтный пояс, еот меридиональный, а здесь совсем нет гор, скорее всего это замерзшие океаны. Океаны занимают две трети поверхности, примерно как на Земле. Горы, как на Земле, и океаны, как на Земле! Почему же насквозь промерзшая Немезида так похожа на Землю?

За размышлениями часы идут быстро. Немезида заметно выросла. Снова можно осмотреть темные пятна. Подробностей никаких. Нет ли системы в их расположении? Пожалуй, есть — больше всего пятен в умеренных поясах и поблизости от экватора. А у полюса и возле тропиков их нет. Сравним с Землей. На Земле так располагаются леса.

Но какие же леса при двухсотградусном морозе вдали от Солнца? Ведь Немезида явилась из вечной тьмы...

Хоменко вскакивает и садится. Он задыхается от волнения. Какая жалость, что он не может вместе с ракетой перенестись на Немезиду! Какая жалость, что судьба Архангельска, Голландии и Ирландии заставляет нас отталкивать Немезиду, вместо того чтобы придвинуть и рассмотреть ее получше!

Допустим, люди переселились бы на Немезиду. Конечно, они бы заняли долины степных рек, поставили бы города в устьях рек, вершинах дельт...

А это бесформенное пятнышко — не остатки ли города?

Мчится мимо Земли гигантский музей. Уничтожить его, сжечь атомным огнем — почти преступление перед наукой.

— А Лейденский университет, музеи Амстердама и Гааги, Роттердамский собор, — напоминает голландец.

— Да, приходится жертвовать Немезидой!

Мешает сосредоточиться Лобанов:

— Виталий Григорьевич, обратите внимание на цифры. Целый поток частиц с высокой энергией!..

И вдруг... Немезида исчезает. Слышится треск. Широкие светлые полосы бегут по экранам. Даже с панелей исчезли цифры, показывающие расстояние до Немезиды.

Ох, уж эта техника! Обязательно подводит в критическую минуту... Исправляйте, товарищ Лобанов!

Зря пропадают драгоценные минуты. Монтеры с растерянными лицами заглядывают под крышки аппаратов. Ток есть, но все экраны не работают. Причина какая-то простая, общая, единая для всех...

— В пространстве что-то происходит. Какая-то зона не пропускает радиоволны, — говорит Лобанов. — Могут быть там облака ионизированного газа? Или узкие потоки космических лучей?

— Все может быть. Много неведомого в пространстве.

— Попробую на самых коротких волнах, — бормочет Лобанов.

— Эх, лучше бы я сидел на какой-нибудь обсерватории! Доброе старое стекло надежнее, — говорит Хоменко и идет к телефону.

В Европе Немезида сейчас не видна. Межпланетный комитет связывает его с Пекинской обсерваторией.

— Наблюдают ли там Немезиду?

— Видим хорошо, — отвечают китайцы.

— А ракету?

— Нет, ракета слишком мала, чтобы разглядеть ее...

— По расчетам, через четыре минуты встреча, — говорит Лобанов.

На экранах по-прежнему широкие светлые полосы.

— Ну так что же — щадить Немезиду?

— Давайте сигнал взрыва!

Лобанов нажимает кнопку. Взрывать приходится вслепую. Сейчас ракета грохнется на льды Немезиды и начнется пожар.

Осталась одна минута.

Сейчас!

И еще тридцать секунд свет вспышки будет лететь до Земли. Пекин! Видите вы Немезиду? Она вспыхнула?

— Нет.

Вспыхнула?

— Нет.

— А сейчас?

— Нет.

И минуту спустя:

— Нет.

Хоменко кладет трубку.

Удар не состоялся. Отсчитывая триста километров каждую секунду, Немезида приближалась к Земле, и уже никто не мог ее отбросить.

Отсчитывая триста километров каждую секунду, Немезида приближалась к Земле, и уже никто не мог ее задержать.

Неужели космическая катастрофа?

Эти последние тревожные дни Трегубов провел за рубежом.

В минуту опасности человек становится откровеннее, открывает свое подлинное лицо: патриот спасает знамя, трус — свою шкуру, скупец — деньги, изобретатель — свой труд.

В эти дни Анатолий Борисович увидел капиталистический мир без прикрас. Сразу же после окончания конференции он выехал на побережье, где имелись специальные машины для расчета приливов. Казалось бы, задача проста:

стой у машины, следи за цифрами, исключай ошибки. И Трегубов собирался всю неделю провести в машинном зале. Но вместо этого ему пришлось по восемь часов в день принимать посетителей, объяснять, уговаривать, спорить, доказывать.

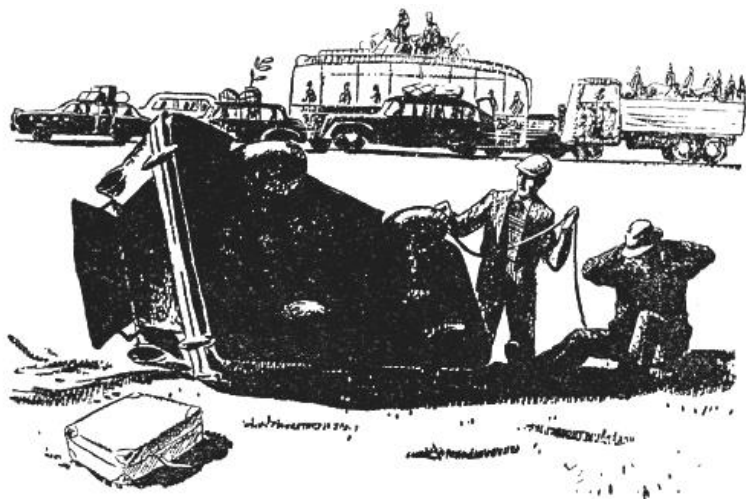
Некоторые визитеры только расспрашивали. Они не доверяли властям, желали убедиться, что опасность действительно угрожает (или не угрожает) их собственному дому, их собственной лавочке, собственной фабрике. Но были и такие посетители, которые не только спрашивали, но и пытались повлиять на расчет. Владелец завода хотел вывезти оборудование и требовал затопляемую зону объявить незатопляемой, чтобы беженцы не загромождали дорогу... Владелец железной дороги хотел незатопляемые районы зачислить в угрожаемые, чтобы ему заплатили тройную цену за проезд туда и обратно. Получив отпор у Трегубова, спекулянты шли к его помощникам, к техникам, к землемерам, к корректорам. Анатолию Борисовичу приходилось проверять каждый документ: всюду находились «нечаянные ошибки». Он уволил двух недобросовестных работников — на другой день пришло анонимное письмо с угрозами...

— К кому вы послали меня? Я не привык к такой обстановке! Здесь не люди, а беснующиеся частники! — жаловался Трегубов Жевьеру.

— Вы ошибаетесь, — сдержанно отвечал тот. — Просто настоящие люди не надоедают вам, они добросовестно выполняют распоряжения. И вы их не замечаете, видите только дрянь, которая сопротивляется. Впрочем, — добавил он с грустью, — читайте газеты. Вы увидите, что и меня осаждает всякая мразь.

Жевьер занимался снаряжением «наследников человечества». Из ста четырнадцати человек в его стране надо было набрать двенадцать. Но вокруг этих двенадцати поднялась свистопляска.

В чистые руки хотел передать Жевьер наследие человечества. Он намеревался послать в пространство людей молодых, сильных, здоровых и умных.

Но сразу же получил «сюрприз»: один из кандидатов, которому разрешили ехать с женой, срочно развелся и женился на дочери миллионера — парфюмерного фабриканта. Миллионер хотел купить таким способом безопасность своей наследнице...

Жевьер надеялся отобрать знающих людей, специалистов своего дела. Солидная газета «Экономист», сорок лет уверявшая, что в стране исчезла противоположность между трудом и капиталом, потребовала справедливости. «Половина мест должна быть отдана нанимателям, половина — наемным служащим», — утверждала она.

— Ни одного негра за пределы Земли! — надрывалась заокеанская «Южная газета».

А некий сенатор внес в сенат запрос: «Не угрожает ли всеобщей безопасности посылка в пространство не проверенных сенатской комиссией людей? Ведь они будут располагать всеми секретами человечества».

И вот наступил решающий вечер — 3 июня. Немезида взошла на востоке, как только закатилось солнце. И толпы встревоженных наблюдателей ахнули. Да, теперь все убедились, что опасность приближается. Еще вчера на небе вид-

нелась лишняя звезда, пусть очень яркая, но все же звезда. А сейчас над крышами и деревьями медленно всходило золотое яблоко, нечто невиданное — не звезда и не Луна.

Анатолий Борисович в этот час подъезжал к столице. Дорога была забита беженцами. Трегубов потратил полдня на каких-нибудь полтора-два километра. По шоссе мчались грузовики с мебелью, легковые машины с чемоданами, навьюченными на крыши, шли пешеходы с узлами, везли имущество в детских колясочках, садовых тачках. На перекрестках какие-то люди врываются в машину Трегубова, требовали места, размахивая деньгами или револьверами. У мостов возникали пробки, автомобили сталкивали друг друга под откос. Не было порядка, не было полиции, одни лишь мятущиеся толпы, повторяющие самые дикие слухи.

И в столице на улицах стояли люди. Проехать было невозможно. Трегубов выбрался из машины, чтобы пешком дойти до Дворца науки, нырнул в толпу... и почувствовал себя щепкой в водовороте. Толпа бурлила, в ней возникали струи, потоки, завихрения. Трегубова понесло в какой-то переулок, затем через проходной двор к уличному телеэкрану. Хорошенькая дикторша со слипшимися от краски ресницами мрачно вещала:

— До Немезиды сейчас шесть миллионов километров, господа!

Магазины были закрыты железными ставнями, бойко торговали только винные лавки. Во многих местах пьяницы, возмущенные тройной ценой, врываются силой и даром забирали бутылки. Вместе с алкоголиками лавки громили и полицейские. В подворотнях кричали: «Караул, грабят, на помощь!» Грабители рангом повыше не лезли в карман, они навязывали билеты на Обетованные Антиподы, места в несуществующих ракетах, новейшие гороскопы «с научным» предсказанием судьбы. Небранный монах, подпоясанный веревкой, продавал отпечатанные на машинке пропуска в рай. На пропусках был указан номер райских врат, печать апостола Петра и приписка: «Подделка преследуется вечным проклятием».

— Немезида приближается! До нее пять миллионов километров, господа!

С величайшим трудом Анатолий Борисович прорвался на площадь Дворца науки. Перед монастырской стеной на коленях стояли монашки и пели нестройным хором. Священник в белой одежде призывал окружающих присоединиться. Какие-то кликуши бились лбом об асфальт, визгливо крича о своих грехах.

— Немезида приближается!..

Эти слова звучали как припев к трагическому хору испуганных, оплакивающих свою гибель.

Седой старик в очках, назидательно тряся пальцем, утешал собравшихся:

— Господа литераторы не раз описывали сближение миров. У Герберта Уэллса есть роман о проходящей комете и рассказ о проходящей звезде. Все сбывается точно, каждая строчка. Пожары, потопаы и наводнения. Но потом звезда пройдет, и все станет лучше на Земле. И теплее, и люди разумнее...

Для чего-то по радио начали передавать корреспонденцию с побережья. Развязный диктор сообщил скороговоркой:

— Мы стоим перед полосой отлива. На обнаженном дне в лужицах ползают крабы. На горизонте гигантский вал. Он наступает. Вы слышите шум? Вот уже первая волна набегала на берег. Пляж под водой. Всплыли купальные кабинки, лежанки, соломенные кресла. Вода подступает. А вот на пороге рыбацкой хижины я вижу старика. Почему вы не уехали, дедушка? Вы не боитесь прилива? Скажите нашим радиослушателям.

И шамкающий голос раздался на площадях столицы:

— Отстаньте, все вы с ума сошли. Семьдесят лет я вижу прилив и отлив. Вода никогда не доходила до моего дома. При чем тут звезды? Звезды и приливы были и есть. Все на своем месте...

— Немезида приближается! Четыре миллиона километров до нее! В девять вечера по телевидению передали про-

щение с наследниками. Три ракеты, принадлежавшие родине Жевьера, готовились покинуть Землю. Словно три свечки у изголовья усопшего, стояли они торчком на ровном поле. Наследники, одетые в скафандры, прощались с рыдающими родственниками...

— Немезида приближается, господа!

Не надо было напоминать. Все и так видели, что она приближается. Золотое яблоко превратилось в апельсин, апельсин все рос и рос. Хорошо виден был знаменитый пояс-сок на экваторе и пятна, подобные лунным морям. Потом взошла и Луна. Она была больше по размеру, но светила, пожалуй, слабее. У Луны свет был латунно-желтый, а у Немезиды почти белый, даже с голубизной. Сверкала она так, что глазам было больно.

Часам к десяти вечера диски Луны и Немезиды сравнялись. На небе сияли как бы две Луны, обе на ущербе, освещенные — слева, темные — справа. Они сближались, причем зрителям казалось, что Луна догоняет Немезиду. Словно отважный одинокий воин, вышла она навстречу пришельцу. Снова поползли слухи о столкновении, о том, что Луна рухнет на Землю и всех раздавит.

— До Немезиды два миллиона километров, господа!

Луна и Немезида сближались. Два светлых круга сияли рядом. Вот они слились, превратились в восьмерку.

Но столкновения не было. Немезида проходила гораздо дальше Луны. На левом краю Немезиды обозначилась явственная выемка. Луна заслоняла ее край.

Первое и последнее в истории затмение Немезиды продолжалось около двух минут. Вскоре ее край появился вновь. Сначала на левой «щеке» Луны показалась припухлость, как бы флюс, затем Луна растянулась, превратилась в восьмерку, раздвоилась. И снова два светила сияли рядом, одно ярче другого.

Хорошенькое лицо дикторши появилось снова.

— До Немезиды миллион семьсот тысяч километров, — сообщила она безрадостно. — Измерения продолжают непрерывно...

Трегубов в это время стоял во Дворце науки рядом с Жевьером и флегматичным Липпом. Каждые три минуты они получали сообщения от радиолокаторов, каждые три минуты остро отточенным карандашом Липп ставил точку на миллиметровке, тонкой линией соединяя ее с предыдущими. И три головы склонялись над графиком, чтобы по форме чуть изломанной линии угадать судьбу планет.

— Чувствуешь обидную беспомощность, — сказал Жевьер. — Эта Немезида издевается над наукой. Лучшие силы мировой науки вычислили график ее движения. А она идет по-своему, совсем иначе.

— Но кривая плавная, и она приближается к экстремуму, — заметил Липп. — Закон движения достаточно прост.

Жевьер не согласился:

— Сейчас кривая плавная, но она переломилась двадцать третьего мая и вторично переломилась сегодня днем. Откуда мы знаем, куда повернет Немезида через минуту.

Так выглядела для них мировая трагедия. Цифры и точки, цифры и точки. По точкам строилась кривая — плавная или изломанная. Плавная вела к спасению, перелом — к катастрофе.

Новые сведения. Точка ложится в стороне от кривой, заметно ближе к Земле. Перегиб или ошибка локатора? Следующее измерение покажет. Надо подождать три минуты.

Три минуты напряженного молчания. Хорошо, если ошибка, А если перегиб? Страшно подумать, к чему приведет перегиб. Это уже не приливы, не потоп — это гибель!.. Точки и цифры, цифры и точки! Глядя на них, Жевьер багровеет, бледность покрывает лицо Липпа, Трегубов втягивает голову в плечи, как будто удар состоится сейчас, в это мгновение. Медленно ползет секундная стрелка. Липп длинным желтым от табака ногтем проводит на миллиметровой черту:

— Все будет кончено, если Немезида дойдет до сих пор...

...Анатолий Борисович приехал на телевизионную студию в десять часов тридцать минут.

И в телетеатрах, на площадях и улицах города, в квартирах и клубах возникли сотни тысяч Трегубовых. Сам того не ощущая, Анатолий Борисович заглянул в миллионы глаз. С первых же его слов все обернулись к нему. Даже монашки на площади прекратили пение. Затаив дыхание город смотрел на губы Анатолия Борисовича. Что они скажут: «Живите!» или «Прощайтесь, люди!»

И, как бы почувствовав общее нетерпение, Анатолий Борисович набрал воздуха в легкие и крикнул:

— Она удаляется! Опасность миновала!

Он говорил еще о том, что орбита Немезиды вновь изменилась. Она прошла на шестьсот тысяч километров дальше, чем предполагалось, и даже прилив будет не в девять раз, а только в полтора раза больше обычного. Но никто уже не слушал эти подробности. Опасность миновала! Тысячи и тысячи людей восторженно целовали телевизоры,

где еще виднелось лицо Трегубова. На улицах гремели крики «ура». Незнакомые люди обнимались, молодые и старики пускались в пляс. Пьяницы, пившие по случаю гибели, требовали вина, чтобы выпить за спасение. Монашки, только что просившие бога пустить их в рай, запели еще громче, хваля Бога за то, что он избавил их от рая...

И Немезида прошла. Была — и нет ее. Исчезла, как наваждение,

как дурной сон. К утру вторая Луна превратилась в золотое яблоко, а на следующее утро и яблока не осталось. Над горизонтом взошла вторая утренняя звезда.

Люди опомнились. Хитрецы, наловившие рыбки в мутной воде, уселись подсчитывать барыши. Простаки, попавшие в сети, очнулись голыми и нищими. Впрочем, многие из них радовались: «Спасибо, что сами целы». Жулики вновь попрятались, спекулянты занялись другими делами, и только священнослужители не забывали Немезиду. «Господь бог внял нашим молитвам и отвел карающую длань, — утверждали они. — Помните о последнем предупреждении, люди, не переполняйте чашу. Только молитвой, постом и щедрыми даяниями церкви вы избавите себя от новой Немезиды».

Ученые страстно спорили: что же такое Немезида? Им так и не удалось рассмотреть ее как следует. В сущности,

только ночь на третье июня была благоприятной для наблюдений. Но именно в эту ночь все астрономы решали другой вопрос: как пройдет Немезида, не столкнется ли она с Землей? А затем с каждым часом условия для наблюдений становились все хуже. Немезида удалялась со скоростью триста километров в секунду. Через сутки она выглядела, как Венера, и наблюдать ее было не легче. В довершение трудностей Немезида перешла теперь на дневное небо. Она приближалась к Солнцу и тонула в его лучах. Восьмого июня она прошла свой перигелий — точку, ближайшую к Солнцу. Девятого Немезиду видели в последний раз. Солнце затмило ее окончательно.

И затем Немезида исчезла. Что произошло с ней?

Некоторые предполагали, что она упала на Солнце и растаяла, как капля стеарина. Ждали, что на Солнце будет новое пятно, как бы шрам от удара. Но даже пятна не оказалось. Неужели Немезида испарилась бесследно? А может быть, она не падала вообще, просто Солнце заслоняло ее от нас, а затем астрономы не сумели разыскать странницу где-то за орбитой Юпитера?

Если вопросов слишком много, а ответов ни одного, интерес к делу падает. Упал интерес и к Немезиде. По той или иной причине она удалилась навеки и уже не могла волновать жителей Земли. Даже астрономы меньше рассуждали о ней.

И никто не предполагал, что вскоре Немезида снова будет у всех на устах и газеты всего мира опять будут твердить: «Немезида, Немезида, Немезида!..»

Итак, Немезида исчезла. Интерес к ней потеряли даже специалисты. Люди занялись очередными практическими делами: среди них было одно, связанное с космосом.

В связи с посылкой 114 наследников в мировое пространство в различных странах были оборудованы межпланетные корабли. Когда опасность миновала, они благополучно вернулись на Землю, истратив только горючее. Встал вопрос: на что употребить этот могучий межпланетный

флот? Не направить ли совместные усилия на покорение Марса и Венеры? Для обсуждения этой проблемы была созвана международная конференция.

Анатолий Борисович присутствовал на ней и, конечно, выступал. Речь его была записана на проволоку, поэтому можно воспроизвести ее слово в слово. Если хотите, вы можете услышать даже аплодисменты, приветственные крики и чей-то голос, произносящий: «Это тот, который открыл Немезиду?»

Очевидно, Анатолий Борисович услышал эти слова, потому что начал свою речь так:

— Некоторые связывают мое имя с Немезидой. Действительно, так уж случилось, что последние полгода я пишу, говорю и думаю только о Немезиде.

Вот и сегодня, хотя все мы собрались, чтобы обсуждать полет на Марс, я намерен сказать несколько слов о Немезиде. Надеюсь, что это небольшое отступление не будет идти вразрез с повесткой дня.

Так вот, чтобы благополучно вернуться из путешествия домой, нужно, само собой разумеется, знать адрес дома. На Земле это не проблема, а в космосе не так просто. Ведь наш дом — земной шар — движется в пространстве со скоростью около тридцати километров в секунду. До сих пор мы знали маршрут Земли достаточно хорошо. Но вмешалась Немезида (опять она!) и нарушила земную орбиту.

В момент наибольшего приближения Немезида притягивала Землю раз в тридцать слабее, чем Солнце. Одна тридцатая — величина все же заметная. Своим притяжением Немезида исказила земную орбиту, внесла возмущение, как говорят астрономы. Зная это, мы внимательно изучали возникшие изменения, и оказалось, что не все они объясняются кратковременным прохождением Немезиды.

Я могу уведомить вас, друзья, что земной год удлинился на целых 18 минут! Удлинилась земная орбита, она изменила свою форму. Раньше мы обращались вокруг Солнца по эллипсу, теперь по кругу. Я сказал: «Мы обращались вокруг Солнца», — это не совсем точное выражение. На самом де-

ле мы и Солнце обращались вокруг общего центра тяжести. Мы описывали громадный путь, но с гордостью можем сказать, что Земля передвигала и Солнце примерно на девятьсот километров за полгода. Теперь, увы, Солнце не двигается. Центр тяжести совпадает с центром Солнца. У нас появился как бы противовес, находящийся за Солнцем и по массе равный Земле. Откуда взялся противовес? Я могу дать только одно объяснение: Немезида не ушла. Она не упала на Солнце и не сгинула в мировые просторы. Немезида застряла в солнечной системе, и, как нарочно, на земной орбите, и, как нарочно, движется с такой же скоростью, как Земля, так что Солнце заслоняет ее от нас.

Я дважды повторил «как нарочно», и, пока я буду говорить о Немезиде, мне все время придется твердить: «как нарочно, как нарочно...» Еще не бывало небесного тела, движения которого отличались бы таким набором нарочитых случайностей.

Немезида прибыла к нам — об этом можно говорить с уверенностью — из системы сравнительно близкого к нам солнца, от звезды 7327. Примерно одиннадцать тысяч лет назад, когда астрономическая наука у нас еще не существовала, чудовищный взрыв выбросил в пространство один из спутников звезды 7327 — планету, которую мы назвали Немезидой. Но выброшенная нечаянным взрывом планета, как нарочно, угодила в одну из ближайших систем — в нашу Солнечную. Событие почти невозможное, астрономы понимают это. Если я сейчас выстрелю, зажав глаза, и убью лисицу в соседнем лесу, такая удача вероятнее, чем попадание Немезиды в солнечную семью.

И все же она попала к нам. Пролетев одиннадцать тысяч лет по инерции, Немезида явилась в солнечную систему. Здесь оказалось просторно, Нептун и Уран остались правее. Сатурн и Юпитер — левее. И вдруг досадная неприятность, мелочь: какая-то Лапута должна грохнуться на Немезиду. Но как раз в это время на Немезиде возникают таинственные вспышки. Благодаря им или по другой причине ее движение притормаживается, и Лапута успевает проскочить.

Дальше. Немезида приближается к Земле. Столкновение не угрожает, но ожидаются беспрецедентные приливы, настоящий потоп на Земле. Однако за несколько часов до прохождения возникают новые вспышки, и Немезида меняет орбиту. Ее относит в сторону, она, с позволения сказать, объезжает Землю, как автомашина объезжает застрявший на дороге воз. Снова счастливая случайность! Немезида проходит на шестьсот тысяч километров дальше, Земля избавляется от катастрофических приливов, а сама Немезида от еще более грозной опасности. Не секрет, что мы хотели оттолкнуть Немезиду, устроив на ней атомный пожар. Но мы стреляли по движущейся цели, а цель метнулась в сторону, и пуля наша не догнала ее.

Следующие вспышки наблюдались девятого июня, когда Немезида уже удалялась от нас. По-видимому, эти вспышки, самые сильные и продолжительные, сняли чудовищную скорость. Сняли, как нарочно, вовремя. И Немезида осталась с нами — новый член семьи, собрат в солнечной системе.

В прессе неоднократно высказывались мысли о том, что Немезида когда-то была пригодна для жизни. В атмосфере там имеется кислород, на поверхности — снег, то есть замерзшая вода. Конечно, жизнь, если она и существовала там, за последние одиннадцать тысяч лет была выморожена без остатка. Но в благоприятных условиях жизнь могла бы возродиться. И что же мы видим? Немезида останавливается на орбите, наиболее удобной для жизнедеятельности белка. Ближе к Солнцу жарко, дальше от Солнца холодно. На Земле условия для жизни лучше, чем на Марсе или на Венере. И Немезида, как нарочно, выбирает земную орбиту и, как нарочно, занимает на ней самую устойчивую позицию, так, чтобы не мешать Земле и чтобы Земля не мешала Немезиде.

Не слишком ли много нарочитых случайностей, не слишком ли много счастливых совпадений? И не кажется ли вам, дорогие друзья, что Немезида совсем не похожа на блуждающее небесное тело? Скорее, она напоминает меж-

планетный корабль, летящий от одной звезды к другой и по пути обходящий препятствия...

Из зала мне кричат: «Великовата ракета. Пассажиры с Америку ростом, что ли?» Минуточку терпения! Я поставил вопрос, он требует ответа. Сейчас объясню, что я имею в виду.

Представьте себе, что вы живете не под нашим Солнцем, ласковым и щедрым, а в окрестностях другого — красноватого, с большими темными пятнами, с температурой поверхности всего лишь в три тысячи градусов, совершенно достаточной для электрической печи, а для Солнца слишком скромной. Вы живете под лучами немощного, умирающего солнца, которое в наших каталогах числится как звезда 7327.

Вы жители ближайшей к солнцу планеты, так как только на ближайшей хватает тепла. И называете свою планету Немезидой.

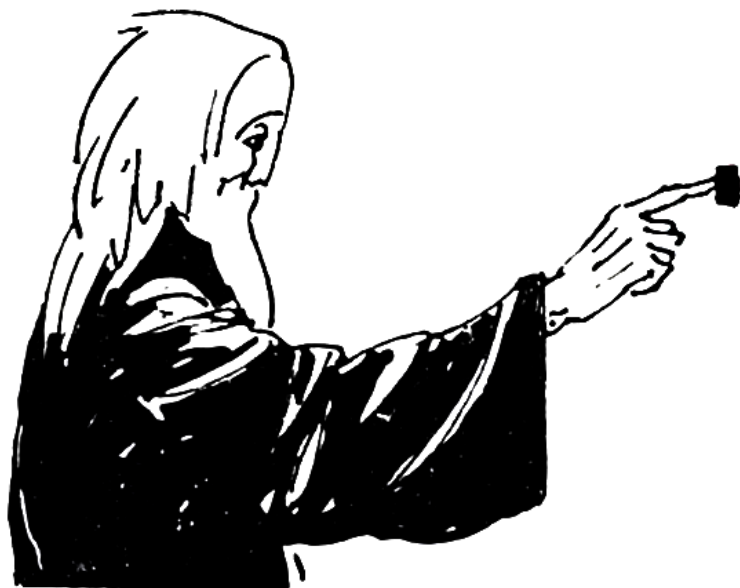
У вас длинные зимы и прохладное лето. Но к длинным зимам вы приспособились, не в том беда. Хуже всего, что холодные красные звезды, похожие на 7327, светят неравномерно. Они заплывают огромными пятнами и могут подарить вас тысячелетней зимой. А жизнь, друзья мои, любит режим — условия устойчивые и равномерные. Ей нужно, чтобы лето бывало каждый год, чтобы каждый год регуляр-

но собирались урожай. И перед жителями Немезиды стояла неведомая нам проблема — создания тысячелетних запасов пищи, проблема возобновления растительности, проблема вековых прогнозов температуры и светоотдачи их нерадивого Солнца.

И вот, допустим, получен прогноз: «Наступают тяжелые времена. В ближайшие сто тысяч лет солнышко будет светить худо. Планету засыплет снег. В умеренных странах начнется оледенение. Растительность вымерзнет даже на экваторе...»

Как спастись? Ученые ломают головы. Уничтожить пятна, оживить солнце им не под силу. Зарыться в грунт, жить в пещерах, выращивать там злаки при искусственном освещении? Но кто знает, какие еще условия будут через сто тысяч лет? И не хочется, чтобы дети, внуки и правнуки твои жили под землей, как кроты.

Тогда возникает смелая идея. «Давайте покинем наше выдохшееся Солнце, — говорят ученые Немезиды. —

Переселимся к другому Солнцу, зрелому, полному сил, хотя бы к тому, которое сверкает яркой звездой в созвездии Рыб».

Переселиться к другому солнцу! Разве это мыслимо? Да, дорогие друзья, мыслимо. При современном состоянии земной техники невозможно, но уже мыслимо. Нужно только добывать атомную энергию из любого вещества, не только из урана и водорода, и в совершенстве управлять этой реакцией. Грубо говоря, если превратить в лучи тысячную долю ракеты, все остальное полетит в противоположном направлении в тысячу раз медленнее света. Именно так и сделали жители Немезиды. Они превратили в лучи тысячную долю своей планеты, выпустили эти лучи снопом и вылетели из своей солнечной системы со скоростью около трехсот километров в секунду. Это случилось одиннадцать тысяч лет назад. Немезида ушла из своей солнечной системы, выбросилась из нее.

После торжественного и грустного праздника прощания какой-нибудь древний старик, старейший житель планеты, нажал кнопку старта, и Немезида погрузилась в глубокий сон.

А жители? Неужели все они пожертвовали собой ради отдаленных потомков? Не думаю. Вероятно, они заснули. Наши врачи научились с помощью наркотиков и холодной воды затормаживать жизнь и сознание на несколько часов. Жители Немезиды — существа, умеющие перегонять планеты, — наверное, сумели погрузиться в сон на одиннадцать тысяч лет. Во всяком случае, я бы посоветовал им решить проблему анабиоза, прежде чем отправляться в путь.

И вот, в глубоких пещерах, они уснули, как пассажиры ночного экспресса, чтобы проснуться к утру, когда поезд будет подходить к станции назначения.

Остались только дежурные — для наблюдения, для управления, для ремонта, для того, чтобы сохранять спящих. Они тоже жили под землей рядом с холодильниками-спальнями и по радио управляли атомными реакциями.

Изредка в герметических скафандрах они выходили на поверхность и, стоя по колено в жидком воздухе, проверяли положение Немезиды, высчитывали, сколько пройдено, сколько осталось. Закончив срок дежурства, они будили, лучше сказать — «оттаивали» очередную смену, а сами отправлялись «соснуть» несколько тысяч лет до прибытия.

Для спящих время проходит быстро. Немезида безмолвно мчалась в пространстве, а у нас на Земле за это время родилась цивилизация, возникли и пришли в упадок Египет, Вавилония, Рим и Афины, рабовладельческий строй сменился феодальным, вырос капитализм с машинной промышленностью, и, наконец, появились мы, строители коммунизма. Пришел век атомной энергии... А Немезида все шла и шла на свидание к нам, отсчитывая 300 километров каждую секунду.

И вот решающий год. Оранжевая звезда в созвездии Рыб, которую мы называем Солнцем, стала Солнцем и для Немезиды. Задымился, испаряясь, замерзший воздух, странствующая планета вновь окуталась атмосферой. Дежурные астрономы жадно изучали солнечную систему. Они открыли Нептун, Уран, Сатурн... и нашу Землю тоже! Кто знает, как они ее назвали, в честь какой упраздненной богини? Они любовались кольцами Сатурна; полосатый Юпитер проплыл в стороне. Для невооруженного глаза он выглядел, как горошина. Затем — это было семнадцатого мая по нашему летосчислению — радиолокаторы Немезиды отме-

тили приближающийся астероид — Лапуту. Летящая гора грозила рухнуть на Немезиду, взорвать кусок поверхности, раздавить множество пещер. Но путники своевременно включили атомные вулканы и притормозили Немезиду. Столкновение не состоялось. Второй раз они включили реакторы утром 3 июня, чтобы обойти Землю, избавить нас от разрушительных приливов и себя от атомного пожара.

Почему мы не воспользовались этим моментом, чтобы высадиться на Немезиду? Я скажу откровенно: мы хотели бы высадиться. Но Немезида шла слишком быстро. Чтобы спуститься на нее благополучно, нужен был межпланетный корабль, способный развить скорость более трехсот километров в секунду. Таких кораблей у нас нет. На ракете, посланной нами, стоял телепередатчик, мы надеялись рассмотреть Немезиду вблизи. Но Немезида изменила курс, и наша ракета промахнулась тысячу на двести километров. Вины нашей тут нет. Будь перед нами бессмысленная каменная глыба, мы отшвырнули бы ее. Но Немезида не глыба, это пассажирская планета с разумными машинистами. Как и мы, они стремились избежать катастрофы и сумели сделать это целесообразнее, чем мы. Инертная материя подчинилась разуму, планеты разошлись, как поезда на разъезде, покорные диспетчеру.

А пока мы тут с волнением следили за приближением Немезиды, её жители с таким же волнением и любопытством смотрели на нашу Землю. И, может быть, именно в те дни раздался, наконец, возглас, завершающий одиннадцатитысячелетнее ожидание:

— «Пробудитесь, спящие!»

Закройте глаза на миг, представьте себе чужую планету. День или ночь, не разберешь. Слепящее Солнце заливают светом снежную равнину. Искрятся жесткие сухие снежинки, чуть вьется пар над прозрачными лужами... От сверкающей белизны больно глазам. А над головой угольно-черное небо с пылью звезд, прозрачная кисея Млечного Пути, и на фоне его одна звезда всех ярче — не блеска, не светлячок, а массивный бриллиант на бисерном пологие неба.

На нее, сверкающую, и смотрят трое в скафандрах. У них телескоп, аппараты в лакированных ящиках, где мелькают цветные кривые и светящиеся цифры. Трое смотрят то на небо, то на экраны аппаратов, и один из них говорит громко: «Проснитесь, спящие, мы у цели!»

Снежная равнина нема и глуха. Нет на ней воздуха, одиннадцать тысяч лет назад он замерз и превратился в прозрачные лужи. Ветер не воет над ней, снег не скрипит под ногами, обледеневшие растения не шелестят листвой. Слова гаснут на поверхности скафандра, но радио подхватывает их, и умершие звуки рождаются вновь там, где воздух имеется, — в скафандрах спутников и в далеких подземельях, где спящие лежат рядами, неподвижные, как изваяния.

«Проснитесь!..»

Слова эти слышит только дежурный. Как и те, наверху, прежде всего он смотрит на экран с кривыми. Он проверяет температуру, он обходит спящих одного за другим, осторожно притрагивается к каждому и, уверившись, что время пришло, включает усилитель. Тогда голос вверху, удешевленный электрической гортанью, грохочущими раскатами наполняет помещение: «Пррроснитесь, спящие!...»

...Мне тут прислали из зала записку. Автор ее спрашивает: почему жители Немезиды не прилетели к нам, если техника у них так высока? Дорогой друг, за Немезиду я не могу отвечать с такой определенностью, как за Землю. Но лично я на месте немезидян не стал бы прилетать так поспешно. Когда я приезжаю в чужой город, я сначала ищу гостиницу, а потом уже знакомлюсь с соседями. Немезида еще не отогрелась, температура в то время была минус 180 — 200 градусов. Разбуженное население все еще ожидало в подземельях. Едва ли для всех поголовно были подготовлены скафандры. А дежурная смена готовилась к выходу на окончательную орбиту. Возможно также, что атомные вулканы выбросили слишком много радиоактивной пыли, и нужно было долго ждать, пока она обезвредится. В таких условиях я бы ограничился осмотром издалека. Вообще не обязательно все пробовать пальцем. Вероятно, жители Немезиды осмотрели Землю с помощью телескопов, более совершенных, чем наши. Возможно, они послали на Землю автоматические ракеты. Для межпланетного путешествия, мы знаем, чем меньше приборы, тем выгоднее. Ракеты немезидян могли быть размером с вишню. Может быть, мы просто не заметили их?..

Я высказал сегодня много догадок. Одним они пришлись по вкусу, другим — нет. Но мы спорим не о вкусах. Задача состоит в том, чтобы проверить догадки и установить истину. Такая возможность есть. В распоряжении жителей Земли имеется более двадцати межпланетных ракет. Я предлагаю не все отправлять на Марс и Венеру — одну или две выделить для путешествия на Немезиду!..

Вероятно, это было самое значительное выступление в жизни Трегубова. Речь его встретили восторженно, шумными аплодисментами, криками «ура». Человек сорок из числа присутствующих немедленно прислали в президиум записки с просьбой зачислить их в экспедицию на Немезиду. На Марс и на Венеру желающих было меньше. Скептики молчали, улыбаясь. Скептики вообще народ осторожный, публично ругаться не любят, предпочитают в ученых комиссиях высказывать вежливые сомнения. Но один из них все же не вытерпел. Имени его мы не знаем. Проволока запечатлела только голос — резкий и визгливый.

— Бездоказательно! Построено на песке! — кричал он. — Немезиды за Солнцем нет. Вы вернетесь с пустыми руками. Над вами будут смеяться!

Трегубов остановил поднявшийся шум.

— Пускай смеются, — сказал он. — Если мы не догоним Немезиду, нам будет труднее. Не найдя Немезиды, мы вынуждены будем ее создать. И технику перемещения планет придется изобретать самостоятельно. Но изобретать все же придется, ибо перемещением планет мы когда-нибудь займемся, если не в двадцатом, то в двадцать третьем веке. Ничего удивительного тут нет. Во всякой науке за описанием следует использование, за использованием — изменение, перемещение, переделка. Науки о растениях и животных давно уже находятся в стадии переделки, а в астрономии мы все еще заняты описанием, потому что объекты у нас далеки. Но жители Немезиды уже начали переделку. И мы начнем. Ибо солнечная система не так уж хорошо устроена. Планет, пригодных для жизни, мало: те велики, те малы, эти близки к Солнцу, а другие слишком далеки. А не стоит ли перевести Марс и Венеру на земную орбиту, подтянуть поближе к Солнцу Уран и Нептун со спутниками? И если привести сюда же Юпитер и Сатурн, то как расположить их, чтобы своим притяжением они не мешали другим планетам? Я, например, предложил бы поместить Юпитер на наше место, а Землю сделать его спутником... Впрочем, этим займется в свое время наука о переделке планет, аст-

ротехника — наука, которой пока еще не существует. И тогда мы сделаем вторую Немезиду из какого-нибудь Титана. Мы снабдим планету-корабль хорошей атмосферой и заселим ее энтузиастами. Представляете себе, какая удивительная жизнь ждет этих людей? День продолжается у них два-три года, пока они исследуют очередную планетную систему, а затем следует ночь на пять-десять тысяч лет, искусственный сон в подземельях, вплоть до прибытия к следующему солнцу. А в итоге, осмотрев двадцать систем, с грузом наблюдений они вернутся на Землю, где прошло за это время больше ста тысяч лет... Хотели бы вы прожить такую жизнь?

Крики, топот, рукоплескания. Три минуты, и пять, и десять я слушаю приветственный шум. Наконец щелкает автомат-выключатель, и с легким шипением магнитофон останавливается. Ватная тишина. Я один в тесной кабине фонотеки, наедине с провололочкой, которая сохранила для меня давно умолкнувший голос и фантастическую мечту ученого.

Астротехника! Такой науки все еще нет. Планеты ходят по своим невидимым рельсам, машины не рассчитывают для них новые орбиты. Но... на трибуну поднялся Трегубов. Я слушал запись его выступления с восторгом, удивлением и недоверием и думал о том, что лет через сто, когда межпланетные путешествия станут привычными и будничными, когда на Марс, на Венеру или на Немезиду люди будут ездить по туристским путевкам, чтобы полюбоваться невиданными куполами и башнями чужепланетных городов, не скажут ли они с иронической усмешкой: «Подумаешь, перемещать планеты! Давно уже сделано! Не проблема!»

Интересно, какие проблемы люди поставят тогда, о чем они будут мечтать?

Конец.

12 1958

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ

ИНФРА ДРАКОНА

Научно-фантастический рассказ

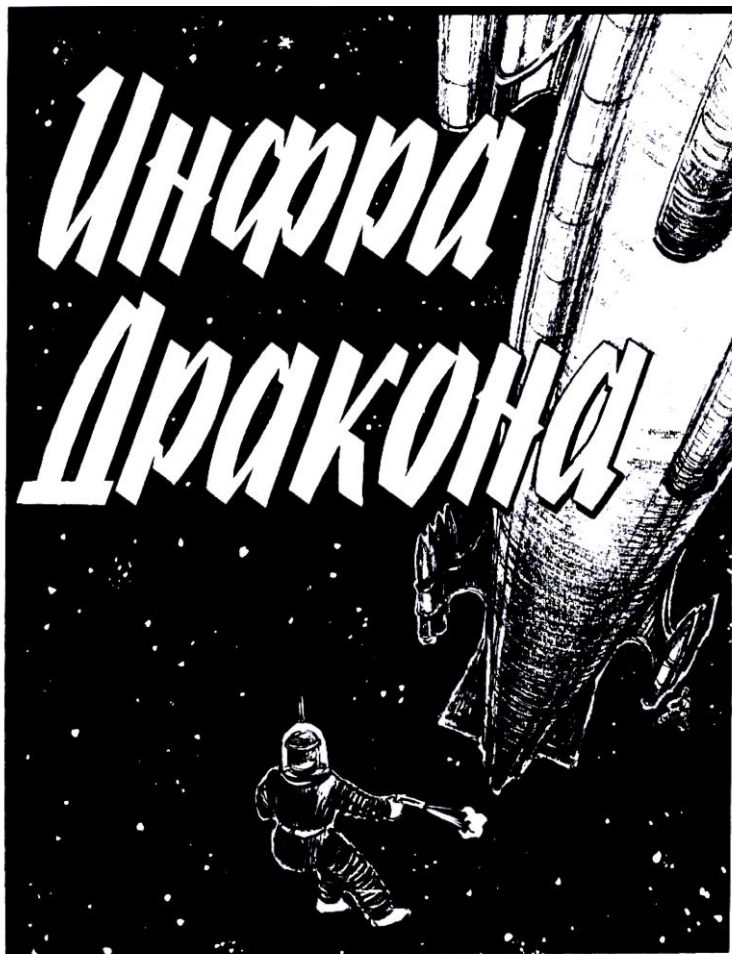
Художник Г. Турылев

ИЛЮСТРАЦИИ
И ВАН
КИРКОВ

Иллюстрация из болгарского журнала «Космос», 1964 г., №2.

Журнал «Знание - сила» № 12, 1958 г.

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Г. ГУРЕВИЧ

Рисунки Г. ТУРЫЛЕВА

Черный круг плывет по звездному бисеру — матовое блюдо с мутноватыми краями. На одном краю звезды меркнут, чтобы полчася спустя возродиться на другом краю. Знакомые созвездия, только здесь они ярче и узор их слож-

нее и тоньше. Лишь в одном из них — в созвездии Летучей Рыбы лишняя звезда, самая яркая на небе, самая великолепная — наше родное Солнце.

Но мы не смотрим на Солнце, не любимся звездной вышивкой. Наши взоры прикованы к черному кругу, хотя ничего нельзя разобрать в глухой тьме — ни простым глазом, ни в телескоп. Нас шестеро — весь экипаж космического корабля: старик Чарушин, начальник экспедиции — мы зовем его Дедом, супруги Варенцовы, супруги Юлдашевы и я — Радий Блохин.

— Так что же? — спрашивает Дед Чарушин. — Уходим?

— Ничего не поделаешь, — говорит Толя Варенцов, наш главный инженер. — Ракета приспособлена для посадки на сушу, а там — вода, сплошной океан. У нас станочки ручные, кустарщина, шесть человек рабочих, все низкой квалификации. Год провозимся, сделаем кое-как и утонем при посадке. Нельзя рисковать.

— И топлива в обрез, — добавляет Рахим Юлдашев. — Мы же считали с вами. Посадка — это задержка на семь лет. На лишних семь лет у нас и воздуха не хватит. И по возрасту...

Айша дергает его за рукав. Рахим забыл, что о возрасте невежливо говорить при Деде. Старику уже сейчас за девяносто.

— В конце концов, мы вернемся не с пустыми руками, — замечает Галя Варенцова.

И тогда Чарушин говорит спокойно:

— Остается один выход...

Мы смотрим на начальника с недоумением. Айша первая понимает, о чем идет речь.

— Ни в коем случае, — кричит она.

«Жизнь измеряется делами, а не годами», эти слова я впервые услышал от Деда семнадцать лет тому назад.

Помню мой первый визит к нему. Поздняя осень. Мокрый пронизывающий ветер. Стрекошущий аэропланец несет

меня над черным полями со свалявшейся травой, над голыми деревьями, над свинцовыми валами Куйбышевского моря. Потом я вижу голубой забор на глинистом обрыве, домик из зеленоватого стеклянного кирпича и у калитки старика в теплой куртке из синтетического горносталя. У него седые пышные волосы, тоже бело-голубые, как будто синтетические. Я узнаю его по портрету, и выключив ранец, неловко приземляюсь у его ног, прямо в канаву.

— Идемте переодеться. Потом представитесь, — говорит он, протягивая мне руку.

Так познакомился я с Павлом Александровичем Чарушиным, — знаменитым космическим капитаном, участником первого полета на Венеру, командиром первой экспедиции на спутники Юпитера, первой на Сатурн, первой на Нептун, и прочая, и прочая... Здесь на берегу Куйбышевского моря доживал он свою славную жизнь.

Сам я имел косвенное отношение к звездам, инженер-строитель по образованию, я работал на строительстве Главного Межпланетного вокзала на горе Килиманджаро в Восточной Африке. Специалиста, попавшего в чужую область, тянет все переделать по-своему. Кроме того, я был молод и самонадеян. Я составлял план реконструкции Солнечной системы. В то время — в начале 21 века, уже было ясно, что все планеты непригодны для заселения и почти все бесполезны для нас. И я предлагал перетасовать их. Венеру и Марс перегнать на Земную орбиту, Марс снабдить искусственной атмосферой, а атмосферу Венеры очистить от углекислого газа. Я предлагал еще Сатурн, Уран и Нептун расколоть на части, чтобы уменьшить там силу тяжести, а осколки поодиночке подогнать поближе к Солнцу с помощью атомных взрывов. На Тритоне я думал поселить колонию исследователей и отправить их в межзвездный рейс. По моим расчетам тысяч за сто лет Тритон мог бы обойти все окрестные звездные системы. Еще я собирался детей воспитывать на Юпитере в условиях повышенной тяжести, чтобы молодые кости и мускулы у них окрепли и на Земле все они оказались бы силачами.

К моему удивлению, эти величественные проекты неизменно отвергались. Я не сдавался, упрямо продолжал ходить по учреждениям и к видным специалистам. Естественно, обратился я и к Чарушину, не поленился слетать на Куйбышевское море. К нему обращались многие: и молодые люди, мечтавшие работать в космосе, и авторы книг, и начинающие ученые, и жители района, от которого его выбрали депутатом. И в газетах то и дело появлялась его фамилия. Подпись Чарушина стояла на договоре об Окончательном Разоружении Наций. На празднике Всемирного Мира вместе с китайцами, американцами и немцами Чарушин катил в первой вагонетке пулеметы и минометы на переплавку в мартеновскую печь. Нет сомнения, он был одним из самых видных людей своего времени.

Старик так же, как и многие другие, выслушал меня с усмешкой, но добродушно снисходительной. Он сказал:

— Ваша беда, Радий Григорьевич, в том, что вы уж слишком забежали вперед. Не нужно нам вовсе расселяться по Солнечной системе, нам на Земле удобно и просторно. Ваши идеи понадобятся лет через триста. Наверное, вы гордитесь: вот какой я, мол, прозорливый. И напрасно. Нет никаких заслуг в том, чтобы заниматься несвоевременными проблемами. Когда будет нужно и возможно, люди проведут реконструкцию планет. И тогда они без труда придумают все, что занимает вас сейчас.

Я не согласился со стариком, но не обиделся. Жить мысленно в будущих веках казалось мне почетным. И я продолжал надоедать Павлу Александровичу подробностями проекта. Дед с усмешкой развенчивал мои идеи, но неизменно приглашал на следующий выходной. Вероятно, ему нравился мой петушиный задор молодости. Да и пусто-вато было на даче. Летом другое дело, дачу брали приступом внуки и правнуки, в саду стоял гомон детских голосов. А зимой — только письма и телефонные звонки.

Павел Александрович слушал меня, потом я слушал, как он диктовал электронной стенографистке свои знаменитые мемуары. Как раз они начали печататься в то время в «Ком-

сомольской Правде». Вы помните, конечно, самое начало; первую строку:

«Наша экспедиция вылетела на Луну, чтобы начать подготовку к...»

Я еще сказал старику:

— Павел Александрович, нельзя же так сразу. У всех людей мемуары начинаются с детства, со дня рождения, у многих с родословной. А вы, проскочив четверть жизни, начинаете: «Наша экспедиция вылетела...»

Тогда я и услышал впервые:

— Радий, у нас, космачей, свой счет. Мы измеряем жизнь не годами, а открытиями, путешествиями. Вот я и начал книгу с рассказа о первом деле.

— Но читателю интересно, что вы за человек, каким были в детстве, как стали открывателем планет.

Старик не согласился:

— Неверно, дорогой. Это не я интересую людей, а мое дело. У каждой эпохи есть своя любимая профессия. Одна чтит моряков, другая писателей, летчиков, изобретателей. Мы — космонавты — любимчики 21 века, нас помнят всегда, приглашают в первую очередь, сажают в первый ряд.

Эти слова вы можете найти в послесловии к 1 тому «Мемуаров». И там сказано еще:

«Мне выпало счастье родиться на заре эпохи Великих космических открытий. Мои младенческие годы совпали с младенчеством астронавтики. Луна была покорена людьми прежде, чем я вырос. Молодым человеком я мечтал о встрече с Венерой, зрелым — о Юпитере, стариком — о старце Нептуне. Техника осуществила эти мои мечты. Меньше чем за столетие, за время моей жизни скорости выросли: от 8 до 800 км/сек. Владения человечества расширились неимоверно. В середине прошлого века — одна планета, шар с радиусом в 6300 км, сейчас сфера, радиус которой 4 миллиарда километров. Мы стали сильнее и умнее, обогатили физику, астрономию, геологию, биологию, сравнивая наш мир с чужим. И только одна мечта не исполнилась: мы не встретили братьев по разуму. Мы не устали, но дальше идти сейчас

невозможно. Мы уже дошли до границ Солнечной системы, посетили все планеты, впереди межзвездное пространство. Пройдено 4 световых часа, а до ближайшей звезды — 4 световых года. Есть скорость 800 км/сек., нужно в сотни раз больше. К другим солнцам, очевидно, мы двинемся не скоро, некоторые говорят — никогда. Фотонная ракета и прочие, еще более смелые проекты пока остаются проектами. Эпоха космических открытий прервана, вероятно, на 3—4 века».

Люди шли в космос с разными целями. Меня, например, как инженера, тянуло туда на стройку невиданного планетного масштаба. А Павел Чарушин надеялся отыскать братьев по разуму. С надеждой на встречу мчался он открывать новые миры. И вот тупик. Открывать больше нечего, а стать космическим извозчиком не хочется. Покой, почет, внуки, мемуары, дача... И так бы и кончил он свою жизнь на запасном пути, если бы не неожиданная мысль о возможных инфрасолнцах, пришедшая мне в голову.

В сущности сам он в какой-то мере подсказал мне идею: очень уж не хотелось ему мириться с тем, что дальше лететь некуда.

Как я рассуждал?

До границ Солнечной системы — четыре световых часа, до ближайшей звезды — четыре световых года. Неимоверный океан пустоты. Но есть ли уверенность, что там сплошная пустота? Мы знаем только, что ярких звезд там нет, они были бы видны. Но может быть есть не яркие, или темные тела? Может быть, наши небесные карты подобно земным генеральным отмечают только звезды-столицы и упускают звезды-деревеньки.

Возьмем для примера сферу диаметром в 15 световых лет. В ней окажутся четыре солнца — наше Солнце, Альфа Центавра, Сириус и Процион. Можно считать и семь солнц, потому что кроме нашего все прочие — двойные звезды.

Но в том же пространстве несколько десятков слабых тусклых звезд — красных карликов, субкарликов, белых карликов. Это близкие звезды, но почти все они не видны

невооруженным глазом и только в 20 веке мы узнали, что они близки к нам.

Итак, единицы видны глазом, десятки доступны телескопам. Нет ли в том же пространстве сотен небесных тел, не замеченных телескопом? Ведь так трудно среди миллиарда известных нам слабых звезд, отыскать сотню маленьких и близких!

И температуры подсказывали тот же вывод.

В мире звезд правило такое: чем больше звезда, тем она горячее; чем меньше, тем холоднее. Красные карлики меньше Солнца раз в десять, температура у них — 2—3 тысячи градусов. Предположим, что есть тела раз в десять меньше красных карликов. Какая у них температура? Вероятно 1000, 600, 300, 100 градусов. Светимость у более крупных — ничтожная, у прочих — никакая. При температуре ниже 600 градусов тела посылают только невидимые инфракрасные лучи. Невидимые, густо-черные солнца! И среди них особенно интересные для нас с температурой поверхности плюс 30 градусов — темные, но теплые планеты с подогревом изнутри.

Почему их не нашли до сих пор? Отчасти потому, что не искали, отчасти потому, что найти их очень трудно. А темные планеты вообще, сидя на Земле, увидеть нельзя. Ведь наша Земля сама излучает инфра-красный свет, мы живем в море инфра-красного пламени. Разве можно, живя в пламени, заметить свет далекой звездочки?

С трепетом излагал я все эти соображения Павлу Александровичу. Уголком глаза я следил, как сходит с лица старика снисходительная улыбка, как сдвигаются мохнатые брови. А я-то думал, что так логично рассуждаю. Неужели есть непредвиденное возражение? Скомкал кое-как конец, жду разгрома.

— А ведь это любопытно, Радий, — сказал он. — Планета с подогревом изнутри, мир наизуворот. И все не так, как у нас. Жизнь есть там, как ты думаешь? Растений быть не может, конечно, если света нет. А животные? На Земле животные во тьме имеются — и в пещерах и в глубинах

океана. Вообще животный мир древнее растительности. А высшие формы? Могут высшие формы возникнуть в вечной тьме?

И вдруг, расхохотавшись, хлопнул меня по плечу:

— Может, мы с тобой еще двинем в космос, Радий? Ты как, полетишь отыскивать свои инфры?

— А вы, Павел Александрович?

Он обиделся, поняв вопрос по-своему:

— А что? Я не так стар еще. Мне восьмидесяти еще нет. А по статистике у нас средний возраст девяносто два с половиной.

Я сам был удивлен, когда полгода спустя Центральная Лунная обсерватория сообщила об открытии первой инфры.

Не будь Павла Александровича, все это произошло бы много позднее. Но он забросил все свои дела и развлечения. Из оранжереи выкинул роскошные цветы, устроил там мастерскую. Мемуары оборвались на полуслове. Электронная стенографистка писала только письма в научные и общественные организации, старым друзьям-космачам, товарищам, ученикам, на Луну, на Марс, на Юнону, на Ио, на космические корабли дальнего плавания — с убедительной, настоятельной и горячей просьбой организовать поиски черных солнц.

Я восхищался энергией старика. Казалось, он только и ждал сигнала, сидя у себя на даче... Возможно, на самом деле ждал. И вот явилась цель — неоткрытые миры: можно мчаться в космос, искать, открывать.

Инфры нашлись в созвездии Лиры Стрельца, Малой Медведицы, Змееносца, Тукана, Телескопа... А самая близкая и самая интересная для нас — в созвездии Дракона. Температура поверхности ее была плюс десять градусов. А расстояние до нее «всего лишь» семь световых суток. «Всего лишь» в сорок раз дальше, чем до Нептуна. Межпланетная ракета могла покрыть это расстояние за четырнадцать лет. И год спустя эта ракета вылетела. А в ней Варенцовы,

Юлдашевы и мы с Павлом Александровичем. Я-то знаю, каких трудов стоило старику убедить, чтобы его и меня включили в команду. Его из-за возраста, меня — по молодости и неопытности.

Первые дни полета были, словно первая экскурсия в Москву: захватывающе интересно и все наизусть знакомо. Сто раз читано, сто раз видно в кино.

Земля с высоты — гигантский глобус, заслоняющий небо. Учетверенная тяжесть, потом чудеса невесомости. Луна — чужой, черно-белый мир с ликом, изрытым оспой. Плавные лунные прыжки, густо-черные тени, пропасти, вековая пыль. Я читал об этом, представлял себе, увидел и был потрясен.

А потом потянулись будни, упущенные писателями. Спаленка — три метра на три — гамаки, столик, шкаф. За стенкой — рабочая комната чуть побольше. В ней телескоп, пульт управления, приборы, счетные машины. Дальше — склады, машинная и полкилометра баков с топливом. Хочешь, прогуливайся вдоль баков, хочешь, надевай скафандр и кувыркайся в пространстве. А потом опять гамак, столик и шкаф. По существу — тюрьма. Тридцать лет со строгой изоляцией.

Тьма и звезды, звезды и тьма. На часах 24 деления, иначе спутаешься. День и ночь — никакой разницы. Днем в кабине — электричество, ночью — электричество. Днем за окошками звезды, ночью — звезды. Тишина. Покой. А на самом деле летим — состояние равномерного и прямолинейного движения. За час — почти полтора миллиона километров, за сутки — 35 миллионов. В журнале отмечаем: «23 мая прошли миллиард километров, 1 июня пересекли орбиту Сатурна». По этому случаю — парадный обед. Песни поем, радуемся. А по существу — условность, потому что до орбиты пустота и после нее — пустота. И сама орбита, собственно говоря, далеко в стороне. И Сатурн виден не лучше, чем с Земли — обыкновенной звездочкой.

Это Павел Александрович придумывал всякие праздники. Великий мастер был насыщать часы. Даже там, в ракете, ему не хватало времени. После сна — космическая зарядка, по крайней мере, час. Без нее — мускулы атрофируются от постоянной невесомости. Обязательная прогулка в пространстве, осмотр ракеты снаружи, потом изнутри. Работа у телескопа. Обед. Затем два часа — диктовка воспоминаний. Мне диктовал он. Стенографическую машину нельзя было взять с собой, лишний груз. Потом чтение микрокниг. Дед читал ровно час и обязательно откладывал книгу, когда время приходило. Игра отчасти. И вместе с тем — борьба за бодрость. «Нужно завтрашний день ждать с нетерпением», — говорил он частенько. И я тянулся за стариком, как мог. Понимал, иначе нельзя. Раскиснешь, опустишься. Придет хандра, потом лень, потом болезни. И работу бросишь и

обязанности забудешь. В космосе бывали трагедии: люди себя теряли и даже назад поворачивали.

От хандры одно спасенье — работа. Но как раз работы там немного. Осмотр, мелкая починка много времени не занимают. Свой проект реконструкции планет я разрабатывал, но больше для собственного удовольствия. Человечество — такой могучий коллектив, его в одиночку не обгонишь. А у меня знания по год вылета, для Земли устаревшие. Там идут вперед, я ничего не знаю.

Единственное разумное занятие — астрономические наблюдения. Каталог мы составляли — измеряли расстояния до звезд. Обычно измеряются они по треугольнику. Основание треугольника — диаметр земной орбиты, два угла — направление на звезду. По стороне и двум углам определяется и высота — расстояние до звезды. Но так как треугольники получаются худые и длиннющие, велики ошибки, и годится этот способ только для близких звезд. Нам было удобнее — мы ушли от Солнца в тысячу раз дальше, у нас основание треугольника в тысячу раз больше, можно измерять расстояния в тысячу раз точнее. Грубо говоря, до всех звезд, какие видны в телескоп. Ну вот и было нам занятие на всю дорогу: измеряешь, высчитываешь, измеряешь, высчитываешь. Потом пишешь в гроссбух: номер по каталогу такой-то, спектральный класс АО, расстояние — 7118 световых лет. Напишешь, и зло берет иной раз. Мы на семь световых суток всю жизнь тратим, а тут семь тысяч световых лет. Ведь никто никогда не полетит в такую даль, к этому солнцу класса АО.

Скука, томительное однообразие, и вместе с тем — настороженность. Годами ничего не случается, но каждую секунду может быть катастрофа. Ведь пустота не совсем пуста — летят метеориты, метеорная пыль. Даже газовые облака при нашей скорости опасны — врезаешься в них, как в воду. Еще какие-то встретили мы в пространстве уплотненные зоны, неизвестные науке. Когдаходишь в них, все сдвигается, и в груди теснота. Почему — неясно. Метеорная пыль разъедает обшивку, металл устает, появились блуж-

дающие токи. Так постепенно портится все. И глядишь — утечка воздуха, или управление вышло из строя, или приборы подвели. Годами ничего не случается, а потом вдруг... Поэтому один кто-нибудь обязательно дежурит.

Хуже всего эти часы одинокого дежурства. Земля вспоминается. Хочется в лес и в поле. И чтобы ромашки цвели и жаворонки в синем блеске пели. В толпу хочется, в метро, на стадион, на митинг. Чтобы крик стоял, не звенящая тишина, чтобы локтями тебя толкали и тесно кругом, чтобы много-много людей, все незнакомые, и женщины, и девушки. Глаза закроешь — Красная площадь, Кремль, демонстрация, цветные флаги... Откроешь — гамак, столик и шкаф, за окошком звезды и тьма.

Так день за днем, месяц за месяцем. Нас шестеро было в ракете. Два года каждый из нас дежурил, четыре спал. Сон, конечно, искусственный, с охлаждением.

Я хорошо переносил пробуждение, а Дед наш — худо. Все-таки старый человек, сердце изношенное. Первый раз еще дело обошлось, а после второго и обмороки были и в сердце рези и в левое плечо отдавало. Часа четыре отхаживала его Айша — наш врач. И тогда она сказала, что за третий раз не ручается.

...Четырнадцать лет мы стремились к невидимой точке, и настал, наконец, момент, когда мы сумели разглядеть цель — темный кружочек, заслоняющий звезды. Вышли мы на цель точно. Правильно указали ее земные астрономы. Но вот чего не разглядели они: оказалось, что Инфра Дракона не одинокое тело, а двойное. Два черных солнца там — А и В. А поменьше, В чуть побольше. А поближе к нам, В немного подальше. По-космически «немного». А вообще-то расстояние между ними больше, чем от Земли до Сатурна.

Мы все дрожали от нетерпения, и Павел Александрович в особенности, хоть и виду не подавал. Он уже приготовил целый арсенал для межпланетных переговоров: световые

сигналы, инфракрасные прожекторы. Была еще азбука с выпуклыми картинками, коллекция геометрических фигур.

Наступил торжественный день встречи.

С утра начали мы тормозить. Появился верх и низ, вещи, забытые в воздухе, попадали на пол. К середине суток темное пятнышко Инфры начало заметно расти, гасить звезды одну за другой. И, наконец, повисло против нас, этакое черное блюдо. Остановились мы. Стали временным спутником Инфры.

И представьте наше разочарование: чуть-чуть ошиблись наши астрономы. Они определили температуру поверхности в плюс десять градусов, оказалось — минус шесть. Газы там были в атмосфере: метан и аммиак, как на Юпитере, углекислый газ, как на Венере, много водорода и водяного пара — густые плотные облака. А под ними замерзший океан — лед, снежные поля, торосы. И толщина льда — десятки и сотни километров. Взрывами мы определяли.

Стоило лететь четырнадцать лет, чтобы увидеть обыкновенную арктическую ночь.

Дед был просто раздавлен. Последняя попытка сорвалась! Не сбылась мечта жизни!

Тогда и сложилось решение: посетить «Инфру В» тоже.

На первый взгляд кажется, что это естественно. Были рядом, как же не посетить. Но в космосе свой расчет. Там все зависит от топлива. На Земле топливо определяет путь — километры, в космосе только скорости. Тратят топливо не все время, а только при разгоне и торможении. Берут с собой чаще всего на два разгона и два торможения. Подойти ко второй Инфре — это означало задержать возвращение на три-четыре года. Не хотелось нам прибавлять лишние годы пути, но там, где тридцать лет жизни отдано, с тремя годами не считаешься. Никто не пожелал повернуться спиной к неизведанному миру.

Почти целый год ползли мы потихоньку от Инфры до Инфры. И опять черное пятнышко выросло, превратилось в угольно-черный круг. Снова затормозили мы, стали временным спутником, послали автоматический разведчик во

тмю. Сами видим — на этот раз тьма не глухая. Зарницы то и дело — грозы в атмосфере, на экране видны контуры туч. Пришло по радио сообщение от автомата — температура воздуха плюс 24. Может быть, потому и ошиблись земные астрономы, что смешали лучи той водяной Инфры и этой грозовой. Вышло в среднем плюс 10 — близко к истине.

Но что-то не учли мы в расчетах, и наша ракета-разведчик пропала, видимо, утонула. В последний момент разглядели мы на экране телевизора водяную гладь, крутые косые волны. Послали вторую ракету, эта облетела несколько раз вокруг Инфры. Видели мы тучи, видели дождь — прямой, не косой, как обычно на Земле. Ведь даже капли на Инфре тяжелее. Видели опять волны. Всюду море, только море, ни единого островка. И на экваторе океан и на полюсах океан. Льдов никаких. Это понятно. На Инфре тепло поступает изнутри, и климат там везде одинаковый — на полюсах не холоднее.

Ни материков, ни островов, хоть бы одна вулканическая вершина. Океан, океан, сплошной океан.

Столько в этом космосе неожиданностей, зря говорят — однообразие и скука. Ведь мы на что рассчитывали? Что на Инфрах, как на нашей Земле, есть океаны и суша. Разумные существа (а в душе мы все надеялись на встречу с разумными), естественно, могут развиваться только на суше. Океан мы собирались изучать, но только от берега — отплыть, спустить небольшую батисферу. И звездолет наш был приспособлен для посадки на твердую землю.

И вот Черный круг плывет по звездному бисеру — матовое блюдо с мутноватыми краями.

На одном краю звезды меркнут, чтобы через полчаса возродиться на другом краю. Знакомые созвездия, только ярче и узор их сложнее. Лишь в одном из них лишняя звезда, наше родное Солнце. Но мы не смотрим на Солнце, не любуемся звездной вышивкой. Наши взоры прикованы к Черному кругу, хотя ничего нельзя разобрать в глухой тьме — ни простым глазом, ни в телескоп.

— Так что же? — спрашивает Дед Чарушин. — Уходим?

В сотый и тысячный раз задается этот вопрос. Да, придется уйти, ничего не можем придумать. Так и этак прикидывали, не получается. Придется уйти, не узнав почти ничего.

— Тогда остается один выход, — говорит Дед. Мы смотрим на начальника с недоумением.

Айша первая понимает, о чем идет речь:

— Ни в коем случае, — кричит она. — Вы хотите спуститься в батисфере?

Мы заволновались. Спуститься в батисфере можно, вопрос в том, как вернуться. Автомат-разведчик взлететь не сумеет. Батисфера останется там навеки... и в ней человек.

— Мы не допустим, — настаивает Айша. И Дед отвечает, пожимая плечами:

— Вы, Айша, пропитаны медицинскими предрассудками. Вам кажется, что человек имеет право умереть только от тяжелой болезни. У нас, космачей, свой счет жизни. Мы измеряем ее делами, а не годами.

— Ненужная жертвенность! — говорит Рахим. — Надо работать последовательно. Возвращаться на Землю, докладывать. Следующая экспедиция специально подготовится и изучит дно...

Следующая? Когда? Через тридцать лет? Толя Воронцов привстал было, хотел предложить себя. Галя ухватила его за рукав. Я настаивал на своей кандидатуре.

— Решение принято, — сказал Дед. — И не тратьте времени на пустые споры. Приказываю начать подготовку к спуску...

Шли последние приготовления, а нам все не верилось. Наступил вечер перед отлетом. Старый капитан распорядился устроить прощальный ужин, сам составил меню. Поставили любимую нашу пленку — хроникальный фильм «На улицах Москвы». Потом слушали музыку Бетховена — 9-ю симфонию. Старик любил ее, потому что она бурная, к борьбе зовущая. Шампанское пили. Это целая проблема —

в невесомой ракете пить шампанское, оно норовит в воздух уплыть. Потом песню пели. Наш космический гимн, неизвестно, кто его сочинил:

*«Может быть, необходима вечность,
Чтобы всю изведать бесконечность
И до цели не успев дойти,
Капитан покинет нас в пути,
Но найдутся люди, если надо...»*

Айша плакала и Галя плакала. А я охмелел немножко и спросил: «Неужели вам не страшно, Павел Александрович?» А он мне: «Радий, дорогой, очень страшно, и больше всего я боюсь, что зря я это все затеял. И не увижу я ничего, только черную воду...» А я за руки его схватил: «Павел Александрович, ведь и правда, может, нет ничего. Отмените!..»

И вот нас пятеро. Молча, со сжатыми губами, стоим мы перед радио-рупором. Оттуда несется раскатистый грохот, свист, улюлюканье, завывание. Атмосфера Инфры насыщена электричеством, Помехи то и дело.

Наконец, спокойный голос Чарушина прорывается сквозь гул помех. Наш Дед с нами. Знакомый хрипловатый бас звучит в кабине:

— Выключил прожектор, — говорит он. — Тьма не абсолютная. Все время зарницы и молнии, короткие и ветвистые. При вспышках видны тучи, плоские, как покрывало. На Юпитере такие же. По краям барашки. Воздух плотный и на границах воздушных потоков крутые вихри.

Помехи мешали. Выпадали слова и целые фразы. Потом стало слышно лучше.

— Воздух становится прозрачнее, — рассказывал Дед. — Вижу море. Лаково-черная поверхность. Невысокие волны, как бы рябь. Падаю медленно, воздух очень плотный.

Тяжесть неимоверная, пошевелиться трудно. Как на ледниках Инфры. Даже языком ворочать тяжело.

И вдруг радостный возглас:

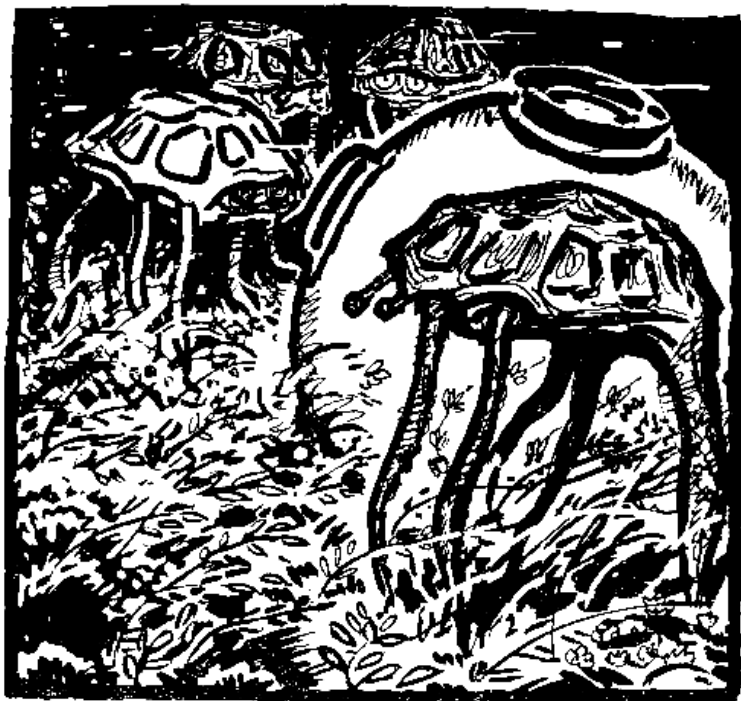
— Птицы! Светящиеся птицы! Еще одна и еще. Три сразу! Мелькнули и нет. Разве телевизор заметит такое? Успел увидеть: голова круглая, толстое туловище. Крылышки маленькие, трепещут. Пожалуй, похожи на наших летучих рыбок. Может быть, это и есть рыбы, а не птицы. Но летели высоко.

Сильный плеск. Пауза.

— Шум слышали? Это я в воду вошел. Крепко ударился. Впрочем, не имеет значения. Выключил свет. Привыкаю к темноте.

Немного спустя:

— Погружаюсь медленно, на метр — два в секунду. Опять включил прожектор. За окном огненная выюга — светящиеся вихри, волны, тучи. Сколько же здесь всякой мелочи! Вероятно, вроде наших креветок. Чем глубже — тем гуще. На Земле наоборот — в глубинах жизнь скуднее. Но там тепло поступает сверху, а здесь снизу.

А это что? Длинное, темное, без головы и без хвоста. Кит, кашалот? Двигается быстро, за ним светящаяся струя. Ряды огоньков на боковой линии, как бы иллюминаторы. Неужели подводная лодка? Или нечто иное, ни с чем не сравнимое. Сигнализирую на всякий случай прожектором: два — два — четыре, два — три — шесть, два — два — четыре.

Не обратили внимания. Ушли вправо. Не видно.

А вот еще какие-то чудища — помесь черепахи с осьминогом. Осьминогами я называю их для сравнения, на самом деле они пятиногие. Пять щупальцев — одно сзади, как бы рулевое весло, четыре по бокам. На концах утолщения с присосками. В одном из передних щупальцев сильный светящийся орган. Похоже на фонарик. Прямой луч так и бежит по стеблям. На спине щит. Глаза раchy на подвижных

стебельках. Рот трубчатый. Я так подробно описываю, потому что эти существа плывут на меня. Вот сейчас смотрят прямо в иллюминатор. Жуткое чувство — взгляд совершенно осмысленный, зрачок с хрусталиком, а радужная оболочка флуоресцирует мертвенно-зеленым светом, как у кошки. Я читал, что у земных осьминогов человеческий взгляд, но сам не видел, не могу сравнить.

Прожектор нащупал дно. Какие-то узловатые корни на нем. Подобие кораллов или морских лилий. Вижу толстые стебли, от них побеги свисают чашечками вниз, некоторые вплотную упираются в дно. Наши морские лилии смотрят чашечками вверх, они ловят тонущую пищу. Что ищут эти вилы? Гниющие остатки? Но не все достигают дна. Неужели они ловят тепло? Но тогда это растения. Растения без света? Невозможно. Впрочем, свет идет со дна — инфракрасный. Можно ли за счет энергии инфракрасных лучей строить белок, расщеплять углекислый газ? Мала энергия, надо ее накапливать. Но и зеленые листья на Земле тоже накапливают энергию. Ведь видимые лучи сами по себе не разлагают углекислый газ.

— Я получил отсрочку, — продолжал старик. — Застрял в зарослях у дна. Могу смотреть не торопясь. Все больше убеждаюсь, что подо мной растения. Вот толстая безглазая рыба жует побег. Другая — зубастая и длинная — схватила толстую, взвилась вверх. Поток пищи идет здесь со дна на поверхность. Светящиеся птицы — последняя инстанция.

Послышался скрежет и глухие удары по металлу. Что такое?

— Батисфера сдвинулась, — объявил Дед. — Кто-то схватил ее и тащит. Кто — не вижу. Перед иллюминатором нет ничего.

— Дно идет под уклон. Зарослям конца нет. Но странное дело — растения выстроились правильными рядами, как в плодовом саду. Что-то громоздкое медленно движется, срезая целые кусты под корень. Ну и прожорливое чудовище — так и глотает кусты. Вижу плохо, где-то сбоку ползет этот живой комбайн. Впереди гряда скал. Проплыли. Черная

бездна. Батисфера опускается вниз. Давление возрастает. Прощайте! Москве поклонитесь.

Секундная пауза. И вдруг крик, почти вопль:

— Трещина!!!!

Послышались звонкие удары, все чаще и чаще. Видимо, вода прорвалась в камеру.

Старик ойкнул. Возможно водяная дробь попала и в него. Потом заговорил скороговоркой.

— На дне бездны строения. Город. Освещенные улицы. Купола. Шары. Плавающие башни. Какие-то странные существа... Всюду они.. Неужели это и... есть...

Грохот. Крик боли. Бульканье.

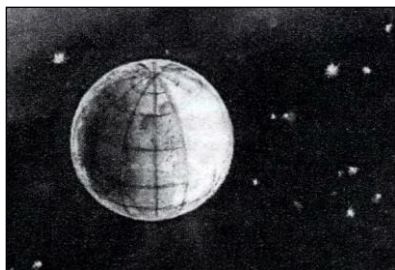
И торжествующий, с громким присвистом протяжный вой помехи.

Пять человек в глубоком молчании смотрят на черный круг, хотя ничего там нельзя разобрать ни глазами, ни в телескоп.

— Через тридцать лет мы придем сюда, — говорит Толя Варенцов, теперешний начальник экспедиции. А Галя запекает тихонько:

*Может быть, необходима вечность,
Чтобы всю изведать бесконечность
И до цели не успев дойти,
Капитан покинет нас в пути,
Но найдутся люди, если надо...*

Найдутся?

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ

ИНЕЙ НА ПАЛЬМАХ

Научно-фантастическая повесть

Иллюстрации Г. Филипповского

Журнал «Знание — сила», №№ 7 - 11, 1951 г.

ИНЕЙ НА ПАЛЬМАХ

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ

(НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ)

Рис. Г. Филипповского

ПРОЛОГ

МОРЕ бушевало всю ночь. Медлительные валы один за другим выплывали из темноты. Они вставали перед нами крутой стеной, и нависшие гребни их заглядывали в шлюпку, как будто хотели пересчитать нас — свою будущую добычу.

Нас было шестеро в шлюпке: кочегар Вилькинс, Джо, три матроса — швед, итальянец, негр и я шестой с ними. Мы гребли все время, точнее — они гребли, а я сидел на корме и, качаясь, как маятник, зачерпывал воду и выливал за борт, черпал и выливал, черпал и выливал.

Моя рана болела все сильнее, может быть, потому что ее разъедала соленая вода. Я промок насквозь. Мой костюм превратился в холодный компресс, я дрожал мелкой дрожью, громко стучал зубами и тоскливо поглядывал на восток: скоро ли взойдет солнце.

А в затуманенной голове у меня, не переставая, копошилась одна и та же мысль: «Солнце взойдет, будет тепло. А что дальше?»

Когда рассвело, мы увидели впереди белую черту низменного острова. Коралловые острова всегда кажутся бе-

лыми издалека, а если смотреть на них с самолета, отчетливо заметно, как пенное кольцо прибой отделяет темно-синий океан от желто-зеленой лагуны.

Но вскоре мы узнали, что белое — это не коралловый песок и не прибой. Тропический островок утопал в сугробах. В свинцовых валах океана кувыркались льдины, и прибой, с размаху бросая их на коралловые рифы, ломал, дробил, крошил, превращал в ледяное месиво. В воздух взлетали фонтаны соленых брызг. Падая на пушистый снег, они покрывали сугробы темными оспинками.

Гибкие стволы пальм обледенели. Сверкающий иней одел гигантские перистые листья. Побелевшие кроны четко выделялись на темно-голубом небе.

Почти вся лагуна превратилась в каток. В прозрачный зеленоватый лед вмерзли живые кораллы и ярко раскрашенные рыбы-попугаи с твердыми челюстями. Повсюду валялись замерзшие ласточки и морские птицы. Из снега торчали клешни кокосовых крабов; один из них успел продолбить орех, засунул туда задние ноги, чтобы вытащить мякоть, и так замерз.

Первым долгом матросы разложили костер, и я подсел к огню. Я сел так близко, что искры летели мне в лицо и угли обжигали ноги через подошвы ботинок. Но дрожь не проходила, я по-прежнему стучал зубами, и все время просил принести еще сучьев.

Складывая возле меня охапки хвороста, негр сказал с жалобным удивлением: «Кажется, я отморозил себе уши. Как вы думаете, скоро это кончится, мистер?»

Я не ответил. Как это бывает у больного, мои мысли казались мне громче, чем голоса окружающих. А думал я одно и то же: снег растает. А дальше, что?

Потом к костру подошел Джо и сказал: «Шлюпка отплавала свое, в хозяйстве из нее выйдет хорошее решето. Я боюсь, что нам придется поселиться здесь. Мистер будет Робинзоном а мы все — Пятницами»

— А ты, Джо, попугаем Робинзона, — желчно отозвался итальянец, — тебе лишь бы поболтать.

Тропический островок утонул в сугробах

Рис. Г. Филипповского

Добродушный Джо рассмеялся громче всех.

— По-моему, здесь не так уж плохо, — сказал он. — Свежемороженые фрукты в любом количестве и крабовые консервы в банках из собственной скорлупы. И, вдобавок, сколько угодно льду, чтобы готовить коктейли.

Я слушал, морщась. Шутки Джо мешали мне сосредоточиться. А я должен был решить: что же делать дальше. Но в это время негр, стоявший в сторонке, крикнул:

— Пароход! Идет прямо сюда!

Все сразу вскочили на ноги.

— Какой пароход? «Уиллела»?

— Нет, не похож. Небольшой, однотрубный...

— Разжигайте костер! Бросайте сырые сучья! Пусть дымит сильнее!

Смогут ли они подойти близко?

— Шлюпку спускают... Надо им показать, где причалить.

Все с удовольствием следили, как приближается шлюпка, то подпрыгивая на волнах, то проваливаясь между ними. И только я назойливо думал «Увезут нас отсюда. А что дальше?»

Джо первый разглядел на корме парохода полосатый американский флаг.

— Ребята! — крикнул он, — держитесь, мы едем прямо в Штаты. Пригладьте вихры и побрейтесь. Через два дня во всех газетах будут ваши физиономии с такими вот заголовками (я уже вижу их): «Пальмы одеты инеем!», «Бравые американские парни затерты льдами на экваторе!» И ученые профессора будут толковать о холодных фронтах, а проповедники — о том, что мир замерзает и нужно срочно каяться в грехах.

— Джо, помолчи! — прервал его кочегар Вилькинс. — Слушайте, ребята! Давайте условимся, ни слова насчет «Уиллелы». Мы сами ничего не понимаем. Наше судно налетело на льдину и пошло ко дну. Слышите? Слышите, мистер? (Все-таки он упорно называл меня мистером).

— А почему скрывать? — спросил я.

— Скрывать? — переспросил Вилькинс. — Ни в коем случае. Но не доверяйте пересказ нашим газетчикам. Они превратят все в пустую сенсацию, в дешевые подвиги героя-бандита. Нужно, чтобы вы сами написали всю историю, мистер. Люди должны знать правду.

— Да, да, — воскликнул я, — обязательно.

Спасибо Вилькинсу — он подсказал мне, что нужно делать дальше. Я обязан сам написать все до последнего слова. Люди должны знать правду — вот что главное.

И тут же, не откладывая ни на минуту, я начал вспоминать самое начало моей истории — те дни, когда, отчаявшись, я опустил руки и решился продать серый костюм.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Когда я продал серый костюм, мне стало легче на душе. Серый костюм был порогом, отделяющим меня от нищеты. В костюме я мог еще надеяться, спрашивать, тревожиться, искать, вспоминать давно забытые знакомства, ссылаться и доказывать, я мог еще барахтаться в тине задних дворов и меблированных комнат с запахом жареной трески и стирального мыла. Теперь без приличного костюма оставалось только одно: сложить руки и спокойно идти на дно.

Разве я не искал работы? Я состоял на учете в четырех конторах по найму. Каждый день приходил я отмечаться во все четыре. Я дежурил по ночам у дверей типографий, чтобы раньше всех прочесть объявления в утренних газетах. Я звонил по всем телефонам, какие только сохранились в моей записной книжке, — давно забытым друзьям детства, коллегам по учению и футболу, товарищам из саперной роты. Друзья, коллеги и товарищи с трудом вспоминали, кто я такой, а затем минуту-две сочувственно вздыхали в трубку:

— Да, да, трудные времена. Я сам четвертый месяц без работы. Ах, тяжело сейчас строителям. Кризис — нигде ничего не строят. Плохо — плохо!

К сожалению, я и сам знал, что с работой плохо. Чтобы услышать об этом, не нужно было тратить никелевую монету на телефон.

Пока у меня был костюм, я мог еще, не слишком часто, правда, обедать у родственников. Ожидая, пока накроют на стол, я с удовольствием грелся на кухне и без удовольствия, но вежливо выслушивал добрые советы:

— Следовало раньше об этом подумать, — говорила практичная тетя Берта. — Надо было копить сбережения. Купил бы ферму, завел коровку, пил бы свое молочко, горя не знал.

— Ты сам виноват, — глубокомысленно замечал дядя Хонни, — куда тебя понесло из армии? А теперь где же найти работу? Все ищут.

Кузен Гарри тоже добавлял что-нибудь полезное.

— Вчера я видел этого шалопаю — Дюрока младшего, — говорил он. Представь себе, женится на наследнице Вандергофа. А зачем ему миллионы Вандергофа? У него своих восемнадцать.

— Девятнадцать, — поправлял дядя Хонни, как будто он лучше всех знал, что лежит в сейфах богачей.

— Найти такую девушку и никакая работа не нужна, — вздыхал Гарри. — Чем мы хуже Дюрока? Такие же люди — две руки, две ноги... Бар открыть тоже неплохо... или завести плантацию в Бразилии.

Я терпеливо слушал, ожидая, когда на стол подадут суп. Советы были хорошие. Вся беда, что у меня не было капиталов на ферму, плантацию или бар. Впрочем, у моих родственников тоже не было капиталов. Дядя Хонни служил кассиром в пивном баре О'Хара и всю жизнь с завистью рассказывал, сколько зарабатывает хозяин на пивной пене и официанты, обсчитывая пьяных. Кузен Гарри как свободный предприниматель работал на того же О'Хара (наиболее влиятельное лицо в нашем округе) при усмирении пьяных драк, рабочих забастовок и во время президентских выборов. Единственным капиталистом в семье была тетя Берта. В комод, в старом чулке, у нее хранилась вместе с юношескими письмами дяди Хонни сто долларовая акция Серебряных рудников Никарагуа. По вечерам, вымыв посуду, тетя Берта надевала очки, подвязанные веревочкой, и внимательно читала газету, разыскивая известия из Никарагуа. Но телеграммы не утешали ее: положение в республике было неустойчивым. Правительства менялись, как картинки в волшебном фонаре. Новые президенты объявляли старых узурпаторами и расстреливали их без суда. Серебряные котировались ниже номинальной стоимости. Вдохнув, тетя Берта прятала газету. Она не теряла надежды разбогатеть. Ведь стал же миллионером какой-то бездельник, одолжив-

ший Форду сто долларов. Об этом написано во всех букварях.

Проглотив котлеты тети Берты с приправой из советов и жалоб, я отправлялся в очередную контору. Впрочем, если вы когда-нибудь искали работу в городе Небоскребов, вы сами знаете, какое это веселое дело.

Вот вы стоите у порога конторы. Вы поправляете галстук и пробор, старательно откашливаетесь, чтобы голос ваш звучал непринужденно и внушительно. Вы обмахиваете ботинки носовым платком (зачем отдавать свой завтрак чистильщику, когда есть носовой платок, который можно выстирать под краном). Затем вы стараетесь придать лицу небрежное выражение. Вы не безработный, просто, случайно гуляя, вы зашли поговорить по-дружески с директором. Теперь предстоит решающая минута. В течение минуты вам нужно доказать, что фирма без вас обречена на банкротство.

— Работу? — рычит клерк за стойкой, — и откуда вас столько берется? Нет у нас работы, идите.

Он даже не смотрит на ваш галстук, пробор и напрасно вычищенные ботинки.

В некоторых конторах мне смеялись в лицо: «Работа? Да ты, парень, я вижу, шутник. Откуда теперь работа? У нас кризис, можешь прочесть об этом в Вечерней газете».

И я краснел, извинялся и выходил за дверь оплеванный, чувствуя себя, как нищий, который в первый раз встал на перекрестке со шнурками для ботинок.

— Купите шнурочки у бездомного. — Подайте работы на кусочек хлеба.

— Проходи, проходи, здесь не подают.

Я брел по улицам, сгорбившись, кусая губы от горечи и унижения. Прохожие толкали меня, автомобили пугали гудками, а над головой вспыхивали, кричали, звенели, пели рекламы, убеждая, доказывая, приказывая.

— Каждый уважающий себя американец носит бриллиантовые перстни Хэтчисона.

— Забудьте о дневных заботах. Отдохните под звездным небом в ресторане «Сто первый этаж»!

Я... научился терпеливо стоять в очереди возле благотворительной столовой.

— Наше шампанское удлинит жизнь вдвое.

Но где они — уважающие себя американцы с бриллиантовыми перстнями, удлиняющие жизнь вдвое шампанским. Навстречу мне попадались рабочие с серыми от усталости лицами, встревоженные продавщицы магазинов и машинистки (десять долларов в неделю, если ты молода, красива и одета по последней моде) и такие же безработные, как я. Их можно было отличить по неторопливой походке.

Изредка меня обнадеживали: «Зайдите в ноябре», — говорили мне. Предстоят большие заказы. Но когда, так и не найдя до ноября работы, я приходил снова, меня встречали рассеянным взором: «Что? Я велел вам наведываться? Не помню. Действительно, мы искали людей месяц назад, но отчего же вы не пришли вовремя?»

Раза три или четыре за все полтора года, у меня спросили рекомендации. Виноватым, прерывающимся голосом я объяснил, что их нет. «Почему нет? Нет стажа? А почему? Сразу пошел из колледжа на фронт? Значит у вас ни реко-

мендаций, ни стажа, ни опыта. Что, диплом? Но вы же забыли все. Что? На испытание? Нам некогда учить школьников. Грузчиком пойдете? Что? Рука прострелена. Обратитесь в богадельню».

Это была долгая, бесконечно скучная, отвратительная история. Скучная для любого человека и полная захватывающего интереса для меня. Каждый день я переживал взлеты и падения. Я заставлял себя не терять надежды, не сдаваться, наперекор логике.

Но сколько это могло продолжаться? Я одолжил везде, где мог, и заложил все, что мог. Я продал все свои вещи постепенно, одну за другой, в том числе и золотые часы-луковицу, доставшиеся мне от покойного отца. К удивлению, эта фамильная ценность кормила меня только две недели. Не знаю, как это получилось. В том же городе, рядом со мной, благоденствовали тысячи спекулянтов, покупая и перепродавая, а я почему-то никогда не мог продать своих вещей дороже, чем за четверть цены.

Когда часы были съедены, очередь дошла до костюма. Я крепился три дня, больше нельзя было выдержать без еды. Итак, эпоха серого костюма кончилась. Я опустил руки и пошел на дно.

У дна были свои законы, свои нравы, свои жизненные приемы. Я научился спать на скамейках сидя и широко раскрывая глаза, когда приближается полисмен; познакомился с древним законом о бродягах, законом, который запрещает спать на открытом воздухе, если у тебя в кармане нет денег; научился терпеливо стоять в очереди возле благотворительной столовой и жалостливо моргать глазами, когда какая-нибудь девчонка из Армии Спасения, совсем ничего не понимающая девчонка, уговаривала меня исправиться, каждый вечер молиться, не ругаться нехорошими словами и пить только кипяченую воду.

У меня появились новые друзья — туземцы дна. Это были пожилые многосемейные рабочие, выгнанные с заводов, когда руки у них потеряли проворство, матросы с пароходов, сданных на слом, клерки разорившихся контор, учи-

теля школ, закрытых при сокращении бюджета, чиновники, которых комиссия по расследованию антиамериканской деятельности уличила в сочувствии испанским республиканцам, ветераны войны, встреченные музыкой и цветами и брошенные на произвол судьбы на первом перекрестке, безработные мальчишки без всякой специальности — сегоднешние бродяги, завтрашние воры и наивные дураки, вроде меня, отбивавшие последние гроши у родителей, чтобы получить никому ненужный диплом.

Ближе всего мы сошлись с одним матросом. Это был пожилой сутуловатый человек с медно-красным обветренным лицом и волосами медного цвета. Его звали Джозеф-Патрик Миддл, или попросту Джо. Случайно инициалы Джо совпадали с инициалами известного миллиардера, и бродяга-матрос любил подшучивать, говоря о себе помпезно-почтительными газетными фразами:

— Мистер Джей Пи Эм предпочитает простые, но изысканные блюда, говорил он, получая миску с бобовой похлебкой.

— Мистер Джей Пи Эм согласился финансировать деловые круги Скандинавии (одалживая десять центов безработному шведу-эмигранту); или: — Мистер Джей Пи Эм приобрел контрольный пакет табачной компании (подбирая окурки на тротуаре).

Джо плавал на торговых судах по всем морям и океанам и кое-что повидал в своей жизни. Нельзя сказать, чтобы он был образованным человеком. Книг он читал мало — в плаваньи не до чтения, но Джо не пропускал то, что попадалось ему на глаза, и, запоминая ходовые выражения, не без извительности применял их в самых неподходящих случаях.

— Не ешьте много мяса, — советовал он безработным в очереди. — Только растительная пища спасет вас от ожирения сердца.

— Я за американский образ жизни, — твердил Джо, расстилая газеты на газоне, где мы ночевали.

Однажды, когда мы глядели на магазин, разграбленный бандитами, Джо сказал:

Я за американский образ жизни...

— Весь мир ждет от нас просвещенного руководства ради спокойствия и прогресса (цитата из речи президента).

— Частная инициатива ведет нас к благоденствию (это было сказано перед воротами остановленного завода).

А когда полиция начала дубинками разгонять взволнованных рабочих, Джо заметил:

— Каждый удар, нанесенный нами, служит делу свободы.

У многих из нас есть свои странности. Борьба за справедливость была слабым местом Джо. «Вы не имеете права» — эту фразу я слышал от него чаще всего. Джо воевал за справедливость по мелочам, всюду, где мог. Он проверял весы в мелких лавочках, устанавливал очереди в благотворительных столовых, ввязывался во все уличные происшествия, спорил с полисменами и даже с судьями. И два раза на моей памяти это кончилось плохо: Джо получил 60 дней за оскорбление достоинства суда.

В последний раз это было в начале февраля, в самые метели, и Джо не слишком огорчился. Выслушав приговор, он спросил: «Хорошо ли топят в тюрьме», но, к счастью, судья не расслышал.

Итак, Джо получил зимнюю квартиру, а я остался на улице, чтобы поразмыслить о печальной судьбе безработного.

Глава 2

ТО, о чем я буду говорить сейчас, произошло весной, как раз в тот момент, когда Джо должен был выйти из тюрьмы. Я поджидал его в парке на нашей любимой скамейке. Был веселый апрельский день, когда солнце так жизнерадостно блестит в каждой лужице. Пахло мокрой землей, свежей зеленью и еще чем-то туманным и сладким. В такие дни хочется вскинуть узелок на плечо, встать и пойти, куда глаза глядят, через шумный центр и дымные предместья, через пригороды, дачные поселки, поля, фермы и рощи, навстречу солнцу, все прямо и прямо, в какие-нибудь далекие края, где нет безработных инженеров, которые никак не могут понять, почему они без работы.

Помнится, когда я был в колледже, меня считали думающим студентом. Я читал много книг и не только технических, интересовался музыкой и искусством. Но жизнь казалась мне простой и ясной: старайся, зубри, получай хорошие отметки, заработай диплом и все будет «олл райт». Но вот я кончил, положил диплом в карман... и оказался без дела. Здесь-то и пришлось задуматься всерьез.

Все мы не думаем, пока жизнь не прижмет нас к стенке. Каждому американцу с детства твердят, что он неминуемо станет миллионером, если он будет трудолюбив, бережлив и энергичен. И мы из кожи вон лезем, чтобы проявить трудолюбие и энергию. Рассуждать нам некогда, нас заедает бизнес. Урывками, где-то на ходу мы проглатываем кинофильмы, уголовные романы, отрывки радиопередач и броские заголовки газет, не вчитываясь, не разбираясь, не слишком веря и тут же забывая:

«Черные тигры» выиграли со счетом 3:1!»

«Девятилетняя девочка из ревности убила своего брата!»

«Враки, наверное, — думает благополучный американец, — но надо будет прочесть. Это ловко придумано».

«Федеральная полиция раскрыла тайный заговор!»

«Агенты Москвы угрожают нашей безопасности!»

«Скорее всего, враки, — думает средний читатель, — но может быть и правда. Москва — это где-то далеко на севере, в снегах. Кто знает, на что она способна? Если пишут, значит что-нибудь да есть. Может быть, и угрожают. Меня это мало трогает».

Изредка американцу попадается прогрессивная газета, которая говорит о том, что приближается кризис, что правительство тянет нас к войне. Но привыкнув к тому, что газеты всегда лгут, американец только пожимает плечами:

— Какой там кризис? — Враки! Все выдумали, чтобы привлечь подписчиков. У меня как будто дела не плохи.

И, скомкав газету, швыряет ее на тротуар, чтобы тут же забыть о ней. Политика его не касается. Он человек солидный — у него есть свое дело, свой дом, своя машина, обстановка и телевизор, купленные в рассрочку.

Но вот подходит черный день, когда «солидного человека» вызывают в контору и без предупреждения вручают ему расчет. Сбережения тают, как табачный дым, пропускается очередной взнос, и фургоны увозят обстановку, машину и телевизор, уже выплаченные на три четверти. Мы с детства твердим: «Мой дом — моя крепость». Но когда чужие люди выгоняют нас пинком из этой крепости, приходится призадуматься.

В самом деле, почему Аллэн Джонсон, инженер-строитель, кончивший с отличием, дремлет в парке на голодный желудок, вместо того чтобы работать? Почему мокнет под дождем Аллэн Джонсон, умеющий строить великолепные дома с электрической кухней, ледником и ванной, теплые, сухие и уютные дома с удобной мебелью, с чистой постелью, с пылесосами и мусоропроводом?

Почему этот самый Аллэн греется на солнышке в рабочее время, если его выучили строить заводы, великолепные корпуса с металлическими арками и могучими кранами, огромные просторные цехи, где можно расставить тысячи станков, чтобы тысячи людей нашли себе работу? Почему Аллэн сидит здесь, засунув руки в дырявые карманы, умелые руки, которые могут начертить грамотные проекты жи-

лиц, заводов, магазинов, контор, школ, больниц, вокзалов? Почему? В самом деле, скажите мне, почему?

Пока я размышлял на эту скучную тему, какой-то щеголь в клетчатом плаще и темно-зеленой шляпе расхаживал мимо меня, помахивая тросточкой. Затем он присел на скамейку рядом.

Искоса, быстрым взглядом профессионального бродяги я оглядел своего соседа. Кто он такой? Что ищет в парке? Нельзя ли извлечь из него 25 центов? По виду это мог быть... впрочем, мне совсем не нужно было гадать. Рядом со мной сидел Фредди Палома — капитан и левый край сборной команды нашего колледжа.

Я отвернулся в сторону. Мне вовсе не хотелось, чтобы Фредди узнал меня в таком виде и принялся выспрашивать историю моих злоключений только для того, чтобы сочувственно почмокать губами: «Ах, ах, тяжелые времена!»...

...Какой-то щеголь в клетчатом плаще и темнозеленой шляпе расхаживал мимо меня, помахивая тросточкой.

В сущности, мы были не так уж близки с ним. Я знал его главным образом по футболу. Фредди был не скверным форвардом, только несколько нахальным. Он всегда зарывался, играл сам с собой и требовал, чтобы мячи подавали ему одному. И в жизни Фредди был таким же самоуверенным: он охотно поучал новичков (в том числе и меня), как надо играть в футбол и как надо жить. И мне, по правде, это быстро надоело.

На лекциях я встречал его гораздо реже. Фредди являлся в колледж только перед экзаменами, всегда бледный, встревоженный. Он суетливо выпытывал у студентов — кто спрашивает, что спрашивает, идти ли к профессору или к ассистенту, можно ли отклониться от заданной темы, поспешно записывал формулы на манжетах, умоляюще просил подсказывать. Я сам как-то ухитрился прислать ему дословный перевод контрольного текста и спас его на экзамене русского языка. (Дело было в начале войны, когда у нас еще охотно разговаривали о дружбе с русскими.) К слову сказать, русские не скверный народ, но язык у них такой, словно нарочно его выдумали на горе студентам. У них есть одна такая буква «щ», которую по-нашему нужно писать четырьмя: «эс», «эйч», «си» и опять «эйч». Затем у них бездна окончаний. В каждом падеже окончание, в каждом лице — окончание. Глаголы совершенные, несовершенные... Бедный Фредди никак не мог одолеть этой премудрости и, получив от меня перевод, проникся безграничным уважением ко мне. Кто бы мог думать тогда, что через много лет мы будем сидеть на одной скамейке, и я отвернусь, чтобы Фредди не узнал меня.

— Приятная погодка, — заметил Фредди небрежно (самое подходящее начало для разговора). — Немножко холодновато для апреля, а?

— За углом есть заведение, где можно согреться, сэр, — ответил я, подделываясь под бродягу. — Прикажете проводить, сэр?

Фредди криво усмехнулся. При этом усы его стали дыбом, как зубные щеточки.

— В общем, не валяй дурака, Аллэн, — сказал он, — я узнал тебя. Я вижу — ты на мели. В чем дело? Почему ты не работаешь?

— Почему? — воскликнул я — Я сам хочу спросить «почему»? И если хочешь, я соберу здесь в парке еще тысячу человек, и все мы, выстроившись, спросим хором «Почему мы не работаем?» Может быть, ты возьмешься ответить?

Фредди пожал плечами.

— Что отвечать? Ты сам знаешь — у нас кризис, — сказал он — Виновата Москва и разные смутьяны, которых она подкупает. Из-за них мы не можем торговать с Азией, из-за них и ты сидишь без работы.

— Эти проповеди я слышал, — ответил я сердито, — и никогда не мог понять, причем здесь русские Пусть они ходят на голове у себя дома, мне до них дела нет. Я не торгую с Азией — с Азией торгует Уолл-Стрит. А я строю дома. Могу я строить дома в своем родном городе?

— Ну, знаешь, ты просто красный, — фыркнул Фредди.

— Фредди, я все время толкую тебе, что я не красный, не черный, не желтый и не голубенький с цветочками. Я безработный. И вообще мне скучно с тобой разговаривать. В парке много свободных скамеек.

Фредди задумчиво чертил тросточкой какие-то вензеля.

— А на Пальмовые острова поедешь? — спросил он неожиданно.

— Я могу поехать на Луну, если там нужны железобетонщики.

Фредди улыбнулся.

— На Луну не нужно. Я предлагаю на Пальмовые острова. Контракт на пять лет. Мне как посреднику тридцать процентов. Пароход отходит через две недели.

Глава 3

Я МНОГО раз задавал себе вопрос: что было бы, не встречай я Фредди? Трудно сказать. Человек предприимчивый на моем месте, наверное, кончил бы тюрьмой, а мирный и робкий умер с голоду под решеткой. Так или иначе, я вытянул счастливый номер. И я был действительно счастлив тогда.

Я с большим удовольствием вспоминаю первые радостные дни, когда я стал «человеком дела», Фредди был настолько благороден, что ссудил меня в счет жалованья, и первым долгом я отправился в ближайший ресторанчик. Кутить, так кутить. Я заказал себе бифштекс, яблочный пирог и кофе. Все это было необычайно вкусно, особенно бифштекс с мелкими сухарями, жареной картошкой и луком. Мне даже жалко было, что он кончился так быстро. Но разве я не богач теперь? Разве я не могу взять еще что-нибудь?

И, допив кофе, я подозвал официанта и заказал ему все сначала: бифштекс, яблочный пирог и кофе. У меня не хватило фантазии для нового меню.

Затем, немножко опьянев от еды, наслаждаясь приятной теплотой во всем теле, чувствуя себя на редкость сильным, добрым и щедрым, я дал официанту четверть доллара на чай (пять ночевок в самой дешевой ночлежке, где койки подвешены на веревках, а в 6 часов утра веревку отвязывают, чтобы сразу поставить тебя на ноги). А затем отправился покупать себе серый костюм, хотя, как я узнал позже, за это время серое вышло из моды. Новый костюм, словно ключ, открыл передо мной все двери комнат, сдающихся в наем. И через полчаса я нежился в ванне, упиваясь теплотой и чистотой. Если вы когда-нибудь возвращались домой из экспедиции, проделав миль 500 верхом, или из похода, или из окопов, насквозь пропитанные пылью и потом, тогда вы понимаете как приятно сесть в ванну, напустить такой горячей воды, чтобы дышать было трудно, и с ожесточением скрести себя губкой, сдирая кожу вместе с грязью.

Помню, с каким наслаждением, надев налокотники, я впервые сел за покатый чертежный стол...

Потом я доставил себе удовольствия нравственные. Я навестил семейство дяди Хонни и даже преподнес тете Берте коробку конфет. Дядя уже не рисковал давать мне советы. Гарри, сверкая вставными зубами (настоящие ему выбили за это время), тяжело вздохнув, сказал: «Пальмовые острова это то, что надо. Доллары растут там, как на дрожжах».

А тетя Берта отвела меня в угол и, с опаской оглядываясь на Лина, шепнула: «Аллан, ты бы устроил Гарри на хорошую работу! Бар неподходящее место для мальчика. Мне кажется, от него иногда пахнет вином. Ты бы урезонил его,

как старший. (Бедняжка! Она до сих пор не знала, что сын ее профессиональный гангстер.)» Затем я доставил себе удовольствие сделать доброе дело. Я устроил на работу Джо — неистового борца за справедливость — и даже не взял за это 30 процентов. Правда, должность была не из лучших, но выбора не было, у Джо в матросской книжке стояла черная печать. Он заработал ее в свое время, добиваясь справедливости у старшего штурмана. Поэтому нельзя было определить его в матросы, а только помощником повара на пароход «Уиллела» — топить плиту и мыть посуду. Но и такой работой Джо был доволен, не меньше, чем я своей. «Во всяком случае, — сказал он, — наводить чистоту благороднее, чем пачкать».

Все это было очень приятно: быть сытым, чистым и чисто одетым, спать на стиранных простынях, под крышей, а не под дождем, видеть почтение родственников и радость Джо. Приятно было покупать, примерять, заказывать, чувствовать себя полноправным человеком, без дрожи проходить мимо полисмена. (Джо заметил, что я стал держать голову выше). Но всего приятнее было сесть за работу.

Помню, с каким наслаждением, надев налокотники, я впервые сел за покатый чертежный стол. Готовальня, стрекочущий арифмометр, логарифмическая линейка, нетронутая белизна ватманской бумаги приводили меня в умиление. А кнопки, обыкновенные чертежные кнопки с эмалированной головкой! Я чуть не расплакался, увидев их, — ведь я не держал в руках кнопки, наверное, восемь лет. Помню, как вписал я первую цифру в таблицу. Помню, как отточил чертежный карандаш, жесткий, как гвоздь, и, затаив дыхание, провел на ватмане первую линию, как любовался ею — такой четкой, ровной, решительной, безукоризненной во всех отношениях.

Мне доставляло удовольствие держать в руках справочник, читать, рассчитывать, проверять, рисовать и стирать резинкой, просто думать, наконец.

Нельзя сказать, чтобы моя работа требовала больших размышлений. Для начала мне дали рассчитать балку —

обыкновенную железобетонную балку для заводского здания с восьмиметровыми пролетами, но балка... здесь, когда речь идет о моей специальности, я уже не могу рассказывать равнодушно.

Видите ли, каждая вещь на земле имеет тяжесть и каждая стремится упасть вниз. Это было известно задолго до Ньютона. Так вот, по законам тяжести потолки должны падать нам на голову. А чтобы они не упали, мы кладем их на балку. Если хотите знать, балка — самая хитрая часть в любом сооружении. Балка собственной прочностью побивает силу тяжести, героически принимая на свой хребет вес перекрытия.

От тяжести балка изгибается, или, говоря технически, балка работает на изгиб. При изгибе верх ее сжимается, а низ растягивается. Не всякий материал может работать так сложно, поэтому очень долго балка ограничивала замыслы древних строителей.

В степях Средней Азии не было подходящего материала для балок. Древние жители сооружали там сводчатые потолки из глины, поэтому им приходилось строить дома с комнатами длинными и узкими, как коридор. В Древнем Египте применялись в качестве балок тесаные камни; чтобы поддерживать их, египтянам приходилось превращать свои храмы в густой лес колонн.

В лесистых странах применяли для балок дерево. Дерево хорошо работает на изгиб, иначе его сломала бы первая буря. Но стволы — коротки. Обычно в практике 6-8 метров — это предел деревянной балки.

И только, когда были найдены новые формы — ферма, например, и новые материалы — металл и бетон, мы, инженеры, почувствовали себя свободными. Только тогда мы стали строить мосты в полтора километра длиной и кинозалы на 20 тысяч зрителей...

Пока мне предстояла скромная задача, и все же я взялся за нее с невольным трепетом. Ведь прошло восемь лет с тех пор, как я сдал последний расчет. Может быть, у меня отвыкли пальцы и отвыкла голова.

Помню, в детстве, когда мне было лет десять, я научился плавать. Было это в самом конце лета. Я испробовал новое искусство раз или два. Прошел почти целый год, и вот на следующий год в июне я с опаской вступил в воду. Не разучился ли я за зиму? И вдруг, о радость! Барахтаясь и брызгая, я держусь на воде. Я плыву и буду плавать всегда.

Такая же радость охватила меня, когда я почувствовал, что балка моя продвигается. Я плыву — барахтаюсь и брызгаю тушью, но все-таки вспоминаю. Вспоминаю прутки, хомуты, расчет на срез, на косую трещину...

В свое время профессора говорили, что у меня есть чутье материала. Чутье — это что-то отвлеченное, но я постараюсь объяснить. Вы, наверное, не раз любовались великолепными мостами над мощным Гудзоном или над Золотыми воротами. Вы помните гигантские столбы у въезда на мост и плавные металлические дуги, висящие между этими столбами? «Как красиво!» — говорили вы. Да, красиво. Красиво потому, что рационально. Рациональная конструкция, где нет лишнего материала, радует глаз. Металл великолепно работает на растяжение. В висячих мостах почти все несущие части растягиваются. Мы не тратим лишнего материала, и мост получается стройным, изящным, воздушным.

В отличие от металла каменные конструкции работают только на сжатие. На сжатие работают столбы и арки. Посмотрите на средневековые соборы — это песни из камня. В них сочетание столбов и арок. Это шедевр работы на сжатие.

Железобетон — материал новый. У него еще нет своих традиций. Он очень сложен: здесь и твердые камни, и песок, и цементный раствор, и железные прутья. Мы еще плохо знаем этот сложный материал, на всякий случай для прочности добавляем лишку, а лишний материал мстит дороговизной и неуклюжестью. Мы называем бетон мощным, массивным, а, по сути дела, массивность от нашего неумения. Знай мы материал до конца, мы строили бы железобетонное кружево.

Эти недостатки приходится исправлять чутьем, вкусом конструктора...

Я чувствую, что деловые люди уже посмеиваются. И совершенно напрасно, потому что красота и экономичность конструкции одно и то же. Впрочем, Фредди тоже смеялся надо мной. Он посоветовал не полагаться на чутье, а лучше взять несколько уроков у старшего инженера бюро. Я так и сделал. И когда прошел двухнедельный испытательный срок, старший инженер лаконично сказал, принимая у меня очередную балку:

— Завтра «Уиллела» отчаливает в 8 утра. Она доставит вас прямо на Пальмовые острова.

Глава 4

БОЮСЬ, что экзотическое путешествие на Пальмовые острова я не смогу описать здесь. Дело в том, что по существу я этих островов не видел.

Наш пароход остановился на рейде задолго до рассвета. Меня высадили в катер вместе с целой кипой тюков и деревянных ящиков с угрожающей надписью: «Не трясти, не бросать, не кантовать». Пока шла погрузка, небо стало голубовато-серым, и на стальной глади океана я увидел синюю полосу низменного берега.

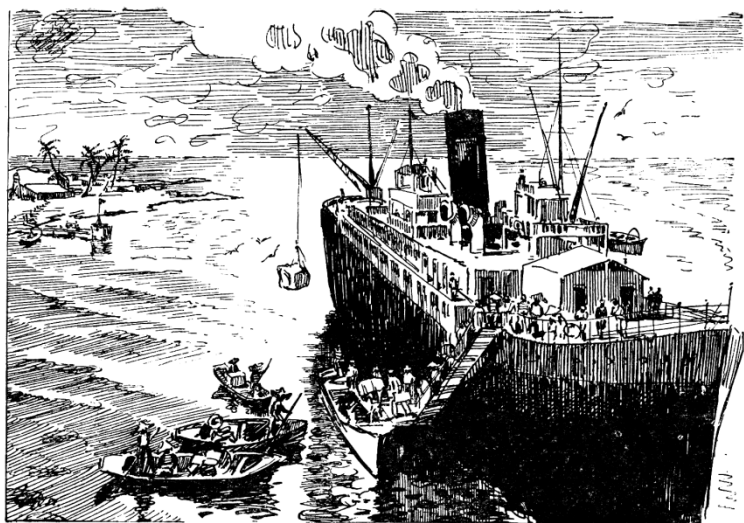
На причале стояли солдаты — два рослых откормленных молодца с автоматами на груди. Они стояли, широко расставив голые ноги, увязшие по щиколотки в песке, и горделиво поглядывали на нас. А грузчики-туземцы в шляпах, похожих на опрокинутые блюда, — с опаской обходили эти живые монументы нашей военной мощи.

За спиной у солдат была вывеска: «Кокосовая концессия Чилл и К^о», а за вывеской тянулась ровная и низкая песчаная коса без единого кустика. Слева от нас за колючей проволокой виднелись длинные бамбуковые хижины, видимо, бараки местных рабочих, а справа — приземистые одноэтажные бетонные корпуса, плоские и бледно-серые, они совершенно сливались с песком.

Вот и все в сущности, что я могу рассказать о Пальмовых островах.

Меня поселили в одном из бетонных корпусов, и в нем же я начал работать на следующий день. Я выбрал место возле окна, и всякий раз, отводя глаза от чертежной доски, мог видеть пустынный океан, пенные гребешки на волнах, пологий пляж, бамбуковые бараки за колючей проволокой и двух охранников на берегу, которые, томясь от жары и скуки, переминались с ноги на ногу.

Мы начинали работу в семь утра. Только в это время можно было дышать и соображать что-либо. Ровно в семь старший инженер Клэй, синевато-черный от загара, сухой и нервный малярик — раздавал нам дневные задания: расчет

...Меня высадили в катер.

или рабочий чертеж многопролетной балки, металлической фермы, перекрытия, круглой стенки резервуара.

Кто знает, почему Чиллу и компании понадобилось строить столько бетонных складов и резервуаров для кокосового масла. Я не интересовался этим, по крайней мере первое время. Я был в восторге от того, что работа не переводится.

Часам к девяти в комнате становилось душно. Еще через четверть часа техник Джонни (его дразнили Джонни Пуп-сиком) поднимал над доской свое распаренное лицо и, ругнувшись, вылезал из-за стола, чтобы полить пол из чайника.

К десяти уже нечем было дышать. Мы поминутно прикладывались к термосу с холодной водой или подставляли голову под кран. Это освежало, но ненадолго. Как только волосы высыхали, голова снова становилась тяжелой, мысли вялыми и неопределенными, приходилось пять минут морщить лоб, чтобы перемножить двухзначные числа.

— Неужели шеф не мог найти клочка земли в Штатах?
— восклицал Джонни. Я чувствую, что изжарился заживо.

Здесь могут жить только ящерицы и канаки — эти желтые обезьяны. (Джонни было восемнадцать лет. Он очень хотел, чтобы его считали взрослым, и ради этого старался как можно крепче ругаться, как можно грязнее говорить о женщинах и рисоваться своим презрением и грубостью по отношению ко всем цветным.).

— В Штатах не платят такие деньги, — отвечали старшие.

— Попробуй найти там работу. Аллэн расскажет тебе, как это легко.

— Работать нигде не сладко...

Много позже я задавал Фредди тот же самый вопрос: для чего, собственно, шеф устроил свое бюро на Пальмовых островах, в чужой стране?

Фредди только рассмеялся!

— Шеф знает, что делает, — сказал он. — В Штатах он у всех на глазах. Там сотни прогрессивных газетчиков. Всем им рот не замажешь. Мистер Чилл получил субсидии? На что? На научные исследования. На какие? А здесь Чилл полный хозяин. Он — господин Доллар. Что он делает у себя за колючей проволокой? Нас не касается, он платит долларами. Здешний президент сам примет меры, чтобы охранять покой шефа.

Конечно, Фредди был прав. Все мы были господа доллары в этой стране. Не только шеф, но и Фредди, и Джонни Пупсик, и я, и даже монументальные охранники на пристани. Один из них сказал мне как-то:

— Какой смысл ехать в Штаты? Кем я буду там? Вышибалой в баре, рабочей сардинкой в метрополитене? А здесь я не сардинка, я господин Американец. Эй, ты, черномазый, посторонись, ослеп, что ли?

В полдень, окончательно осовев от жары, мы прекращали работу. Начинались томительные часы дневного перерыва — от 12 до 6. Можно было, игнорируя жару и акул, отправиться на купанье; можно было сидеть в комнате, завесив окна мокрой простыней, киснуть от жары и вслух ругать шефа, тропики, самого себя, безработицу и Фредди. Можно

— Зачем я пью? — спрашивал он.

было, наконец, вышибая клин клином, провести шесть часов за стойкой в буфете, изобретая необыкновенные коктейли и посмеиваясь над хвастливыми рассказами Джонни о его воображаемых романах.

Я обычно предпочитал первый способ, а наш молчаливый начальник Клэй последний. Ровно в двенадцать он забирался на вертящийся табурет перед стойкой и начинал, как он выражался, атаку на приступ малярии. Часа два шла ожесточенная молчаливая борьба между алкоголем и лихорадкой. Клэй глушил болезнь страшными смесями из рома, лимонной кислоты и чистого спирта (никто из нас не мог их даже пригубить). Затем после долгой борьбы спирт побеждал и болезнь, и больного. Клэй, размякнув и опьянев, впадал в философское настроение. Пригорюнившись, он подсаживался к подчиненным и смущал их трудными вопросами:

— Зачем я пью? — спрашивал он. — Зачем работаю? Зачем живу? Отчего меня не гонят? Не знаете? Эх, вы, молодежь!

По вечерам Клэй не работал. В лучшем случае он дремал у себя за столом, положив под щеку «Справочник железобетонщика». Все начальство знало это, вплоть до шефа, но Клэя не трогали. Наш начальник был в своем деле артистом. Он, как никто, умел класть заключительные мазки, и все мы разводили руками, когда Клэй двумя словами разрешал безвыходные затруднения.

Пьянство Клэя имело неожиданные последствия для меня.

Это было примерно через месяц после моего приезда. Уже месяц я считал фундаменты и балки для каких-то неведомых сооружений, которые обозначались у нас: «корпус А, корпус В, корпус Х» и т. д. Для чего эти корпуса, никто не знал да и не спрашивал. Мы получали двойное жалованье не за любопытство.

Но вот однажды вечером, когда воздух был, как парное молоко, а на темной глади океана золотилась лунная дорожка, кто-то вызвал Клэя к телефону. Наш начальник, как

обычно, дремал, подпирая подбородок ладонями, и Джонни, подмигнув нам, сказал: «Что же вы звоните? Разве вы не знаете, что он плохо слышит после обеда?»

— Кто плохо слышит?(Джонни, съевшись, на цыпочках отошел от телефона).

Голос Клэя был неожиданно ясным и трезвым, но движения, как у пьяного, — порывистые и вместе с тем, связанные. Видно было, что перед каждым движением старший инженер размышляет: «Надо встать. Надо взять трубку правой рукой» и т. д.

Протягивая руку, Клэй опрокинул бутылочку с тушью, задержался на мгновение, строго посмотрел на нас: не смеется ли? Медлительно положил промокашку на кляксу и взял телефонную трубку, не замечая, что тушь из-под промокашки течет ему на руку.

— Какая схема? — сказал он, морщась с досадой. — Корпус Н? Делайте по чертежам корпуса В. Не понимаю. Какие исправления? Ну, хорошо!

Он опустил на свое кресло и, морщась от головной боли, провел рукой по лбу, пятная лицо тушью. Джонни сдавленно хихикнул. Клэй пытливо поглядел на него, словно подозревая, что это Джонни подстроил каверзу, потом на свою черную ладонь, потом на залитый тушью стол и вдруг улыбнулся добродушно и беспомощно.

— Кажется, я пьян, мальчики. Придется сходить кому-нибудь из вас. Кто тут самый толковый? (Он обвел глазами контору.) Аллэн, будьте добры. Вы знаете, где корпус В? Что? Секретно? Ничего, я отвечаю за это. Я напишу им, пусть покажут вам лабораторию в работе.

«Покажут лабораторию в работе!» Наконец-то для меня откроется секрет Кокосовой концессии. Наконец-то, я увижу, какие дела прикрываем мы нашими балками и перекрытиями. И десяти минут не прошло, как я уже сидел в кабинете начальника лаборатории — мистера Стоуна и вместе с ним рассматривал планы корпуса В.

— Здесь в электролитном цехе все будет по-прежнему, — говорил он, водя карандашом по светокопии. («Вот как,

Я заглянул внутрь.

— подумал я, — электролитный цех в кокосовом складе!)).
Нужно только увеличить размеры компрессорной. (Ком-
прессорная! Для чего же им нужен сжатый воздух?). Здесь
вы добавите отверстие для трубопровода. (Повидимому,
воздушного.) Здесь будут резервуары, а здесь машинный
зал и трансформатор при нем (я сообразил, что машины пи-

тает током наша Центральная электростанция). Но самое главное, лаборатория. Как раз сейчас (он взглянул на часы) начинается опыт, и вы сможете увидеть необходимые механизмы в действии.

Он повернул какой-то рычажок на мраморной доске, и в стене против нас открылось круглое отверстие, нечто вроде иллюминатора. Я заглянул внутрь и увидел за выпуклыми стеклами довольно просторную, очень плохо освещенную комнату, без дверей и без окон, но зато со сплошными зеркалами во всю стену. В комнате было несколько пальм в кадках, полки с коллекциями, небольшая, очень изящная антилопа с тонкой мордочкой и подвижными ушами, и, даже, аллигатор в железной клетке. Из-за зеркала я не сразу сумел разобраться, потому что все предметы удваивались. Казалось, что перед нами не одна антилопа, а две и обе они одновременно поднимали голову, переступали ногами или вытягивали шею.

Внезапно антилопа (и ее отражение) насторожилась, понюхала воздух и заметалась по комнате. Потом животное остановилось, прижавшись в угол, и только тут, перехватив ее взгляд, я заметил, что пугало ее. В верхнем углу из небольшой трубки, похожей на дуло ружья, струй бил пар. В несколько минут вся комната заполнилась паром, сначала в нем утонул аллигатор, затем антилопа, потом пальмы и полки.

— Вот всегда так, — с возмущением воскликнул Стоун.
— Самый важный момент в тумане.

— Пробыте ядовитые газы? — опросил я с отвращением.

Стоун отмахнулся.

— Что вы? Какие там ядовитые? Безвреднейший водород.

Некоторое время спустя туман прояснился. На этот раз опытная комната выглядела совсем иначе. Зеркало запотело, пол покрылся тонким слоем матовой изморози. Пальмы поникли, аллигатор спал, свернувшись в клубок, как собака, только антилопа судорожно прыгала по комнате, по време-

нам останавливаясь и опуская голову, как будто сон одолевал ее.

— Сто десять градусов! — воскликнул Стоун, указывая на стену, где висел огромный термометр неизвестной мне конструкции. Светящаяся стрелка стояла возле 110, даже 112. Нет, уже 113. Температура все время опускалась.

Теперь мне стало понятно все. Корпус В был грандиозной лабораторией по изучению холода. В электролитном цехе добывали водород из воды. Гигантские резервуары, которые мы рассчитывали, предназначались для хранения газа. В компрессорной газ сжимался, а в машинной, вероятно, превращался в жидкость. Ледяной газ вдувался в зеркальную комнату. Но, зачем? Чтобы простудить аллигатора?

— Любопытно, сколько она выдержит, — бормотал Стоун, глядя на прыжки антилопы. — Очевидно, нужно некоторое время, чтобы заморозить ее.

Снова поднялся туман, на этот раз ненадолго, а когда он осел, антилопа лежала без движения поперек желоба, по которому стекала очень светлая, почти совершенно прозрачная жидкость.

— Жидкий воздух! — догадался я. — Стоун молчаливым кивком подтвердил мое предположение...

Но тут же возникло новое невиданное явление. Верхняя часть лаборатории осветилась. Через всю комнату от края до края протянулись оранжевые, голубые и темно-фиолетовые лучи. Цвет их менялся каждую секунду, лучи сплетались, вспыхивали, вращались. Временами казалось, как будто под потолком подвешен сине-оранжевый занавес, и складки прозрачной материи колышутся на ветру.

— Небольшое северное сияние, — пояснил невозмутимый Стоун. — Над жидким воздухом образовался вакуум. Когда мы даем ток, комната превращается в газовую лампу.

Внимательно глядя в иллюминатор, он начал нажимать разноцветные кнопки одну за другой, и опытная камера ожила — от потолка ее отделились странной формы крюки, щипцы и подвески... Металлические пальцы стали шарить

по полу, вынося из жидкого воздуха ящики, кадки с пальмами и сосуды... (видимо, внизу были расставлены разнообразные вещества, на которых испытывалось действие холода)... Один из крюков зацепил мертвую антилопу, но, не удержав, уронил ее, и антилопа, упав на бетонный пол, разбилась на куски, как стеклянная, голова отскочила в сторону, тонкие ноги разлетелись осколками.

Больше я ничего не видел, потому что Стоун выключил цветное сияние, и, закрыв иллюминатор, обернулся ко мне:

— Такова наша опытная лаборатория, — сказал он. — Ее нужно усовершенствовать и расширить... Давайте посмотрим размеры по чертежу.

Записывая цифры и проставляя их на светокопии под диктовку Стоуна, я все время думал: «Зачем это все нужно? Сначала мне пришло в голову самое простое объяснение. У мистера Чилла — нашего шефа — величайшие в Америке бойни. Ему принадлежат горы колбас, грудинки, мясных консервов, фарша, котлет, паштетов, тушенки, бульонных кубиков. Говяжий король мистер Чилл — основной заказчик холода. Чтобы доставить вырезку, филе, грудинку и ливер Чилла во все 48 штатов и 16 маршаллизованных стран голодной Европы, нужны тысячи вагонов, сотни пароходов-рефрижираторов, сотни портовых холодильников на всех берегах Атлантики и Тихого океана. Наш шеф не только говяжий король, он король мороза, и понятно, если его лаборатории изучают холод».

Но, трезво подумав, я отказался от своего собственного объяснения. Изучение холода — вещь понятная, но к чему же замораживать антилопу? Ни один лесоруб, свалив дерево, не станет его вытаскивать из леса вместе с сучьями и листвой... Никакого смысла нет возить за тридевять земель замороженных быков с рогами, копытами и обледеневшей шкурой. Нет, мясная торговля здесь ни при чем... У шефа иные цели.

И я решил, как только приедет Фредди, расспросить его, если только сам он знает что-нибудь.

Глава 5

Фредди приехал гораздо раньше, чем я думал. В середине июля нагрязнул неожиданно шеф. Он прилетел на самолете после полудня в самую жару и за пять минут разворошил весь городок, как муравейник. Полутрезвый Клэй, желтый от злости и лихорадки, собрал нас в Бюро. Джонни заикнулся об урочном отдыхе и тут же был оштрафован. Какое там расписание? Шеф на работе, значит, все должны работать. Отдыхать поезжайте в Штаты, обивайте там пороги на частных биржах труда. Кто сомневается, сегодня же получит проездной билет...

Стиснув зубы, мы усадились за столы. Сегодня каждый из кожи вон лез, чтобы доказать свою незаменимость. Машиноистки стучали вперегонки, как горохом сыпали, сметчики громко жаловались на ошибки, начальники щедро раздавали выговоры, стараясь, чтобы их голоса были слышны в коридоре, где мог проходить «великий Чилл».

К вечеру дошла очередь до нас: шеф потребовал к телефону Клэя, и даже Клэй, наш хладнокровный Клэй, ко всему безразличный, кроме спиртного, побледнел, принимая трубку..

— Кажется, старик сам получил проездной билет, — злорадно прошипел Джонни...

Но здесь Клэй повесил трубку...

— Аллэн, — сказал он четко, — вас требуют в кабинет шефа...

Теперь пришла моя очередь дрожать и краснеть. К шефу? Меня? За что? В чем я провинился... Я мысленно просмотрел все подписанные мною чертежи и сметы... Как будто никаких ошибок, никаких замечаний... Значит, просто сокращение и меня, как новичка, первым...

И вот приговоренный, я стою перед тяжелой дубовой дверью, бессмысленно глядя на бронзовую львиную голову, которая держит в зубах медное кольцо... Сейчас я возьмусь за кольцо и... открою дверь в Штаты, назад к парковым скамейкам, к унижительным похлебкам Армии Спасения и

пятицентовым ночлежкам... Откуда-то сбоку выходит Стоун. Его холеное бледное лицо покрыто красными пятнами, губы дрожат...

— Надо быть идиотом, — говорит он, стуча зубами, — полным идиотом, чтобы верить собственным газетам. Он удивлен, что у русских есть инженеры, он думает, что в Москве ездят на белых медведях верхом... Надо быть сто-процентным дураком...

Я не слушаю Стоуна, мне не до него. Я понимаю, что Стоун уже получил проездной билет в Штаты...

И вдруг передо мной возникает знакомое лицо Фредди. Мой бывший соученик взъерошен и бледен, как бывало перед экзаменом. Радостно вскрикнув, он тащит меня за рукав в соседнюю комнату и, задыхаясь, шепчет на ходу...

— Аллэн, друг, это я тебя вызвал, извини. Выручай, на тебя вся надежда... Шефу прислали из ФБР русскую статью. Нужно ее перевести сейчас же... Шеф рвет и мечет, а я все перезабыл... — «Я хожу, он ходишь»... Ничего не помню.

— Но, Фредди, дорогой, я восемь лет не брал в руки учебника.

— Как-нибудь, Аллэн, как-нибудь... Вот словари, бумага, если нужно, вызовем стенографистку... Думай во всю, Аллэн, от этого зависит и твоя судьба и моя...

Он сунул мне в руки тонкий журнал. Я увидел на обложке русские буквы и обрадовался им, как старым знакомым. Будто бы снова вернулись колледж, экзамены, длинные шпаргалки с неправильными глаголами и погибающий Фредди, у которого вся надежда была на меня.

Судя по заголовку и внешнему виду, журнал был популярным, вероятно, для молодежи. На обложке очень яркими красками было изображено бирюзовое небо и изумрудно-зеленые волны. В волнах тонул пароход, крутой нос его был задран, и красный киль выскочил наружу. На переднем плане, на снежном берегу стояли люди с флагами, причем вид у них был почему-то довольный и радостный... Какая-то светловолосая девушка улыбалась юношам, черноро-

дый сутулый великан показывал на пароход. Я подивился наивной беспомощности художника, который не сумел изобразить тревогу и ужас. Но Фредди не дал мне раздумывать... Перевернув страницу, он показал статью, отчеркнув красным карандашом, и я, запинаясь, перевел:

ДОМ, ПОСТРОЕННЫЙ ИЗ ВОДЫ

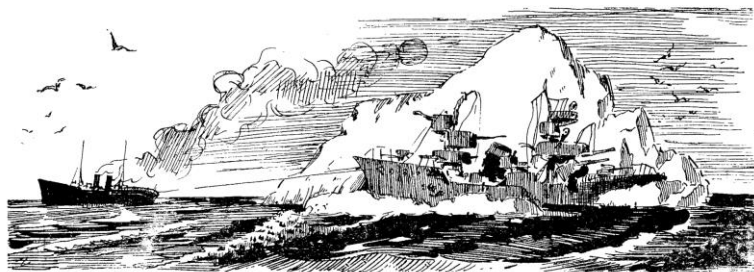
Очерк Г. Горина

— Ты уверен, что из воды, а не в воде? — переспросил Фредди. Очень странно — «из воды».

Но нет, оказывается, я помнил русскую грамматику отлично. Предлог «из» может иметь разные значения, но большей частью он переводится «фром» откуда-то, «оут оф» — изнутри, или «оф» — из такого-то материала, из такой-то группы... В данном случае, речь шла явно о материале, поскольку перед «из» стояло причастие «построенный», так что перевод «Тхе хоус мэйд оф ватер» был безусловно правилен.

Но я думаю, незачем задерживаться на всех грамматических сомнениях двух неумелых переводчиков. В конце концов, перевод был сделан. Вот текст очерка из советского журнала «Наука и техника».

ДОМ, ПОСТРОЕННЫЙ ИЗ ВОДЫ

1. Толя выбирает дорогу

ЯПОНСКИЙ крейсер типа Ямато, водоизмещением в 16 тысяч тонн, был потоплен советскими торпедоносцами близ острова Вулканического, в каких-нибудь пяти милях от своей базы. Это было в те дни, когда, рассыпавшись под мощными ударами войск, отборная Квантунская армия лучшая армия микадо, сломя голову бежала по Маньчжурским полям, когда ученые-бактериологи в Харбине жгли архивы, расстреливали свидетелей и распускали чумных блох, а мистер Трумэн испытывал на японских женщинах и детях новое эффектное оружие — атомную бомбу.

Разгромленные в Маньчжурии самураи капитулировали, и остров Вулканический вместе с другими русскими островами был возвращен советскому народу. В прежней военноморской базе разместилась океанологическая станция, и океанологи первые поставили вопрос о подъеме потопленного судна. Магнитная разведка определила местонахождение металлического корпуса, дно здесь было удобное, скалистое (илистое дно может засасывать затонувшее судно), но лот категорически сказал: нет. Глубина 311 метров, давление свыше 30 атмосфер. В таких условиях водолазы работать не могут.

В то время Толя Зайцев еще не знал этих подробностей. Он вообще ничего не слышал о крейсерах типа Ямато. Толя

сидел на первой парте и, склонив на плечо круглую стриженую голову, старательно выводил по косым линейкам крупные и корявые буквы: «Я учусь в школе. У меня есть мама и сестра Саша. Моя мама — стахановка. Мой папа убит на фронте... Папа был пулеметчиком».

Толя смутно помнил своего отца. Отец его был «холодником», то есть специалистом по холодной обработке металлов. Соседи хорошо помнили мастера Зайцева, рассказывали сыну, каким знатоком своего дела был его отец. И когда подошла пора выбирать профессию, Толя твердо решил встать на отцовскую дорогу.

Он кончил с отличием амурское механическое — самое лучшее из ремесленных училищ Дальнего Востока. Училище это славилось на сотни километров в округности и за долго до выпуска туда поступали заявки от самых различных организаций с просьбой прислать пять, десять, или пятнадцать молодых рабочих.

Рабочие требовались в железнодорожные мастерские, на судоверфи и нефтяные промысла, на машиностроительные и рыбоконсервные заводы, на лесокombинат и даже в китобойную флотилию. Можно было выбрать Комсомольск, Советскую Гавань, город Свободный, Александровск на Сахалине, или Петропавловск на Камчатке. Можно было остаться также в родном городе возле мамы и сестры Саши. Толю как отличника директор хотел оставить при училище помощником мастера, но юноша не согласился.

— Однако рано мне учить, — сказал он, — опыта мало. Еще надо поучиться — на работе.

И он выбрал самое далекое и трудное назначение — на остров Вулканический, где развертывала свою деятельность большая экспедиция подводных работ.

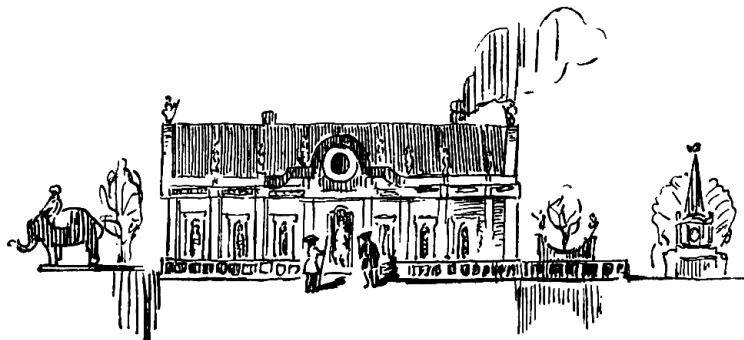
2. Причуда Анны Иоанновны

Историю потопленного крейсера Толя узнал уже на пароходе. На остров Вулканический ехало много людей: токари, слесари, каменщики, плотники, киномеханик со своими кубическими ящиками, хлопотливый завхоз, начальник клуба с библиотечкой.

Узнав о существовании библиотеки, Толя попросил «каких-нибудь книжек насчет подводных работ на острове», и начальник клуба охотно достал ему «Спутник подводника», очень толстую «Океанографию», сборник «Тихий океан. Жизнь и природа» и, кроме того, неизвестно зачем, потрепанную, пожелтевшую от времени брошюрку с витиеватым заголовком: «Подлинное и обстоятельное описание, построенного в С. Петербурге в генваре 1740 года ледяного дома, составленное академиком Георгом Крафтом».

В брошюре рассказывалось, как на замерзшей Неве против Зимнего Дворца был выстроен ледяной дом по приказу Анны Иоанновны. Скучающая царица затеяла эту постройку для того, чтобы сыграть там свадьбу своего шута. Комнаты, двери, окна, мебель, архитектурные украшения — все было сделано из чистого льда. Вот, что говорит об этом Крафт:

Ледяной дом Анны Иоанновны.

...«Самый чистый лед наподобие больших квадратных плит разрубали, архитектурными украшениями убирали, циркулем и линейкой меривали, рычагами одну плиту на другую клали и каждый ряд водой поливали, которая тотчас замерзала и вместо крепкого цемента служила. Таким образом, через краткое время построен был дом, который был длиною в 5 сажен, шириною в 2 сажени с половиной, а вышиною вместе с кровлей в 3 сажени».

Воображение живо рисовало Толе зеленоватые глыбы льда, узоры инея на прозрачных окнах, переливы снежинок, освещенные горячей нефтью, а точная мысль токаря-профессионала уже обсуждала приемы работы:

— Как работали в то время? Вероятно, больше всего, ножом — вырезывали узоры от руки. Если слегка подогреть нож, лед обрабатывать нетрудно. Электрических моторов тогда еще не знали, но токарные станки были с ножным приводом, вроде швейной машины. Можно взять ледяную болванку, распилить на дисковой пиле, вставить заготовку в супорт, зажать деталь бабкой. Лед во всяком случае, мягче стали, резец возьмет его без труда.

И Толя с возрастающим интересом листал шершавые страницы.

...«Наперед перед домом стояло шесть ледяных точеных пушек, которые имели колеса и станки ледяные ж... Из оных пушек неоднократно стреляли: в каковом случае кладено в них пороху по четыре фунта и притом посконное, или железное ядро заколачивали. (Такое ядро иногда в присутствии всего императорского придворного штата в расстоянии 60 шагов доску толщиной в 2 дюйма насквозь пробило)...

...По правую сторону дома изображен был слон в надлежащей его величине... Сей слон внутри был пуст и так хитро сделан, что днем воду вышиной в 24 фута пускал..., а ночью с великим удивлением всех смотрящих горящую нефть выбрасывал... Сверх же того, мог он, как живой слон кричать, каковой голос потаенный в нем человек трубою производил.

Третье — на левой стороне дома, по обыкновению северных стран, из льда построена была баня, которая казалась будто бы из простых бревен сделана и которую несколько раз топили и действительно в ней парились».

Все это было очень любопытно, но не имело никакого отношения к подъему кораблей, поэтому Толя отложил брошюрку в сторону и взялся за «Спутник подводника». «Спутник» объяснил ему, что затонувшие суда чаще всего поднимают при помощи понтонов, наполненных воздухом. Понтоны эти прикрепляют к корпусу судна водолазы, а водолазов лимитирует давление воды. На глубине в 10 метров давление вдвое больше, чем на поверхности, на глубине 20 метров — втрое больше и т. д. В шлеме и мягком костюме водолазы спускаются в лучшем случае на 90 метров, в жестком стальном костюме — на 150 — 200 метров. Но работать там уже невозможно: давление воды зажимает шарниры и очень трудно двигаться, сгибать руки и ноги. О том, каким способом можно поднять судно с глубины 311 метров «Спутник» ничего не говорил. Толя решил, что он об этом узнает на острове, и снова взялся за брошюру Георга Крафта.

...«В каждом покое по 5 окон, в которых как рамки, так и стекла были сделаны из тонкого чистого льду. Ночью в оных окнах много свеч горело, почти в каждом окне видны были писанные на полотне смешные картины, причем сияние сквозь окна проникающее преизрядный и весьма удивительный вид показывало.

В перилах, кроме главного входа, находились еще двойные сторонние ворота и на них горшки с цветами и померанцевыми деревьями, а подле них простые ледяные деревья, имеющие листья и ветви ледяные ж, на которых сидели птицы, что все нарядным мастерством сделано было...»

Толя дочитывал книжку в самые последние минуты. Пароход уже стоял в круглой бухте острова Вулканический, а пассажиры в ожидании высадки толпились в трюме, тесня друг друга узлами, сундучками и чемоданами. Снаружи доносился лязг железа, скрип талей, стук деревянных сходней.

Но вот трап уложили, в широко открытый выход пахнуло свежим морским воздухом, и прямо перед собой Толя увидел черные отвесные скалы, узкий каменистый берег, небольшой поселок со сборными деревянными домиками, яблоневый сад и в саду рядом с цветочными клумбами... настоящий ледяной дом.

3. За морем телушка — полушка

Вулкана на острове не оказалось. Вулкан здесь был много миллионов лет тому назад. В те времена над морем возвышался гигантский конус, над вершиной его клубился черный пепел, в пепле сверкали молнии, по склонам горы струились огненные реки.

Но затем вулкан потух — иссяк, успокоился. Исчезла огненная лава, горячие пары и пепел. И океан, размыв рыхлые туфы, ворвался в грозный некогда кратер.

Образовалась круглая бухта — естественный порт, окаймленный тесным кольцом угрюмых скал. С самолета остров был похож на сломанный ободок, почерневшее кольцо, потерянное в океане. Берега затопленного кратера подымались очень круто, и скалы бросали темно-синюю тень на глубокие воды залива. Южные берега залива никогда не видели солнца — здесь до июля лежал снег, в то время как на северном берегу уже цвели сады и плечи строителей покрывались темным загаром. Пристань, поселок, опытный завод, все мастерские и ледяной дом находились на северном берегу. И здесь же в саду перед ледяным домом новоприбывшие собрались на следующий день, чтобы послушать начальника экспедиции — профессора Чернова.

У профессора Чернова крутой выпуклый лоб с залысинами и густая черная борода, расчесанная на две стороны, как у адмирала Макарова. Разговаривая, профессор слегка щурится, как будто проверяет собеседника «на глазок». Но всего замечательнее в его внешности руки — широкие мозолистые руки с короткими пальцами и желтоватым ногтем курильщика махорки, беспокойные подвижные руки рабочего (в молодости профессор был каменщиком). Как многие рабочие, Чернов не умеет отдыхать со сложенными руками. Отвечая на вопросы, он листает записные книжки или вертит в руках ледяные безделушки и, заметив мокрое слезащееся пятно, тут же обсыпает его бисерным порошком из небольшого аппарата, похожего на пистолет с блестящей фляжкой вместо рукоятки.

— Работы нашего Института, — начал профессор, — можно выразить одним словом и слово это — разгрузка. Уточняя мысль: речь идет о разгрузке транспорта от лишних перевозок.

Старая русская пословица гласит: «За морем телушка — полушка, да рубль перевоз». Спросите любого хозяйственника — пусть он вам расскажет, сколько народных денег съедают транспортные расходы. И все-таки мы до сих пор трагитим рубли, чтобы возить за тридевять земель копеечных телушек только потому, что мы не умеем найти их у себя дома.

Когда я говорю — Мы не умеем, я подразумеваю — наука не умеет, мы, ученые не умеем.

Возьмите для примера солнечную энергию. В среднем, на каждый квадратный метр в час падает 1200 больших калорий тепла. 1200 калорий тепла — это почти 200 граммов высокосортного угля... Солнце посылает нам ежедневно 10 тонн угля на любой гектар, а мы возим эти тонны за тысячи километров из Донбасса в Москву, из Караганды в Магнитогорск...

Мы возим по всей стране из конца в конец руду, сталь и чугун, между тем, наши города стоят на алюминии. Я имею в виду глину — в ее состав входит окись алюминия. Вот он металл — возьмите его, он лежит на любом заводском дворе.

Уральский гранит, украинский мрамор, тысячи тонн камня путешествуют по всей стране. Зачем? Ведь песок и глина — это остатки рассыпавшегося гранита. Склейте их, сплавьте — вы получите камень из земли. Природа создает мрамор из известняка на большой глубине под давлением. Но ведь точно так же можно делать мрамор на заводах Москвы из того известняка, в котором проходят шахты метро.

Короче говоря, мы за местные материалы. Мы за то, чтобы в горах строить из камня, на глине — из глины, на песке — из песка, на воде — из воды.

Говоря так, я имею в виду строительную воду, твердую

воду — то есть лед. Лед достаточно тверд, по прочности не уступает бетону, хорошо обрабатывается, пилится, полируется, красится. Помилуйте — скажете вы, но ведь он тает. Да, тает, но не так уж быстро. В средней полосе у нас пятиметровые пласты льда сохраняются все лето под слоем опилок. Более тонкие льдинки вроде нашего показательного домика тают быстрее, но их можно подмораживать вот этим (он потряс своим пистолетом-фляжкой).

В нашей стране, богатой морозами, лед может быть отличным строительным материалом. Еще до Отечественной войны под Москвой были построены инженером Крыловым ледяные овощехранилища. В Арктике из льда строят хижины, в них можно даже топить, а ледяные брустверы, ходы сообщения и огневые точки, сооруженные в годы борьбы с Гитлером, выдерживали вражеский огонь не хуже, чем бетон.

Есть разные способы предохранить лед от таяния. Можно закутывать его в шубу, одевать сверху опилками, шлаком, торфом, пенобетоном. Можно также охлаждать лед изнутри — ледосоленой смесью, или охлажденными газами, подающимися по трубам. Мы применяем и то, и другое, и, кроме того, некоторые новые способы. В результате, как видите, домик, построенный прошлой зимой, простоял весну, лето и осень и, по нашим расчетам, благополучно доживет до холодов...

Толя слушал профессора со сдержанным удивлением. Трудно было преодолеть с детства сложившееся недоверие к такому ненадежному материалу, как лед. Но перед глазами был факт: ледяной дом, ледяные ступени, дверь, окна, ледяные балки, ледяная черепица. Все было, как в книжке Георга Крафта, за исключением только слонов и дельфинов, но зато здесь ледяной дом стоял на фоне темно-зеленых кустов и пышных яблонь, тяжелые ветви которых приходилось подпирать рогатками.

4. Музей ледяного мастерства

Начальник экспедиции на острове Вулканический, дважды лауреат Сталинской премии, доктор технических наук, профессор Андриан Михайлович Чернов известен как крупнейший специалист и новатор в холодильном деле. Если в анкете встречается вопрос: «Имеете ли вы научные труды, изобретения или рационализаторские предложения», профессору приходится подклеивать к анкете шесть добавочных страниц. Профессор написал трехтомный труд «Холод» — по нему учатся все инженеры-холодильщики. Профессор сам строил ледяные склады, огневые точки и ходы сообщения, о которых он говорил рабочим, и руководил замораживанием грунтов при проходке тоннелей метро через плывуны. Кроме того, он сам изобрел новый способ замораживания, но об этом речь пойдет ниже.

Работоспособность профессора поистине изумительна. Он успевает читать лекции, писать учебники, разрабатывать пять-шесть проблем одновременно и обдумывать десятка три предложений, до которых очередь еще не дошла. Студенты говорят, что в голове у Андриана Михайловича есть конвейер, автоматически изготавливающий новое изобретение каждые 20 минут. Студенты, конечно, преувеличивают, но тем не менее, профессор не раз поражал слушателей разносторонностью и богатством идей.

Однажды в Географическом Обществе при обсуждении планов переделки климата в будущих пятилетках профессор Чернов, выступая в прениях, вышел на трибуну с маленьким листочком, вырванным из записной книжки, и, глядя на этот листочек, сказал:

— «В последнее время у меня возникли кое-какие мысли, которые я, как ледотехник, не могу разрешить до конца. Мне хотелось бы, чтобы сидящие здесь гидротехники, географы и климатологи подумали над такими проблемами:

Первое: в тех районах, где уже имеется искусственное орошение, необходимо культивировать зимнюю поливку.

На опыте доказано, что зимняя поливка улучшает урожай процентов на десять. Зимой всегда имеется лишняя вода, которая подо льдом стекает в море, есть лишняя энергия и свободные руки. Не беда, если у механика померзнут уши, зато урожай будет богаче.

Второе: запасы воды на лето можно создавать также, намораживая в зимнее время пласты льда на пустырях. Очень большие наледы, размером с крупные озера, могут оказывать влияние на климат, так как в летнее время при таянии будут охлаждать атмосферу и снабжать ее влагой.

Третье: можно препятствовать излишнему испарению воды в мелких и крупных водоемах, искусственно увеличивая толщину льда в зимнее время. Это очень просто сделать: нужно брать воду из-под льда, когда озеро замерзло, и наливать ее на лед сверху или затоплять молодой лед, нагружая на него песок. Таким простым способом можно довести толщину льда до 4-5 метров, что значительно задержит таяние, нагревание воды летом и ненужное испарение.

Четвертое: в случае необходимости таяние можно регулировать, посыпая лед золой или сажей. Как известно, черные предметы нагреваются гораздо быстрее, чем белые. Этим способом можно ускорить таяние вечных снегов и ледников в горах Тянь-Шаня и получить добавочную воду во всех реках Средней Азии.

Пятое: таким же способом можно ускорить таяние льдов в Арктике и значительно облегчить условия судоходства на Северном Морском Пути. Но здесь климатологи должны разобраться: улучшит ли это климат, или, наоборот, приведет к похолоданию на севере.

Шестое: наряду с засушливым юго-востоком у нас имеются районы северо-запада, где избыток влаги приводит к заболачиванию. В этих районах нужно высаживать сильно испаряющие растения, ветлу, например. Ветла будет энергично осушать болота на северо-западе и одновременно снабжать воздух добавочной влагой, а ветер понесет эту влагу в степи юго-востока.

Седьмое: в связи с этим встает вопрос: не имеет ли смысл превратить Балтийское море в пресное озеро? Несколькими тысячами лет тому назад так оно и было — геологи называют Балтийское море того времени Рыбным озером. Но когда датские проливы стали глубже, по дну их прорвалась соленая атлантическая вода. Если отрезать путь этой воде, Балтика довольно быстро станет пресным водоемом. Конечно, дело здесь не только в атлантическом течении, но и в Атлантическом Пакте. Но, я думаю, Дания и Швеция не откажутся получить новое, богатое рыбой пресное море».

Так один за другим последовали четырнадцать пунктов. Некоторые предложения профессора Чернова относились, может быть, к очень отдаленному будущему, другие найдут применение в самые ближайшие годы.

Профессор был полной противоположностью тем «ученым сухарям», которые годами развивают одну и ту же мысль, заранее отвергая все возражения только потому, что они пришли со стороны. Профессор жадно ловил интересные мысли — кем бы они ни были высказаны — видным ученым, инженером, студентом или рабочим. Не раз бывало, что, подхватив робкое, еще не оформившееся предложение, угадавши умение самостоятельно думать, профессор заставлял человека развивать свою идею, тормозил его, подталкивал, давал советы, вносил исправления, углублял. А когда к печати готовилась новая работа, и молодой автор приходил к своему руководителю с просьбой поставить подпись, профессор только пожимал плечами:

— Помилуйте, какой же я руководитель? Вы сами поработали все с начала до конца. И основная идея ваша — помните, мы тогда поспорили на семинаре?.. Нет, нет, я здесь ни при чем. И вообще, самое главное, что сделана нужная работа, а какие там подписи — это вопрос второстепенный.

Если бы Толя знал обо всем этом, он пришел бы к профессору гораздо раньше, но Толя не решался показывать свою работу, не доведя ее до конца. Целый месяц он трудился в механической мастерской, а по вечерам, сдавши су-

точную продукцию, задерживался еще часа на три и что-то прилаживал к своему токарному станку. Кроме того, рабочие замечали, что по воскресеньям Толя ездит через залив на южную сторону и копается там в свежавывавшем снегу.

Но приблизительно через месяц после приезда Толя решил обратиться к начальнику экспедиции.

— Хочу попросить вас, Андриан Михайлович, — сказал он, — разрешите выписать со склада морозного порошочку, которым вы ледяные стены чините. Тут я кое-какие пустяковинки сделал... жалко все-таки, чтобы растаяли.

И, развернув принесенный с собой сверток, Толя выложил на стол шахматы, сделанные из льда: точеные круглоголовые пешки, зубчатые туры, бородатых королей с длинной мантией, немного похожих на профессора Чернова... Шахматная доска также была сделана из льда — одни квадраты из прозрачного зеленоватого, а другие — из мутно-белого.

Эти ледяные фигурки не имели ничего общего с задачами экспедиции, но не такой человек был профессор, чтобы отпустить молодого токаря с равнодушной запиской — «Выдать подателю сего»

— А как ты делал фигуры? — спросил профессор. — На токарном станке? А с какой скоростью резания? И лед не таял? И зубчики не крошились? А почему это пришло тебе в голову?

Толя, смеясь, вытащил книжку Георга Крафта.

— Если в старое время мастера работали, — сказал он, — нам стыдно отставать. У нас и техника новая, и сталь лучше. Я думаю, можно отделать ваш дом по книжке полностью.

— Великолепно, — подхватил профессор, — пусть у нас будет музей ледяного мастерства. Давай условимся, в вечернее время ты постепенно обставишь дом, сделаешь мебель, посуду, всякую мелочь... Потом зимой сделаем крупные детали: колонны, скульптуру, архитектурные украшения. А в будущем году построим ледяной корабль, погрузим на него наш дом и повезем по всем морям в Ленинград.

— Хочу попросить Вас, Андрей Михайлович, —
сказал он, — разрешите выписать со склада
порошочку...

— Пусть сомневающиеся посмотрят, что можно сделать из льда.

Так началась работа Толи по отделке ледяного дома. За шахматами последовал ледяной столик, письменный прибор, ледяной камин с ледяными дровами, ледяная кровать, лампа, стулья. Всякий раз, принося новую вещь в музей льда, Толя с удовольствием думал, как все это будет погружено на корабль и ледяной дом поплывет по Тихому океану, мимо Китая, Вьетнама, Суматры, Цейлона... Суэцкий канал, вероятно, слишком мелок для ледяных кораблей, придется огибать Африку с юга.

— Голько перенесет ли дом африканскую жару? — беспокоился Толя — А впрочем, всегда можно будет починить его новым льдом.

5. Грузовой ледоплав

Везти ледяной дом в Ленинград на показ ученому миру не понадобилось. Как только открылась навигация, с первым же пароходом на остров Вулканический прибыли гости: правительственная комиссия, эксперты, представители исследовательских институтов, корреспонденты газет. Профессор показывал гостям ледяной дом и, удерживая за рукав смущенного Толю, говорил:

— А это наш главный мастер — первый токарь по льду.

Гости с интересом рассматривали изящно отделанные лединки, расспрашивали, как это изготовлено. Но Толя, подобно истинным мастерам, не видел ничего особенного в своей работе.

— Обыкновенное дело, — говорил он, — пилили дисковой пилой, обтачивали на станке. Колер даешь с самого начала, еще в воду — до замораживания. Картины на окне не я делал — у нас художник есть Матвеев — начальник клуба. Можно писать краской на бумаге, можно делать мозаику из цветного льда — так даже ярче будет.

Осмотр быстро закончился. В музей пришел инженер доложить, что рабочие приготовились. И профессор Чернов повел гостей на берег показать им свою основную работу,

Аппараты начали выбрасывать плотную струю жидкости...

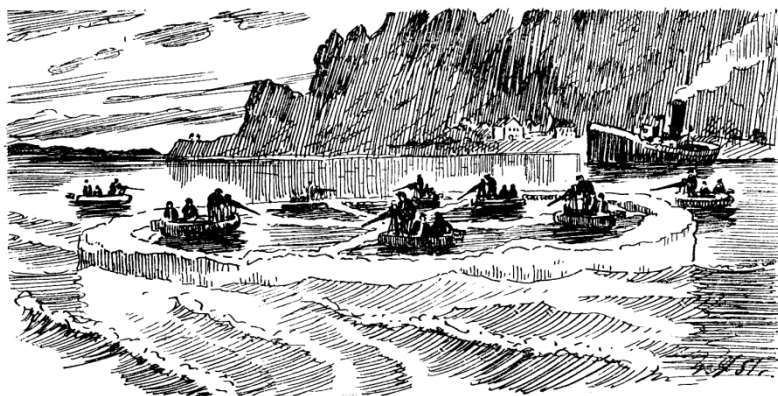

которая медленно и последовательно готовилась в течение всей зимы.

Сегодня в заливе царил необычайное оживление. На воду была спущена целая флотилия — штук восемь резиновых надувных лодок. Все они собрались вокруг небольшого пароходика опытной станции, который назывался «Грозный». Когда профессор вышел на берег, «Грозный» дал гудок и медленно двинулся по глади залива, выбрасывая за собой длинную сеть. По мере того как сеть разматывалась, лодки выстраивались вдоль нее. По внешнему виду это похоже было на рыбную ловлю.

Описав полный круг, «Грозный» вторично дал гудок, и лодки одновременно двинулись вдоль сети. На корме у каждой лодки стояли аппараты, похожие на небольшие пушки. Когда лодки тронулись, аппараты начали выбрасывать плотную струю искрящейся жидкости, окруженной клубами густого пара. Сразу повеяло холодом, воздух стал свежим и пахучим словно после грозы.

Внезапно в клочьях расплывающегося пара засверкало что-то ярко-белое и в ту же минуту лодки оказались внутри всплывающего кольца из свежего, только что приготовленного льда, прилипшего к металлической сети.

Овал превратился в сплюсненное колесо.

Обойдя первый круг, лодки тут же начали второй. Работа эта до смешного напоминала деревенский хоровод. Лодки двигались внутри кольца одна за другой, сохраняя дистанцию, рулевые поливали воду искрящимся составом из своих короткоствольных пушечек, и вода тут же превращалась в лед. Начертив на синей глади залива ярко-белый овал, лодки повернули к центру, чтобы заморозить воду по радиусам, и у овала возникли спицы, он превратился в сплющенное колесо. Затем каждая лодка принялась заделывать синие оконца между спицами. Постепенно синего оставалось все меньше — белого становилось больше и в конце концов лодки оказались на поверхности льдины, словно рыбы, выброшенные на отмель.

Закончив льдину вчерне, рабочие принялись возводить на ее поверхности различные сооружения: бортики по краям, ледяной куб на носу, а на корме нечто вроде открытой палубы. Натренировавшись в течение долгой зимы, люди научились работать слаженно и ритмично, выработали специальные приемы. По краям льдины стояли насосы, шумно хлюпая и чавкая не в лад. Они всасывали воду десятком ртов сразу. Возле каждого насоса находился рабочий со шлангом, напротив него другой с отполированным баллоном, напоминающим по форме огнетушитель. Работа их была похожа на своеобразную дуэль. Один направлял струю воды, а другой навстречу воде сыпал поток бисерных пылинок и там, где две струи скрещивались, вода превращалась в рыхлый, похожий на сахар, лед. С поразительной быстротой рабочие возводили плоские возвышения, башенки, кубы, ограды, ступеньки. Льдина постепенно приобретала характерный облик парохода, или, точнее, баржи с высоким носом и обширной плоской палубой. И это действительно, была баржа. Как только были закончены палубы, на носу укрепили два кольца, перекинули канат на «Грозный», и хлопотливый буксир потащил новорожденную льдину к пристани, где ее уже ожидали бухты каната, якорь, цепи, бочки, ящики палатки, штабеля баллонов и сборные камеры со сложной системой труб.

Пока портовый кран перегружал на лед тяжелые части машин, некоторые судостроители превратились в грузчиков, а Толя Зайцев, вооружившись малярной кистью, начал выводить на сахарном борту льдины яркие буквы:

«ПОБЕДА»
Грузовой ледоплав № 1.

6. Путешествие на льдине

Короленко в своих воспоминаниях приводит историю — о некоем англичанине, который предложил премию тому, кто выдумает новое слово. Видимо, анекдотический англичанин не подозревал, что новые слова появляются в языке вместе с каждым новым явлением и новым понятием.

Мы даже не замечаем, сколько новых слов принесла в русский язык революция: комсомолец, колхозник, ударник, трудодень, агрогород, мичуринец, передовик, отличник, пятилетка — ни слов, ни понятий таких вы не найдете ни в толковом словаре Даля, ни в Энциклопедическом Брокгауза. В свою очередь, каждое изобретение вносит в язык новые слова: название машины и ее детали, новой профессии, приемов работы. Так, с самолетом, пришли в словарь — истребители, бомбардировщики, петля Нестерова, хвостовое оперение, аэродром, ангар, аэродинамика, бортмеханик, пилот, и даже пилотка.

Вместе с машинами в советской деревне появились такие слова, как тракторист, комбайнер, водитель, появилась изба-читальня, кинопередвижка, хата-лаборатория, новая наука — яровизация, новые приемы — снегозадержание, гнездовой посев.

Новые слова пришли вместе с новой жизнью и раз навсегда исчезли из обихода ненужные старые слова: межа, чересполосица, кулак и подкулачник, подать, недоимка, урядник, порка, батоги, не говоря уже о помещике, оброке, барщине, крепостных.

Новое дело, родившееся на опытной станции профессора Чернова, породило в свою очередь, целую серию новых слов: «бортовка», «придонка», «занутровка», «верхоледка» — такими словами были названы последовательные операции по сооружению грузового ледоплава (тоже новое слово). Рабочий, подающий воду, назывался водометчиком, его напарник морозометчиком, аппараты, похожие на огнету-

шители и короткие пушечки, стоявшие на лодках, именовались морозометами, а замораживающий состав «твердиллом».

Прозрачный зеленоватый лед ледяного дома назывался здесь «стеклянным льдом», а белый хрустящий под ногами лед ледоплава — «сахарным» Белый цвет его зависел от многочисленных пузырьков воздуха. Благодаря этому воздуху, свежий сахарный лед был в два раза легче воды и очень удобен для перевозки грузов.

В этом можно было убедиться на следующий день, когда грузовой ледолав принял на борт (если можно так говорить о льдине) — 1200 тонн. В это число входили машинная установка, металлические кубы с трубами, насосы, бесчисленные баллоны с «твердиллом», огромный шарообразный газгольдер и добрая сотня пассажиров.

Погрузка закончилась в 3 часа ночи в полной темноте. Пыхтя и раскидывая искры по небу, «Грозный» сдвинул с места массивный ледолав. Было очень свежо, в особенности на льду. Непредусмотрительные гости поеживались в своих летних пальто и нетерпеливо поглядывали на восток в ожидании солнца.

Утро пришло сразу, как только путники миновали темную теснину пролива, ведущего из кратера в открытый океан. Оказалось, что темнота держалась только в заливе. Над океаном небо стало уже светло-серым, а возле горизонта — бледно-желтым. Гладкая поверхность океана казалась молочной. На суровых скалах вулкана играли золотистые блики.

Нежные краски восхода менялись ежеминутно. Вот по небу растеклось жидкое золото. Сумрак на небе отступает перед зеленоватой полосой. Вот вспыхнуло малиновое пламя, розовые пятна бегут по воде, рябь колышет и дробит их.

Немая игра красок захватила путников. Сразу забылись темнота, холод, брюзгливое настроение бессонной ночи. Послышались восклицания: «Какая красота! Какая сила, какой простор!» И кто-то сказал: «Хоть бы подольше не возвращаться!»

— Эти ледоплавы неторопливы, но очень удобны для туризма, — заметил корреспондент «Советского туриста».

— Хорошо бы проехаться по Волге, например.

— Нет, на реке мелко для них. Они годятся только в море.

— И по морю неплохо проплыть вдоль берега от Одессы до Батуми.

— Со временем будут такие плавучие дома отдыха.

— Или пионерские лагеря... или нахимовские школы, окажем...

— А ребята не простудятся на льду?

* * *

Отойдя километров на восемь за полтора часа, «Грозный» остановился в открытом море как раз в тот момент, когда над горизонтом зажглась малиновая корочка и вся поверхность океана затрепетала и заискрилась от первых солнечных лучей. Тотчас же началась работа. Морозометчики принялись разматывать свои бесконечные шланги, а профессор Чернов с инженерами и гости по ледяным ступенькам, посыпанным шлаком и все-таки скользким, забрались на ледяную рубку. Здесь профессор остановился перед небольшим светящимся экраном. По экрану пробегали какие-то тени, при этом слышался невнятный гул.

— Следите внимательно, — отрывисто сказал Чернов, — перед вами экран приемника — довольно удачное сочетание телевидения и эхолота. Новейшая опытная модель. Только недавно прислана к нам.

В это время раздался сильный хруст, и экран сразу прояснился. Видно, оператор сумел, наконец, настроить приемник. На светящемся фоне появился темный склон с зубчатыми скалами и резкие очертания парохода крутой нос, плоская палуба, характерная орудийная башня, как бы сложенная из кубиков. Неясные силуэты рыб, проплывающих перед судном, не оставляли никакого сомнения: экран показывал океанское дно.

Изображение было очень четким несколько минут, затем

правый край экрана потускнел, и на крейсер начало надвигаться туманное пятно.

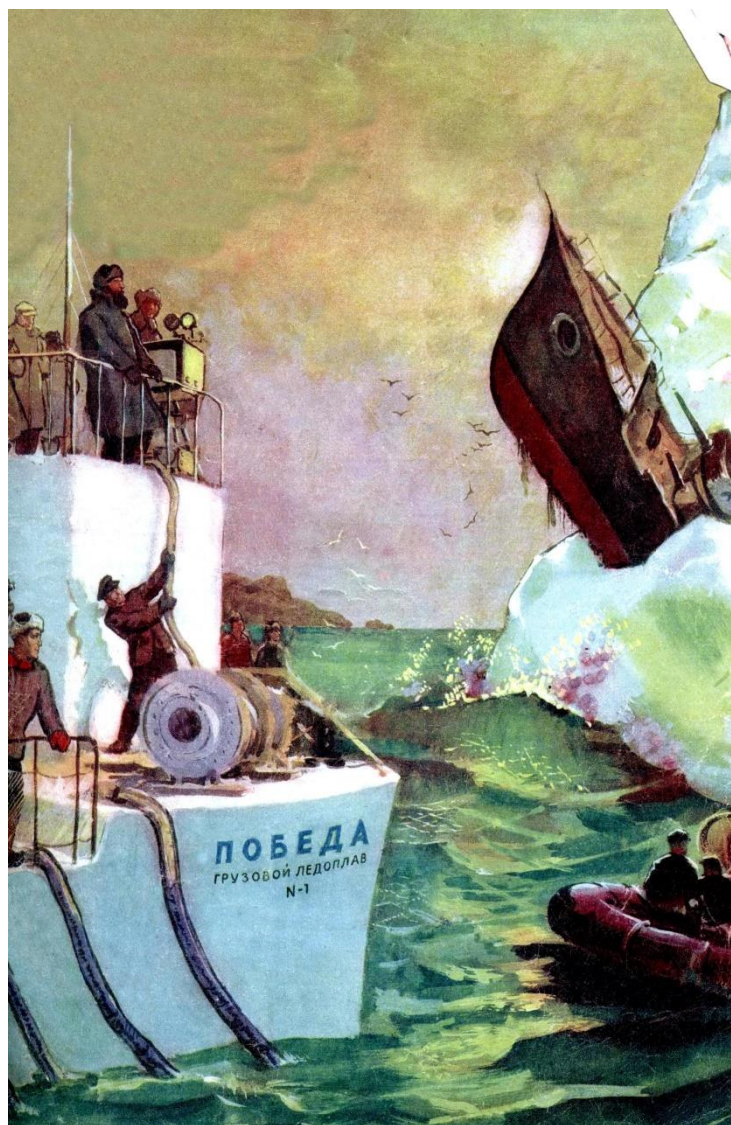
— Видите, как энергично идет обледенение, — сказал профессор Чернов, указывая на этот туман.

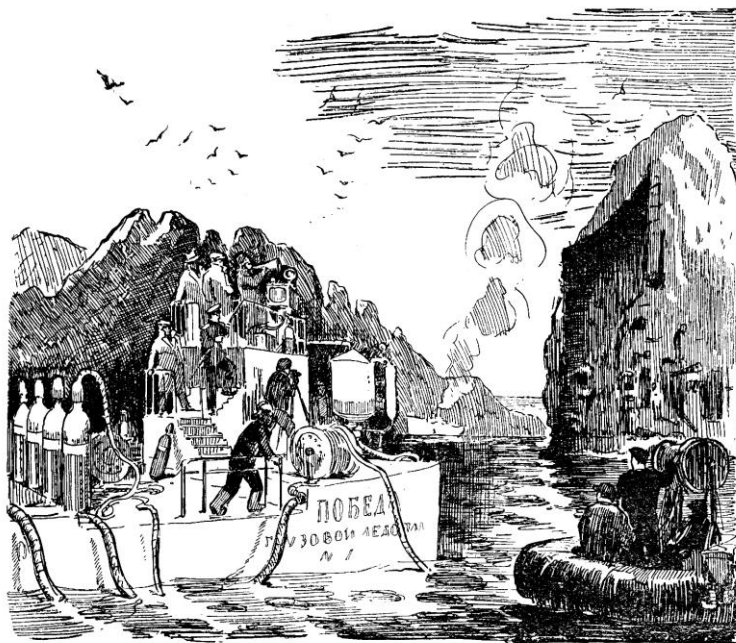
Вряд ли здесь нужны какие-нибудь пояснения. Вчера холод выстроил баржу, сегодня холод поднимал затонувшее судно. В самом деле, каждый кубический метр легкого «сахарного льда» мог поднять 500 килограммов (естественный лед тяжелее, и подъемная сила его меньше раз в пять). Крейсер весил 16 тысяч тонн. Чтобы он всплыл, нужно было приморозить к его бортам по меньшей мере 32 тысячи кубометров льда, а фактически много больше, потому что приходилось подымать крейсер, заполненный водой, и, кроме того, оторвать его корпус ото дна.

Экипаж ледоплава работал с необычайным напряжением. Холодильный состав «твердило» подавался по шлангам на глубину 300 метров. Минутная оплошность — и шланги могли примерзнуть к искусственному льду. Еще хуже могло быть, если бы льдина спаялась с морским дном... Тогда пришлось бы ждать месяцы, чтобы она растаяла, а затем начинать все сначала.

Чтобы избежать этого, лед наращивался на крейсер не с бортов, а с палубы. Профессор сам неотрывно следил за черными линиями шлангов на экране и все время командовал: номер 4 выше... еще выше... еще... Грохотали лебедки, подымая и опуская шланги. Резиновые лодки сновали по океану, передвигая поплавки. Изредка со дна подымались ледяные осколки, они выскакивали неожиданно с треском и звенели, сталкиваясь друг с другом. Безмятежный покой сонного утра сменился свежим ветром. Жемчужно-молочная гладь стала голубой, потом зеленовато-синей, а у горизонта — почти лиловой. Тяжелые волны начали заметно покачивать ледолав, иные из них набегали на борт, оставляя на нижней палубе сверкающих рыбок и медуз — полупрозрачные неподвижные комья студня.

— Майна! Майна! Вира помалу! — перекликались рабочие у лебедок.

*Пассажиры увидели всплывшую ледяную гору и рядом с ней нелепо за-
дранный нос корабля.*

— Бак № 7 — пустой, — рапортовал старший морозометчик, а главный инженер, прикидывая в уме цифры, выписывал мелом на доске рядом с экраном: «28 тысяч кубических метров» (предполагаемый объем подводной льдины).

Так продолжалось около восьми часов. Изображение крейсера на экране постепенно затянуло пленкой. Где-то на глубине образовалась гигантская льдина, целая ледяная гора, но на поверхности внешне все было неизменно — неподвижный силуэт крейсера на экране и блестящая на солнце пустынная гладь океана.

Конец пришел сразу и неожиданно... изображение на экране дрогнуло и, прежде чем кто-либо успел заметить это движение, профессор Чернов громко крикнул: тревога! Завыла сирена на «Грозном». Все лебедки загрохотали сразу,

вытягивая шланги... резиновые лодки бросились врассыпную. Минуту-полторы все еще было спокойно. Затем что-то сверкнуло на солнце. — Держитесь! — крикнул профессор, и в это мгновение гора серо-зеленой воды обрушилась на корму ледоплава. Секунду, другую рубка стояла дыбом, и люди, скользя и цепляясь за поручни, с ужасом смотрели на бушующее море. Затем вода схлынула, ледоплав выпрямился, и пассажиры увидели всплывшую ледяную гору, высотой в двухэтажный дом, и рядом с ней нелепо задранный нос крейсера с обнаженным килем.

7. Новые пути

Сейчас, когда пишутся эти строки, специальный пароход буксирует поднятое судно на судоремонтный завод. С крейсером пришлось повозиться. Чтобы поставить его корпус в нормальное положение, понадобилось приморозить к корме добавочные глыбы льда. Теперь судно почти целиком покрыто льдом. Лдины словно поплавки поддерживают на волнах пробитый корпус. По последним сведениям буксир уже прошел пролив Лаперуза.

Толя Зайцев вместе с группой морозометчиков путешествует на обледеневшем крейсере. Толя специально выпросил себе эту командировку, он хочет держать экзамены в Заочный Холодильный Техникум.

А профессор Чернов сейчас в Москве, где обсуждаются широкие планы подъема затонувших судов. Новый метод позволяет работать на любой глубине. Вероятно, удастся поставить в строй почти все суда, потопленные фашистами во время Отечественной войны — практически все, которые имеет смысл поднимать и ремонтировать. Историки хотят восстановить реликвии русских побед — поднять английскую эскадру, потопленную у Балаклавы, и шведскую, разгромленную у Гангута. Возможно, будет поднят со дна Чукотского моря легендарный «Челюскин».

И, конечно, выступая на совещаниях с листочком, вырванным из записной книжки, профессор Чернов говорит:

— Я хотел бы, чтобы советские ученые задумались над такими проблемами...

* * *

ТАК заканчивается очерк из советского журнала, который мы с Фредди переводили по приказу Чилла.

Глава 6

ДОЛЖЕН сказать, что эта русская статья чрезвычайно заинтересовала меня и не только, как инженера. Мне показалось, как будто я заглянул в совершенно другой непонятный мне мир. И очень жаль было, что статья так быстро кончилась.

Десятки подробностей бросились мне в глаза, вероятно, незаметных для русского читателя. Что это за фирма финансировала работы экспедиции, сколько она затратила на подъем судна, какой получила доход? Почему не было сказано, богат ли профессор Чернов — при таком обилии работ и патентов у него должны быть чудовищные капиталы. И непонятно, почему он так поддерживает молодых ученых, — ведь он же сам себе создает конкурентов.

Я обратил внимание на биографию молодого токаря. Неужели, действительно, у русских рабочие обучаются в училищах и десятки заводов ищут токарей, даже молодых, еще неопытных. В таком случае можно позавидовать русским. Мой отец был наборщиком и очень хорошим наборщиком. Он 19 лет подряд не был безработным, а это большая редкость у нас. Но прежде чем стать наборщиком, отец несколько лет служил «типографским чертенком» — стирал пыль, мыл полы и бегал в лавочку тридцать раз в день.

Мельком, двумя словами автор сказал, что в России обсуждался вопрос о переделке климата. Что такое переделка климата? Как решаются такие проблемы? Выполняются ли они на практике или только обсуждаются в среде ученых? Очень жаль, что русский журналист не остановился на этом подробнее. Ведь мы так мало знаем, в сущности, о его таинственной стране.

Во время войны нам говорили, что русские добродушные медведи и отличные вояки. Мы с охотой уступали им черную работу — уничтожать фашистов и расчищать нам дорогу в Европу. После войны русские стали в наших газетах кровожадными медведями, злобными врагами всякой культуры... Но вот на моих глазах шеф, «столп западной

цивилизации», заставляет меня переводить статью этих «врагов культуры», чтобы узнать о достижениях русского изобретателя — и не о каком-нибудь новом танке и не о новой атомной бомбе, а о самом мирном способе возить грузы и поднимать затонувшие пароходы. Тут было о чем подумать.

Но больше всего я думал о технической идее профессора Чернова, «На песке строить из песка, на глине из глины, на воде — из воды». Какой простор для инженера-строителя! Строить из воды плотины, устои, набережные, причалы и волноломы, мосты и переправы, ледяные аэродромы, плоты и баржи, береговые, плавучие и подводные сооружения сплошь из воды. Не возить каменных плит, не выламывать их, не обтесывать, не укладывать, строить без цемента, без арматуры, без опалубки, без подводных кессонных работ.

Я чертил на песке выкладки.

В эти дни я узнал, что такое вдохновение. От полудня до шести я бродил по берегу, обжигая подошвы горячим песком, и мысленно выкладывал стены и балки из белых, зеленых и темно-голубых полупрозрачных льдин.. Я часами стоял на одном месте, глядя на залитый светом океан и чертил на песке выкладки, вызывая подозрительные взгляды стражников... Мысли теснились в мозгу, вспыхивали и таяли, спорили, опровергая друг друга. Это было творчество, это было рождение идеи, самое глубокое наслаждение, доступное человеку...

Я отлично понимал, что ничего особенно нового я не придумал. Вероятно, профессор Чернов по ту сторону океана мысленно строил те же воздушно-ледяные замки год или два тому назад. Вероятно, и у него тоже были предшественники в свое время... Но замки могут стать явью с тех пор, как в руках у профессора появились баллоны с холодильным составом «твердило». В свою очередь, и я могу строить ледяные сооружения при помощи обыкновенного жидкого воздуха, который в таком изобилии готовил Стоун в корпусе В.

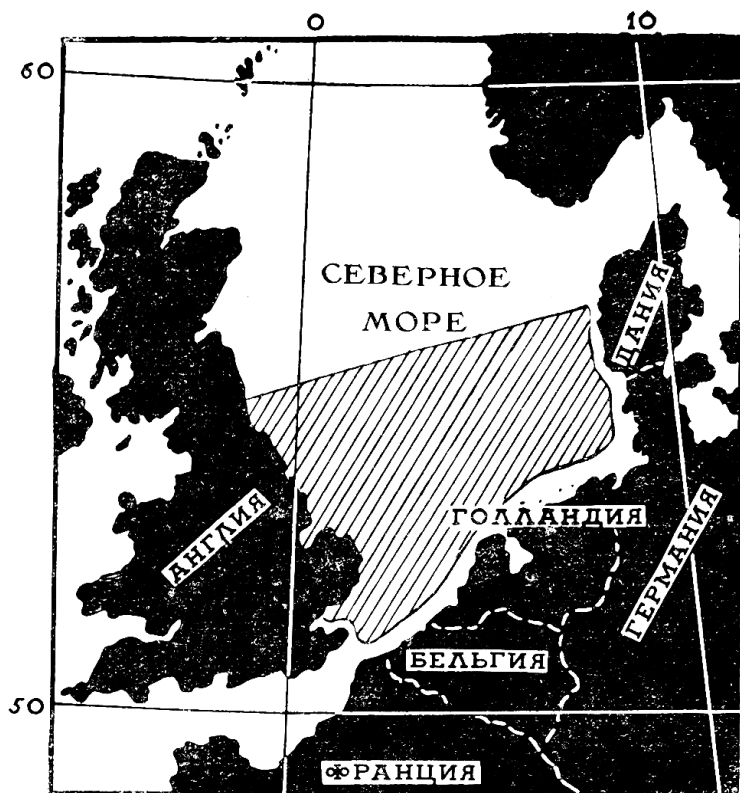
Я жалел, что слишком поверхностно знал гидротехнику. В самом деле, почему мы в колледже сдаем предметы вместо того, чтобы их изучать. Торопимся получить диплом, торопимся зарабатывать, делать дела? Набиваем голову пачками сведений, чтобы предъявить их на экзамене, показать товар лицом, выгодно продать его за отметку и тут же забыть.

Но сейчас я с удовольствием и без спешки сел за книги. Я читал, не торопясь, знакомился с новым делом, извлекал из старых журналов давно забытые идеи, которые сейчас можно было осуществить.

* * *

Возьмите, например, идею с и н е г о угля. Так называют энергию морских приливов. Дважды в сутки притяжение Луны приподнимает воду в океане в среднем на полметра. Луна совершает необъятную работу. А мы используем ее

только в устьях рек, когда вводим суда в порт во время прилива.

Проект осушения Северного моря.

В узких и длинных заливах приливы иногда, достигают 10 — 15 метров. Это естественные водохранилища, гидростанции, созданные самой природой. Нужно только перегородить эти заливы мощными плотинами, а в плотинах поставить турбины. Вода будет вращать эти турбины четыре раза в сутки, переливаясь из океана в залив во время прилива и из залива в океан во время отлива.

В Аргентине есть залив Сан-Хозе (на карте он похож на аптекарский пузырек с узким горлышком). Ученые подсчи-

тали, что здесь можно поставить электростанцию мощностью 750 тысяч киловатт. Проект приливной гидростанции в Бристольском заливе в Англии существует уже десятки лет. Он обещает 1 миллион киловатт, не меньше чем знаменитая долина Теннесси.

А таких мест на земном шаре десятки — устья рек в Англии и Франции, норвежские фиорды, заливы в Канаде и в Штатах... Я не сомневаюсь, что профессор Чернов уже проектирует ледяные плотины для русских приливных станций на Крайнем Севере или в Охотском море.

В Европе в свое время с интересом обсуждался проект осушения Северного моря. Море это неглубокое, редко где глубже 100 метров. Две плотины одна между Англией и Данией длиной около 600 километров и другая в Ла-Манше, где между берегами Англии и Франции не более 30 километров полностью отгородили бы это море от океана. Затем нужно было бы устроить каналы, чтобы отвести в океан английские, немецкие, голландские и бельгийские реки, впадающие сейчас в Северное море, и выкачать воду (приблизительно 4 тысячи кубических километров), чтобы получить 10 миллионов гектаров превосходной земли, заранее удобренной гниющими водорослями, плодородные поля, где смогут кормиться целые армии таких бездомных горемык, как Джо Миддл или я.

Правда, задача нелегкая. И дело здесь не только в постройке ледяных плотин. Нужно перекачать через плотины целые реки соленой воды — 4 тысячи кубических километров — такое количество воды протекает по Амазонке за год с лишним, а по реке Лаврентия — за 13 лет. Но мне встречались и более остроумные проекты.

Один немец предложил поставить плотины в Гибралтарском проливе, отгородить Средиземное море от океана и превратить его в озеро. В отличие от Северного моря Средиземное не понадобится выкачивать, оно начнет высыхать само. Лет через 50 уровень моря упадет метров на 200, и тогда можно будет поставить в проливе гигантскую гидростанцию мощностью, равную всем современным гидро-

станциям вместе взятым. Ее энергии хватит, чтобы снабдить все поселки и города на новых берегах обмелевшего моря, а заодно превратить в цветущий сад гиблые пески пустыни Сахары.

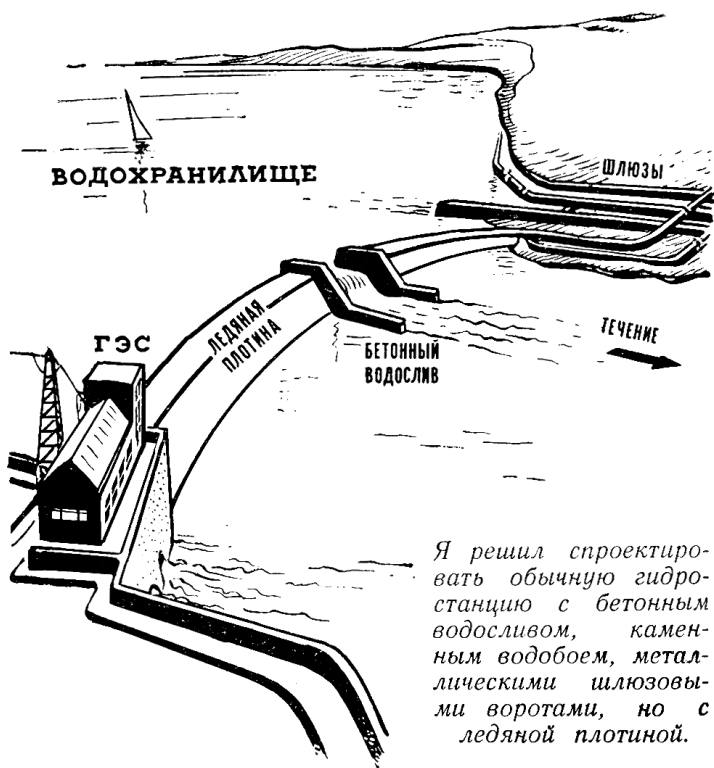
Проект плотины Гибралтарского пролива.

С карандашом в руке я рыскал по глобусу, подбирая подходящие объекты для замораживания. Не имеет ли смысл построить пловучие ледяные мосты через Ла-Манш из Англии во Францию, из Европы в Азию через Босфор, или из Аляски в Сибирь через Берингов пролив.. Может быть, стоит заморозить наглухо этот пролив, чтобы льды из Арктики не попадали в Тихий океан. Это намного улучшило бы климат нашей Аляски и русской Камчатки. Можно было бы вести эту работу совместно с русскими — на западной половине мы, а с востока — профессор Чернов.

Вот еще одна мысль: Нью-Йорк стоит на одной широте с Мадридом и Неаполем. Но в Неаполе люди годами не видят снега, а у нас от мороза трещат уши. Ученые говорят: виноваты морские течения. Мимо Европы идет теплое течение Гольфстрем с юга, а мимо Америки — холодное с севера. А что, если мы преградим дорогу этому холодному течению, поставим ледяные заборы от Лабрадора к Гренлан-

дии, а оттуда до Исландии?.. Я черкал карту, соединяя материки, разрезая моря, уничтожая проливы. И мне было очень жаль, что я так мало знал. Ведь постройка плотины не только льдотехника. Здесь и география, и геология, и океанография. Нужно знать состав воды, течения, температуры, рельеф дна, почвы, климат, ветры, осадки. Раздумывая о небывалых сооружениях, я остро жалел, что так мало принес из колледжа. Но сейчас я читал без разбора, я глотал учебники подряд, набивая голову сведениями в надежде разобраться потом. Мне казалось, что не только я, но и профессор Чернов еще не ощутил всех возможностей провозглашенного им принципа: «строить в воде из воды».

Я решил спроектировать обычную гидростанцию с бетонным водосливом, каменным водобоем, металлическими шлюзовыми воротами, но с ледяной плотиной.

В музее истории техники я видел как-то самые первые автомобили. На них смешно смотреть — это извозчицки кареты с двигателем на подножке кучера. Изобретатель создал новую машину, перевернул транспорт, но еще не понял, что новой машине нужна новая форма...

Приходит новое, а мы говорим о нем старыми словами. Принципиально новый материал — лед требовал новых форм, а я по привычке мысленно облакал его в бетонные и земляные формы... Я предчувствовал, что здесь есть еще неведомые возможности, но пока не нашел их.

Потом меня перестали удовлетворять грандиозные и неопределенные общие мысли. Я решил разработать конкретный проект ледяной гидростанции... Но вот опять речь зашла о проектировании, а на эту тему мне трудно разговаривать равнодушно...

Силу текучей воды — механическое движение реки, стремящейся к морю, вы хотите превратить в полезную работу, заставить реку выплавлять металл, освещать дома, ткать, строгать и сверлить и возить вас в трамвае.

А река течет лениво и плавно, неторопливо тащит баржи и плоты и не только трамвай — любой пешеход может шутя обогнать их. Тогда мы ставим поперек реки плотину, мы запираем реку наглухо, отрезаем ее от моря. Река начинает подыматься. Вода все прибывает сверху, она поднимается, заливая берега, и постепенно через месяцы или годы позади плотины образуется целое озеро, инженеры называют его водохранилищем... Поверхность этого озера на 10-20, а то и на все 100 метров выше прежнего уровня реки...

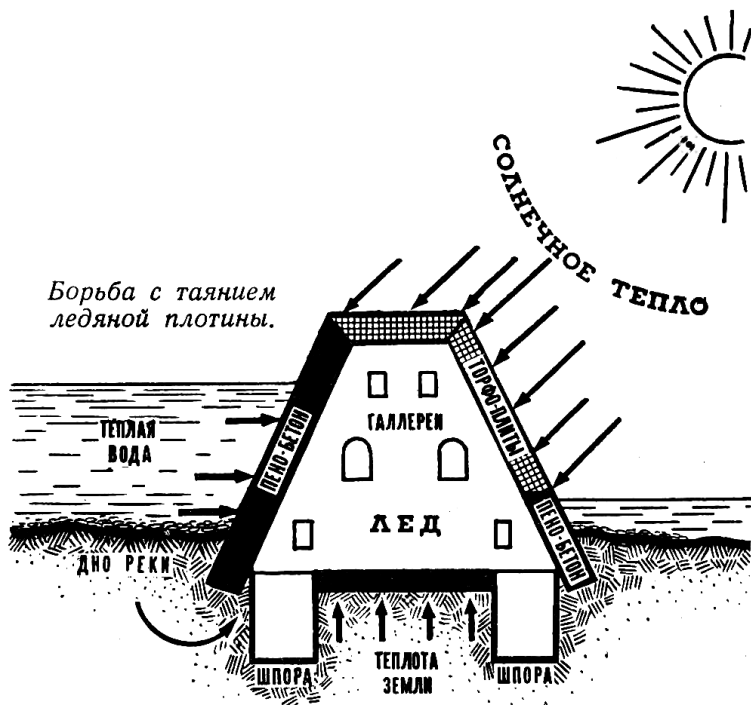
Затем мы начинаем опускать накопленную воду. Мы создаем искусственный водопад, превращаем пологое русло в ступеньку, собираем в одну точку падение с доброй сотни километров.

Здесь и ставятся турбины. Проходя через турбины, вода вращает их, а вращение турбины в свою очередь превращается в электрический ток. И ток уже выплавляет металлы, освещает дома, ткет, строгает, сверлит и возит вас в трамвае...

Итак, создавая гидростанцию, мы должны соорудить плотину, поставить турбины и направить на них воду, не забыть водослив для излишней воды и водобой (каменное ложе, где вода, падая, должна терять скорость), шлюзы для судоходства и лесосплава, шлюзовые каналы, не говоря уже об оросительных каналах и линиях электропередачи, доставляющих воду и энергию потребителю.

Я решил для начала, не усложняя себе задачи, спроектировать обычную гидростанцию с бетонным водосливом, каменным водобоем и металлическими шлюзовыми воротами, но с ледяной плотиной. Ледяная плотина! Мысленно я уже видел ее — на серовато-голубом шелке реки ярко-белая дуга, сверкающая на солнце.

Но воображение обманывало меня. Плотина не должна была сверкать на солнце. Сверкать — это значит таять, а я должен был, наоборот, всячески бороться с таянием.

Как это сделать? Профессор Чернов из русской статьи вскользь говорил о «некоторых новых способах». Я не мог угадать, что это за «некоторые способы», но думал, что можно обойтись и старыми, давно известными.

Первый из этих способов — шуба, прикрывающая ледяной массив от солнечных лучей. Такой шубой могут быть опилки, шлак, торфяная мелочь и вообще любой пористый или сыпучий материал, плохо проводящий тепло. Метровый слой опилок может полностью предохранить ледяной массив от таяния.

Всем известно, что в северных странах под небольшим слоем оттаивающей летом земли тысячелетиями сохраняются льды вечной мерзлоты.

Труднее обезопасить подводную часть. Очевидно, здесь придется одевать плотину каким-нибудь искусственным пористым материалом вроде пенобетона.

И, наконец, если сооружение будет стоять на песке или трещиноватой скале, надо будет предохранить подошву плотины от теплых струек воды, которые будут просачиваться снизу через песок. Проще всего это сделать так: проморозить грунт перед плотиной на большую глубину. Эта стенка из мерзлого грунта (гидротехники скажут — «ледяная шпора») отведет просачивающуюся воду на большую глубину и предохранит плотину от таяния снизу.

Второй способ — накопление холода. Можно в теле плотины устроить галереи и наполнять их холодным воздухом зимой в самые морозы. В этих же галереях можно расположить баки со смесью из льда и соли. Но обо всем этом упоминал профессор Чернов.

Можно также сделать плотину с некоторым запасом, с таким расчетом, чтобы запасный лед за лето оттаивал, а зимой намораживался снова.

Третий способ — искусственное охлаждение при помощи электрических холодильников. По моим расчетам получилось, что для работы холодильников потребуется брать 3-4 процента мощности гидростанции. Это совсем не страшно. На любой электростанции есть часы, дни и даже целые

месяцы с недогрузкой и лишнюю энергию для холодильников всегда можно найти.

Какой способ выбрать? Очевидно, это зависело от местных условий. Вы сумеете накопить холод там, где бывает суровая зима, а на юге это невозможно. На гидростанциях имеет смысл ставить холодильники, а на плотинах, построенных для осушения морей, лишней энергии нет. Я мог бы сделать предварительные расчеты, я даже сделал их. Но, чтобы дать точное решение, нужно было проектировать не «гидростанцию вообще», некую гидростанцию, а конкретную плотину в определенном месте земного шара. И после долгих колебаний я выбрал для своего проекта гидроузел на реке Св.Лаврентия, о котором у нас так много говорят и пишут лет 10 подряд.

И тут я сразу остановился... Мне понадобились подробные сведения о реке: количество воды в ней в сухие и дождливые годы, в нормальные и катастрофические... Мне понадобились продольные и поперечные разрезы, геологические данные о берегах и о дне, химический состав воды, отчеты судоходства, подробные карты прибрежных участков... Достать все это, сидя на Пальмовых островах, было почти невозможно, и я решил обратиться за помощью к Фредди, который прилетал к нам вместе с шефом раз или два в месяц.

Глава 7

ФРЕДДИ, действительно, сдержал свое слово — в награду за мой перевод с русского меня назначили на новую должность — начальником лаборатории строительных материалов.

Хотя я получал здесь лишних 25 долларов в неделю, работа для меня как конструктора была не очень интересной. Изо дня в день повторялось одно и то же: мои лаборанты лепили лепешки из цементного теста, трясли в ситах песок и гравий и давили пробные кубики из бетона. Но я пошел в лабораторию, не споря, потому что здесь можно было строить модели и испытывать лед как строительный материал.

Фредди посещал меня аккуратно (чтобы получать свои тридцать процентов комиссионных). Кажется, добросовестность моя несколько удивляла его. Он считал меня симпатичным, но немножко придурковатым парнем и, как в старое время, охотно просвещал меня, как надо жить, приводя примеры из своих спекуляций или спекуляций Чилла.

— У шефа светлая голова, — говорил Фредди. — Он умеет делать деньги из земли, воды, воздуха и огня.

Такой уж был характер у Фредди. Он всегда восхищался преуспевающими людьми. И, слушая его, я вспоминал футбольное поле и нас, юнцов, столпившихся вокруг Фредди.

— У нашего тренера светлая голова, — говорил Фредди тогда, — он умеет делать голы из любого мяча. Учитесь, мальчики, рассчитывать ногами. Голы — это ваш основной капитал на футбольной бирже.

И вот как-то раз, прервав рассуждения Фредди, я спросил его — нет ли у Чилла новых сообщений о работах профессора Чернова.

Отвечая мне, Фредди многозначительно усмехнулся и понизил голос:

— Шеф сам, не торгуясь, выплатил бы десять тысяч за новые сообщения из России. Но разве что так просто? Помнишь, в статье, которою мы переводили с тобой, упоминался газгольдер, какой-то порошок и пар. Все наши эксперты

единогласно сказали, что русские замораживали воду твердым воздухом. Шеф приказал ставить опыты... но ничего не получается. И в чем тут загвоздка, никто не может понять.

— Но если русские замораживали, значит есть какой-то способ, — заметил я.

— Есть-то есть, только найди его, попробуй. Шеф вса-дил в опыты хорошую сумму, а результатов все нет. Он целую неделю грыз кулаки от злости, но тут ему подвернулся контрольный пакет Всемирной Жевательной резинки, шеф проглотил эту резинку стоимостью в 3 миллиона и утешился. Три миллиона долларов, Аллэн! Ничего себе! Нам бы с тобой на двоих для начала. Чтобы ты сделал, Аллэн, будь у тебя полтора миллиона?

Задавая этот пустопорожний вопрос, который миллиону американцев задают друг другу во время обеда, после обеда или вместо обеда, Фредди не знал, что, конечно, ответ у меня заготовлен заранее. Только накануне я составил приблизительную смету. По моему расчету, имея в руках полтора миллиона, я мог бы начать строительство.

И я рассказал Фредди все: о плотине, о шлюзах и водосливе, о том, как я думаю бороться с текучестью льда и фильтрацией теплых грунтовых вод, о гидростанции на реке Святого Лаврентия и миллионе ферм на дне Северного моря.

Фредди слушал мою взволнованную речь с любопытством, изредка скептически улыбался, но когда я дошел до переселения безработных на дно, приятель расхохотался шумно, откровенно и неудержимо.

— Ой, не могу! (взрыв хохота)... Нет, какова наивность! (хохот)... Я не могу поверить, Аллэн, ты мой ровесник, а рассуждаешь, как ученица воскресной школы. Новые земли для безработных?! Миллион ферм на дне моря?! Неужели это всерьез? Нет, не могу поверить.

Я был ошарашен, возмущался и недоумевал и выглядел, должно быть, преглупо.

— Слушай, мальчик, — сказал Фредди, покусывая губы. — Если ты сам не понимаешь, я тебе объясню. Мы даем

Европе займы, чтобы она покупала зерно на хлебной бирже в Чикаго, яичный порошок Фокса и консервы Чилла. Кто тебе разрешит засеять десять миллионов гектаров возле самого Лондона? Газеты съедят тебя живьем, тебя линчуют на каком-нибудь элеваторе. В Айове и Канзасе пшеницей топят паровозы, в Огайо обливают картофель керосином. Нам нужны не сытые фермеры, а покупатели, миллионы голодных, чтобы они просили хлеба, чтобы они забирали в долг, в кредит, чтобы они закладывали нам жен, детей, свои дома и бессмертные души... Вот, что нужно. Ты придумай, как разорить лишних десять миллионов, тогда тебе скажут спасибо.

— Бедный мальчик! Ты предлагаешь заменить льдом бетон и воображаешь, что решил все трудности. Да разве остановка за бетоном? Нет, дорогой, вся беда в том, что по нашему закону реки принадлежат государству и частным владельцам тепловых станций невыгодно, чтобы с ними конкурировала дешевая государственная энергия. Разговоры о гидростанции на реке Святого Лаврентия продолжают-ся без толку десять лет только потому, что Уолл-Стрит при помощи газет и лоббистов проваливает в конгрессе этот проект. Ты не пробьется никогда. В лучшем случае у тебя купят идею, чтобы положить ее в сейф.

Я был смущен. Все это слишком похоже на правду, по мне не хотелось сдаваться и, напрягая голову, я подыскивал возражения.

— Великодушие, благоденствие, справедливость! — продолжал Фредди. — все это хорошо в предвыборных речах. Говорят, что все мы временные пассажиры на этой планете, но мне хотелось бы проехать свой путь в первом классе. А ты, сидя в трюме, на самом дне, сочиняешь новые рейсы! Разве планета ради тебя свернет со своей орбиты? Смешно!

— Если хочешь знать, я могу тебе рассказать, что я бы сделал, будь у меня полтора миллиона. Я открыл бы университет — да, да, первоклассный университет: светлые лаборатории, лучшие профессора, самые толковые студенты

со всей Америки. И отметить, все это из любви к бедным молодым студентам, которые работают официантами и дворниками, чтобы заплатить за свои учебники и грошовые обеды, из чистой благотворительности, в кредит, с уплатой в рассрочку после окончания. Я ручаюсь, что через десять лет я задушу все другие платные университеты и колледжи. Я один буду поставлять инженеров в стальные тресты, химиков на газовые заводы, физиков для атомной промышленности. Мои люди будут изобретать снаряды и броню, газы и противогазы, самолеты и зенитные орудия. Я буду изготавливать целые партии болтунов высшего класса — католикам и протестантам, республиканцам и демократам — за одинаковую цену. Остановка за небольшим — полтора миллиона! Полтора миллиона — пустяк для колбасника Чилла, а для бедняка Фредди — недоступная вершина.

— Ты хочешь торговать инженерами, как неграми, — сказал я с отвращением.

— Да, да, торговать! — вскричал Фредди. — Я хочу делать большие деньги все равно на чем. Шеф продает требуху и вонючие кишки — он столп общества. Доктора делают свой бизнес на болезнях, преподобные проповедники — на царстве божьем. У нас есть короли рельсов, нефти, газов, короли газетной лжи и кино-лжи. Одни короли торгуют голосами — голосами избирателей, конечно, другие — ногами, я имею в виду ноги футболистов, третьи — кулаками боксеров, их выбитыми зубами и сломанными носами. А я собираюсь торговать мозгами. Король мозгов Альфред Палома! Как это звучит? Не хуже, чем говяжий король?

— Ты пойми, Аллэн: наука — это средство делать деньги, такое же средство, как футбол, политика или скотобойни. Есть два сорта людей волки, и бараны. Боюсь, что ты профессиональный баран. Ты рожден, чтобы тебя стригли. У тебя в голове в три раза больше, чем у меня, но без меня ты не смог найти работу. И дальше будет то же самое. Я буду продавать чужие мозги и богатеть, а ты со своими химерами зачахнешь. На бирже не котируются бредни, на них нет спроса. Тебе лучше было бы ехать в Россию, красные

любят фантазеров. Я думаю, что ты не даром изучал русский язык, наверное, у тебя бабушка славянка. Я давно замечал, что в тебе есть что-то неамериканское.

— Ну, знаешь, — сказал я сквозь зубы, окончательно теряя равновесие. Я не знаю, кто из нас двоих настоящий американец. Мои предки приехали на «Майском цветке» и, когда они варили дикого индюка, твои обедались макаронами*).

Фредди ушел, обидевшись, но я даже не заметил его ухода. Я был сбит с толку окончательно. Фредди сказал странные слова: «тебе лучше было бы ехать в Россию».

Неужели он прав и нужно быть красным, чтобы задумывать полезные проекты? Неужели нельзя быть творцом, честным человеком и настоящим американцем одновременно? Нет, я отказывался верить Фредди.

**) Аллен Джонсон в пылу спора высказывает типичные для американца расовые предрассудки. Он говорит, что ведет род от первых переселенцев, приехавших в 1620 г. на корабле «Мэйфлауэр — Майский цветок», и попрекает Фредди его неанглийской фамилией*

Глава 8

ДНЯ ДВА или три совершенно обескураженный я не притрагивался к своим расчетам. Но отказаться от них я уже не мог. Слишком много было сделано, чтобы отступить. И я постепенно доказал себе, что мой приятель ошибся. Фредди не ученый и не инженер, он деляга. Своих взглядов у него нет, вероятно, он повторяет взгляды Чилла. Но в Америке немало честных и умных людей, которые поймут меня и поддержат.

Подумав, я решил посоветоваться с Клэем. Я знал, что мой прежний начальник — талантливый человек. Клэй был слишком ленив, чтобы придумывать новое, но советчик он был превосходный. Я уже говорил об этом.

Клэй выслушал меня внимательно, серьезно и даже терпеливо, хотя я задержал его по дороге к стойке. Когда я кончил, он подумал, нахмутив высокий лоб, а затем сказал неожиданно:

— Я был лучшего мнения о вас, Аллэн.

У меня дух захватило от таких слов. Неужели Клэй видит ошибку? Где? В чем?

А Клэй молчал, поглядывая на бокал, где для него уже был приготовлен коктейль с внушительным названием «Чувовищный».

— Я говорю не о технической мысли, — сказал он, наконец. — Идея интересна и правильно разрабатывается. Вам придется еще поломать голову, как связать плотину с берегом, чтобы весь массив не пополз у вас вниз по реке, как горный ледник. Но все это разрешимо. Вы можете поставить вашу плотину на небольшом подъеме, так чтобы вперед она не могла двигаться, а сзади на нее напирала вода. Все это можно выяснить в лаборатории и найти нужное решение. Мне непонятно другое: зачем вы затеяли все это?

Наученный горьким опытом, я уже не решался говорить о миллионе безработных.

— Конечно, — продолжал Клэй, — вы мечтаете стать миллионером. Все мы болеем этим в детстве. Но это мираж. На самом деле вам достанутся крохи, а барыши — Чиллу.

— Ваша идея принесет ему десять или сто миллионов. Он заработает их на поставке льда. Но какое вам дело до Чилла? Вы сыты, обуты, одеты, сидите в тепле... тепла здесь даже слишком много. Какой вам смысл ломать голову для того, чтобы Чилл стоил на сто миллионов больше? Вы потратите десять лет жизни и что в результате? Сегодня рабочие несут свои центы и доллары электрическим королям Смиту, Джонсу и Робинсону. Благодаря вам эти центы и доллары поплывут в новую монополию, где председателем будет Чилл, а пайщиками те же Смит, Джонс и Робинсон. А вы будете, как белка в колесе, — десять лет мчаться на месте и все ради того, чтобы изменилась вывеска. Стыдитесь, я был о вас лучшего мнения.

Вот и все, что сказал мне Клэй. Но, поспорив с ним мысленно, я доказал себе, что Клэя тоже незачем слушать. «Подумаешь, — говорил я себе, этаким пьяный буддизм, высокомерное созерцание коктейля. Просто Клэй растворил в спирте волю, ум и способности. И это очень жаль, потому что надо быть талантливым человеком, чтобы так на ходу бросить мысль о наклонном ложе для плотины».

Нет, это было не по мне — все порицать и ничего не делать. Я решил, что Фредди не настоящий инженер, а Клэй не настоящий американец.

Но где-нибудь, думал я, есть и настоящие люди. И когда кончится срок моего контракта, я поеду в Штаты и найду их. Конечно, это будет нелегко, но нехоженые пути никогда не бывают легкими.

Правда, прежде чем строить, надо было еще разгадать тайну русского льда, но я не сомневался, что это будет сделано.

— Если русские смогли, сможем и мы, — говорил я себе. — Я сам займусь исследованиями, если понадобится.

В те дни мне все казалось нипочем. Я чувствовал себя сильным, бодрым и энергичным. Я готов был сражаться с

миром один на один и положить его на обе лопатки. Мне хотелось петь во время работы и улыбаться наедине с собой. Это было в те дни, когда я ждал Милли.

Я еще ни разу не упоминал о ней и не без причины. Мы познакомились и расстались еще до начала повествования. Когда я приехал из армии, Милли была студенткой. Она занималась историей прикладного искусства — одним из тех милых предметов, которые специально выдуманы для девушек, не нуждающихся в заработке. Ее отец был частнопрактикующий врач, довольно известный у себя в Индианополисе.

Милли очень прилично рисовала акварелью... для любительницы, была чемпионом по плаванию... в своем учебном отделении, написала интересную статью о костюмах эпохи Людовика XV, и ее профессор говорил, что эта статья превосходна... для студентки.

В своем колледже Милли пользовалась успехом. У нее был острый вздернутый носик, светлые брови, голубые глаза с редкими ресницами и тугие румяные щеки, как у здорового ребенка. Милли держалась бойко и непринужденно, но без развязности и совсем была не похожа на наших стандартных девиц, которые видят свое призвание только во флирте и изю всех 45 тысяч слов, имеющихся в английском языке, употребляют только три: «прелестно», «шикарно» и «вульгарно».

Милли можно охарактеризовать одной фразой: она жила с удовольствием. Милли умела со вкусом поспать на своей кушетке среди вышитых подушек; она с аппетитом кушала, приятно было слушать, как хрустят косточки на ее крупных зубах. Милли любила посмеяться, иногда без всякой причины, любила принарядиться и с увлечением часа два могла обсуждать с подругами «выточки и кокеточки». Но наряду с этим Милли с увлечением ходила на лекции, любила хорошие книги и театр, ночную зубрежку перед экзаменами и студенческие споры о том, что такое красота.

Но больше всего Милли любила новых людей, особенно стариков. Она выпрашивала их с любопытством, с горя-

щими глазами. Я — постоянный ее спутник — не раз оставался брошенным в углу и ревниво дулся целый вечер, пока Милли изучала какого-нибудь моряка в отставке, бывшего дипломата или старого оперного певца, доверху наполненного закулисными сплетнями тридцатилетней давности.

Милли изучала какого-нибудь отставного моряка.

Милли умела слушать, как никто, и я сам не раз испытывал ее терпение, рассуждая о саперных понтонах, конференции трех держав или о напряжениях в арматуре железобетонной балки. Милли всегда понимала меня, а это большое счастье для инженера. Я встречал очень видных ученых, которые жаловались, что их жены не знают, чем, собственно, знамениты мужья.

Я очень привык обо всем рассказывать Милли и, когда мы расстались (я возвращался в армию), я мысленно разговаривал с ней о том, что занимало меня, — об океанских волнах, о схватывании цемента, о моем сержанте-солдафоне и об удовольствии получать письма. Встречая красивый ландшафт, я всегда старался подобрать достаточно яркие слова, чтобы Милли могла полюбоваться вместе со мной.

Мы рассчитывали пожениться, как только я устроюсь на работу. Но об этом я уже рассказывал. Незадолго перед тем как я продал свой серый костюм, мы расстались. Я сам бросил Милли, я перестал ходить к ней.

Может быть, у меня несколько старомодные понятия о браке. Я считаю, что мужчина должен быть сильным, надежным человеком, опорой жены и героем в ее глазах. Есть люди, которые любят, чтобы жены жалели их. Я не из таких. Я хотел делиться с Милли своими замыслами, а не унижениями. Мне стыдно было смотреть на горестные морщинки у нее на лбу и слушать неодобрительное фырканье подруг, которые при мне хвастались долларами своих друзей, а за моей спиной уговаривали Милли не встречаться со мной.

Я понял, что безработный не может быть спутником девушки. И я перестал ходить к Милли, чтобы она не краснела за меня перед знакомыми, не совала мне монеты в карман пальто, не плакала по ночам, не писала писем отцу, чтобы он устроил меня в какую-нибудь аптеку мыть бутылочки из-под лекарств.

В городе небоскребов нетрудно затеряться. Адреса бездомных бродяг не выдаются в справочных бюро. Я со своей стороны убедил себя, что мне нужно забыть о Милли, и, кажется, в самом деле забыл.

А о том, чтобы написать ей, я подумал уже на Пальмовых островах, когда почувствовал себя человеком в полной мере. Я подумал, что бы написать Милли... и тут же отказался. Прошло так много времени... я представил себе, как, получив письмо, Милли со смехом показывает его молодому мужу.

И все-таки письмо было отправлено — почти официальное поздравление ко дню рождения. (Просто поздравление, — говорил я себе, — это ни к чему не обязывает.) Но через два дня вы могли встретить Аллена перед географической картой — он подсчитывал, через сколько дней может прийти ответ.

Когда почтовый пароход пришел в Сан-Франциско, я во-

ткнул в карту красный флажок. День на разборку почты. Экспресс на восток отходит вечером. Чем ближе к городу небоскребов, тем больше усиливалось мое волнение. Отрываясь от проб и таблиц, я думал, улыбаясь про себя: «Сейчас мое письмо в Скалистых горах... сейчас оно в прериях... а сейчас поезд пересекает Миссисипи, под ним гудят пароходы, тянутся бесконечные плоты и желтое дно просвечивает сквозь воду».

Но вот письмо дошло до цели. Сколько нужно девушке времени, чтобы написать ответ? Скажем, неделю. Но, обманывая себя, я уже через день вышел навстречу почте. Ведь Милли могла ответить телеграммой.

Через неделю флажок двинулся обратно. Он пересек средний Запад, миновал дымное Чикаго, прерию и горы, спустился к Золотым воротам, пересел на пароход...

С почти суеверным чувством я ждал почтальона в тот день, когда флажок остановился в Пальмтауне, и как же я был зол, когда мне вручили конверт, на котором вразброд лепились кособокие буквы, надписанные рукой тети Берты.

Я ждал, постепенно теряя надежду, утешая себя, придумывая причины задержки. Я ругал себя за сдержанный, почти официальный тон. Милли получила такое письмо, на которое можно ответить через полгода. Я написал вторично, испортив пять черновиков, потом решил не посылать письма, пропустил пароход, а через день послал авиапочтой.

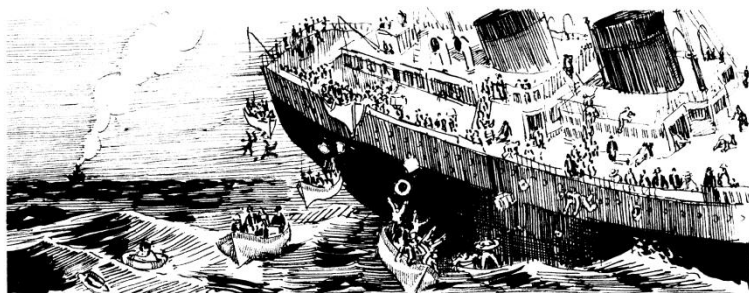
Снова истекли сроки — и добавочные, и самые последние. Ответ не пришел. Я понял, что вчерашний день не воротишь, что разбитое сердце не склеивается, что гордость есть не у меня одного, и не я один умею забывать.

В тот день, когда я окончательно решил забыть о Милли навсегда, почтальон принес телеграмму:

«ВСТРЕЧАЙ «УИЛЛЕЛУ» ПАЛЬМТАУНЕ»

ТВОЯ МИЛЛИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 9

ТРИ точки, три тире, три точки. Три точки, три тире, три точки. СОС! СОС!

В уютной, хорошо освещенной комнате вы сидите в кресле возле радиоприемника. За окном ночь, дождь стучится в окна, и деревья низко кланяются порывистому ветру. Ветер хлопает ставнями, гроыхает на крыше, но в комнате тихо, тепло, и голубые кольца сигарного дыма безмятежно поднимаются к потолку. На электрической плитке кофейник. Приемник подмигивает своим зеленым глазком — он обещает потешить вас за ужином, и вы неторопливо крутите верньер, выбирая передачу по вкусу.

Эфир переполнен. В комнату входят голоса, иногда по два сразу, обрывки музыкальных фраз, пение, бой часов, скороговорка футбольных радиокomentаторов, частый писк служебных раций, протяжные свистки помех, невнятное бормотание, бульканье, клекот. И вдруг...

— Ти-ти-ти, та-а, та-а, та-а, ти-ти-та. Три точки, три тире, три точки! СОС! Сигнал Обреченного Судна. СОС! Спасите От Смерти!

СОС! Тревожная весть из далекого неблагоустроенного мира. Где-то там, в темноте, в бушующем океане гибнут

люди и вот над темными волнами, над угрюмыми хребтами, над городами и селами, через тучи и косые потоки дождя пришел к вам крик о помощи:

СОС! Спасите От Смерти!

* * *

Только что все было совершенно спокойно. По случаю ненастной погоды в салоне собралось множество пассажиров, гораздо больше, чем обычно. Здесь было шумно, тепло, ярко горело электричество и никому не хотелось выходить на палубу в густой ядовитый туман, от которого першило в горле.

«Уиллела» шла в открытом море. Тяжелые серые валы молча выкатывались навстречу ей из молочной мглы. Пароход резал их надвое острым носом, кряхтя, взбирался на гребень, подминал волну под себя и, перевалившись через нее, брызгая, шлепался в воду. Океан, не сдаваясь, выдвигал из тумана следующий вал, пароход преодолевал его, а море присылало еще один, упрямо продолжая ту же игру, словно надеясь, что «Уиллела» устанет раньше. И неведомо было, сколько еще валов в запасе у моря, сколько спрятано их в тумане за горизонтом, сколько тысяч раз придется пароходу влезать на водяные горы и нырять с них, прежде чем море утихнет.

Просторная каюта была заполнена табачным дымом и сдержанным гулом разговоров. В общем гуле, как в плеске воды, выделялись выкрики картежников: беру! дама! пасс! за вами сто двадцать.

Молоденькая мисс с кудрявыми волосами сидела у пианино, исполняя по заказу своей мамы этюды, сонаты и рапсодии. Мисс с размаху била по клавишам с такой яростью, как будто музыка была ее личным врагом (а может быть, это так и было), а мамаша, сидя в отдалении, восхищалась вслух: Какая экспрессия! Какая сила удара!

Группа дельцов (все толстые, лысые и краснощекие) солидно обсуждала биржевой бюллетень...

Группа дельцов обсуждала биржевой бюллетень.

— Пакистан ненадежен, — сказал один из них, — лично я вкладываю только в оружие.

И все остальные закивали головами:

— Да, да, в наши дни стоит вкладывать деньги только в оружие. Все остальное ненадежно...

— Не только любовь и смирение, но и строгость, разумная строгость, говорил пожилой проповедник, подчеркивая каждое слово плавными жестами профессионального говоруна, — Азиатские народы — младшие дети цивилизации и, как всякие дети, они нуждаются не только в ласке, но и в справедливом наказании.

Полная дама в очках с седыми буклями слушала его, кивая после каждого слова, и восторженно шептала:

— Да, да, справедливое наказание. Ах, как тонко! Ах, как мудро!

Милли сидела в самом дальнем углу, забравшись в кресло с ногами и укрыв платком колени. Милли чувствовала себя в своей стихии. Кругом было много людей, она старалась следить за всеми, вылавливая из общего гула слова, и одновременно поддерживала разговор с молоденьким помощником штурмана — представителем новой для нее профессии.

— А бывают все-таки происшествия на море? — опрашивала она. Какие-нибудь крушения, столкновения?..

Но она сама понимала, что задала несерьезный вопрос. Туман и волны были где-то снаружи, а здесь даже качка не чувствовалась. Стальной корпус уверенно разрезал волны — от мощных движений машины чуть вздрагивал корпус. Что может случиться с этим плавучим кусочком Америки, где сотни пассажиров могут, так же как на суше, играть в карты, болтать и слушать болтовню, делать дела, барабанить по клавишам?

— Высокая техника, — напыщенно сказал помощник штурмана, — обеспечивает нам полную безопасность.

Не только любовь и смирение, но и строгость, разумная строгость — говорил пожилой проповедник.

— А жаль, — легкомысленно заметила Милли, — я бы хотела, чтобы мы потерпели крушение. Это должно быть занимательно.

В этот самый момент и произошло непредвиденное.

Позже Милли вспоминала, что все началось с яркой вспышки света, такой яркой, что многие оглянулись на окна. Затем раздался страшный грохот. Как будто десяток орудий выстрелил в упор, и палуба, такая надежная и прочная, встала дыбом, сбивая с ног элегантных дам и деловых людей.

На Милли обрушилась полная мама музыкальной дочки. Она кричала басом, как пароходная сирена. Три дамы, занятые туалетами, визжали оглушительно и тонко, широко и старательно раскрывая рты. И Милли со своей стороны не без озорства присоединилась к хору.

Красноречивый проповедник боролся с седой восторженной дамой, стараясь вырвать у нее спасательный круг. Толстый, деловой человек, покупающий только «оружейные» акции, протискивался на палубу через окно, хотя рядом была открытая дверь.

Смятение продолжалось полминуты, не больше. Затем пол принял прежнее положение и, заглушая крики перепуганных пассажиров, заговорил рупор громкоговорителя:

«Леди и джентльмены, соблюдайте спокойствие. «Уиллела» получила незначительные повреждения, которые будут исправлены. Просьба к пассажирам разойтись по каютам, чтобы не мешать судовому персоналу».

О том, чтобы пассажиры отобрали свои лучшие вещи, было объявлено уже позже, когда матросам удалось оттеснить встревоженных людей в каюты.

* * *

Как секретарь и уполномоченный шефа Фредди на судне занимал особое положение. Поэтому после тревоги он отправился наверх на капитанский мостик.

На шлюпочной палубе, такой пустынной обычно, сейчас хлопотало множество народа. Матросы снимали брезент со спасательных шлюпок — тяжелых пузатых ботишков, каждый из которых был рассчитан на семьдесят человек. Первый помощник осматривал боты один за другим, пересчитывал заранее установленные баллоны с водой и указывал, как укладывать провизию.

— Очевидно, блуждающая мина, — ответил он на вопрос Фредди, добавив, пожимая плечами: — Океан не дорожка в парке... Его нельзя было начисто вымести после этой проклятой войны.

Капитан был в радиорубке. Он стоял возле дверей и внимательно следил, как дрожит ключ под рукой судового радиста. Время от времени радист прекращал передачу и, наморщив лоб, вслушивался в отрывочные звуки, которые возникали у него в наушниках.

Сырой непроглядный туман, который казался таким пустынным каждому пассажиру, был полон звуков для радиста, и он с трудом выбирал нужные сигналы из музыкальных нот и радиотелеграмм — деловых, коммерческих, личных и строго секретных дипломатических, которые в это мгновение пронеслись над океаном.

— Долгота 157 градусов 18 минут, широта — монотонно докладывал радист.

Капитан приложил масштабную линейку к карте.

— Продолжайте поиски, — спокойно сказал он, — эти не успеют...

— Какое судно, русское? — спросил Фредди, волнуясь.

Капитан недружелюбно взглянул на него, но ответил вежливо:

— «Святой Олаф». Норвежский китобоец.

— Ищите, как следует, — крикнул Фредди радисту — Мы возле русских островов. Здесь должны быть их пароходы.

Кто-то невидимый в тумане подошел к окошку и сказал взволнованным голосом:

— Да, я отвечу, — сказал капитан, не повышая голоса. — Я отвечу акулам.

— На левом борту пробоина в носовом отделении, лопнули три шпангоута, у самого форштевня пробита обшивка на уровне ватерлинии. В машинном отделении уже вода.

— Пошлите человека с футштоком мерить воду в лиалах, — сдержанно ответил капитан.

— Есть — уже послал.

— Займитесь пластырем.

— Не можем подвести, там целый водопад.

— Продолжайте подводить пластырь. Поставьте пассажиров на ручные помпы, — ответил капитан. — А сами ведите команду в трюм. Пусть выгружают тюки за борт...

— Грузы за борт? — воскликнул Фредди — Ни в коем случае. Вы ответите перед шефом. Я запрещаю, слышите, капитан!

Капитан поднял голову, и Фредди вздрогнул, увидев холодные глаза человека, которому нечего терять.

— Да, я отвечу, — сказал капитан, не повышая голоса. — Я отвечу акулам. Через два часа «Уиллела» причалит на дно. Вы мешаете мне. Уйдите с мостика.

Радист, морщась, как от зубной боли, прикрыл рукой наушник.

— «Грозный», — оказал он. — Русское судно. На траверсе острова Вулканический радируют: «Идем на помощь».

Капитан молча приложил линейку к карте и затем крикнул в туман:

— Паркер, распорядитесь давать сирену. Через полтора часа подойдет судно.

* * *

«Через полтора часа подойдет судно. Приготовьтесь к посадке», — так было объявлено во всех каютах и во всех каютах с надеждой, страхом и нетерпением ожидали русского судна.

Соседи Милли рыдали, ломая руки, и рвали на себе волосы. Раскрыв чемоданы, соседи из кучи дорогого их сердцу тряпья выбирали самое любимое, ежеминутно теряя, путая, забывая и орошая слезами каждую ленточку. Кроме Милли, спокойствие сохраняла только восьмилетняя девочка в зеленом пальтишке. Она смотрела на суматоху круглыми глазами и время от времени спрашивала:

— Мама, мы поедem на необитаемый остров, да? Мама, а там, на острове, есть такси? Можно мне взять кроватку для куклы Пусон?

— О, моя милая, несчастная детка! — истерически рыдала мать.

Милли сидела на своей койке, поджав ноги, и хмуро смотрела в иллюминатор. Приключение казалось ей все еще ненастоящим, может быть потому, что никогда в жизни у нее не было приключений. Подумаешь, беда через час подойдет русский пароход, Милли со своим чемоданчиком

перейдет из этой каюты в другую, такую же. Может быть, там будет теснее и неудобнее, только и всего.

Но все-таки поглядывать в иллюминатор было страшно-вато. Прежде, в хорошую погоду, Милли видела за круглым стеклом ярко-синюю поверхность, за которой играли солнечные искры. Если пароход покачивало, синяя поверхность колыхалась, линия горизонта медленно поднималась, заполняя круглое окошко, затем опадала до самого низа. Иногда в сильную волну на стекло попадали брызги пены. Дрожащие радужные пузырьки держались минуту на стекле, а затем лопались, оставляя мокрый след. Сейчас все выглядело иначе — иллюминатор глядел под воду — прямо в темные глубины. Довольно крупная рыба — губастая, с колючей чешуей, приставив нос к стеклу, смотрела в лицо Милли выпученными, ничего не понимающими глазами.

А может быть, мы уже на дне, — думала Милли иногда. Больше всего успокаивал радиоприемник. Голос диктора был таким привычным и будничным и, когда он начинал говорить, все время казалось, что последует обычное объявление:

— Леди и джентльмены, завтрак начинается ровно в 9.00. Превосходный выбор холодных и горячих блюд. Цены умеренные.

И Милли проснется, и крушение окажется сном.

И вот диктор говорит своим подчеркнуто спокойным голосом:

— Леди и джентльмены, сейчас приближается русский пароход. Прошу женщин с детьми выходить на шлюпочную палубу. Только женщин с детьми. Остальные — во вторую очередь.

* * *

Выйдя на палубу, Милли почувствовала, что пароход гибнет.

«Уиллела» стояла в странном положении, задрав корму кверху и накренившись на один борт. На мокрой палубе было очень скользко. Женщины с неуклюжими узлами па-

дали, сбивая с ног друг друга, теряли детей и кричали в испуге.

Машины остановили, и не было привычного гула, содрогającego корпус. Зато тревожно выла сирена, гудки ее были короткие и порывистые, как частые стоны тяжелобольного. Казалось, раненный пароход кричит от боли, и страшно было слушать горестный вой могучего металлического существа.

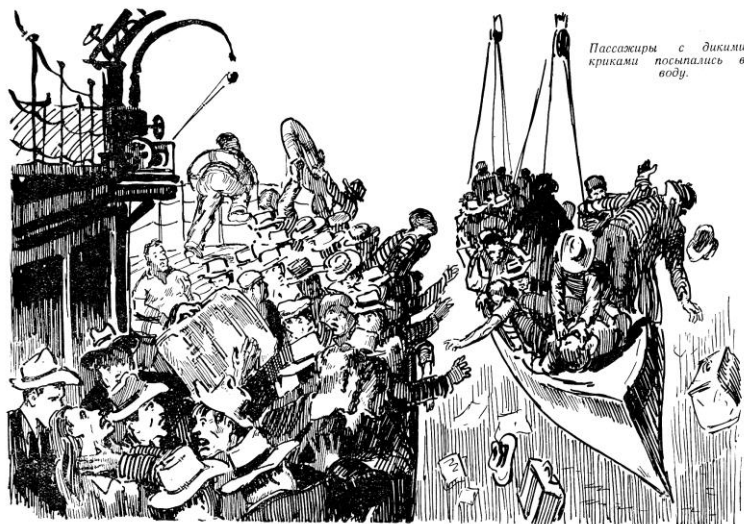
Временами, когда сирена замолкала, из тумана доносились отдаленные, еле слышные гудки русского парохода. В тумане терялось направление: гудки слышались то справа, то слева. В толпе пассажиров шептались о столкновении.

Между тем началась посадка в спасительные боты. Толкаясь, крича и плача, пассажиры живой кашей заполняли пузатые белые лодки. Грузовые подъемные краны тут же подымали шлюпки в воздух. Капитан боялся излишнего переполнения. И боты доверху набитые людьми, узлами и чемоданами покачиваясь, висели вдоль борта в ожидании русского парохода.

Силуэт его возник в тумане внезапно — что то темное неопределенное и расплывчатое, не то скала, не то маленькая лодочка. Затем порыв ветра рассеял мглу, и вер пятьсот человек на борту «Уиллелы» увидели небольшой сверкающий белизной пароходик с длинной низкой кормой и одной единственной каютой. Он возник внезапно под самым бортом «Уиллелы», так что можно было разглядеть даже лица русских моряков: капитана с выпуклым лбом и густой черной бородой, расчесанной на две стороны, скуластого механика с узкими китайскими глазами и долговязого юношу лет семнадцати в мешковатом брезентовом комбинезоне и огромных резиновых сапогах.

У Милли хватило юмора, чтобы вспомнить о «тесной и неудобной» каюте. Куда же здесь денутся 500 человек? — подумала она.

Она не знала, что та же самая мысль мелькнула у всех пятисот пассажиров одновременно. И даже капитан сказал в этот момент у себя на мостике:

Пассажиры с дикими криками посыпались в воду.

— Для чего же мы ждали эту пигалицу? Начинайте спускать шлюпки.

Теперь вся надежда на шлюпки — это поняли сразу все пятьсот пассажиров. Слабая цепь матросов, сдерживавшая толпу, прорвалась. Милли оттолкнули в сторону. Она увидела, как сладкоречивый проповедник швырял на головы женщинам свои чемоданы, как висящая шлюпка, облепленная людьми, словно мухами, наклонилась, и пассажиры с дикими криками посыпались в воду. Яркие пальто и плащи: голубые, малиновые, песочно-желтые, клетчатые, надуваясь пузырями, запестрели на воде. Милли заметила в стороне под бортом зеленую пелеринку и, не успевши подумать, в ту же секунду бросилась в воду вниз головой.

Я говорил уже, что Милли была чемпионом по плаванию в своем учебном отделении. Милли проплывала вольным стилем сто метров за 1 минуту 32 секунды и сдавала специальный экзамен по опасению утопающих. Очень приятно было плыть по бассейну с ярко-зеленой хлорированной водой, поддерживая двумя руками над поверхностью голову «учебного утопающего». Но здесь все оказалось иначе.

Вода была жгуче холодной, совершенно ледяной. От холода у Милли сразу застыли ноги. Платье мокрым компрессом прилипло к телу, связало руки. Зеленая пелеринка исчезла из виду в брызгах, воплях, крутящихся пузырях. Кто-то ухватил Милли за ногу — это был владелец оружейных акций. Милли ударила его свободной ногой в лицо. «Спасите», — крикнул кто-то еще, навалившись сверху. Милли догадалась нырнуть. Что-то мокрое запуталось у нее в руках, может быть, это была зеленая пелеринка, что-то ударило ее по голове, может быть, чемодан проповедника. Милли глотнула соленую, очень холодную воду и почувствовала, что тонет сама.

А между тем вот что происходило наверху. Подойдя к борту почти вплотную, русский катер остановился против капитанского мостика и чернобородый капитан, схватив жестяной рупор, крикнул на хорошем английском языке:

— Эй, на борту, где у вас повреждение?

— Отойдите, — ответил американский капитан. — У нас мало времени, мы идем ко дну. Держитесь в стороне — будете подбирать людей (он не хотел, чтобы «Грозный» мешал спускать шлюпки).

Но Фредди, неожиданно для всех, уверовал в русских и, перегнувшись через борт, крикнул им:

— Слушай, товарищ, мы наскочили на мину, у нас разворочен левый борт в носовой части, чуть пониже ватерлинии.

Русский капитан сразу понял. «Грозный» последовал к носу и там остановился. И только немногие (все были заняты посадкой на шлюпки) видели, что юноша в брезентовой куртке начал бросать в воду какие-то стаканчики вроде ручных гранат. Между тем, чернобородый капитан выкатил на борт какой-то аппарат, похожий на пушечку, и направил струю белого искристого вещества, дымящегося на воздухе, как раз туда, где образовался небольшой водоворот возле течи. Никто не обращал внимания на русских, людской поток кипел возле шлюпок.

Капитан крикнул Фредди:

*Юноша в брезентовой куртке
начал бросать в воду какие-то
стаканчики.*

— Скажи им — пусть не смеют лить масло, — ему казалось, что русские стараются утишить волнение маслом, а сам с револьвером в руках спрыгнул на палубу, чтобы восстановить порядок.

Минуты через три чернобородый остановил свою «пушечку» и крикнул в рупор:

— Эй, капитан, мы вам заткнули течь. Откачивайте воду потихоньку. Спустите трап. Мы поднимемся на борт.

Капитан не обратил внимания на эти слова. Может быть, он не слышал, а если слышал, то не поверил. И он продолжал посадку на шлюпки, пока снизу не прибежал взволнованный механик с докладом:

— Уровень воды в трюме понизился на четыре дюйма. Течь закупорилась.

Только после этого капитан послушался русских и спустил трап, чтобы принять их на борт. Откуда ему было знать, рядовому американскому капитану, что перед ним профессор Чернов, изобретатель морозометов, и что «Уиллела» была первым в мире судном, которое русские спасли совершенно новым способом — путем замораживания течи.

Глава 10

ЭТО Клэй первым сообщил мне о катастрофе. Ничего не подозревая, утром во время завтрака он сказал мимоходом: «Говорят, с «Уиллелой» несчастье. Наша радиостанция принимала «СОС».

Моя новая должность позволяла мне не очень точно приходить в лабораторию. Я поспешил на радиостанцию. Дежурный сказал: «Ничего особенного». Пароход спасен, вероятно, дня через четыре он будет здесь. Была, правда, паника и несколько человек утонуло: трое мужчин, шесть женщин и один ребенок. Все остальные здоровы.

Я немедленно послал радиogramму Милли и ушел почти успокоенный: десять человек из пятисот пассажиров — не так много. Милли прилично плавает, она была чемпионом в своем отделении. Бывают, конечно, случайности. Скорее бы получить ответ.

Я зашел через час, через два, через три, но ответа не получил. «Уиллела» была единственным пассажирским пароходом, который заходил на концессию... Сотни людей забрасывали пароход радиogramмами с запросом о судьбе своих родных. Вместе со мной в двери радиостанции стучались инженеры и рабочие, молодые и старые, большей частью в комбинезонах (только что с работы отпросились на минутку), и, глядя на их расстроенные лица, я начал чувствовать, что означает хладнокровная арифметика... «шесть женщин и один ребенок». Может быть, среди них жена вот этого добродушного толстяка с лицом, запорошенным цементной пылью, может быть, мать вот этого самоуверенного чертежника с черными усиками под Чарли Чаплина. Почти все пассажиры ехали к нам на «концессию». Значит, среди людей, толпившихся здесь, наверняка были овдовевшие и осиротевшие сегодня ночью.

Можно ли так надеяться на умение плавать? Самые умелые пловцы иногда погибают во время паники. В холодной воде может свести судорога, течение может затянуть под борт...

Среди людей, толпившихся здесь, были, наверняка, овдовевшие и осиротевшие.

И вместе с десятками других обеспокоенных людей я убеждал, упрашивал и подкупал радиста: — Пошлите запрос... ну еще раз, пожалуйста.

Это продолжалось трое суток. Семьдесят два часа бесплодных терзаний, бесконечных размышлений на одну и ту же тему: «Кто утонул? Она или не она?»

Наконец, пришло известие: «Минуя чужеземные порты, «Уиллела» направляется в Пальмтаун».

Я выпросил отпуск и помчался в столицу Пальмовой республики. Дорога шла по берегу моря, через светло-зеленые бамбуковые рощи, мимо чайных плантаций, усеянных кустиками, похожими на темно-зеленых ежей. Бананы росли возле самой дороги, из каждого листа можно было сделать себе одеяло. Я не замечал ничего, я видел только темную точку на горизонте — это был дымок «Уиллелы».

Когда мы въехали в порт, пароход стоял на рейде. С молы я разглядел цветные точки на борту — головы пассажиров. Какая из этих точек Милли? Милли, отзовись. Или не отзывайся, но только будь живой.

Но вот «Уиллела» огибает маяк, неторопливо разворачиваясь, замедляет ход... уже можно разглядеть фигуры людей, их одежду. Слышно, как капитан командует на мостике: «Малый вперед. Левый самый малый назад. Правый самый малый вперед». Клокочет вода, вырываясь из клюзов, небесно-голубое тропическое море становится бурым от мазута. Матрос на баке ловко кидает конец портовым мальчишкам. Лохматый канат толщиной с удава захлестывает чугунную тумбу. Человеческие лица в два ряда нанизаны на перила. Где Милли? Я не вижу ее. Обвожу глазами палубы второго и первого класса. Машут руками все. Где Милли? Неужели я не могу узнать ее?

Проверяю лица, одно за другим. По порядку — слева направо. Нет, не она. И это не она. Десять, двадцать, тридцать незнакомых веселых женщин. Почти все на палубе. Только немногие стоят на внутренних трапах с чемоданами. И еще шесть на дне. Неужели среди этих шести моя Милли?

Со скрипом и кряхтением спускается с палубы шаткий трап. Крикливые носильщики устремляются вверх. «Ваши вещи, мистер. Пять центов — самый большой чемодан». И вот, смущенно улыбаясь, неуверенными шагами, спускается первая пассажирка.

Кто-то хватается за руку сзади. Милли? Нет, не Милли. — Это Джо мой старый товарищ по тяжелым временам. Очевидно, он все еще служит на «Уиллеле» помощником повара, куда я устроил его весной.

— Мистер Джонсон, — говорит Джо, глядя себе на ботинки, — я хотел потолковать с вами насчет крушения. Наши ребята кое-что заметили. Это важное дело, так мне кажется.

— Важное дело? Джо, дорогой, прости, мне не до тебя. Приходи ко мне завтра с важными и неважными делами. Я буду очень рад.

Джо отходит недовольный. Кажется, он бурчит что-то о долларах, которые портят приличных людей.

— Слушай, Джо, ты не слышал: у вас во время паники утонула девушка?

— Кто их знает, — отвечает Джо. — Шлюпка опрокинулась. И все сразу человек шестьдесят — высыпались, как мусор из ведра. Девушка? Может, была и девушка. Я сам вытащил одну девчонку, лет восьми, в зеленом пальтишке. Мать у нее сразу пошла на дно. Видная была такая — пудов на семь. А еще говорят, что толстые не тонут.

Поток пассажиров редееет. Теперь спускаются поодиночке самые богатые, неторопливые, обремененные багажом. Сзади всех плывет полная дама в лиловом шелковом платье с какой-то невероятной клумбой на голове вместо шляпы. Перехватив мой напряженный взгляд, дама оборачивается и кокетливо улыбается, показывая зубы. И это все. Матросы начинают мыть опустевшую палубу. Кто-то из них шутки ради направляет брандспойт на мол, где стоят торговки со связками бананов.

Милли! Неужели тебя уже нет?

Но вот опять появляются люди. Пятясь задом, санитары выносят носилки. Милли? Нет, какой-то мужчина. Небритые, щеки, усы...

Худенькая женщина в больничном халате опускается по трапу. На руках у нее довольно большая девочка, завернутая в одеяло. У женщины бледное, усталое лицо, синяки под глазами... И вдруг...

— Аллэн! — кричит она.

— Милли!

— Аллэн!

— Милли!

В крикливом портовом городе, на молу, где пахнет солью, кожами, цементом и гнилыми фруктами, стоят мужчина и женщина. Стоят и твердят, как заклинание, одни и те же имена: Аллэн, Милли, Аллэн, Милли!!!

И все уже сказано. И все понятно.

Глава 11

МНЕ очень хотелось самыми возвышенными поэтическими словами передать вам историю моей любви. Но я, к сожалению, инженер, а не поэт. И я опасаясь, что дорогое мне посторонним покажется скучным и бесцветным.

Я мог бы рассказать весь день приезда минута за минутой — рассказать, как, отойдя от трапа на шаг, Милли остановилась, уперла руки в бока и деланно сварливым тоном объявила:

— Но имейте в виду, мистер, нас двое — я и Лу. Мы вместе тонули, нас вместе вытащили из воды. Я ее выхаживала в лазарете, и мы твердо решили не расставаться. Или вы берете нас обеих, или никого.

Я мог бы рассказать, какой сердитый голос был у Милли, как она кричала и топала ногой, как смешно было, что она — сама еще девчонка изображает из себя приемную мать и как смеялись у нее при этом глаза.

Я мог бы рассказать, как Милли пришла в мою комнату — прекрасную комнату, которую я сам убрал накануне, и сразу же обнаружила под шкафом склад окурков (а я их так старательно заметал туда, чтобы не валялись на виду), и вместо того чтобы сесть на кушетку и поведать о годах, которые мы прожили врозь, Милли побежала одалживать метлу у старухи-привратницы.

Я мог бы рассказывать бесконечно о словах, жестах и взглядах, но все слова, жесты и взгляды имеют значение только для меня, точно так же, как только для вас имеет значение, какая косынка была сегодня у Мэри Энн, и как она нахмурила брови, когда сказала «здравствуйте», точно так же, как только вашей матери интересно, что в ранней юности вы любили сосать свою левую ногу.

Но вернемся к технике.

Приблизительно через неделю после приезда Милли ко мне в лабораторию зашел Фредди. Прежде всего, он шепотом попросил удалить всех лаборантов, сам спустил шторы, выглянул за дверь, чтобы проверить — не подслушивает ли

кто, и после всех этих предосторожностей вынул из-под пальто обыкновенный термос.

В термосе оказались куски сероватого, довольно грязного и уже подтаявшего льда. Пока я рассматривал их, Фредди рассказал мне, что этот лед был изготовлен каким-то знаменитым канадским ученым, умершим в прошлом году. Мистер Чилл приобрел у наследников лабораторию канадца вместе с оборудованием, но все записки и протоколы опытов оказались утерянными, так что секрет канадского льда пропал бы, если бы Фредди не нашел несколько кусков льда в погребе в старой мороженице. Теперь все лаборатории шефа заняты анализом канадского льда, но он, Фредди, по дружбе оставил полкилограмма для меня. Здесь есть возможность отличиться. Шеф хорошо заплатит тому, кто раскроет секрет канадского льда. Только надо работать в строжайшей тайне по вечерам и без помощников.

Вся эта запутанная история сразу показалась мне неправдоподобной. Но я смутно догадывался об истинном происхождении канадского льда и не стал допытываться. Я понимал, что в мои руки попал тот рычаг, который может сдвинуть с мертвой точки проект ледяной плотины.

В тот же вечер, запершись в лаборатории, я начал исследование. В моих руках было несколько осколков мутного крупнозернистого льда, ничем не замечательного на вид. Каким же образом мог быть изготовлен этот лед?

Чтобы заморозить воду, нужно создать искусственный холод — это понятно. Создать искусственный холод — это значит поглотить часть тепла.

Наука знает целый ряд процессов, в которых поглощается тепло. К числу их относится нагревание других холодных тел (теплообмен), таяние, испарение, расширение газов, размагничивание, растворение солей.

Внешний осмотр ничего не сказал мне. Я рискнул попробовать лед на вкус. Он показался мне довольно соленым. И это привело меня к мысли, что лед получен при помощи растворения какой-нибудь соли.

Какие же соли поглощают тепло при растворении? Я

взялся за химический справочник и сразу пришел в ужас. Оказалось, что тепло поглощают самые разнообразные соли — хлористый кальций, селитра, обыкновенная поваренная соль, бертолетова соль, марганцевокислый калий, нашатырь и еще десятки других азотнокислых, уксуснокислых, фосфорнокислых и роданистых солей, о которых я никогда не слышал. Кроме того, канадский профессор мог приготовить искусственно какую-нибудь новую, небывалую, особенно сильно действующую соль.

Чтобы разобраться во всем этом деле и сделать достаточно точный анализ, мне нужно было заново изучать хи-

*Химик произвел анализ и со вздохом сказал:
— Все-таки это обыкновенная морская вода.*

мию. К счастью, я был связан с химической лабораторией. Иногда по нашему заказу они делали анализ воды или песка. Я решился нарушить запрет Фредди, растопил кусочек льда и снес пробирку с соленой водой к знакомому химику. Химик попросил у меня три дня и точно в назначенный срок принес мне лист бумаги, на котором были выписаны формулы и проценты.

— Это обыкновенная морская вода, — сказал он, — я ручаюсь, что никакие соли в нее не добавлялись.

Было от чего прийти в отчаяние.

Обыкновенная морская вода! Но как же она заморожена?

Я снова осмотрел образцы и на этот раз обратил внимание на пузырьки воздуха. Может быть, вода была заморожена жидким или твердым воздухом. Правда, в лабораториях Чилла это не получалось, но возможно, что канадский ученый сумел устранить недостатки жидкого воздуха.

Опять я отправился к химику, на этот раз с кусочком льда. С большим трудом мы собрали в пробирку газы из пузырьков, химик произвел анализ и со вздохом сказал:

— Все-таки это обыкновенная морская вода. В ней всегда растворены газы и, когда вода замерзает, газы образуют пузырьки.

Отброшенный на исходную позицию, я снова оказался ни с чем.

— Ну хорошо, — говорил я себе, — вода заморожена. В нее внесли холод, но не обязательно процессы охлаждения должны происходить внутри воды. Холодильник может стоять где-нибудь в другом месте, скажем, на берегу. Он может охлаждать какое-нибудь твердое вещество — железные опилки, бумажную массу, песок, пыль, и это твердое вещество может служить переносчиком холода от холодильника к воде. Но в таком случае мы должны найти в воде какие-нибудь твердые частицы...

Я взялся за микроскоп и почти сразу же обнаружил какие-то твердые частицы, похожие на прибрежный песок, и короткие тоненькие волокна. Одно только смущало меня.

Лед по своей структуре был крупнозернистым. Если песчинки были переносчиками холода, они должны были оказаться в центре зерен. Непонятно было также, какую роль играли волокна. Я заподозрил, что это водоросли, но в нашем химическом городке не оказалось ни одного специалиста по водорослям. Пришлось в ближайшее воскресенье взять отпуск и поехать в Пальмтаун в Океанографический музей.

Еще через неделю я получил ответ: «Это обыкновенная морская вода», сказали мне океанографы. — «Волокна» — это водоросли, а твердые частицы, которые вы приняли за песок, — обломки микроскопических ракушек. Все эти существа живут в северной части океана. Вы найдете их в каждой капле.

Обыкновенная морская вода! Окончательно обескураженный, я часами сидел в лаборатории, бессмысленно глядя на мутные льдинки. В чем их секрет? Мне уже приходило в голову, что я напрасно мучаюсь с ними. Возможно, охладитель находился не в этих льдинках, а рядом. Его могли подавать по трубам. Когда замораживают грунты при строительстве, так и делают: охлажденный ледосоляной раствор циркулирует в трубах, забитых в грунт. Но тогда канадский лед должен был получиться не зернистым, а слоистым или монолитным.

— Думай, Аллэн, думай, — говорил я себе. — Пока ты не решил эту проблему, твоя ледяная плотина остается воздушным замком, построенным на облаках. Оставь канадца в покое — ты не знаешь, что он за человек. Но попробуй представить себе, как бы организовал работу профессор Чернов. Ведь у него не было никаких труб, только морозометы и бисерные струи, окутанные паром.

Разгадка пришла ко мне неожиданно, однажды ночью. Когда я понял, в чем дело, я расхохотался. Потом я ударил себя по лбу и назвал круглым дураком. Почему я не догадался с самого начала? Но тут же я все простил себе. Я разбудил Милли и сказал ей: «Милли, твой муж молодец. Ледяную плотину можно строить хоть завтра».

В несколько минут я набросал схему производства льда по «канадскому» способу (конечно, я не могу описывать ее здесь, поскольку «канадский» лед является собственностью фирмы Чилла). Все было сделано. Осталось только написать отчет.

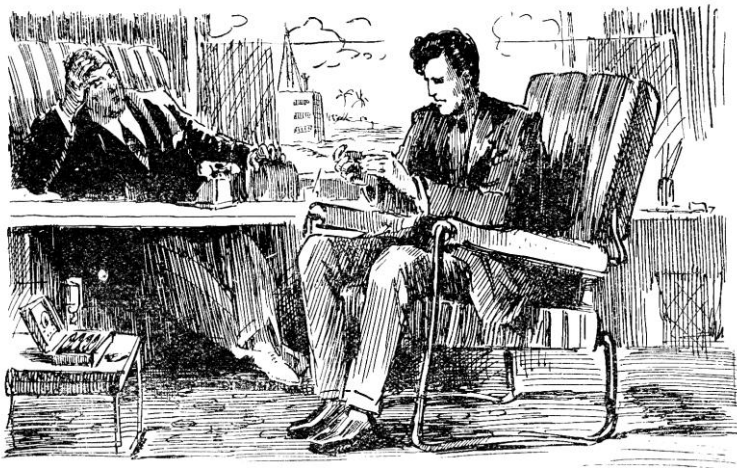
Фредди первое время очень интересовался ходом анализа. Но вскоре ему надоело выслушивать мои предположения, проверки и опровержения. А затем он уехал в Штаты и вернулся с шефом через месяц, как раз тогда, когда я дописывал последние страницы отчета.

Я передал ему отчет ровно в полдень, как раз перед обеденным перерывом, а в половине второго Фредди, взволнованный и растрепанный, прибежал ко мне на квартиру и задыхаясь сообщил, что мистер Чилл хочет разговаривать со мной лично.

Можно представить себе, как волновалась Милли, провожая меня в тронный зал говяжьего короля, сколько раз она перевязывала мне галстук, как старательно счищала пылинки с пиджака, как горячо целовала на прощанье, как махала платком из окна. В то же время Фредди со своей стороны внушал мне, как вести себя перед лицом живого миллиарда.

— Прежде всего, — говорил он, — будь сдержан. Не суйся с протянутой рукой — шеф терпеть не может фамильярностей. Говори коротко и по существу... но не раздумывай над каждым словом, а то шефу покажется, что он теряет с тобой время. Если он не будет слушать, все равно говори. Шеф никому не смотрит в глаза, всегда в сторону. Обычно, если он доволен, он поглядывает в потолок, а если скучает, полирует себе ногти. Как увидишь, что шеф занялся ногтями, сейчас же кончай. И еще одно — садись к нему правым боком. Ты порезал левую щеку бритвой, а шеф не выносит крови. Он падает в обморок, если поцарапает палец.

Фредди говорил еще долго, а я, волнуясь, запоминал приметы и с тоской думал, как страшно жить в мире, где судьба целой семьи зависит от царапины на левой щеке и от слабых нервов владыки.

И я рассказал Чиллу все...

Но в кабинете за письменным столом мистер Чилл оказался мне совсем не страшным. Он был невелик ростом, со вкусом одет и необычайно вежлив. Слушая его приятный, немного приторный голос, трудно было понять, отчего люди боятся этого небольшого изящного человека, с прилизанными редкими волосами и совершенно безвредными маленькими, почти детскими руками, холеными мягкими руками, годными только для того, чтобы без движения лежать на животе.

— Расскажите подробно, как вы изучали лед, — сказал Чилл, не протягивая мне руки.

Несколько сбиваясь и путаясь, я рассказал ему всю историю анализа. Чилл несколько раз задавал вопросы, и мне казалось, что он допытывается, самостоятельно ли я разрешил задачу.

Когда я кончил, он помолчал минуту, затем опросил:

— Можно ли теперь организовать заводское производство?

Мне нетрудно было ответить. Собираясь строить из канадского льда свою будущую плотину, я заранее продумал все рабочие процессы.

Чилл перебивал меня ежеминутно. Его интересовало главным образом, сколько будет стоить каждый цех, каждый станок и по какой цене можно будет выпускать на рынок готовый лед.

— Я вижу, вы разработали технологию, — сказал Чилл в заключение. — Но есть еще деловая сторона вопроса. Кто будет покупать этот лед? Лично я сомневаюсь, что мы сможем вытеснить с рынка сухую углекислоту. (Боюсь, что я улыбнулся. Я знал, что Чилл — владелец всех крупных заводов «сухого льда» и, конечно, он не захочет быть конкурентом самому себе.) Нельзя ли подыскать новое применение льда в военно-морском флоте, например...

В сущности, уже несколько месяцев я готовил ответ на этот вопрос и все-таки заколебался. Мне вспомнились насмешки Фредди. «В лучшем случае, — сказал он, — у тебя купят проект, чтобы положить под сукно». Вероятно, и Чилл скажет то же самое...

Но с другой стороны, чем я рискую? Ведь это мой единственный шанс. Весь план моей жизни заключается в том, чтобы ехать в Штаты искать деловых людей, которые согласятся меня финансировать. И вот передо мной сидит деловой человек и сам опрашивает: «Как надо применять лед?»

— Я не занимался военными вопросами и не хотел бы заниматься ими, ответил я, — у нас хватает всякого рода оружия и незачем изобретать новое. Кроме того, мне кажется, низкие температуры не имеют перспектив в военном деле. Холод действует постепенно, вода замерзает не сразу. Нет никакой надежды, чтобы можно было внезапно заморозить крейсер, или авианосец. Другое дело — мирное строительство.

И я рассказал Чиллу все: об осушении Северного моря, о плотине у Гибралтара, об энергии морского прибоя, о гидростанции на реке Лаврентия...

— Сейчас невозможно представить, — сказал я под конец, — все возможные способы применения льда. Мне ясно одно: владелец льда будет хозяином океанов. Ему будут

подчинены самые обширные пространства на Земном шаре, ведь площадь океанов в два с половиной раза больше суши и в 40 раз больше Соединенных Штатов.

Чигл слушал меня, не перебивая. Я не видел его глаз и не мог понять: одобряет он или посмеивается. Кончив, я перевел дыхание и вопросительно взглянул на него:

— Вы рассказывали это кому-нибудь?

— Только своему приятелю. Но он меня высмеял. Он сказал, что это пустые фантазии.

— Кто этот приятель? Фредди, мой секретарь?

— Да, Фредди.

Чилл опять помолчал. По лицу его было видно, что он подсчитывает что-то.

— Фредди — мелкая рыбешка, — сказал он наконец. — Он хороший делец, когда нужно заработать сто долларов, на тысячу у него головы не хватает. У вас голова на миллион, я откровенно вам говорю. Надеюсь, что похвалы не испортят вас. Но вы не деловой человек — это понятно с первого слова. Как вы возьметесь за дело? Имеете ли вы понятие о кредите, обеспечении, субсидиях, о тех силах, которые будут вам противодействовать? Понимаете ли вы, что главное для вас — реклама, что без рекламы вы не сможете бороться со строительными компаниями (вот когда я вспомнил слова Клэя: стоит ли столько хлопотать, чтобы доходы Смита, Джонса и Робинсона перешли к Чиллу, Смиту и Джонсу), а для рекламы нужен удачный момент. Нужно, чтобы где-нибудь провалилось большое строительство, и тут выступаем мы, строям быстрее и дешевле... главное дешевле.

— Я думаю, вам надо продолжить работу. Я вам создам условия. Но нужно улучшить дело. Нужно найти новые, небывало холодные вещества, чтобы при наглядной демонстрации вы могли поразить. Это самое важное — поразить воображение. Я сам подберу удобный момент, я создам его, если он будет запаздывать. Я обеспечу успех, короче говоря, когда вы найдете то, что нужно...

На прощание шеф встал и положил мне на руку два пальца. Я вылетел из его кабинета на крыльях. Должно

быть, каждый мог прочесть на лице у меня, что я счастлив. Во всяком случае, Фредди сразу, ничего не спрашивая, протянул мне руку:

— Поздравляю, Аллэн. Ну, как тебе понравился шеф?

Я взглянул на Фредди сверху вниз.

— По-моему, он очень приличный человек, — сказал я.

— Не понимаю, почему его считают пугалом.

Фредди многозначительно улыбнулся.

— С его деньгами можно быть приятным человеком, — сказал он. — Шеф не любит раздражаться. Если нужно, он нажимает кнопку и говорит: «Фредди, задайте взбучку». И Фредди сердится, ругается, угрожает, разносит, выгоняет и портит нервы вместо шефа. Шеф платит ему доллары за злость.

Так брюзжал Фредди. Но я ему не поверил тогда.

Глава 12

ТАК я стал благополучным американцем, бизнесменом, человеком дела, как говорят у нас. Я завел текущий счет в банке, приобрел возможность ставить росчерк на чеках и даже (о, верх благополучия!) получил анонимное письмо, в котором мне предлагалось положить сто долларов под камень у забора, если я дорожу жизнью дочери (подразумевалась Лу).

Моя холостяцкая комната, где так удобно было замечать окурки под шкаф, сменилась уютной квартирой, и Милли постаралась наполнить ее ковриками, соломенными циновками, тихоокеанскими идолами, малайскими колчанами, японскими веерами и прочими изделиями из красного и черного дерева, из слоновой кости, из бамбука, из лака, из перьев райской птицы, так что нельзя было повернуться, чтобы не уронить и не сломать что-нибудь.

У меня был отдельный кабинет дома (Лу ходила мимо него на цыпочках) и целый корпус в городке так называемой «Кокосовой концессии» Чилла лаборатория холода, механическая лаборатория, модельный цех, бассейн для моделей площадью в 100 квадратных метров.

Но зато я и работал не за страх, а за совесть. Четырнадцать часов в сутки, как правило, а иногда восемнадцать. Я спроектировал опытный завод (он был выстроен), довел до рабочих чертежей проект плотины и мог бы хоть завтра приступить к строительству. Я нашел, наконец, новый способ добычи холода, сделал то, что сам считал невозможным при первом разговоре с Чиллом.

Я не намерен здесь раскрывать тайну этого способа, потому что знаю: есть еще на свете люди, которым нельзя доверять секреты техники, подобно тому, как маленькому ребенку нельзя давать в руки спички. Но для тех, кто интересуется наукой, я могу объяснить самый принцип только то, что было опубликовано в нашей печати и в русских статьях о новых работах профессора Чернова.

Передо мной стояла задача: найти охладитель более мощный, чем жидкий воздух. Каждому понятно, что в стоградусном льде больше холода, чем в пятидесятиградусном, чем ниже температура охладителя, тем больше воды может он заморозить. Казалось бы, вся задача состоит в том, чтобы изготовить вещество, температура которого будет ниже нуля на тысячу или десять тысяч градусов. Но, к сожалению, такая задача невыполнима и даже с точки зрения физики неграмотна.

Что такое тепло? На этот вопрос наука отвечает так: то, что мы называем теплом, есть движение молекул, из которых состоит тело, а температура тела зависит от скорости движения его молекул. Жара — это быстрое движение, холод — медленное движение. Когда мы охлаждаем воду, мы тормозим движение ее молекул. В конце концов, при нуле градусов скорость молекул воды настолько уменьшается, что они перестают двигаться самостоятельно, в одиночку, и начинают как бы слипаться, образуя кристаллы.

Движение молекул есть и в твердом теле. Там они колеблются и колебания эти тем меньше, чем ниже температура. При температуре минус 273 градуса движение молекул прекращается. Это абсолютный нуль, предельный, самый большой мороз из всех возможных. Ниже температура спуститься не может: ведь не может существовать ничего медленнее полного покоя.

С первого взгляда кажется, что я попал в безвыходное положение. На самом деле это не так. Ведь низкие температуры были для меня не целью, а средством. Температура в минус десять градусов вполне устраивала меня для строительства ледяной плотины. Для меня важна была не разница температур, а обилие холода — не высота водопада, а количество воды в нем.

Вообще говоря, запасы холода в природе необъятны. Вспомните, что Земной шар окружает мировое пространство, температура которого близка к абсолютному нулю. Правда, пространство это довольно далеко от нас и с точки зрения холодильной техники — недостижимо. Но даже в

верхних слоях атмосферы, сравнительно близко к земле, имеется много холода. На высоте в 5 километров температура воздуха в среднем градусов на 30 ниже, чем у поверхности океана. Если провести трубопровод на вершину пятикилометровой горы, можно получать оттуда холодный воздух в грандиозном количестве.

К сожалению, в районе реки Святого Лаврентия, где я собирался строить гидростанцию, подходящих гор не было. И это заставило меня подыскивать другие источники холода.

В предыдущей главе я уже говорил, что охлаждение можно получить и без холодных веществ. Тепло поглощается при испарении, растворении солей, расширении газов, размагничивании. Правда, во всех этих процессах поглощаются десятки и сотни калорий на килограмм вещества, а мне хотелось бы поглощать десятки и сотни миллионов калорий.

Можно ли от сотен сразу перейти к сотням миллионов? История науки знает такие скачки. Долгое время самым лучшим источником тепловой энергии считался водород. Сгорая в кислороде, водород выделяет свыше 30 тысяч калорий на килограмм. Ученым казалось, что это предел или близко к пределу. Но в наши дни мы знаем атомные процессы, где при распаде одного килограмма урана выделяется около 12 миллиардов калорий.

Я думаю, читатели уже поняли, к чему я веду. Мне нужно было найти такие атомные процессы, где поглощается примерно столько же тепла, сколько выделяется его при распаде урана или при синтезе гелия.

Я ограничусь этим намеком.

Должен сознаться, что мистер Чилл оказывал мне самую энергичную помощь. Оборудование у меня было превосходное. В мое распоряжение представлялась любая информация. Мистер Чилл как владелец предприятия оборонного значения добывал мне самые секретные сведения по исследованию атома. Эта часть работы была проделана без моего участия. Кроме того, я все время читал готовые переводы

докладов иностранных ученых и получал отрывочные сведения об исследованиях одного бразильского физика, который работал параллельно в том же направлении, что и я (много позже я заподозрил, что этим «бразильским» физиком был профессор Чернов).

Я помню, что сначала меня поражало, с какой легкостью получал мистер Чилл любые, самые ответственные военные секреты. Стоило ему взяться за телефонную трубку, и через полтора часа в отель к нам являлся чиновник с подробнейшим докладом.

— А что вас удивляет, собственно говоря? — спросил Чилл. — Вы говорите — закон о государственной тайне? Ну, да, законы у них, а заводы у нас. Ведь я выполняю заказы генералов. Должен я знать, что и как делать на своих заводах?

Короче говоря, работа была сделана. Однажды весной я принес Чиллу довольно увесистый прибор, по виду похожий на снаряд. Официально этот прибор назывался у нас «электронный возбудитель внутриатомного поглощения энергии», а для краткости мы именовали его «электромороз».

А две недели спустя я на специальном самолете вылетел на Аляску для решающего испытания.

Аляска была выбрана для сохранения тайны, потому что появление ледяных гор близ Пальмовых островов не могло пройти незаметно. Из тех же соображений со мной было только двое: летчик и доверенный наблюдатель Чилла (но не Фредди — Чилл побоялся, что Фредди из старых симпатий будет пристрастен ко мне).

Сам Чилл не поехал и не только потому, что он был занят: у всякого человека есть свои слабости, в том числе и у миллиардера. Испытание было связано с некоторым риском, мог произойти взрыв, могли быть непредвиденные неожиданности. А великий король говядины боялся шума и крови. Немножко странно для владельца величайших в Америке боен, где были специальные цехи по переработке крови.

Я хорошо помню каждую минуту знаменательного для меня испытания. На Аляске начиналась весна, подтаявший снег ослепительно сверкал на черных склонах гор Ледник, спускавшийся к морю, был серовато-коричневый на поверхности, а в трещинах — ярко-зеленый. Спокойный океан чуть-чуть рокотал в скалистых бухточках у берега.

Спрятав самолет под прикрытием базальтового мыса, мы трое подъехали на лодке к узкому пляжу. Вода у берега была совершенно прозрачной, и трудно было разобрать, где кончается дно, покрытое галькой, и начинается галечный пляж.

Летчик помог мне установить метательный аппарат, специально сконструированный для испытаний, — нечто

Летчик помог мне установить аппарат.

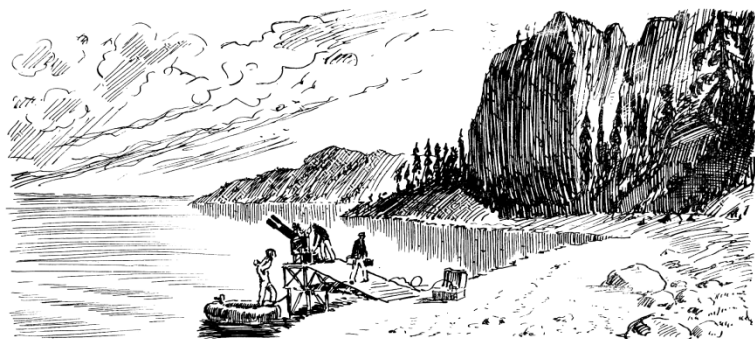
вроде широкоствольного миномета. Нам нужно было забросить «электромороз» как можно дальше в море, а сами мы для безопасности хотели быть на берегу.

И вот настал решающий момент. Вдвоем опускаем мы в ствол тяжелую металлическую сигару. Короткая вспышка, и темная масса, взвившись вверх, исчезает из виду.

Небольшой фонтан километрах в двух от нас обозначает место падения. Секунда, другая, третья... Мы напряженно, не мигая, смотрим на воду. И в голове уже мелькает: «Что, если осечка неудача, просчет?..» А море все так же спокойно. Брызги уже улеглись. Тишина. Безмолвие...

И вдруг... зеркальная гладь встает горбом. Громадная волна набегает на берег, покрывая скалы булькающей пеной, туча соленых брызг обрушивается на нас. И когда мы, промокшие насквозь, стряхнув ледяную пену, протираем глаза, — вдали на взволнованной поверхности моря покачивается полукруглая ледяная гора, с океанский пароход величиной.

Мы провели этот опыт четыре раза подряд. Четыре айсберга — один за другим, отчалив от берега Аляски, выплыли на просторы Тихого океана (можете представить себе, как я смеялся позже, прочтя в Океанографическом журнале заметку о странной форме шарообразных ледяных гор, наблюдавшихся южнее Алеутских островов). Аппараты «электромороз» работали без отказа. Впрочем, сам я не был удовлетворен.

Во-первых, оказалось, что аппараты дают гораздо больше холода, разрываясь в воздухе. Здесь действие было почти мгновенно. Сразу поднимался туман, начинал идти снег, море покрывалось корочкой льда, а скалы — налетом инея... По-моему, в самом центре шел дождь из жидкого воздуха, но проверить это не удалось. Когда же разрыв происходил в воде, вокруг аппарата возникал твердый ледяной панцирь. Панцирь этот препятствовал распространению холода, и льдины получались гораздо меньше, чем я думал.

А во-вторых, и это было важнее всего, сам аппарат «электромороз» со всем своим механизмом, с корпусом из цветного металла, с дорогой изоляцией, тонкой автоматикой и специальными сплавами стоил так дорого, что искусственный лед получался много дороже бетона. Нечего было и думать строить плотины из такого льда.

Я сам считал, что вся работа еще впереди, но Чилл был совершенно удовлетворен результатами.

— Ах, вы ничего не понимаете в делах, — сказал он мне. — Главное для нас — наглядность. Мы можем заморозить реку на глазах у публики — вот что основное. Пусть наша плотина потом растает, это неважно. После мы можем ее поправить жидким воздухом и чем хотите, даже цементом, с нас никто не спросит. Вы славно поработали, Джонсон. Я доволен вами. Что вы хотите в награду? Деньги, акции? Ах, да, вы говорили, что у вас родился сын? Ну, что ж, берите отпуск и поезжайте в Штаты. Момент нашего торжества приближается. Я телеграфирую вам, когда он подойдет.

«Уиллела» ушла накануне, но Чилл был настолько любезен, что предоставил мне свой самолет, чтобы я мог догнать пароход.

Глава 13

ПРОШЛО три месяца. В первых числах июня я получил, как было условлено, телеграмму:

«Выезжайте. Время пришло. Встречаю борту «Уиллелы» Дж. Ч.»

Чилл действительно встретил меня на борту, и как только я поднялся по трапу, пароход вышел в море. В мое распоряжение была предоставлена каюта люкс, рядом с апартаментами Чилла. У меня были две комнаты (я не знал, в которой из них держать свой небольшой чемодан), зеркальная стена и кровать такая широкая, что можно было спать и вдоль и поперек. Невольно вспоминались слова Фредди: «Ты, сидя в трюме на самом дне, сочинишь новые рейсы, а я предпочитаю ехать в первом классе». Теперь, пожалуй, и я ехал в первом классе — и в прямом смысле, и в переносном.

Широкие окна моей каюты выходили на шлюпочную палубу. Ниже была корма, прикрытая парусиновым тентом, а дальше — бесконечный зеленовато-синий океан, разрезанный надвое плоским следом винта.

Сидя у окна, я заносил в блокнот заметки. В последнее время, когда я бывал свободен, у меня часто возникали идеи, смутные, еще не оформленные проекты, и я торопливо записывал их на будущее время, чтобы когда-нибудь позже вернуться к ним или поручить помощникам.

В мои руки попала новая, еще не бывалая возможность. Я мог теперь в любой час замораживать воду. И эта возможность открывала сразу сотни перспектив.

Я думаю, каждый изобретатель поймет меня. Представьте, что вы нашли что-то новое, допустим, новый способ штамповать металл. Теперь начинается применение, развитие способа: вы начинаете штамповать гайки, болты, молотки, шкивы, кулаки, барабаны, застежки крышки, дверные ручки. Вам приходят в голову сотни металлических изделий разнообразной формы, вы должны приспособиться к каждому в отдельности, изучить особенности, видоизменять

форму штампа, исправить, переделать, улучшить свой прибор.

Или представьте себе, что вы изучили новый язык: французский, немецкий или, скажем, русский. И вот перед вами открылась целая страна. Вы можете прочесть тысячи книг — об истории, нравах, о быте, познакомиться с классической и новой литературой, с техникой, со всеми науками, проштудировать авторов, известных только понаслышке.

Именно это и произошло со мною. Я научился замораживать воду. Для чего? Десятки идей приходили мне в голову, и я наскоро записывал их, чтобы позже на досуге проверить и развить.

В специальном блокноте, который назывался «на будущее», я отмечал несколькими строчками возникающие мысли.

«Страница 113. Плавающие острова.

При достаточном развитии ледяной промышленности можно строить небольшие плавающие острова, площадью до 2-3 квадратных километров. Эти острова могут служить опорными пунктами в открытом океане — якорными стоянками, ремонтными базами, маяками. Здесь можно расположить также аэродромы, морские курорты или туристские лагеря. О последнем, кажется, думали пассажиры на ледоплаве профессора Чернова.

Страница 114. «Где не ступала нога человека». Когда говорят так, думают об отдаленных и труднодоступных землях. Морское дно занимает 71 процент поверхности Земного шара. Все это земли, где не ступала нога человека. Ледовая промышленность должна их завоевать.

Мелководье от 0 до 200 метров называется «материковой отмелью». Эта часть океана примыкает к суше и геологически составляет с ней единое целое. Мелководье освещено солнцем. Здесь могут расти водоросли: многие из них съедобны или используются в технике. В будущем здесь будет развито подводное земледелие. Урожай можно убирать, периодически осушая море при помощи ледяных перегородок.

Страница 115. Площадь океана в два с половиной раза больше площади суши. Следует ожидать, что здесь в два с половиной раза больше полезных ископаемых, чем под материками. Знаменитые нефтяные месторождения Баку продолжают под дном Каспийского моря. Точно так же уходят под морское дно каменноугольные копи Нью-Кестля, Кардифа, оловянные месторождения Корнуэльса. Когда геологи научатся, находясь на поверхности, отыскивать подводные богатства, можно будет, базируясь на плавающий остров, строить ледяные шахты до самого дна, а затем углубляться в грунт также при помощи замораживания.

Страница 116. Большая часть морского дна — глубины от 2 до 5 километров — называется ложем океана. Оно резко отделяется от материковой отмели крутыми склонами. Геологи полагают, что океанское дно никогда в течение всей истории земли не подымалось выше поверхности океана. Геология этих пространств должна быть своеобразной. Здесь можно найти новые или во всяком случае редкие минералы, связанные с глубинными породами, например, руды цветных металлов, алмазы... Как проникнуть в эти глубины?

Столб воды высотой 10 метров давит с силой в одну атмосферу. Давление на океанском ложе от 200 до 600 атмосфер, в самых глубоких впадинах Тихого океана свыше 1000 атмосфер. Русский ученый Циолковский подсчитал, что на глубину 8 километров можно спуститься в стальном шаре с полуметровыми стенками. Но, к сожалению, трудно сделать канат, который вытащил бы этот шар. Восьмикилометровые канаты могут лопнуть от собственной тяжести плюс тяжесть стального шара.

Но если мы возьмем не сталь, а лед, укрепим его металлической сеткой? Лед легче воды, ледяная батисфера будет всплывать самостоятельно без всяких канатов. Наоборот, нужно прикреплять балласт, чтобы опуститься. Я думаю — в ледяной батисфере можно опускаться на любую глубину.

Страница 117. Из другой области.

Лед для борьбы с фильтрацией. В искусственных каналах, орошающих поля в засушливых странах, большое значение имеет экономия воды. Между тем значительная часть воды (в новых каналах — до 40 процентов) просачивается под землю через дно канала.

Я думаю, можно бороться с этим, замораживая слой воды на дне.

Конечно, лед будет постепенно оттаивать, но ведь оттаивая, он снова превращается в полезную воду, которую мы сохраняем таким образом для орошения. Кроме того, охлаждение воды в канале будет уменьшать потери на испарение с поверхности.

Страница 118. Искусственный дождь. Даже в самый жаркий безоблачный день в воздухе всегда есть невидимые водяные пары. Чем жарче, тем больше может быть пара. Внезапное охлаждение при помощи «электромороза» заставит эти пары превратиться в дождь или снег. Таким способом можно получать дождь в любое время и в любом месте по заказу.

Страница 119. (Еще к вопросу о строительстве гидростанции.)

Надо принимать во внимание внутреннее тепло земли. Раскаленные слои глубин нагревают земную кору снизу и, хотя количество тепла невелико, о нем нельзя забывать. По расчетам геофизиков подземная теплота может ежегодно расплавить слой льда в 7-8 миллиметров. Если плотина рассчитана на 100 лет, она должна иметь запасной слой льда у подошвы около 80 сантиметров или же систему труб, позволяющих подмораживать...»

Смятый листочек с номером 119 до сих пор лежит у меня в кармане. Вероятно, я сунул его в карман в тот момент, когда снаружи в дверь каюты постучали и я, отложив ручку, крикнул: «Войдите».

Хотя мы не виделись больше года, я сразу узнал Джо, моего старого приятеля по тяжелым временам — неистового борца за справедливость. Джо был подстрижен, выбрит, чисто одет, но выглядел он, пожалуй, гораздо мрачнее.

— Вы не очень заняты, мистер Аллэн? Можно поговорить с вами?

— Заходи, Джо, без всяких церемоний. Для тебя я всегда свободен. Садись, поговорим о старых временах. Хочешь рому или виски с содой, быть может? Сейчас я позвоню буфетчику... Ах, вот как! Ты сам буфетчик!? Хорошая должность?

Джо присел на краешек стула, видимо, все еще стесняясь. Он спросил меня, как я поживаю, я спросил его, как он поживает. Затем наступило принужденное молчание. Оба мы никак не могли найти прежних дружеских нот. Я думал, что Джо скучно слушать о моих инженерных делах, а Джо полагал, что меня не интересуют его — матросские. И он глядел на свои колени, время от времени задумчиво повторяя:

— Да. Вот оно как...

— Может быть, ты хочешь попросить что-нибудь, Джо? Денег, а? Так возьми, пожалуйста. Сто долларов тебя устроит?

— Да, конечно, — угрюмо согласился Джо. — Сто долларов для вас пустяк теперь. Вы уже забыли, что такое нужда, сидите на денежной горе и вам трудно разглядеть нас, этого самого, как говорят у нас газеты, «простого человека». А «простой человек», о котором так много говорят и всегда забывают, очень беспокоится сейчас, читая газеты. Речь идет о войне и мире... Впрочем, вы человек грамотный, мистер Аллэн, убеждать вас нечего, у вас есть мнение. Что вы думаете о войне?

— Что я думаю о войне, Джо? Право, незачем было меня расспрашивать, ты знаешь сам. Когда наци наложили свою черную лапу на Европу, я первый пошел воевать с ними. Я вел войну не в штабе, а в окопах. Я знаю, что фронт — это не красная тесемка на карте. Я видел своими глазами сгоревшие села и расстрелянных бойцов сопротивления. Я думаю, Джо, это не должно повторяться. Нельзя допускать расстрелов и пожаров. Я лично заинтересован в этом, как

отец и инженер. Я не хочу, чтобы бомбы портили мои сооружения и убивали моих родных.

Джо помолчал. Очевидно, он ждал, что я скажу: «но...», потому что многие обеспеченные люди в эти дни, поговорив об ужасах войны, добавляли многозначительное «но» и затем начинали распространяться о кровавых большевиках. Но я молчал. Лично у меня не было никаких претензий к русским. Каждый хозяин в своем доме. А в русском доме, я подозревал, порядка больше, чем у нас. Во всяком случае там нет безработных.

Джо порылся в кармане и вынул голубоватый листок, испещренный каракулями людей, которым не часто приходится писать.

— А если ты за мир, — сказал Джо, — подпишись. Мы все на «Уиллеле» матросы, кочегары, механики и пароходная прислуга — стоим за мир и против атомных гостинцев. И нам приятно будет, если мистер Джонсон подпишется вместе с нами.

Я подписал воззвание

Когда, расписавшись, я возвратил Джо листок с воззванием, я увидел на лице моего старого приятеля широчайшую улыбку.

— Я рад, старина Аллэн, — сказал он, — что ты не ослеп от блеска долларов. Хотел бы я посмотреть, какую физиономию скорчит босс, когда узнает, что его лучший инженер подписал воззвание борцов за мир. Очень хорошо, что ты с нами, а не с торговцами оружием, вроде Чилла.

Я пожал руку Джо, но при этом нашел нужным вступить за своего хозяина и будущего компаньона.

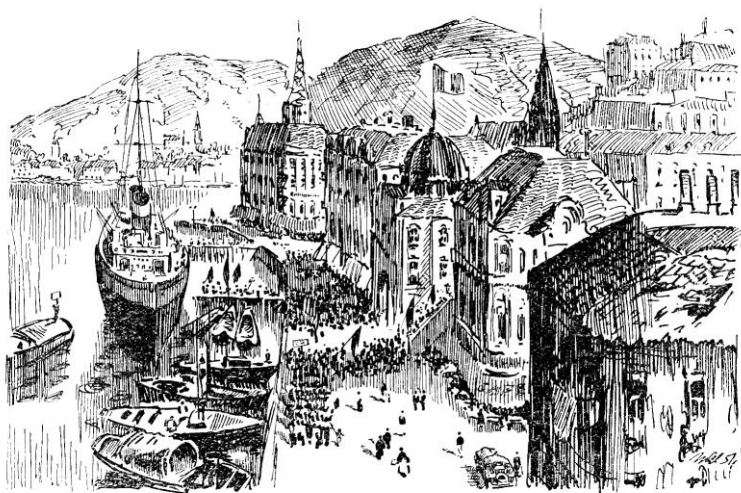
— Ты ошибаешься, Джо. Чилл, конечно, не ангел божий, он делец и шкурник, но оружие не по его части. Он торгует бифштексами, а не бомбами. В сущности, он и сам мог бы подписаться здесь.

В эту минуту я совершенно искренне думал так. И если бы Джо попросил меня, я, не колеблясь, пошел бы к Чиллу с воззванием. В самом деле, думал я, почему бы Чиллу не подписать? Разве он хочет, чтобы атомные бомбы сжигали его заводы, чтобы от их жара таяли возведенные нами ледяные плотины?

Джо лукаво подмигнул мне.

— Новая сказка дядюшки Римуса. Братец Кролик уговаривает Лиса вступить в общество вегетарианцев. Конечно, босс только мясник. Я сам так думал месяц назад. Но за этот месяц я узнал кое-что новое. Ты знаешь, что «Уиллела» пришла сюда из Европы? А знаешь, зачем она ходила туда? Нет? Так вот я могу тебе рассказать.

«Мистер президент любит повторять: Всемогущий господь в своей неизмеримой мудрости и милости возложил на нас ответственность за сохранение мира». Хорошо. Полтора месяца назад, нагрузив полный трюм этой ответственностью, мы на всех парах идем в Европу. Твой приятель Фредди шьет себе новый мундир, мы в кубрике стираем тельняшки, и все в полной уверенности, что на берегу уже поджидают девчонки, чтобы расцеловать нас в благодарность за «копченный язык мистера Чилла».

А на знаменах... написано: «Янки, убирайтесь вон! Мы не нуждаемся в вашем оружьи!»

«Хорошо. Теперь мы входим в порт и в самом деле — на берегу толпы народа без музыки, но со знаменами. А на знаменах, на хорошем английском языке такими крупными буквами, чтобы самый непонятливый мог разобрать, написано: «Янки, убирайтесь вон! Мы не нуждаемся в вашем оружьи, продавайте его рыбам!»

«Капитан делает вид, что он неграмотный. Командует. «Малый вперед, малый назад. Стоп машина». Мы увязываем ящики: «Майна» (опускай). Грузчики отвечают: «Вира». Мы стоим и спорим с ними трое суток: «Майна», «вира», «майна», «вира». Нам на помощь приходит полиция, полицию прогоняют камнями. Короче, на пароход приезжает мэр. Он вне себя от стыда и ужаса. Он может уплатить нам за простой 30 тысяч извинений, а если мы поторгнемся, сорок тысяч. Но все-таки он просит нас уйти, иначе могут быть большие беспорядки.

«Мы прячем парадную одежду в сундучки и ночью, избегая торжественных проводов, уходим в море. Но и в дру-

гом порту нас встречают точно так же. То же повторяется в третьем. Мы ходим из порта в порт не как благодетели, а как нищие и жалостливо просим: «Разгрузите нас ради бога». А грузчики отвечают: «Если бог нагрузил вас ответственностью, пусть сам и разгружает».

«Наконец, нас приводят в военный порт, и солдаты перетаскивают в вагоны ящики с консервами Чилла, а мы в щелки можем разглядеть, что консервные банки с копченым языком по внешности очень похожи на минометы. Конечно, первое впечатление обманчиво, может быть, как это говорят доктора, наше заключение было поверхностным и поспешным. Просто языки для большей сохранности были спрятаны где-нибудь в дуле миномета.

«Итак, солдаты работают за грузчиков, а грузчики смотрят на все это из-за забора, должно быть, охраняют мирный труд солдат. Первый состав нагружен. Машинист трогает его, подъезжает к воротам порта. Не тут-то было — за воротами густая толпа. Машинист свистит, рабочие кричат: «Не надо нам оружия! Долой!» И мы видим, как одна девушка, совсем еще девчонка с черными кудрями до плеч, ложится на рельсы ничком. За ней другая, третья. Десятки людей ложатся на рельсы. Пути нет. Война не пройдет.

«Что же машинист? Ведь он не Макартур какой-нибудь, чтобы его старые глаза «радовались» при виде трупов. Машинист выходит из будки. Он говорит, что он обязан водить паровозы по рельсам, а не по живым людям. Рабочие сбивают замки у вагонов, и охрана смотрит, почесывая затылок. И мы видим, как лживые языки Чилла один за другим аккуратно идут на дно. Это было чудесное зрелище, Аллэн. Я рад был посмотреть, как надежно прячутся стальные убийцы. Честное слово, это было интереснее, чем кинофильм с ковбоями.

«Ты знаешь, когда я был мальчишкой, мы страшно увлекались скаутами. У нас были берлоги и стаи, орден волчонка, львенка и прочая чепуха. И мы давали клятву: «Даю слово чести по мере сил выполнять свой долг перед богом и страной и отмечать каждый день добрым делом».

«Так вот я подумал, что в этот день я еще не успел сделать свое доброе дело и добрым делом будет, если я помогу этим ребятам. И тогда я засучил рукава и «по мере сил» начал грузить на дно эту самую ответственность, которую бог возложил в наш трюм.

«Я не слишком грамотный парень, Аллэн, хотя в свое время боцманы охотно учили меня шваброй. Но я всегда с почтением слушал старших и верил им на слово, что мы, американцы, — самые славные парни на белом свете. И, чтобы теория не отставала от практики, я всегда старался в портовых кабаках кулаками внушать уважение к дяде Сэму всем его непутевым племянникам: даго, черномазым, макаронникам, лягушатникам, Джоном Булям и всяким прочим. Не знаю, правда ли, что французы едят лягушек, но я не очень верю в это. А даже если и правда, чего не съешь с голлодухи. Я сам в плохие времена пробовал крыс и думаю, что это ничем не лучше. Дело не в этом. На этот раз лягушатники пристыдили «самых славных парней». Они объяснили нам, что доллар — не владыка мира, а просто грязная бумажка, что сила не в деньгах, а в руках и, если все мы обеими руками проголосуем за мир, некому будет воевать по приказу доллара.

«И надо сказать, что у нас тоже нашлись настоящие парни из тех, которых называют «подрывными элементами». Они и рассказали нам...»

Но здесь Джо пришлось прервать свой рассказ. Кто-то энергично постучал в мою дверь. Джо вскочил, и в ту же секунду в каюту вбежал Фредди.

С первого взгляда можно было определить, что у Фредди беда: он был растрепан, взволнован, суетливо размахивал руками, и глаза у него блуждали, как будто Фредди искал что-то и сам забыл, что именно.

— Аллэн, ты мне нужен срочно, — вскричал он, входя. — Кто у тебя? Ах, это буфетчик Джо! Вы уже приняли заказ, Джо? Можете идти, у нас дела с мистером Джонсоном.

И Фредди упал на стул, закрывая лицо руками.

— Слушай, — продолжал он, когда дверь закрылась за Джо. — Ты должен спасти меня... во имя нашей дружбы, во имя нашей юности! Вспомни, Аллэн, как я помог тебе в трудную минуту, вспомни, сколько раз я выдвигал тебя, сколько раз защищал тебя, когда шеф бывал недоволен. А ты знаешь, что значит убедить шефа. Это ледяное чудовище, это танк. Люди для него ничто, он их не замечает. Подумай, он хочет послать меня в Россию, чтобы разрушить планы профессора Чернова. Помнишь, мы переводили статью о нем? Но ведь это гибель. В России проваливаются лучшие агенты. Русские сцапали Майка Хилла — знаменитого Майка, который организовал четыре переворота в Центральной Америке. В России совершенно невозможно работать. Там мальчишки и старухи указывают на подозрительных людей. Аллэн, ты единственный человек, которого шеф послушает. Отговори его, он тебя уважает. Убеди его, что я не гожусь для этого дела. Я совершенно забыл русский язык, я его никогда не знал, ты можешь это подтвердить.

Фредди не мог усидеть. Он вскочил и в отчаянии забегал по каюте, натываясь на мебель. Время от времени, останавливаясь, он бросал две-три фразы и снова метался, как зверь, загнанный в клетку.

— Такая черная неблагодарность, такая бесчеловечность! Один-единственный раз вышла осечка и то не по моей вине. Проклятые забастовщики подвели, и я уже не нужен. (Ах, вот как? Значит, Фредди поплатился за то, что не сумел доставить оружие в Европу).

— Подумай, из-за одной неудачи забыты все мои заслуги. А что он делал бы, если бы я не раздобыл образцы русского льда? Я его спас тогда блестящим крушением «Уиллелы». Ему при всех его миллиардах за его лет не выдумать такого плана.

— Крушение «Уиллелы»?!. Что это значит, Фредди? Ведь она наскочила на мину.

— Да, да, все так думали. Это было ловко задумано и ловко сделано. Я знал, что русские пойдут на эту удочку и бросятся спасать пароход. Помнишь, в статье, которую мы

переводили, говорилось о том, как русские поднимали затонувший крейсер. Шеф потратил 200 тысяч, чтобы добыть секрет русского льда, — все впустую. Тогда я предложил ему этот фокус с «Уиллелой». Все было известно заранее. Поблизости не было пароходов, мы подвели «Уиллелу» почти вплотную к острову Вулканический. Я сам взорвал борт, мина лежала у меня в каюте. И все вышло, как по писаному, русские, сломя голову, примчались, чтобы спасти судно, заморозили течь, и мы получили целый груз первосортного русского льда. Я развозил этот лед тоннами по всем лабораториям шефа. Кто же мог знать, что первый анализ принесет инженер Аллэн Джонсон. Ты оказался молодцом, Аллэн, когда ты раскрыл эту штуку.

Я и раньше догадывался, что пресловутый «канадский» лед Фредди привез мне, с «Уиллелы», но мне и в голову не приходило, что все это крушение было подстроено. Подстроено крушение парохода! Но ведь там были пассажиры, Фредди, живые люди, американцы! И Милли среди них.

Фредди смутился на минутку.

— Честное слово, Аллэн, если бы я знал, что твоя невеста взяла билет на «Уиллелу», я бы отговорил ее ехать. Дело было рискованное. Мы играли крупную игру — и пароход был ставкой. Конечно, русские могли опоздать, тогда было бы плохо. Но стоит ли жалеть сейчас? Все кончилось благополучно, Милли твоя жива и здорова.

Я был ошеломлен логикой Фредди. Вот как рассуждает деловой человек! Надо было узнать русский секрет. Чилл поставил на карту пассажирский пароход и выиграл. Все обошлось благополучно. Только в панике утонуло трое мужчин, шесть женщин и ребенок. Каких-нибудь шесть американцев лишились жен, какой-нибудь десяток детей стал сиротами. Потеряла мать какая-то девочка по имени Лу, мог потерять невесту какой-то инженер Джонсон. Все это не имело значения, потому что шла крупная игра: Фредди Палома зарабатывал свою десятую тысячу, а шеф его — сто десятый миллион.

А Фредди, между тем, считая вопрос о крушении истощенным, продолжал убеждать меня. Я почти не слушал его, но внезапно до моего слуха дошла непонятная фраза.

— Ты должен помочь мне. Ведь я, в сущности, пострадал из-за тебя.

— Что это значит, Фредди? При чем здесь я?

— То есть как при чем? Все произошло из-за твоих игрушек. Мы их везли на «Уиллеле».

— Какие игрушки? Я ничего не понимаю, Фредди.

— Будет притворяться. Кому не понимать, если не тебе?

— Да нет, подожди. Это нужно выяснить. Что ты имеешь в виду?

Глава 14

И ВОТ какую сценку рассказал мне Фредди. Место действия: гостиная богато обставленного особняка. Стильная мебель Обилие витиеватых шкафчиков с посудой, которую никогда не ставят на стол, и шатких столиков на тонких ножках. На одном из них — угощение: вино, печенье, ранние фрукты из Флориды. Фруктов никто не трогает, вина не пьют, потому что предстоит серьезный разговор.

Действующие лица: преуспевающий Сенатор. Пухлый, жизнерадостный, улыбающийся человек с блестящей лысиной. Он похож на доброго дядюшку-холостяка, у которого в кармане всегда есть шоколадки для племянников.

Иностранный Генерал. Сравнительно молодой, смуглый, с тонкими черными усиками, в вычурном мундире с золотыми шнурами и эполетами. Он сидит против зеркала и, время от времени поглядывая на свое отражение, поправляет воротник или манжету.

Чилл сидит в глубине комнаты, в тени, сложив на животе свои бесполезные руки. Он не принимает участия в разговоре и упорно разглядывает карниз, а губы его шевелятся, как будто он высчитывает в уме сложные проценты.

В глубине комнаты за ширмой Фредди. Ему поручено коротко записывать самую суть, так как разговор слишком секретен, чтобы доверять стенографистке.

Генерал. Я не могу выразить, сколько удовольствия мне доставило пребывание здесь. Я впервые приехал в вашу страну и каждый час стараюсь использовать, чтобы ознакомиться с вашей своеобразной культурой и духовной жизнью, такой непохожей на жизнь нашей увядшей Европы. Меня восхищает все. Я в восторге от ваших улиц, движения, света. Вчера был в театре обозрений. Меня поразил размах ваших постановок. Триста танцующих девушек, сцена обширнее, чем площадь Звезды. Феерические танцы, костюмы превосходны.

Фредди пытается поспеть за быстрой речью генерала, торопится, роняет ручку и, отчаявшись, записывает:

«Генерал спрашивает: Зачем вы меня пригласили?»

Сенатор. Я со своей стороны высоко ценю древнюю культуру Европы. Я сам вывез из Германии собрание картин, и дочери мои шьют платья только в Париже. В наши дни государственные границы — это пережиток. Мировая культура едина, мы все хотим оградить ее от общего врага. Подходит час испытаний, когда все люди доброй воли должны сплотиться во имя справедливости. Каждый должен внести свой вклад в общее дело, не считаясь с затратами и жертвами. Страны, богатые материальными ценностями, должны внести ценности, остальные добрую волю и готовность к усилиям.

Фредди записывает: «Сенатор предлагает увеличить количество пехотных дивизий. Он снабдит их оружием для будущей войны».

Генерал. Моему народу выпала тяжелая доля. Мы больше всех перенесли унижений в прошедшей войне и после войны должны были, не покладая рук, бороться за культуру в наших колониях. Но, к сожалению, высокие идеалы цивилизации не всегда доступны простым умам детей природы. Они привыкли к грубой жизни в лесных трущобах и лихорадочных болотах. Они еще не доросли до понимания нашей гуманности.

Фредди записывает: «Куда нам лезть в новую драку, когда мы не можем справиться с партизанами в колониях».

Сенатор. Наша страна с сочувствием воспринимает ваш вклад в дело реконструкции и прогресса. Мы со своей стороны всегда относились к вам с дружеским участием и склонны были поддерживать вас в разумных рамках.

Фредди записывает: «Сенатор говорит: мы вам давали оружие. Какой толк от этого?»

Генерал. Высшая цель нашего правительства — забота о процветании каждой семьи. Мы патриархальный народ. Вы найдете у нас прочный семейный очаг, почтительную сыновнюю любовь, добродетельную бережливость. Наши солдаты совершают чудеса храбрости во имя высшей культуры,

Солдаты хотят домой. Они бросают оружие.

но поверьте, слезы навертываются у них на глаза, когда они вспоминают о своих старушках-матерях, изнывающих от жары на убогом винограднике. Фредди записывает:

«Генерал говорит: солдаты хотят домой. Они бросают оружие».

Сенатор. Мы готовы к тому, чтобы терпеливо и мужественно продолжать нашу трудную работу во имя всеобщего благоденствия. Я хотел бы, чтобы вы познакомились с нашими деловыми кругами. Наш хозяин — мистер Чилл один из самых замечательных людей нашей страны. Я уверен, что вы найдете с ним общий язык.

Чилл (он уже поглядывает на ногти, но по обыкновению говорит тихим, спокойным, почти ласковым голосом). Я деловой человек, господа. Позвольте мне, как деловому человеку, быть кратким. В моих лабораториях создано новое мощное оружие. Не вдаваясь в технические подробности, могу сказать, что это оружие способно мгновенно понизить температуру до 190 градусов ниже нуля по Цельсию. Одной бомбы достаточно, чтобы превратить в груды льда целый город. Тропики, или полюс... для бомбы безразлично. Банановые рощи будут засыпаны снегом, люди заморожены мгновенно и безболезненно. С неба начнет капать жидкий кислород.

Генерал. Это интересно...

Сенатор. Слушайте, слушайте!..

Чилл. Это величайшее изобретение современности. Ему предстоит выполнить благородную и гуманную задачу — установить вечный мир. Война против этого оружия немыслима, сопротивление невозможно. Кроме того, армия становится ненужной. Вместо полчищ вечно недовольных солдат организуются небольшие мобильные отряды моторизованных могильщиков. Когда температура поднимается, вы входите в пустой город, где в целости сохранилось каждое здание, каждый завод, каждая машина на заводе, каждое платье в шкафу. Каждый ломтик сыра, каждый брусок масла, каждую бутылку вина вы получите свежими, как из холодильника.

Генерал (в восторге). Каждый ломтик сыра, каждая бутылка вина!

Сенатор. Каждый магазин, каждая машина на заводе!

Чилл. И все это без единого выстрела!

Генерал. Да, да. У наших партизан в тропических лесах уже выстроены заводы.

Сенатор. Красные не теряют времени, они строят повсюду. В Китае есть превосходные предприятия, а у русских богатейшие: бакинская нефть, шахты, металлургические заводы, гидростанции.

Чилл. Чрезвычайно приятно было бы получить все это в сохранности. Я надеюсь, правительство не будет препятствовать предприимчивым людям возглавить трофейную промышленность.

Сенатор. Наше правительство всегда поддерживало разумные требования. Мы существуем для того, чтобы оберегать интересы инициативных предпринимателей.

Чилл. Мне незачем говорить, сколько вы сэкономите на снарядах, автоматах, пулеметах, орудиях, заменяя их нашим гуманным и гигиеничным оружием. Мы установили разумную цену, она не покажется вам чрезмерной. Оружие может быть вам продемонстрировано в течение ближайших трех дней, за особую плату, конечно.

Сенатор. Потребуется разрешение правительства на вывоз оружия.

Чилл. О нет, бомбы изготавливаются за пределами Штатов. Но, разумеется, мы не возражаем против необходимых расходов.

Сенатор. Да, да, обязательно.

Генерал. Я должен запросить инструкцию от своего правительства (*пожимает Чиллу руку*). Я спешу. Я потрясен. Это гениально. Это новая эпоха в военном деле.

Чилл. О, да! Мы назовем ее эпохой холодной войны. К сожалению, этот термин уже испорчен мистером Ачесоном.

Когда гости, сердечно простившись с хозяином, уходят, Чилл резким движением отодвигает ширмы.

Чилл. Протокол у вас?

Фредди. Я не записывал дословно. Может быть, имеет смысл переписать начисто...

Чилл. Перепишите, не выходя из комнаты, и отдайте мне черновик.

Фредди. (*заискивая*). Вы потрясли их до глубины души, мистер Чилл.

Чилл (*мечтательно*). Я думаю, они купят у нас весь запас и тут же пустят в дело. Выиграть войну одной бомбежкой — это заманчиво.

Фредди. Вы очень хорошо сказали: «Война становится невыносимой». Мне жаль наших конкурентов. Бедные оружейники, они прогорят дотла. Заводы стали, пулеметов, снарядов придется закрыть все до единого. Вы не думаете, мистер Чилл, что наша победа приведет к кризису?

Чилл. Вы примитивно мыслите, дорогой. Войны всегда были, есть и будут. Человек — убийца по натуре. Разве вооружения прекратились, когда мы сбросили атомную бомбу на Хиросиму? Ничуть не бывало — наоборот. То же будет и с нами. Этот генерал продемонстрирует нашу продукцию в своих колониях, и весь мир бросится к нам с заказами. Мы будем снабжать арсеналы всех существующих стран, пока не появится что-нибудь еще более мощное. Но до той поры наш текущий счет заметно вырастет, не правда ли, а?

Фредди. И вы думаете, что бомбы никогда не пойдут в дело?

Чилл. *(подымая глаза к небу)*. Надеюсь, что пойдут. Я неустанно молю бога об этом. Кто знает, может быть, со временем нам удастся заморозить Москву...

* * *

Что можно добавить к этой сцене? Сделка состоялась, и Фредди получил задание — доставить заказчику груз аппаратов «электромороз». Не его вина была, что это поручение не удалось выполнить, и половина аппаратов оказалась на дне. Тогда Чилл распорядился возвратить груз на Пальмовые острова. Не доверяя более европейцам, он решил поручить бомбардировку собственным летчикам.

Мне нужно было обдумать, нужно было понять...

Глава 15

РАССКАЗ Фредди поразил меня, как землетрясение. Я был смят, сбит с ног, я потерял почву под ногами. Я ничего не понимал, не знал, за что схватиться, растерянно шарил руками и натыкался только на обломки.

Какой-нибудь час тому назад я был солидным, обеспеченным, уважающим себя, процветающим инженером, изобретателем новой, нужной и полезной отрасли строительства. Жизнь моя была ясна и прямолинейна. Я просыпался, чтобы работать, и засыпал с мыслью о работе. Работа давала мне средства, работа давала удовлетворение, обещала славу, признание и благодарность.

И вот все рухнуло. Где моя работа? Оказывается, все мои идеи — детские забавы, нечто вроде тех сооружений, которые дети лепят из песка. Чем я занимаюсь на самом деле? Создаю бомбу. Я напрягаю способности, я убиваю людей, чтобы мистер Чилл перехватил заказы Моргана, Дюпона и Карнеги. Где радость труда? Где мое самоуважение? Где будущая слава и благодарность? Все исчезло. Остался рядовой конструктор, жадный делец, безымянный убийца на жалованье.

На шлюпочной палубе я разыскал укромный уголок, где меня никто не мог найти. Мне нужно было обдумать, нужно было понять. Нужно было найти точку опоры в захлестнувшей меня волне.

Безбрежный океан шумел под моими ногами глухо и однообразно. Сверху вода казалась черной, как агат. На волны, раздавленные пароходом, набегала узорная пена, она белела, словно кружево, на черном бархате моря. На западе садилось солнце, постепенно наливаясь кровью. Проходя через низкие облака, оно искажалось, шар превращался в огненную заклепку, заклепка — в восьмерку, восьмерка — в грушу. Я следил за всем этим, не понимая, и, морща лоб, старался поймать ускользающие мысли.

Что делать? Бросить все и уйти? Мне было нестерпимо жалко всего, с чем я должен был расстаться: моего кабинета, письменного стола с темно-зелеными скоросшивателями, гладкой чертежной доски, гибкой рейсшины из грушевого дерева, ароматной сигары, которую я закуривал, если дело не ладилось. Жалко было справочников, логарифмической линейки, жалко было тех кусочков кальки, на которых я набрасывал рисунки для своих помощников.

Жалко было еженедельного визита на почту. Так приятно было пересылать Милли сумму, вполне достаточную на расходы. Жалко было терять уважение моего уважаемого тестя и радостный блеск в глазах Лу, когда она рассматривала подарок.

Но больше всего я жалел о разбитых идеях. Неужели все это никчемное: ледяная батисфера, искусственный дождь, завоевание океанского дна, ледяные плоты, мосты, аэродромы, чертежи, расчеты, профили и эскизы ледяной гидростанции на реке Лаврентия.

Солнце село. На западе ярким малиновым пламенем горели облака, а с востока уже набегала тень. Небо пропитывалось сумраком и одна за другой зажигались звезды. Теряя нить своих мыслей, я обдумывал детали плотины, хватался за блокнот, чтобы записать вопрос «на будущее» и опять вспоминал, что вопросы уже не нужны. Остался только один: Что же делать?

Было около полуночи, когда я постучался в каюту Чилла, даже не решив, о чем, собственно, я буду разговаривать. Кажется, я хотел спорить с ним, упрекать, возражать, ска-

зять, что я не даю согласия превращать мое изобретение в орудие убийцы.

Чилл сидел в своей любимой позе, сложив руки на животе и поглядывая на карниз. В свободное время он любил размышлять. Я никогда не видел его за книгой. Чилл считал, что ему некогда читать. Романы, говорил он, отнимают слишком много времени. Если бы красоты Шекспира изложить на десяти страницах, он, Чилл, прочел бы с удовольствием.

— Садитесь, Джонсон, — вежливо сказал он. — Рассказывайте, в чем дело (он знал, что никто к нему не придет без дела) Хотите виски? Я позвоню буфетчику.

Меня неприятно поразило, что Чилл встретил меня такими же в точности словами, как я встретил Джо.

— Это правда, что вы хотите использовать «электромороз» как бомбу?

Почему я так поставил вопрос? Неужели мне хотелось, чтобы Чилл ответил: «Нет, неправда»? Неужели я успокоился бы, выслушав его оправдания?

Но Чилл не снизошел до оправданий.

— На вашего Фредди нельзя положиться, — сказал он. — Фредди болтун. Я даже не знаю, имеет ли смысл посылать его... с важным поручением.

Итак, Чилл не собирался отпираться. Он только сетовал, что Фредди разболтал мне.

— Фредди здесь не причем, — солгал я. — Историю с разгрузкой «Уиллелы» знают оба континента. Что же касается Фредди, конечно, на него нельзя положиться. И я бы не посылал его в Россию... Он совершенно не знает русского языка. Едва ли сможет объясниться вообще.

Чилл поднял на меня глаза — пустые, стеклянные, ничего не выражающие.

— Выучит, — жестко сказал он. — Есть захочет, выучит.

Меня поразила эта неумолимая логика. В самом деле, Фредди может отказаться от диверсии. Он даже не будет голодать — у него есть небольшой капиталец, сколоченный

на службе у Чилла, потому что, как рыба-лоцман, которая плавает вместе с акулой и подбирает ее объедки, так и Фредди вместе с деньгами Чилла ставил свои и подбирал сотни там, где Чилл глотал сотни тысяч. У Фредди хватило бы средств, чтобы открыть собственное дело: табачную лавочку, гараж или тайный игорный дом. Но Фредди не пойдет на это. Он согласится на унижения и даже на опасность грязной работы диверсанта, лишь бы не отрываться от больших денег.

А что бы я сделал на его месте? Хватило бы у меня смелости сказать: «Прощайте, мистер Чилл. Я уйду на бульварные скамейки»? Я набрал полную грудь воздуха.

— Мистер Чилл, я категорически возражаю против такого применения искусственного холода. В нашем договоре речь шла о ледяном строительстве и только: о плотинах, мостах, о мирных сооружениях...

— И о различного рода новых применениях льда, не предусмотренных в перечне, — добавил мистер Чилл, ничуть не повышая голоса. — Дорогой мистер Джонсон, я очень высокого мнения о вас как об инженере, но вы совсем не знаете жизни. Я сам виноват в этом (в голосе Чилла слышалось отеческое наизидание). Я посадил вас в уютный кабинет, снабдил вас книгами, чертежной бумагой, письменным столом, мягким креслом, даже сигарами из Гаваны. Вы имели удовольствие изобретать. Я отгородил вас от жизни, я грудью прокладывал вам дорогу и давал вам деньги, чтобы вы могли мыслить продуктивно (образ мистера Чилла в полосатой пижаме и бархатных туфлях, который своей щедеврой грудью прокладывает мне дорогу, вызвал у меня невольную улыбку). Я заботился, чтобы ваши мысли не остались химерами, и вы же меня упрекаете. Нехорошо.

— Я с величайшим удовольствием строил бы любезные вашему сердцу плотины, — продолжал Чилл, — но, к сожалению, сейчас это нерентабельно. Три месяца назад в этой самой каюте я подсчитывал с виднейшими лоббистами, во сколько обойдется утверждение вашего проекта. Лоббисты считают, что против нас единым фронтом встанут все стро-

ительные компании, а кроме того, владельцы тепловых электростанций, короли угля и нефти. Я еще недостаточно силен, чтобы бороться один против всех. Но даже если мы, улучив момент, протащим ваш проект через конгресс и получим подряд, чего мы добьемся? В наше время государственные стройки влечат жалкое существование. Как только мистер президент потребует добавочных расходов на армию, нам тут же урежут кредиты. Скажите мне спасибо, что я нашел выход, Джонсон. У военных всегда есть деньги. Какое вам дело до этих косоглазых, которых они будут вымораживать? Мы деловые люди. На моих фабриках работает 120 тысяч человек — все чистокровные американцы. Я кормлю их — их жен, ребятишек и старых бабушек. Ради них я обязан брать любой заказ. Или вы хотите, чтобы эти 120 тысяч семей голодали из-за нашей мягкотелости.

Я молчал, и Чилл, решив, что он убедил меня, улыбнулся мягко и ласково. Но я молчал не потому, что согласился. Я понял одну простую вещь: споры полезны, когда нужно выяснить истину, но с вооруженным убийцей не спорят — его бьют, чем попало. Если человек падает в обморок, порезав палец, но не смущается уничтожить население целого города, если человек обирает 120 тысяч рабочих с семьями, если за их счет он сколотил миллионы и себя же считает благодетелем, с таким — спорить бесполезно. Он все равно не поймет.

— Не надо быть наивным, Джонсон, — сказал мне шеф на прощание. — Жизнь — борьба. За победу иногда приходится перегрызать горло. Наступают великие дни. Мы используем вашу мысль на практике — это будет новая Хиросима. Я думаю, мы заработаем на этом деле славно. Ваша доля может дойти до трех миллионов лет через пять. Три миллиона — всегда деньги. Вы сможете прожить всю жизнь, ничего не делая, поехать на яхте вокруг света или купить усадьбу с речкой и построить для собственного удовольствия ледяную плотину, чтобы освещать свой гараж. С тремя миллионами можно быть сумасбродом и даже филантропом. Ведь вам не снилась такая сумма, Аллэн, а?

Глава 16

ДЖО очень удивился, когда я попросил его познакомить меня с «подрывными элементами».

— А стоит ли? — спросил он, и в его голосе я услышал глубокое недоверие к преуспевающему инженеру. И когда я объяснил, что речь идет об оружии, Джо все еще пытался успокоить меня, говоря, что они сами предупредят рабочих, в любом порту, куда бы ни пошла «Уиллела».

Но мне все-таки удалось уломать Джо. Он попросил меня подождать на нижней палубе и вскоре привел туда молодого худощавого кочегара, смуглого от угольной пыли, въевшейся в поры.

— Вилкинс, — представился «подрывной элемент». Я спросил его, не коммунист ли он, и был разочарован, получив отрицательный ответ. Совершенно неожиданно для самого себя я понял, что в душе у меня произошел переворот. В наших кругах принято было говорить о коммунистах с некоторой опаской, но сейчас, когда я сам свернул с дозволенного пути, мне казалось, что только коммунист мог указать мне надежную дорогу.

— И зачем только вы, инженеры, выдумываете такие пакости. А еще ученые люди! — с упреком сказал Джо, когда я закончил рассказ о намерениях Чилла.

Я покраснел, как будто в самом деле был виноват. И мне было приятно, что кочегар Вилкинс нашел нужным прийти ко мне на помощь.

— Ерунду городишь, Джо, — сказал он. — Вещи сами по себе не бывают злыми и добрыми. Ружье — штука хорошая, она выдумана для охоты. И пароходы очень полезны — тебе не надо это объяснять. А когда нашему брату дают в руки ружье и сажают на пароход, чтобы мы убивали корейских крестьян, — это очень скверно. Но изобретатели здесь не при чем.

— Так вы считаете, что это дело неотложное? — продолжал он, обращаясь ко мне.

Я подтвердил. «Уиллела» должна была завтра к вечеру прийти в Пальматаун. Послезавтра летчики Чилла возьмут аппараты на борт, и в тот же день они будут сброшены на деревни восставших партизан. Не думаю, чтобы Вилкинс мог переубедить наемников доллара.

Между тем к нам присоединились еще трое: долгоязыый швед, малиновый от загара, худощавый итальянец и негр. Каждый из них крепко пожал мне руку, кроме негра, разумеется. Негр не рисковал протянуть руку белому мистеру.

Когда я закончил рассказ, второй раз передавая им все с самого начала, сразу вспыхнул спор. Никто не сомневался — аппараты надо уничтожить, но как?

Итальянец предлагал проделать все в полной тайне. «Нас пятеро решительных, — твердил он. — У нас есть ножи. Зачем нам лишние разговоры, захватить каюту шефа, нож к горлу и пусть дает приказ капитану: «Все оружие за борт!» Вилкинс с возмущением возражал:

— Мы матросы, а не ракетиры. Мы открыто стоим за дело мира. И это все должны знать.

— Я так и предлагаю. Мы схватим шефа за горло и объясним ему. А что ты хочешь? Рыться в трюме? Разве мы найдем эти бомбы?

— В самом деле, мистер, вы знаете, где лежат ваши бомбы?

К счастью, эта трудность быстро разрешилась. Конечно, матросы сами должны были знать, где что уложено. Когда я подробно описал, как выглядят аппараты, Джо радостно вскрикнул:

— Я знаю, где они. Они не в трюме, а в холодильнике, возле камбуза. Правда, мы отдали ключ капитану, но я, пожалуй, подберу другой. Кок не знает, конечно, что у нас — кухонной братии — есть второй ключ от кладовки.

При этом известии все заговорщики оживились.

— Значит, это рядом с кубриком. Очень удобно, мы вытащим бомбы прямо на нижнюю палубу.

— Но ведь там охрана.

— А кто в охране? Толстый Дик? Мы уговорим его.

— Но имейте в виду, ребята, там штук сорок и все они тяжелые. Здесь пятерых мало, мы провозимся всю ночь.

— Ну вот, я говорил, что надо поднимать народ.

...В матросском кубрике было душно и тесно. Матросы спали на койках в два этажа. Пахло мокрой обувью, потной одеждой, крепким табаком. В углу под тусклой лампочкой четверо играли в карты, рядом благообразный старик с очками на носу целился ниткой в игольное ушко. Остальные спали, разметавшись и сбивши в ноги легкие пикейные одеяльца. Они стонали во сне, скрежетали зубами и неожиданно всхрапывали, а пружинные койки скрипели под тяжестью сильных тел.

Джо и негр сразу стали к дверям, остальные принялись расталкивать спящих. Зевая, потягиваясь, выворачивая лопатки, матросы начали подыматься. Я смотрел на эту сцену, и почему-то мне казалось, что я уже видел это где-то. И вдруг вспомнил: да ведь это же ночлежка!

Не знаю почему, но это воспоминание помогло мне поправить паутину недоверия. Я почувствовал себя на привычном месте. Я снова был безработный инженер, который припелся на дно одолжить десять центов у товарищей по несчастью. И я сразу нашел тот дружеский тон, который не мог найти в разговоре с Джо и Вилкинсом.

— Вот какая вышла история, ребята...

Меня слушали со вниманием и отлично понимали, даже когда я говорил о технических подробностях. Изредка меня прерывали репликами, задавали вопросы.

— Значит, вроде атомной бомбы навыворот, — заметил старик с иголкой. Для чего же ты ее, парень, выдумал?

Я объяснил, и разъяснения мои не вызвали никакого сомнения.

— Все они такие, за доллар задушат и отравят. Чужими руками, конечно, чтобы своих не пачкать. Понадейся на Чилла — с него станется, откликнулись матросы.

Только под самый конец рассказа произошла заминка. Какой-то парень, сидевший с картами в руках, встал и, лениво потянувшись, направился к выходу.

Джо преградил ему дорогу.

— Куда?

— Тебе какое дело? Покурить, — огрызнулся парень.

Джо возвысил голос:

— У нас не вагон для некурящих. Сядь на место, Майк.

— Фискалить хочет, — крикнул кто-то.

Майк с бегаящими глазами сел у входа и демонстративно закурил. Когда я кончил свой рассказ, заговорили все сразу.

— Что выдумал: холодная война! Самого бы заморозить.

— Доллары, доллары! Подавились бы они долларами. А бомбы эти на дно... пусть акулы воюют.

Вилкинс сразу подхватил инициативу.

— Мы понимаем, что означают эти бомбы. Сегодня их испытывают в колониях, завтра они летят на нашу голову. Надо уничтожить их. Выбросить за борт. Мы знаем, где они хранятся. А семейные пусть посидят в кубрике.

— Почему семейным сидеть?! Разве семейные за войну?

— У меня искалечили сына в Корее. Парню 21 год и потерял две руки.

— У меня у самого пуля под ребром. Еще с той войны.

— Довольно грабить людей... К чорту бомбы!!!

Вилкинс оказался превосходным командиром. Расторопные матросы мгновенно заняли все входы в коридор за кухней, и когда я подоспел к месту действия, Джо, ругаясь шепотом, уже ворочал в скважине подобранный ключ. Охранник — толстый Дик, связанный, лежал на полу, а итальянец, сидя на нем верхом, что-то шептал ему на ухо.

— Да я не против, — стонал Дик, — но меня же выгонят. Ребята, прошу вас, пырните меня потихоньку. Пусть видят, что я оказал сопротивление.

Матросы смеялись.

— Тебя не проткнешь, Дик, одно сало.

— Ну, хоть кляп, ребята. Заткните мне рот кляпом. Ведь я же могу звать на помощь.

Нужно было поднять дверь, надавить плечом и неожиданно дернуть.

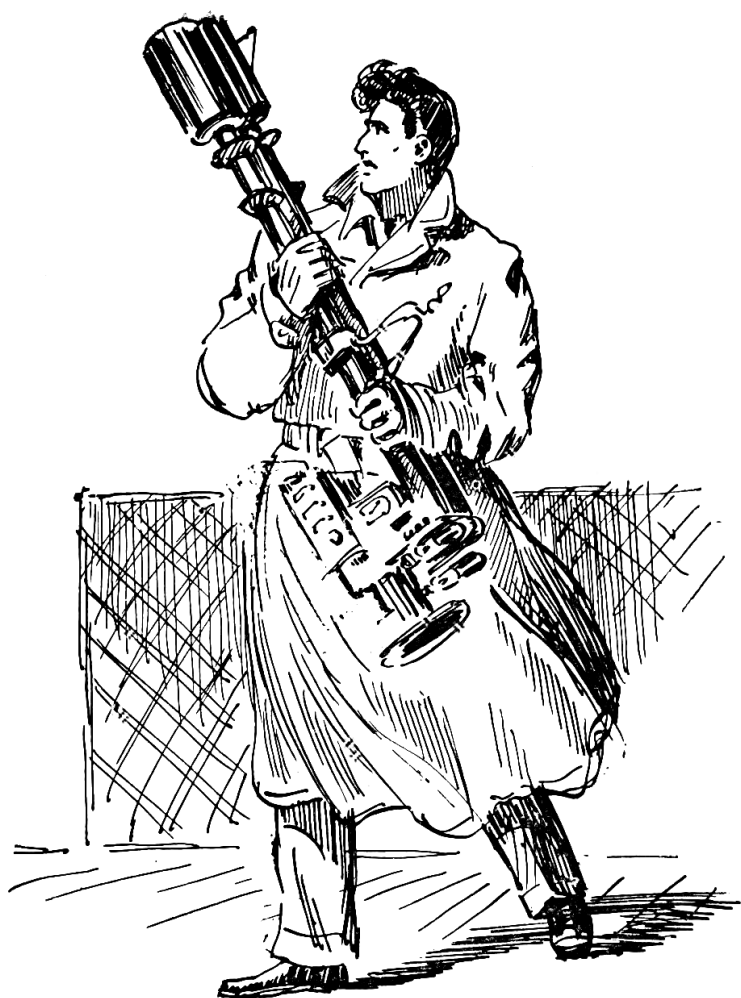
А между тем Джо, волнуясь, гремел ключами. Подобранный ключ требовал особого подхода. Нужно было приподнять дверь, надавить плечом и неожиданно дернуть. Джо торопился, и процедура не получалась у него.

— Джо, скорей! Мы теряем время.

— Может быть, ломом лучше?

Но в этот момент Джо особенно удачно приподнял, нажал и дернул, и дверь, обитая цинком, открылась. Да, это были они — мои взбунтовавшееся питомцы. Я узнал острые крылышки стабилизаторов, черные кольца ластмассовой изоляции, стекла и кнопки автоматических приборов. Я невольно залюбовался ими. Ведь это был мой труд — целых полтора года труда. Обидно было все-таки, выбрасывать за борт полтора года.

— Проворнее, ребята, проворнее! — И вот расторопные матросы, подхватив пятидесятикилограммовые бомбы, гуськом бегут по коридору.

*Эй, вы, револьверчики, — кричу я, прижимая
аппарат к груди.*

— Послушайте, мистер (Вилкинс упорно величает меня мистером). Как их? Прямо за борт?

— Нет, нет, подождите. — Я пытаюсь сообразить, где предохранитель. При заводском изготовлении без меня внесли кое-какие переделки. Принцип тот же, но я не знаю, какие рычажки для чего.

Надо бы крикнуть, чтобы меня подождали, но кричать нельзя. Задыхаясь, бегу по коридору. Навстречу, выпучив глаза, топчет седоусый старик.

— Где Вилкинс? Майк удрал через окно. Мы гнались за ним до каюты босса.

— Ах, вот как, Чилл уже предупрежден. Скорее, ребята!

— Что здесь происходит? Стой! Кто разрешил?

Я не сразу узнаю голос Чилла. Я никогда не слышал, чтобы он кричал так яростно и визгливо. Обычно за него надрывался Фредди.

— Кто? — отвечаю я, задирая голову. — Я разрешил. Это мои аппараты, мои собственные...

— Стреляйте в него, — кричит Чилл своим телохранителям. — Стреляйте в Джонсона!

Что-то щелкает у меня над ухом. Звук похож на свист пастушеского кнута. Я знаю — это пуля. Инстинктивно бросаюсь назад в коридор, где толпятся матросы с бомбами в руках.

— Неужели все потеряно? — мелькает у меня. И в следующую секунду, выхватив ближайший «электромороз», я выскакиваю на открытое пространство.

— Эй, вы, револьверщики, — кричу я, прижимая аппарат к груди. — У меня в руках атомная бомба (мне некогда объяснять, в чем сходство и разница). Стреляйте, попробуйте! Я уничтожу пароход и вас вместе с ним.

Минутное замешательство: телохранители топчутся на месте. И вдруг оба они и Чилл вместе с ними, сбитые с ног, катятся с верхней палубы к нам на нижнюю. Навверху появляется Джо с пожарным шлангом в руках. Это он сильной струей сбил Чилла и его молодцов. Очень смешно выглядит денежный король, когда он, мокрый с головы до ног, отпле-

Джо сильной струей сбил Чилла.

вываясь, катается по палубе. Но нам некогда смеяться. Скорее, ребята!

Должно быть, некоторые аппараты взрываются поблизости. Над нами проходит ледяная волна, палубу затягивает туманом. Это хорошо для нас — в тумане нельзя прицелиться. Я стою у входа, все еще потрясая аппаратом. Кто там еще? Почему замешкались?

— Это последняя, — отвечает негр, сверкнув зубами... У меня горит плечо. Я, кажется, ранен. Впрочем, пустяки. В тумане бреду по качающейся палубе, прижимая к себе стальное тело аппарата. — Стой! кричит кто-то. Натыкаюсь на перила и с трудом переваливаю через них последний «электромороз». Почти сразу же из тумана передо мной встает покатый склон ледяной горы. Пароход ложится набок, мутный поток соленой воды плещет мне в лицо.

Кто-то тянет меня за руку. — Идемте, мистер, идемте! Ребята спустили шлюпку. Идемте, я вас провожу!

Мне трудно соображать от волнения, слабости и боли. Это Вилкинс. Он парень надежный, думаю я, и покорно позволяю оторвать свои руки от перил.

Глава 17

МОРЕ бушевало всю ночь. Медлительные валы один за другим выплывали из темноты. Они вставали перед нами крутой стеной, и нависшие гребни заглядывали в шлюпку, как будто хотели пересчитать нас — свою будущую добычу.

Нас было шестеро — кочегар Вилкинс, Джо, швед, итальянец, негр и я. Матросы гребли, чередуясь, а я сидел на корме и, качаясь, как маятник, черпал воду и выливал за борт, черпал и выливал.

Моя рана болела все сильнее, может быть, потому, что ее разъедала соленая вода. Я промок насквозь. Мой костюм превратился в холодный компресс, я дрожал мелкий дрожью и громко стучал зубами. А в голове у меня не переставая, копошилась одна и та же мысль: «Что же делать дальше?»

Утром мы высадились на низменный коралловый остров. Небольшой тропический островок выглядел сегодня очень странно. Он весь утопал в сугробах. В свинцовых валах океана кувыркались льдины, и прибой, с размаха бросая их на коралловые рифы, ломал, дробил, крошил, превращал в ледяное месиво. В воздух взлетали фонтаны соленых брызг. Падая на пушистый снег, они покрывали сугробы темными оспинками.

Гибкие стволы пальм обледенели. Иней сверкал на гигантских перистых листьях, и белые кроны четко выделялись на темно-голубом небе. Почти вся лагуна превратилась в каток. В прозрачный зеленоватый лед вмерзли живые кораллы и ярко раскрашенные рыбы-попугаи с твердыми челюстями. Повсюду валялись замерзшие ласточки, и клешни кокосовых крабов торчали в снегу.

Очевидно, некоторые аппараты «электромороз» были выброшены на берег и здесь взорвались. Когда мы прибыли, температура была около 10 градусов мороза.

Матросы разложили костер, а я сидел около него и мучительно думал, что же делать дальше? Что может делать человек, который окончательно убедился, что путь его жиз-

ни, как будто бы правильный и полезный, оказался ошибочным, и, питая лучшие намерения, он всю жизнь работал на преступников?

И это кочегар Вилкинс первый сказал мне, что я обязан описать всю свою историю. Люди должны знать правду!

И я написал эту книгу, чтобы люди знали правду о Чилле и ему подобных, чтобы люди знали правду и сделали выводы.

* * *

Такими словами заканчивается рукопись Аллена Джонсона.

...У себя на столе он нашел анонимное письмо.

Глава 18

АДМИНИСТРАЦИЯ заводов Чилла категорически запретила устраивать собрание прогрессивной организации на территории завода. Лучший зал города Спорт-Палас оказался занят именно в это воскресенье. Заняты были и все другие помещения. Рабочие обратились к владельцу прогорающего и пустующего театра. Неудачливый делец на радостях запросил тройную цену, но поздно ночью, накануне митинга, он позвонил по телефону и сообщил, что помещение занято. Дело в том, что у себя на столе он нашел анонимное письмо, в котором ему грозили сжечь театр, если там состоится митинг.

Решено было устроить митинг под открытым небом в загородном парке. «Демократически» настроенные власти города не препятствовали прогрессивной организации. Только неожиданно в ночь под воскресенье была закрыта на ремонт трамвайная линия, ведущая к парку, да заперты были ворота и на них повешен неизвестно где отпечатанный плакат, извещавший об отмене митинга.

Вторые ворота — боковые — охранялись усиленным нарядом полиции «во избежание беспорядка». Кроме того, здесь дежурили штатские молодцы с фотоаппаратами. Они снимали каждого, кто хотел проникнуть в парк.

Все это напугало десяток-другой неустойчивых. Когда на дороге из города показались колонны рабочих, где шли не десятки, а тысячи, полисмены молча отошли от ворот, а сыщики благоразумно спрятали фотоаппараты в карман, и один из них сказал другому:

— Пойдем-ка отсюда. Пожалуй, разумнее фотографировать оставшихся дома. Этак мы быстрее управимся.

Погода выпала неудачная. С утра моросил дождь, пропитывая водой опавшую листву, и мокрые деревья понуро горбились под серо-коричневым небом. Ветер кружил золотые и багровые листья. Падая, они прилипали к зонтикам и плащам. В парке было сыро и холодно, но толпы народа

терпеливо стояли на мокром лугу, ожидая, когда начнется митинг.

Наконец, на крышу автомобиля, заменявшего трибуну, взобрался высокий плечистый человек с непокрытой головой. Это и был Аллэн Джонсон.

Едва только он появился, со всех сторон раздались крики:

— Долой Джонсона!

— Заткните ему рот. Он продался красным!

— У нас на юге таких линчуют!

— Вымазать дегтем и вывалить в перьях! Кто их знает — откуда они взялись, эти молодцы в рабочих комбинезонах и с холеными руками карточных игроков. Во всех концах луга они вертели трещотки, кричали, свистели, мяукали...

Неподалеку от автомобиля двое дюжих парней посадили третьего к себе на плечи. Очутившись наверху, он выхватил рупор.

Сыщики спрятали фотоаппараты, и один из них сказал:
— Пойдем-ка отсюда. Пожалуй, разумнее фотографировать оставшихся дома.

— Слушайте все! Меня зовут Гарри Джонсон.

— Слушайте все! Меня зовут Гарри Джонсон. К стыду своему, я должен признаться, что этот Джонсон на трибуне — мой двоюродный брат. Я должен предупредить вас — не верьте ему. Он никогда не работал у Чилла и вообще, он не инженер. Его выгнали из колледжа за кражу пальто. А потом он удрал в Россию и прожил там десять лет. Посмей сказать, что я лгу, Аллэн! Посмей сказать, что ты не знаешь меня.

Наступила тишина, и тогда человек на трибуне негромко сказал:

— Отчего же, я узнал тебя, Гарри. Я вижу, ты все еще работаешь у О'Хара. Имя О'Хара было слишком хорошо известно рабочим Чилла.

— Ах, вот как, — заговорили в толпе, — это молодцы О'Хара Это те, что стреляли в нас во время забастовки. Гоните их в шею. Пусть бегут опрометью!

— Полицию! — пискнул Гарри, проваливаясь в толпу. Во всех концах луга вспыхнули короткие схватки. Помятые хулиганы бежали под защиту полисменов.

И тогда Аллэн начал свою речь. Точнее, это была не речь, а просто рассказ много думавшего человека, накопившего немало горечи и ненависти и нерастраченной любви к брошенному делу. Он рассказывал обо всем, что было написано в его книге, вплоть до событий на «Уиллеле» и о том, как, покинув пароход на шлюпке, матросы гребли всю ночь, у том, как они высалились на замороженный коралловый остров. Джонсон рассказывал также, с каким трудом он вернулся в Штаты, как он сумел найти людей, указавших ему путь борьбы, как начал бороться за то, чтобы морозные бомбы никогда не взорвались в населенных городах.

— Я описывал свою жизнь, — говорил Аллэн, — и снова продумывал всю ее от начала до конца. Но мне бы хотелось, чтобы со мной подумали все джонсоны и смиты, все простые люди. Почему способный студент, который учился строить удобные и уютные жилища, прямо со студенческой скамьи отправился разрушать чужие дома? Вы скажете —

Джонсон пошел воевать с фашистами. Это верно. Нужно было уничтожить этих преступников, душителей свободы, проповедников звериного расизма, затеявших кровавую бойню для завоевания мирового господства. Но почему, вернувшись в Америку после победы, Джонсон встретил у себя дома проповедников расизма и душителей свободы? Почему Джонсон опять слышит призывы к новой кровавой войне и разговоры о завоевании мирового господства? Почему фашисты оказались в Америке? — вот что я хочу спросить.

Меня интересует также: почему, когда Джонсон кончил убивать, оказалось, что ему нечего делать? И Джонсон никому не был нужен, пока Чилл не начал разыскивать людей. Для чего? Только для того, чтобы придумывать новые способы убийства. Значит, Джонсону можно жить только, если он убивает. Значит, Джонсон растит своего сына для того, чтобы на голову мальчика сыпались бомбы, придуманные его отцом А когда Джонсон кричит: «Не хочу убивать!», подосланные молодцы требуют линчевать Джонсона! Дело ваше, но, я думаю, не все в порядке в нашей хваленной стране.

— Я не оратор, — продолжал Аллэн, — и не писатель, я инженер Мое оружие не перо, а жесткий чертежный карандаш. Но я взялся за перо, чтобы разоблачить замыслы Чилла и ему подобных Мы на «Уиллеле» выбросили за борт первую партию морозных бомб. Но у Чилла остались заводы, и на этих заводах он может изготовить новые партии. Мы убедились, что первые бомбы не оправдали себя как оружие. Они вызывают снегопад, замораживают воду, губят тропические растения, но для людей совершенно безопасны. Легкий мороз может испугать еще жителей юга, но не закаленных северян. Я очень доволен, потому что я изобретал не бомбу, а строительную машину. И я не стану ее переделывать. Но у Чилла остались еще доллары, он может купить других изобретателей, других инженеров, других матросов, другой корабль. Нужно, чтобы все вы — рабочие Чилла, все инженеры, все матросы, все грузчики — твердо сказали

«Нет!» Мы не позволим вам бросать бомбы, мы не позволим вам втягивать нас в войну, мы за мир!

«Я инженер. Мое дело строить, снабжать людей жильем, теплом и светом, хорошими школами, удобными дорогами. Но как инженер я знаю: прежде чем начинать работу, надо навести порядок на чертежном столе. Серьезная работа требует покоя. Нельзя заниматься расчетами, когда вокруг тебя бегают бандиты с горящими факелами войны. Прежде всего, нужно устроить порядок, прежде всего, нужно связать руки разным чиллам.

«Придет время, все мы сядем за стол, чтобы осуществить полезные идеи Я знаю, такое время придет, потому что нас — любящих мирный труд больше, чем наемных убийц и их нанимателей. Я знаю это потому, что со всех концов страны ко мне приходят письма, и писем дружеских больше чем враждебных. Я знаю, что грузчики в портах уже пикетируют пароходы Чилла что во всех городах на стенах вы можете прочесть «Не хотим морозных бомб!», я знаю, что в 12 штатах идет сбор подписей за запрещение бомбы Чилла, я вижу, что вы — рабочие Чилла — пришли сегодня послушать меня противника вашего хозяина и сумели утихомирить наемных крикунов, заткнули их купленные глотки. «Может быть, Чилл уже изготовил вторую партию морозных бомб — вы знаете это лучше, чем я. Но так или иначе, Чилл не решается сбрасывать эти бомбы. Я даже прочел вчера, что один сенатор в конгрессе запрашивал, почему президент разрешил применять морозную бомбу, не советуясь с конгрессом. Все мы знаем этого сенатора — он хитрец и демагог. Но если демагоги выступают против бомбы Чилла, это значит, что избиратели заставили их выступать так, это значит, что избиратели потребовали так громко, что их голос слышали даже в сенате. Так нельзя же молчать, дорогие друзья, — нужно требовать, нужно настаивать, нужно заставлять. Мир не приходит сам собой. Так же, как счастье, любовь и славу, мир нужно добывать, завоевывать и отстаивать. «Я твердо знаю: наступит такой день, когда мы скажем: мир победил окончательно. От вас зависит, чтобы этот

— Нет, мы не позволим вам бросать бомбы, мы не позволим втягивать нас в войну, мы за мир!

день наступил скорее. И тогда я снова вернусь к своей книге, чтобы написать продолжение. Я напишу его не чернилами, а чертежным карандашом на твердой ватманской бумаге в трех проекциях с указанием размеров. Я приложу вместо иллюстраций формулы и расчеты, подробные, продуманные сметы. А если вы захотите ознакомиться с моим замыслом, с моей ледяной плотиной, вам придется идти не в библиотеку, а на просторный берег могучей реки».

Аллэн замолк и задумчиво поглядел вверх деревьев, как будто там, в мутном небе, уже нарисованы были контуры ледяных сооружений. Рабочие молча ожидали, и многие из них, вероятно, думали о своих собственных неосуществленных замыслах. Но уже через минуту в центре поля возникла песня. Рабочие подхватили знакомый мотив, многие подняли кулаки над головой. Постепенно песня разлилась по толпе, проникла в самые отдаленные уголки и над старым парком загремели слова, полные решимости и твердой уверенности в конечной победе.

Мир победит войну!

Глава 19

ГОВОРЯ о будущем продолжении своей книги, Джонсон не знал, что оно написано еще весной, за несколько месяцев до митинга в загородном парке. Написано, конечно, не товарищами Джонсона, не его бывшими сотрудниками, даже не его врагами. Продолжение повести о ледяном строительстве было написано на другом языке, в другой стране и даже в другой полушарии тем же самым журналистом Гориным, чей очерк в научно-популярном журнале сыграл такую роль в жизни Аллена Джонсона.

ЧЕЛОВЕК ПОБЕЖДАЕТ

Очерк Г. Горина

1

Весна наступала. Разбитая солнцем, зима отходила на север, в Арктику, «на заранее приготовленные позиции». Земля, освобожденная от снега, жадно вдыхала парной воздух.

Ледоход был похож на отступление. Разбитые, грязные льдины, толкаясь, торопливо бежали по фарватеру. Некоторые шли строем, словно пытались сохранить какое то подобие дисциплины. Но там, где русло становилось уже, организованное отступление превращалось в паническое бегство. Стремясь протиснуться вперед, льдины лезли друг на друга, ломались, кружились в водовороте. Большое поле, уносившее на своей спине остатки разрушенного сарая, попало в самую толчею и под тяжестью напирających сзади льдин раскололось надвое. Свинцовая вода плеснула на берег, где стояли люди, и какая-то льдина, подхваченная волной, с разбега вылезла на откос — будто бы неведомый речной зверь высунул из воды грязную замусоленную морду, чтобы посмотреть на людей.

Почти весь рабочий поселок собрался на берегу: бетонщики, монтажники, машинисты экскаваторов, плотники,

арматурщики, каменщики, чертежники из конторы, инженеры и даже сам начальник строительства. Но в центре внимания был не ледоход. Строители пришли посмотреть на работу своих товарищей — восьми человек, вооруженных новыми, не привычными еще инструментами.

Профессор Чернов, изобретатель этих инструментов (их называют морозометами), волнуясь, пожал руку каждому из восьми.

— Не забудьте, товарищи, — сказал он, — от вашего имени я обещал закончить плотину в срок. Вы должны показать, что лед — наш материал прочнее и практичнее песка и глины. Смотрите, не подведите.

Инженер, стоящий справа, кивнул головой и, закусив губу, молча провел рукой по кнопкам управления «Приготовиться!», — сказал он негромко, и все восемь повернулись лицом к реке. Восемь человек против обширного пространства — целого моря мутной коричневой воды!

Инженер осторожно поставил сапог на мокрую глину у самого обреза воды, так что струйки потекли под подошву и, с усилием повернув тяжелый морозомет, ударил насадкой по воде. И сразу стал виден белый след, словно шрам на загорелой коже, — слипшиеся кристаллики искусственного льда.

Семеро морозометчиков один за другим нацелились на воду. За насадками потянулись белые следы. С берега казалось, что коричневую гладь реки закрашивают мелом. Хрустящий свежий ледок прихватил прибрежные камешки.

Всего одна минута понадобилась морозометчикам, чтобы заморозить перед собой площадку шириной около двух метров. Затем инженер поднял руку (это означало — выключай) и первый шагнул вперед на ярко-белый ноздреватый лед.

2

Гидростанция на Большой реке была одной из великихстроек, предназначенных для переделки всей природы советской страны. Вместе с гигантскими станциями на Волге,

Днепре и Аму-Дарье, эта станция должна была дать воду полям и ток машинам. В самых отдаленных областях люди ждали воды и энергии.

В сухих и бесплодных степях трудились землемеры, отмеряя землю для будущих колхозов. Тяжелые грузовики подвозили сборные дома. Переселенцы уже собирали свои вещи. Им предстоял далекий путь на новые земли — земли, которые должна была оживить вода из Большой реки.

По песчаным буграм за сотни километров тянулись вспаханные борозды. В лесных питомниках сколачивались ящики для отправки черенков. Эти черенки должны превратиться в тенистые рощи, когда на песчаные бугры придет вода из Большой реки.

«Скоро ли Большая река даст воду?», — спрашивали лесомелиораторы, готовясь к наступлению на сыпучие пески «Скоро ли Большая река даст ток?», — спрашивали рабочие — строители нового электроцинкового завода. И даже домохозяйки, в чьих квартирах монтировались электрические кухни, сверкающие чистотой, спрашивали с нетерпением: «Скоро ли Большая река даст ток?»

Вся страна следила за стройкой на Большой реке, и вся страна принимала в ней участие. Со всех концов шли в адрес стройки эшелоны со срочными грузами. Заказы стройки выполнялись вне очереди, сверх плана. Студенты-отличники в техникумах и институтах соревновались за право поехать на Большую реку. Проблемы Большой реки обсуждали ученые всех специальностей.

Профессор Чернов был только одним из сотен и тысяч, которые внесли свои предложения в комитет помощи стройке.

Профессор предложил заменить земляную плотину ледяной. Он считал, что это ускорит строительство на полтора года.

— Мы возведем основание плотины зимой, — сказал он, — за счет естественных морозов, а верхнюю часть при помощи искусственного холода во время половодья. Река сама

доставит нам строительный материал, то есть воду, и сама подымет его на рабочие места. Запертая плотиной вода будет подыматься, а по мере подъема воды мы будем наращивать плотину. Мы сэкономим миллионы рабочих часов и рублей, отказавшись от добычи и перевозки миллионов тонн камня, глины и песка.

— Но поймите, — сказали ему, — нас интересует не только экономия. Мы строим на века и прочность для нас важнее дешевизны.

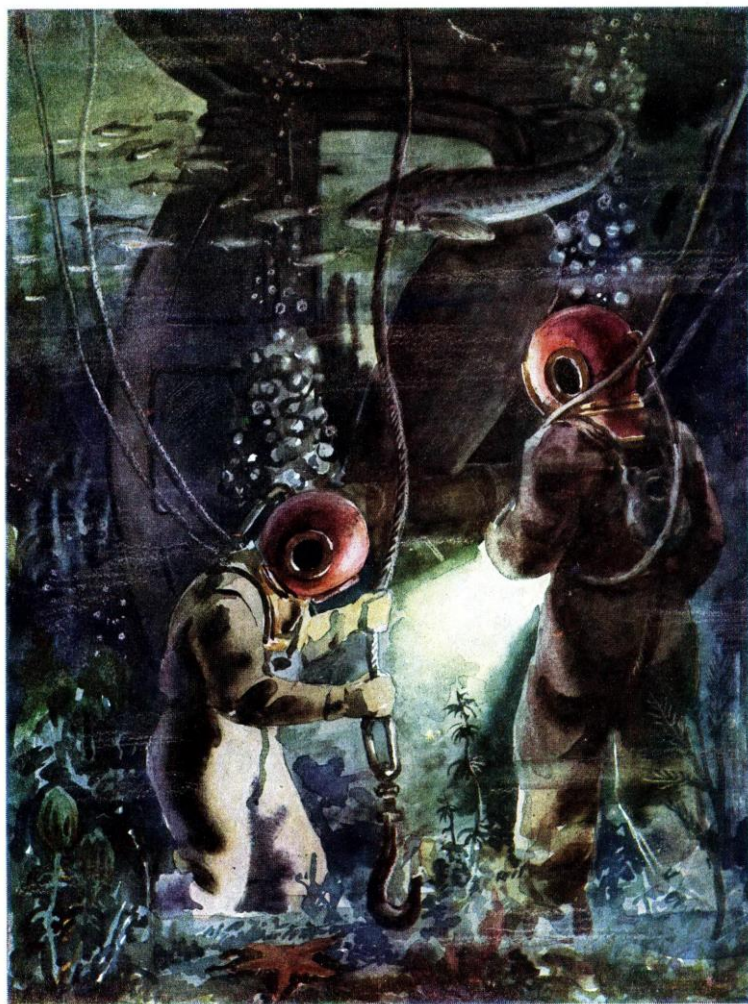
Однако профессор предусмотрел возражения. Он представил расчеты, проекты, протоколы опытов, образцы...

И вот дни сомнений, споров, поисков и проверок остались позади. На просторных берегах Большой реки возникла копия чертежа. На левом берегу уже высилось здание гидростанции, башенный кран установил на место гигантские турбины, бетонщики укладывали последние кубометры водослива — 30-метровой бетонной стены, предназначенной для спуска лишней воды. Осталось немного — закрыть реку между водосливом и правым берегом, чтобы вода от верховьев к морю могла проходить только через турбины.

Эту работу и выполняли сейчас морозометчики.

3

С берега это выглядело очень красиво. Восемь человек шли поперек реки, сами себе прокладывая дорогу. Они двигались ровной шеренгой чуть наискось, углом вперед. Впереди был инженер. Ему приходилось прокладывать первый бортик, задерживающий воду. Он начинал замораживание со дна, вел насадку снизу вверх. Уже через несколько секунд на поверхности появлялась узенькая кромка льда. С берега казалось, что инженер мелком намечает контуры плотины на коричневой глади реки. Остальные расширяли плотину. Они мерно двигали насадками справа налево, как будто косили воду, и так же, как косцы, одновременно переступали с ноги на ногу, продвигаясь на шаг вперед.

Водолазы за работой

Худ. Н. ПЕТРОВ

Так это выглядело с берега. Но инженер и все морозометчики совсем не думали о красоте. Их работа требовала напряженного внимания и большого навыка. Они должны были действовать слаженно, как единый механизм, но все время менять ритм, приспособляясь к рельефу дна и течению.

Нужно было не опоздать с первым движением. Точным взмахом второй номер приклеивал к телу плотины узкий бортик, намеченный инженером. Секунда промедления — и напор воды отламывал тонкую ледяную стенку. Затем надо было нащупать дно. Ошибешься, начнешь выше — и под плотиной окажется незамороженный тоннель, где вода будет течь, как в трубе. Придется просить водолазов, специально спускаться под воду, чтобы разыскать течь. Еще хуже — начать слишком низко. Неопытный морозометчик может приморозить свой прибор ко дну или к телу плотины. Тогда придется остановить работу, отсасывать холодильный состав, обогревать металлические части током, чтобы выдернуть их из ледяного массива. И, наконец, последнее — вынимая насадку из воды, нужно своевременно выключить морозомет. Попавши в воздух, холодильный состав затянёт все вокруг туманом. В лучшем случае придется ждать, когда туман рассеется, в худшем — бежать в амбулаторию с обмороженными щеками.

Обо всем этом нужно было думать, управляя морозометом.

И рабочих не очень интересовало, как они выглядят со стороны.

4

Первая смена продвинула плотину на 110 метров, вторая — на 90, третья только на 55. Чем дальше от берега, тем труднее было удлинить плотину. Русло становилось все глубже. Все больше воды нужно было заморозить, чтобы продвинуться на метр. Река, стиснутая между бетонным массивом и ледяной плотиной, бурлила в узком проходе. С каждым часом течение становилось все быстрее. Все труд-

нее было прикреплять узкие ледяные стенки — напор воды выламывал их. Отдельные льдины с разгону налетали на плотину — на левом краю опасно было работать. И поднимавшаяся вода все время прорывалась у берега, грозя отрезать морозометчиков. Вторая и третья бригады ни на минуту не прекращали работы, наращивая плотину по мере того, как вода подымалась.

Но самый трудный участок достался бригаде Толи Зайцева. Если вы читали очерк о ледяном доме на острове Вулканический, вы помните Толю Зайцева. Этого юношу профессор Чернов называл первым токарем по льду. За эти годы он стал опытным морозометчиком, бригадиром и инструктором. Обученная им бригада работала возле бетонного массива. Она должна была двигаться с левого берега навстречу первой бригаде, но за все время ей удалось отвоевать у реки едва ли три десятка метров.

Огибая бетонную стену, река с ревом устремлялась на хрупкое Толино сооружение. Выше плотины уровень поднимался, и в фарватере образовалось что-то вроде порога. Огромные льдины кувыркались в пенистых струях со звоном и скрежетом. Под их страшными ударами гудело и содрогалось неширокое поле плотины, на котором работала Толина бригада.

Толя был первым токарем по льду и одним из первых морозометчиков. Ему нравился острый запах озона в охлажденном воздухе, свежий хруст только что родившегося льда, нравилось необычное и трудное дело создания полезных сооружений из бесформенной, неуловимой, текучей воды. Толя работал с упоением и яростью. На бурные струи он смотрел, как на личного врага. Их надо было скрутить, связать, поймать, заставить работать, отрезать от соленого моря. И, ловко приклеив к плотине убегающую льдину, Толя вслух кричал ей: «Ага! Не уйдешь!»

На своем участке Толя поставил плакат с надписью: «Не упускайте вешнюю воду! Каждый кубометр воды может дать два килограмма зерна». Алые буквы ярко выделялись на белом льду. Толин расчет понравился. Встречая набега-

ющую воду, девушки-морозометчицы весело кричали: «Собирайте зерно» А вскоре на противоположном берегу в первой бригаде появилась целая таблица, пересчитывающая воду на сахарную свеклу, хлопок, виноград и электрические лампочки.

И все-таки драгоценная вода продолжала уходить. Между бригадами, идущими навстречу, оставалось каких-нибудь полтора метра, но, несмотря на все усилия, морозометчицы не могли сомкнуть плотину.

На четвертые сутки в Толину бригаду приехал профессор Чернов. Он долго стоял у самой кромки льда, с удовлетворением прислушиваясь к реву разъяренной реки, и сырой ветер трепал его бороду.

— Приятно посмотреть, — сказал он Толе — Вот она — живая плотина легла на реку дугой, как будто два берега взялись за руки. Давно ли все это было в замыслах, чертежах и расчетах, и вот — пожалуйста... приходите смотреть,

На четвертые сутки в толину бригаду приехал профессор Чернов.

неверующие. Кто говорил, что нельзя строить ледяные плотины?

— В американской печати, — добавил он немного погодя, — в последнее время писали про некоего инженера Джонсона. Представь себе, этот Джонсон прочел про наши старые работы и тоже задумал строить ледяную плотину. Но только из этого ничего не вышло. В Америке не спешат... с мирным строительством. Проект Джонсона так и остался проектом. А наша плотина почти готова. Мы уже держим реку за горло. Завтра мы закроем проран.

Морозометчики с некоторым беспокойством измерили взглядом пенистый пролив, и одна девушка сказала со вздохом:

— Трудно приходится, Андриан Михайлович.

— Нужно налечь, товарищи, — ответил профессор убежденно, — еще чуть-чуть. Отберите у реки хотя бы 20 метров. На гидростанции уже открыты донные отверстия, вода пошла низом, сейчас вам будет легче. Продержитесь еще одну смену, завтра я сам выйду к вам навстречу. Толя Зайцев расскажет вам, как мы, спасая иностранный пароход, заткнули в нем течь стаканчиками. На завтра я тоже приготовил «стаканчики» своего рода. Думаю, что мы заткнем течь. Но нужно сойтись ближе. Еще одну смену, ребятки! Не подкачаете?

Толя пытливо оглядел румяные лица своих учеников и соратников и уверенно ответил за всех:

— Бригада берет обязательство нарастить за смену не меньше 25 метров.

5

Наступила ночь («еще одна смена»). Тьма окутала неугомонную реку, но бой продолжался. На самых торцах ледяной плотины зажглись прожектора. Два островка света упорно двигались навстречу поперек реки.

Толина бригада приступила к работе в 10 часов вечера. К полуночи ценой величайших усилий морозометчики от-

воевали у реки 7 метров. В 0 часов 15 минут сверху приплыло обширное ледяное поле. Толя прикрепил его к телу плотины, радуясь, что плотина сразу заметно удлинилась. Трое морозометчиков перешли на поле. Но здесь набегали волны, льдина треснула и поплыла вниз по течению. Морозометчикам пришлось прыгнуть в ледяную воду. К счастью, они были привязаны канатами, их удалось вытащить без труда. Толя отправил в общежитие невольных купальщиков, велел прислать кого-нибудь из дневной смены. Но все трое вернулись через 20 минут. Впрочем, сменщики тоже пришли на помощь.

В 1 час 10 минут позвонили с водомерного поста: «Уровень воды быстро подымается». Толя и сам заметил это — вода набегала на плотину, грозила прорваться в тылу у самого водослива. Морозометы все были заняты. Толя приказал добровольцам-помощникам сыпать холодильный состав прямо из баллонов в воду. Должно быть, помощники перестарались — к 2 часам они опустошили почти все баллоны. Толя, волнуясь, позвонил на центральный склад, дежурный обещал наладить доставку. Транспорт с баллонами прибыл в 2.35. В 2 45 возникла новая опасность. Река начала размывать дно прорана, морозометы не доставали до дна, оставляли снизу тоннель. Толя вынужден был остановить работу, чтобы поставить удлиненные насадки. Потом понадобилось перенести прожекторы. Один из них примерз ко льду, пришлось обогреть штангу.

Наконец, серая рассветная мгла сменила ночную тьму. И тогда Толя увидел, что первая бригада ушла. Морозометчиков не было, вместо них у кромки льда возились какие-то другие люди, устанавливая на салазках громоздкий черный цилиндр.

Один из людей взял рупор, и, перекрикивая грохот воды, над рекой раскатился знакомый бас профессора Чернова:

— Внимание! Бригадир Зайцев, отведите свою бригаду на водослив в укрытие. Когда отойдете на триста метров, махните флагом. Проверьте своих людей, вы отвечаете за каждого.

Толя хозяйским взором оглядывал свое бесконечное богатство.

Уже догадываясь, в чем дело, Толя поспешно собрал свою бригаду. Он спрятал людей в бетонном колодце, где обычно хранились баллоны с холодильным составом, а сам с флагом выбрался на самый верх, чтобы дать сигнал профессору Чернову.

Отсюда Толя видел, как, закончив работу, профессор и его помощники поспешно побежали к берегу. Один из помощников поскользнулся, упал, оглянулся с беспокойством, вскочил и бросился догонять профессора...

И здесь, заглушая грохот реки, раздался взрыв. Шарообразное облако возникло над плотиной. Ледяная волна ударила Толе в лицо, обожгла кожу. В воздухе закрутились искристые блески, как на елочных украшениях. Вокруг солнца вспыхнули радужные круги. Затем все потонуло в тумане.

И сразу непривычная тишина поразила Толю. Он подумал, что взрыв оглушил его. Что произошло, — преднамеренный взрыв или катастрофа, — Толя не знал. Обламывая

сосульки, налипшие на бровях, он с напряжением вглядывался в туман. А когда туман рассеялся, Толя понял, почему стало тихо. Замолкла река. Бурлящего пролива не было. Вместо него возвышалась покатая гора волнистого льда. Грохочущий поток затвердел. В толще его, прозрачной, как стекло, можно было видеть мутные очертания льдин, остановленных в стремительном движении, параллельные полосы струй и даже кружево замороженной пены. Новый мощный замораживающий аппарат профессора Чернова слил в единое целое обе части ледяной плотины.

С горделивым чувством хозяина Толя смотрел на взнузданную реку. Новые льдины, приплывшие с верховьев, покачивались у кромки плотины, волны набегали на низкие берега. Но Толя понимал, что это не льдины и не волны. В обширном водохранилище плескались кипы белоснежного хлопка, гектары золотистых колосьев, пышные гроздья винограда, ящики с ароматными абрикосами, смолистые стволы стройных сосен. В плеске волн Толя слышал неумолчный рокот моторов, пение ткацких станков, потрескивание электродов, шум электрических тракторов, щелканье штепселей в новых колхозных домах.

И Толя хозяйским взором оглядывал свое бесконечное богатство. Он был очень горд своей специальностью, своим нужным делом, своей великой Родиной, отечеством мирного творческого труда.

М. АГРЕСТ, П. ГАЛКИН, М. ЧЕРНИН
ЭПСИЛОН ЭРИДАНА – ЗЕМЛЯ

Фантастический очерк

5

М. РОГОВОЙ

ОДИН – ЕДИНСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Фантастический рассказ

11

Э. ПОТАСКУЕВ

КРАСНАЯ БАРРАКУДА

Фантастический рассказ

27

А. КОЛПАКОВ

ЦЕНА МИЛЛИСЕКУНДЫ

Научно-фантастическая повесть

39

Я. ШНЕЙДЕР

ЧУДЕСНЫЙ ГОРОД

Фантастический очерк

69

В. АГРАНОВСКИЙ, Б. ЛЯПУНОВ

В ПОИСКАХ НОВОГО ГЕРОЯ

(Фантастика наших дней)

77

В. ВЛАДКО	
ТАЙНА ЕГО СПУТНИКОВ	
Фантастический рассказ	
91	
ГЕОРГИЙ ОСТРОУМОВ	
ЛУННЫЙ РЕЙС	
Научно-фантастический рассказ	
111	
БОРИС ЛЯПУНОВ	
МЫ – НА МАРСЕ	
Научно-фантастический очерк	
157	
Б. ЦЫВЬЯН	
ПРЕМЬЕРА	
Научно-фантастический рассказ	
169	
ИГОРЬ СЕРГЕЕВ	
НА ГРАНИ	
Фантастический рассказ	
181	
БЕЛЛА ДИЖУР	
В ПЛЕНУ У ПРЕДКОВ	
Фантастический рассказ	
195	
М.ДУНТАУ, Г.ЦУРКИН	
ЦЕРЕБРОВИЗОР ИНЖЕНЕРА КОВДИНА	
Научно-фантастический рассказ	
209	
М. ДУНТАУ	
ЖЕРТВЫ БИОЭЛЕКТРОНИКИ	
Фантастическая юмореска	
225	
Г. ЦУРКИН	
МИЛЫЙ ПТЕНЧИК	
Научно-фантастический рассказ	
233	

Г. ЦУРКИН
ШАХМАТНАЯ ДОСКА
Научно-фантастический рассказ
247

М. НЕМЧЕНКО
«НМ»
Фантастический рассказ
261

Г. ГУРЕВИЧ
ПРОХОЖДЕНИЕ НЕМЕЗИДЫ
Научно-фантастическая повесть
278

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ
ИНФРА ДРАКОНА
Научно-фантастический рассказ
343

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ
ИНЕЙ НА ПАЛЬМАХ
Научно-фантастическая повесть
365

